ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2·1977

МАРТ·АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (*главный редактор*),
К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
И. Е. ЗЕЛЕНИН (*зам. главного редактора*),
В. И. КАСЬЯНЕНКО, Г. Д. КОМКОВ,
Б. И. КРАСНОБАЕВ (*зам. главного редактора*),
В. И. КУЛИКОВ, В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ,
И. И. МИНЦ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
М. В. НЕЧКИНА, А. П. ОКЛАДНИКОВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, А. М. САХАРОВ,
Г. А. ЦЫПКИН, Л. В. ЧЕРЕПНИН

Адрес редакции:
103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 294-29-31
Ответственный секретарь *Г. С. Осипян*, тел. 223-56-93

EDITORIAL BOARD:

I. D. KOVALCHENKO (*Editor-in-Chief*),
K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
I. E. ZELENIN (*Assistant Editor-in-Chief*)
V. I. KASYANENKO, G. D. KOMKOV,
B. I. KRASNOBAEV (*Assistant Editor-in-Chief*)
V. I. KULIKOV, V. Ya. LAVERYCHEV,
I. I. MINTS, A. L. NAROCHNITSKY,
M. V. NECHKINA, A. P. OKLADNIKOV,
A. A. PREOBRAZHENSKY, A. M. SAKHAROV,
G. A. TSYPKIN, L. V. CHEREPNIN

Address:
19, Kuznetsky Most, Moscow, U. S. S. R. Tel. 294-29-31
Managing Editor G. S. Osipian, tel. 223-56-93

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

© Издательство «Наука»,
«История СССР», 1977 г.

К 60-летию Великого Октября

Е. Г. ГИМПЕЛЬСОН

РАБОЧИЙ КЛАСС В УПРАВЛЕНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НОЯБРЬ 1917—1920 г.)

Созданное в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции Советское государство стало главным орудием социалистических преобразований, организатором социалистической системы народного хозяйства. Уже в первые месяцы после Октября была заложена основа совершенно нового государственного аппарата, призванного осуществлять обобществление промышленности, управлять национализированными предприятиями и регулировать все народное хозяйство. Основными звеньями этого аппарата были ВСНХ, система совнархозов, экономические комиссариаты (путей сообщения, земледелия, продовольствия, финансов) и их местные органы. По мере расширения процесса национализации создавались новые органы управления — главки и центры (в системе совнархозов).

Стержнем всего советского аппарата управления народным хозяйством был рабочий класс — решающая сила, обеспечившая успешное осуществление всех задач социалистической революции, в том числе строительства новой экономики.

Советскими историками и экономистами создана значительная литература, освещающая процессы организации управления промышленностью через совнархозы [1]. Хуже обстоит дело с такой важной проблемой, как роль рабочего класса в управлении промышленностью, ставшей народным достоянием. Только отдельные аспекты ее рассмотрены в некоторых работах [2].

---

[1] А. В. Венедиктов. Организация государственной промышленности в СССР, т. 1. Л., 1957; Д. А. Баевский. Роль совнархозов и профсоюзов в организации социалистического промышленного производства. «Исторические записки», т. 64, М., 1959; В. З. Дробижев. Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966; Ю. К. Авдаков. Организационно-хозяйственная деятельность ВСНХ в первые годы Советской власти (1917—1921). М., 1971; «История социалистической экономики», т. 1 «Советская экономика в 1917—1920 гг.» М., 1976 и др.

[2] См. В. З. Дробижев. Роль рабочего класса в формировании командных кадров социалистической промышленности (1917—1936). «История СССР», 1961, № 4; И. Е. Круцко. Выдвижение рабочих в аппарат управления промышленностью (1917—1920 гг.). Сборник научных работ, вып. 1. Волгоград, 1964; К. И. Павлычева. Нижегородская партийная организация в борьбе за привлечение рабочих масс к управ-

В данной статье ставится задача рассмотреть ряд форм и методов привлечения рабочих к управлению промышленностью, осуществления рабочим классом ведущей роли в органах управления.

* * *

После завоевания рабочим классом политической власти коренным образом изменилось его положение в обществе. Из класса угнетенного он превратился в класс правящий, ответственный за судьбы страны, за претворение в жизнь задач революции, строительства социализма. Работая на предприятиях, являвшихся народной собственностью, рабочие уже были не просто производителями материальных ценностей, но и хозяевами производства. Это стало главной, определяющей социальной чертой советского рабочего класса, отличающей его от пролетариата буржуазного общества, лишенного средств производства, работающего на эксплуататоров-капиталистов.

В новых условиях, владея политической властью, рабочий класс должен был взяться и за управление народным хозяйством. Коммунистическая партия хорошо видела те огромные трудности, которые предстояло преодолеть. Управление требует умения, опыта, которых не было у рабочего класса. «...Уменье управлять,— указывал В. И. Ленин,— с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению»[3]. И тем не менее В. И. Ленин выдвинул задачу — рабочий класс должен овладеть этим делом — и немедленно! 4 декабря 1917 г. на заседании рабочей секции Петроградского Совета он говорил: «Буржуазия все портит, все саботирует, чтобы сорвать рабочую революцию. И задачи организации производства ложатся целиком на рабочий класс. Раз навсегда порвем с предрассудком, что государственные дела, управление банками, заводами — невозможная для рабочих задача. Но все это можно решить лишь громадной повседневной организационной работой»[4].

Владимир Ильич безгранично верил в творческие возможности рабочего класса, в силу его революционного энтузиазма. Он был уверен, что передовые рабочие, благодаря их политическому опыту, преданности революции сумеют на практической работе быстро овладеть навыками управления.

После победы Октябрьской революции партия направила лучших представителей рабочего класса в создававшиеся органы управления страной, народным хозяйством. Но потребности в кадрах росли изо дня в день. Это объяснялось как уходом многих рабочих, в том числе и из органов управления, на фронты гражданской войны, неизбежным расширением административного аппарата в связи с продолжавшимися процессами обобществления предприятий и централизации руководства всем народным хозяйством, так и низкой производительностью труда вновь привлекаемых работников. Достаточно сослаться на следующие цифры: осенью 1918 г. в аппарате ВСНХ насчитывалось 2500 сотрудников, в главках и центрах около 3300, а всего — до 6 тыс. человек; в начале 1921 г. в центральных органах ВСНХ работало уже 24 тыс. человек (в губерниях — 93,6 тыс., в уездных совнархозах — 106 тыс.), всего же

лению производством (ноябрь 1917—1920 гг.). «От Октября к строительству коммунизма». М., 1967; Д. А. Баевский. Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.). М., 1974; Г. А. Трукан. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975.

[3] В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 252.

[4] В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 147.

в системе совнархозов численность сотрудников достигла 234 тыс. человек[5]. В августе 1918 г. в НКПС работало 1815 человек, а на 1 октября 1920 г. только в центральных управлениях НКПС числилось 8581 служащий[6].

Перед рабочим классом стояла задача — выделить из своих рядов в аппарат управления огромное число администраторов, служащих и других работников, чтобы улучшить его деятельность, усилить борьбу с бюрократизмом. Особенно большое значение имело привлечение к работе по управлению коммунистов, передовой части рабочих. Восьмая Всероссийская конференция РКП(б) (декабрь 1919 г.) утвердила «Тезисы об использовании новых членов партии», которые предусматривали конкретные меры, рассчитанные на постепенное вовлечение молодых коммунистов в дело управления[7].

Первоначальную школу хозяйствования многие рабочие проходили в органах рабочего контроля. Имеющиеся данные позволяют полагать, что от 50 до 75% членов созданных в 1918 г. заводоуправлений ранее работали в контрольных комиссиях или занимались вопросами контроля, находясь в составе фабзавкомов[8]. Рабочие приобщались к искусству управления, участвуя в работе съездов Советов, рабоче-крестьянских конференций, собраний на предприятиях. В. И. Ленин придавал огромное значение учебе рабочих по овладению навыками управления и с исключительной заинтересованностью следил за этим процессом. В написанном им проекте постановления Совнаркома «О введении в Центротекстиле единоличного управления взамен коллегиального» (4 сентября 1919 г.) предлагалось ВСНХ и некоторым хозяйственным наркоматам представить через два месяца доклад, который должен был, в частности, содержать сведения о числе практически обучающихся управлению рабочих[9]. В связи с подготовкой к IX съезду партии ЦК РКП(б) 2 марта 1920 г. опубликовал написанное В. И. Лениным «Письмо к организациям РКП о подготовке к партийному съезду», в котором выдвигался вопрос «о мерах, приемах, способах, результатах орабочивания главков, центров, аппаратов, Советской власти вообще», ставилась задача «привлечь еще больше рабочих и трудящихся крестьян к управлению промышленностью и народным хозяйством»[10].

IX съезд РКП(б), определив важнейшие задачи хозяйственного строительства, подчеркнул необходимость постоянного привлечения из среды рабочего класса свежих сил, способных выполнять организаторскую работу в промышленности. Съезд, в частности, выдвинул такую форму обучения рабочих, как производственная пропаганда по отраслям промышленности с тем, чтобы каждый рабочий «знал роль и место предприятия в общей системе социалистического хозяйства»[11].

IX съезд партии предлагал также создавать на крупных предприятиях и при кустах предприятий «курсы промышленной администрации», где без отрыва от производства обучать наиболее способных рабочих, а по окончании учебы направлять их помощниками директоров заводов, заведующими цехов, а также на самостоятельные административно-про-

[5] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, д. 1354, л. 138; М. П. Ирошников. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Л., 1974, стр. 347; «Структура и состав органов ВСНХ в центре и на местах в 1921 г.» М., 1922, стр. 7—9.

[6] М. П. Ирошников. Указ. соч., стр. 347; «Краткий обзор деятельности центральных управлений НКПС в 1920 году». М., 1920, стр. 12.

[7] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, стр. 137.

[8] См. Г. А. Трукан. Указ. соч., стр. 210.

[9] См. В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 181.

[10] В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 141, 143.

[11] «КПСС в решениях и резолюциях...», т. 2, стр. 158.

изводственные должности [12]. Сеть таких курсов была организована ВСНХ. В конце 1920 г. на предприятиях металлопромышленности стали возникать технические советы (совещания), одной из задач которых явилось обучение рабочего актива управлению производством на опыте своего предприятия. Эти совещания объединяли в своем составе директоров и управляющих предприятиями, технических специалистов, представителей партийных и профсоюзных организаций. На заседания приглашались рабочие, мастера.

Огромную роль в привлечении рабочих к управлению народным хозяйством сыграли профессиональные союзы. Оценивая их новую роль, В. И. Ленин в январе 1919 г. говорил: «Профессиональные союзы с величайшим переворотом, который наступил в истории, когда пролетариат взял в свои руки государственную власть, испытывают величайший перелом во всей своей деятельности. Они становятся главным созидателем нового общества, потому что созидателями этого общества могут быть только многомиллионные массы [13].

Профессиональные союзы являлись помощниками Коммунистической партии и Советской власти в деле организации централизованного управления народным хозяйством. В Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии, указывалось, что их участие в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является «главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата Советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства» [14].

В первое время после победы Октябрьской революции, когда государственный аппарат управления хозяйством еще не был налажен, а владельцы предприятий саботировали, профсоюзы в ряде случаев брали на себя функции управления производством. С организацией и укреплением государственных органов и овладением ими производством они принимали активное участие в формировании заводоуправлений, коллегий различных звеньев хозяйственного аппарата, в выдвижении кандидатов на руководящую работу. Президиум ВСНХ конструировался по соглашению с ВЦСПС; коллегии отделов и главков ВСНХ формировались Президиумом ВСНХ по соглашению с центральными комитетами соответствующих союзов; президиумы губернских совнархозов назначались исполкомами губернских Советов по соглашению с губернскими Советами профсоюзов; заводоуправления формировались трестами и главками с участием профсоюзов. По имеющимся данным, из общего числа членов коллегий и отделов ВСНХ, работавших летом 1919 г., 35,2% были выдвинуты профсоюзами и 9,1% — фабзавкомами (всего 44,3%), к концу 1920 г. число членов коллегий, выдвинутых профсоюзами, достигло 54,5% [15].

К началу 1919 г. ВЦСПС имел представительства в Совете Обороны, ВСНХ, НКПС, Наркомате труда и других центральных органах по руководству хозяйством. Через своих представителей профсоюзы поддерживали непосредственные связи с хозяйственными органами. В ноябре 1918 г. ЦК Всероссийского союза рабочих металлистов обсудил вопрос о связях с его представителями в главном правлении объединения «Сормово — Коломна». Было решено: представитель ЦК в главном правлении раз в месяц докладывает на заседании ЦК о деятельности правления; при обсуждении в главном правлении вопросов, требующих согласова-

[12] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, стр. 158—159.
[13] См. В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 451.
[14] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, стр. 51.
[15] «Народное хозяйство», 1920, № 7—8, стр. 46; 1921, № 4, стр. 42.

ния с ЦК, представители участвуют в заседании главного правления, и, наоборот, в соответствующих случаях представители главного правления участвуют в заседаниях ЦК[16]. В марте 1919 г. Совет профсоюзов Ярославской губернии, в связи с предстоящим обновлением состава губернского совнархоза, принял решение направить в совнархоз Бутузова, Ершова, Морозова, Хазова и Нефедьева. Представители профсоюзов обязывались принять все меры к улучшению работы аппарата губернского совнархоза. Они должны были ежемесячно делать доклады Совету профсоюзов о своей работе и о деятельности совнархоза[17].

II Всероссийский съезд профсоюзов констатировал, что рабочие массы в лице своих производственных (профессиональных) объединений привлечены к участию в управлении производством[18].

Одна из особенностей деятельности профсоюзов в 1918—1920 гг. заключалась в том, что они выполняли некоторые государственные функции в области организации и регулирования труда (нормирование, тарифная работа, охрана труда). Тесно связанные с Народным комиссариатом труда, профсоюзы в этих вопросах действовали вместе с ним (а нередко выполняли его функции). Так, тарифно-нормировочный отдел Президиума ВЦСПС фактически руководил всей работой в области нормирования труда. Он рассматривал все тарифы, все вопросы регулирования условий труда, под его руководством готовились соответствующие проекты постановлений, которые затем утверждались Наркоматом труда. ВЦСПС и другие союзные органы вели практическую работу по нормированию труда[19]. Характерно, что даже организационно органы Наркомата труда и профсоюзов соответствовали друг другу[20].

Определенные государственные функции выполняло низовое звено профсоюзов — фабрично-заводские комитеты. Обследование петроградских предприятий в начале 1920 г. показало, что на заседаниях завкомов обычно обсуждались следующие вопросы: невыполнение норм выработки, нарушения трудовой дисциплины, меры по поднятию производительности труда и др.[21].

На всех уровнях руководства проблемы, относившиеся к народному хозяйству, решались с участием профсоюзов. Приведем лишь несколько примеров. 10 октября 1919 г. в Совете Обороны обсуждался доклад члена Президиума ВЦСПС Я. Э. Рудзутака о мерах, принятых профсоюзами по упорядочению производства в Подмосковном бассейне. 24 и 31 октября 1919 г. Совет Обороны снова с участием представителей ВЦСПС обсуждал вопрос о работе Подмосковного угольного бассейна, подчеркивая огромную роль профсоюзов в решении задач по увеличению добычи топлива[22].

В тот период функции государственных и профсоюзных органов в вопросах управления хозяйством не всегда были достаточно разграничены, что иногда приводило к параллелизму в работе. В какой-то мере это было неизбежно в период становления нового хозяйственного аппарата, поисков целесообразных форм организации и максимального привлечения к управлению массовых организаций рабочего класса.

---

[16] «Металлист», 1918, № 8, стр. 9.

[17] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 3, д. 126, л. 15.

[18] «Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов 16—25 января 1919 г.» Стенографический отчет. М., 1921, стр. 113.

[19] См. «Положение о тарифно-нормировочном отделе при ВЦСПС, утвержденном пленумом ВЦСПС 19 февраля 1919 г.» ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 3, д. 27, л. 11.

[20] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 3, д. 58, л. 10.

[21] «Материалы по статистике Петрограда», вып. 1, Пг., 1920, стр. 51—52.

[22] Е. Д. Козочкина. Ленинские принципы демократического централизма в управлении промышленностью в действии. М., 1972, стр. 70, 71.

Коммунистическая партия, Советское правительство и профсоюзы принимали меры к более четкому разграничению функций профсоюзных и хозяйственных органов. Показательна в этом отношении инструкция Президиума ЦК Всероссийского Союза металлистов для национализированных электрических предприятий (июль 1919 г.). Завкомы, согласно инструкции, должны были заниматься вопросами охраны и нормирования труда, культурно-просветительного воспитания рабочих, вовлечения их в социалистическое строительство и не должны были приостанавливать распоряжения органов управления, не имели права принимать, смещать или перемещать работающих. Только тогда, когда решались вопросы, подлежащие компетенции завкома, последний мог приостановить выполнение распоряжений органов управления предприятием, если возникала угроза жизни и здоровью рабочих. При этом он был обязан о своем решении немедленно сообщить в местный производственный союз и в вышестоящий орган управления производством [23].

IX съезд РКП(б) подчеркивал, что задачи профсоюзов лежат главным образом в области организационно-хозяйственной и воспитательной. «Профсоюзы должны воспитывать, организовать культурно, политически, администраторски, поднимать эти массы (пролетариата.— *Е. Г.*) до уровня коммунизма, подготовляя их к роли творцов коммунистического строя...» [24]. Не вмешиваясь непосредственно в управление предприятиями, они участвуют в организации производства, в формировании командных кадров социалистической промышленности.

Вопросу о характере и формах участия профсоюзов в управлении и организации народного хозяйства много внимания уделил III Всероссийский съезд профсоюзов (апрель 1920 г.). В принятой съездом резолюции отмечалось, что основной их задачей при организации управления является создание компетентного, твердого, энергичного руководства и укрепление авторитета органов управления среди широких рабочих масс. Перед профсоюзами ставились задачи активного участия в определении главных направлений хозяйственной деятельности предприятий (разработка производственных программ, планов организации производства и т. д.), в постановке новых важных производственных вопросов, в подготовке рабочих к управлению хозяйством, в организации борьбы с бесхозяйственностью. Им предлагалось «поставить систематическую отчетность хозяйственных органов перед соответствующими союзными организациями и особенно перед фабрично-заводскими конференциями, причем союзные органы должны обсуждать вопросы по существу, делать запросы и предложения» [25].

Оценивая в 1920 г. роль профсоюзов в годы гражданской войны, В. И. Ленин писал: «Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их не только в хозяйственном, *но и в военном* строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение 2,5 лет, но и 2,5 месяцев» [26].

Овладевая управлением народным хозяйством, рабочий класс не считал, что может обойтись без специалистов. Важно было использовать их знания и опыт, чтобы в сжатые сроки на научной основе организовать производство. Однако привлечение буржуазной интеллигенции оказалось для рабочего класса делом сложным, так как большая ее часть, в том

[23] «Известия ВЦИК», 31 июля 1919 г.
[24] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, стр. 165.
[25] «Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов 6—13 апреля 1920 г.» Стенографический отчет. М., 1921, стр. 107, 108.
[26] В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 31.

числе и специалисты-организаторы производства, заняла в отношении Советской власти враждебную, в лучшем случае «нейтральную» позицию, саботировала мероприятия Советской власти[27].

Коммунистическая партия проводила настойчивую работу, направленную на привлечение специалистов к хозяйственному строительству. В Программе РКП(б) отмечалась важность немедленного, широкого и всестороннего использования специалистов науки и техники, несмотря на то, что они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками. В ней подчеркивалась необходимость: «...С одной стороны, не давать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение, а с другой — также беспощадно бороться с мниморадикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними»[28].

Огромную роль в привлечении буржуазных специалистов к хозяйственному строительству, в их политическом перевоспитании играли грандиозные планы Коммунистической партии по развитию производительных сил страны, по подъему культуры масс, а также тот энтузиазм, с каким рабочий класс взялся за осуществление небывалых по размаху задач.

Поворот на сторону Советской власти широких кругов специалистов, начавшийся весной 1918 г., продолжался и в дальнейшем. Важно отметить, что в 1919—1920 гг. приток специалистов в народное хозяйство по сравнению с 1918 г., резко возрос. Об этом, в частности, свидетельствуют данные Э. Г. Савцова по уральской промышленности. Им составлены сводные таблицы со сведениями об образовании 916 руководящих работников за 1917—1925 гг. Из пришедших на руководящую работу в 1917—1918 гг. с начальным образованием было 26,7%, а в 1919—1920 гг.— 17,9%. Наблюдается уменьшение притока руководящих работников с низшим образованием. Наоборот, удельный вес работников со средним образованием увеличился (с 13,5 до 17,9%) и особенно значителен рост удельного веса работников с высшим образованием (с 26,1 до 38,8%)[29].

«...Ставьте вопрос управления, как деловые люди. Добивайтесь, чтобы управление шло с наименьшей затратой сил, чтобы администраторы были способны, будь то спецы или рабочие, чтобы они шли работать и управлять, чтобы считалось преступлением, если они не участвуют в управлении. Учитесь на собственном практическом опыте. Учитесь также у буржуазии. Она умела держать свое классовое господство, она имела опыт, без которого мы не можем обойтись; отмахнуться от него было бы величайшим самомнением и величайшей опасностью для революции»[30],— говорил В. И. Ленин на съезде рабочих водного транспорта (март 1920 г.).

---

[27] Подробно об этом см.: С. А. Федюкин. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; Э. Б. Генкина. О ленинских методах вовлечения интеллигенции в социалистическое строительство. «Вопросы истории», 1965, № 4; И. С. Смирнов. В. И. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 г.— лето 1918 г.). М., 1960; Л. П. Амелин. Интеллигенция и социализм. Л., 1970.

[28] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 2, стр. 52.

[29] Э. Г. Савцов. К вопросу о составе и формировании руководящих кадров промышленности в 1917—1923 гг. «Сборник научных трудов Московского института народного хозяйства им. Плеханова. Свердловский филиал», вып. 2. Свердловск, 1967, стр. 49.

[30] В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 217.

В соответствии с ленинскими указаниями рабочие, органы Советской власти и поступали. Положения об управлении национализированными предприятиями содержали пункты об участии технических специалистов в органах управления и устанавливали нормы представительства (одна треть).

На местах «Положение» применялось с учетом конкретных условий. Так, представители от рабочих в одних случаях избирались (открытым или тайным голосованием) на собраниях коллективов предприятий, в других — назначались профсоюзными организациями. Представители от специалистов включались в правления аналогичным путем.

В качестве примера покажем, как формировалось правление одного из деревообрабатывающих заводов. Рязанский совнархоз назначил в правление двух членов. По одному представителю должны были избрать рабочие и специалисты. 20 ноября 1918 г. собрание технического персонала завода (присутствовало 12 человек) тайным голосованием избрало в правление специалиста. 30 ноября состоялось общее собрание рабочих и служащих завода. Оно обсудило кандидатуры от рабочих в члены правления. Выступившие говорили: нужно избрать человека, который защищал бы интересы рабочих, избрать рабочего грамотного, сведущего, знающего производство. Было выдвинуто 6 кандидатов. Тайным голосованием, в котором участвовало 166 человек, избрали рабочего Кудахтина, 32 лет, с 16 лет работавшего молотобойцем в кузнице, члена заводского комитета [31].

Согласно положению об управлении артиллерийскими заводами, члены правлений от специалистов назначались Советом центрального правления артиллерийских заводов, а от рабочих — местным производственным профсоюзом из числа кандидатов, предложенных заводским комитетом [32].

Следует отметить, что в ряде случаев, когда не удавалось привлечь специалистов, рабочие самостоятельно решали все вопросы по управлению предприятиями. На Урале, например, колчаковцы, отступая под ударами Красной Армии, заставляли административно-технический персонал покидать освобождаемые Красной Армией районы. Поэтому первое время рабочим приходилось руководить производством без участия специалистов. И делали они это успешно [33].

При переходе к единоначалию специалистов нередко назначали директорами предприятий. Позже, в 1922 г., М. И. Калинин рассказывал: «Я работал на заводе «АЙВАС» и знал отношения рабочих к инженеру Петрову. Великолепно знал. Эти отношения были далеко не дружелюбные, но, когда рабочие захватили власть, они сделали его директором завода, мотивируя это тем, что он хорошо умел их эксплуатировать при капиталистическом строе и сумеет эксплуатировать завод при новых условиях» [34].

IX съезд партии подтвердил программные требования в отношении специалистов и считал возможным применение разных комбинаций соучастия рабочего и специалиста в управлении: назначался директор из рабочих и при нем находился инженер (в качестве помощника по технической части); если же директором являлся инженер-специалист, то рядом с ним был «комиссар из рабочих... с широкими правами и с обя-

[31] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, д. 71, лл. 16—22.
[32] ЦГАОР СССР, ф. 382, оп. 2, д. 45, лл. 4—5.
[33] См. Д. А. Баевский. Рабочий класс в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.), стр. 202.
[34] «Стенографический отчет работ 1-го Всероссийского съезда инженеров, членов профсоюзов. 16—22 декабря 1922 года». М., 1923, стр. 28.

зательством входить во все стороны дела»; при директоре-специалисте могли быть рабочие (один или два) в качестве помощников, «с правом и обязательством... входить во все отрасли заводского управления», но «без права приостанавливать распоряжения директора» [35].

Деятельность буржуазных специалистов протекала под контролем партийных и профсоюзных организаций. В отчете Южно-Уральского треста горнозаводской промышленности (20 заводов) за вторую половину 1920 г. отмечалось: «Там, где имелась возможность и была необходимость вверить управление заводами специалистам (Златоустовский, Белорецкий заводы), в помощь заведующим назначались партийные рабочие с бо́льшим или меньшим партийным стажем и с твердой рукой» [36].

6 ноября 1920 г. Совет Труда и Обороны обязал отдел металла ВСНХ немедленно заменить руководящий состав заводоуправлений части ударных заводов «единоличными начальниками, назначенными по принципу компетентности, придав к ним комиссаров из числа достаточно крепких и ответственных политических работников» [37].

Сочетая массовое выдвижение трудящихся, особенно рабочих, с привлечением старых специалистов, администраторов, Советское государство обеспечивало основные потребности в кадрах все расширявшегося аппарата хозяйственного управления.

* * *

Обратимся к социальному составу органов управления народным хозяйством. Какие социальные слои выполняли руководящую и организационно-техническую работу, от которой зависело функционирование промышленности?

Следует подчеркнуть, что вся система управления была пролетарской по своему существу: ею руководила Коммунистическая партия — авангард рабочего класса. Она проводила в жизнь программу партии, рабочего класса, программу строительства социализма. Вопрос о руководящей роли рабочего класса в органах управления нельзя сводить только к их составу, к численности в них пришедших с производства рабочих. Все органы управления Советского государства по своим задачам, классовому содержанию являлись пролетарскими. Но непосредственное участие в них возможно большего числа рабочих создавало в управленческом аппарате пролетарский «климат», «связывало руки» саботажникам, способствовало борьбе с бюрократизмом. Здесь на практической работе рабочие, оставаясь представителями своего класса, учились управлению. Поэтому выяснение их удельного веса во всех основных звеньях хозяйственного аппарата представляет большой интерес. Важно также определить степень участия в органах управления и других социальных слоев.

Социальный состав работников хозяйственного аппарата в первый год Советского государства анализируется в ряде работ.

Так, М. П. Ирошников на основе материалов переписи советских служащих центральных ведомств, проведенной в Москве в августе — сентябре 1918 г., приводит сведения о численности и удельном весе «старослужащих» среди сотрудников центральных экономических органов (в частности, промышленности и транспорта). В НКПС их было 88,1%, в ВСНХ — 48,3, Центроторфе — нефтяном комитете — 50,3, Главсахаре — 54,4% [38]. Из этих данных видно, что к осени 1918 г. «старослужа-

[35] «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. 2, стр. 157.
[36] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 4, д. 273, л. 13.
[37] Там же, д. 274, л. 22.
[38] М. П. Ирошников. Указ. соч., стр. 424—427.

щие» составляли значительную часть сотрудников центральных органов управления — их широко привлекали на должности, где требовались знания, опыт, известный уровень образования.

К сожалению, нет определенных данных об удельном весе рабочих в центральном аппарате. Правда, в монографии М. П. Ирошникова приводятся сведения о численности работников, пришедших с производства (среди них рабочих, конечно, большинство). Этих служащих в ВСНХ насчитывалось 10%, НКПС — 1,3% [39]. Такой низкий процент служащих, пришедших с производства, вполне понятен: недостаточный уровень образования не позволял им квалифицированно выполнять сложную техническую работу, требовавшую специальной подготовки. Зато в руководящих органах центрального аппарата управления удельный вес рабочих резко возрастал: сюда направлялись наиболее грамотные, прошедшие школу политической борьбы представители рабочего класса. Известно, например, что летом 1919 г. в коллегиях главков их было 23,3%. Большая часть (56,3%) пришла в главки в 1918 г. [40] Следовательно, к концу 1918 г. удельный вес рабочих в управлении главками можно считать весьма значительным.

Имеются данные о составе правлений многих предприятий и их объединений в 1918 г. Так, в коллегии заводских управлений ГОМЗ входило рабочих — 51,3%, инженеров — 35,1%, низших служащих — 13,6% [41]. По данным К. Н. Павлычевой, в коллегиях 12 наиболее крупных металлообрабатывающих заводов Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии рабочие составляли большинство (64,8%) [42]. В текстильной промышленности Советской республики к концу 1918 г. имелось 49 «кустовых» правлений, охвативших 90% всей отрасли. В их составе было 1124 человек, в том числе 646 рабочих [43], или 57,4%. В правление 23 текстильных предприятий Московской и Костромской губерний входило: рабочих — 58,2%, лиц высшего административно-технического персонала — 31%, низшего — 10,8% [44].

Есть все основания полагать, что к концу 1918 г. рабочие составляли более половины всех членов правлений промышленных предприятий, а вместе с низшими служащими — до 70%. На VI Всероссийском съезде Советов (ноябрь 1918 г.) В. И. Ленин, подводя итоги достижениям Советской власти, говорил: «Мы считаем самым важным и ценным то, что за ...управление взялись сами рабочие, что от рабочего контроля... мы подошли к рабочему управлению промышленностью в общенациональном масштабе» [45]. Вскоре на II Всероссийском съезде профсоюзов 20 января 1919 г., В. И. Ленин заявил: «Мы знаем теперь, что пролетариат выдвинул несколько тысяч, может быть, несколько десятков тысяч пролетариев на дело управления государством. Мы знаем, что новый класс — пролетариат — теперь имеет своих представителей в каждой отрасли государственного управления, в каждом клочке социализированного или социализирующегося предприятия или в области хозяйства» [46].

---

[39] М. П. Ирошников. Указ. соч., стр. 418—419.

[40] «Народное хозяйство», 1920, № 7—8, стр. 46—48.

[41] И. Е. Круцко. Выдвижение рабочих в аппарат управления промышленностью (1917—1920 гг.). «Сборник научных работ», вып. 1. Волгоград, 1964, стр. 91.

[42] К. Н. Павлычева. Нижегородская партийная организация в борьбе за привлечение рабочих масс к управлению производством (ноябрь 1917—1920 гг.) — «От Октября к строительству коммунизма». М., 1967, стр. 85.

[43] «Юбилейный сборник Центрального комитета Всероссийского профсоюза текстильщиков». М., 1922, стр. 88.

[44] И. Е. Круцко. Указ. соч., стр. 91.

[45] В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 140.

[46] В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 450.

При рассмотрении динамики социального состава органов управления народным хозяйством в первые годы Советской власти следует иметь в виду, во-первых, значительное увеличение численности аппарата, и, во-вторых, возросший приток в систему управления рабочих, а также специалистов, «старослужащих». Как это в конечном итоге сказалось на соотношении различных социальных слоев в хозяйственном аппарате? К сожалению, источники не позволяют дать на этот вопрос исчерпывающий ответ. Поэтому приходится обращаться к отрывочным и в ряде случаев противоречивым данным.

Прежде всего рассмотрим данные о социальном составе аппарата ВСНХ, его главков и центров. В конце 1920 г. в главках имелось 199 членов коллегий и управлений. На вопрос анкеты статистического отдела ВСНХ о социальном положении (занятие до революции) ответили 184 человека:

аблица 1

Социальный состав членов коллегий главков и центров ВСНХ в конце 1920 г. (по занятию до революции) *

Группа занятий	Число лиц в группе	
	абсолют.	в % ко всему числу
1. Рабочие	48	26,0
2. Высший административный, коммерческий и технический персонал торгово-промышленных предприятий	65	35,0
3. Конторский и среднетехнический персонал	27	15,0
4. Государственные служащие	8	4,4
5. Партийные и профсоюзные работники	8	4,4
6. Научные работники	7	4,0
7. Учащиеся	7	4,0
8. Лица свободных профессий	6	3,2
9. Кооперативные и общественные работники	4	2,0
10. Военнослужащие	4	2,0
Всего	184	100

* «Народное хозяйство», 1921, № 4, стр. 49

Итак, рабочие в составе коллегий главков составляли немногим более четверти. Самой многочисленной группой являлись «спецы» (высший административный и технический персонал плюс научные работники) — 39%. В отчете же ВСНХ VIII съезду Советов приведены другие цифры: рабочих — 51,4%, «спецов» — 22,2% [47]. Эти данные и вошли в историческую литературу [48]. Между тем уже в начале 1921 г. отмечалось, что они не точны [49]. Об этом свидетельствуют как сведения анкеты статотдела, так и данные об образовании членов коллегий (больше 50% имели высшее образование, 25% законченное среднее [50]). Совершенно очевидно, что рабочих не могло быть намного больше четверти состава коллегий.

Представление о тенденции в процессе изменения социального состава коллегий и управлений главков за 1,5 года дает табл. 2, составленная на основе данных, полученных в результате обследований статистического отдела ВСНХ.

[47] «Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов», стр. 14.

[48] См. А. В. Венедиктов. Организация государственной промышленности в СССР. т. 1. Л., 1957, стр. 44 и др.

[49] См. В. Гершгорн. Структура и состав главков и центров — «Народное хозяйство», 1921, № 4, стр. 49.

[50] Там же, стр. 51.

Таблица 2

Изменения социального состава коллегий главков и управлений ВСНХ с 1 августа 1919 г. по 1 декабря 1920 г.* (в %)

Время обследования	Рабочие	Высший персонал	Средний персонал	Гос. служ.	Научные работники	Профсоюзные и парт. работники	Работники обществ. учрежд.	Прочие
1 августа 1919 г.	20,2**	29,6	22,6	10,5	4,9	3,1	3,5	5,6
1 декабря 1920 г.	26,0	35,0	15,0	4,4	4,0	4,4	2,0	9,2

* В. Гершгорн. Структура и состав главков и центров.—«Народное хозяйство», 1921, № 4, стр. 50.
** По другим данным—23,3% (см. «Народное хозяйство», 1920, № 7, стр. 46—48).

Из данных табл. 2 видно, что увеличилась прослойка рабочих и «спецов», а удельный вес бывших государственных служащих и среднего персонала снизился.

Важно отметить, что социальный состав коллегий различных главков не был одинаков. Существовали главки, в коллегиях которых бывшие рабочие составляли больше 50% (текстильная, полиграфическая промышленность). В металлопромышленности их было 40%. Низкий процент рабочих отмечен в коллегиях главков горной (меньше 10%) и химической промышленности. Значительное число «спецов» входило в коллегии и управления горной, металлообрабатывающей (свыше 50%) и химической (45%) промышленности. В коллегиях текстильной, полиграфической и пищевой промышленности процент «спецов» был невысок.

Следующая категория руководящих работников (после членов коллегий и управлений главков) — заведующие отделами главков и центров. Из опрошенных 435 заведующих отделами главков в конце 1920 г. на вопрос о социальном положении ответили 405 человек. Среди них рабочих оказалось 17 человек, или 4% (т. е. значительно меньше, чем в коллегиях главков). Отделами заведывали почти сплошь «спецы», имевшие высшее (63%) или законченное среднее (25%) образование[51].

Резко возрастала рабочая прослойка в среднем (совнархозы) и низовом (правления предприятий) звеньях управления промышленностью. В материалах статистического отдела ВСНХ (май 1919 г.) зафиксировано 869 руководящих работников местных совнархозов, 428 (44,2%) из них отнесены к числу «рабочих и крестьян»[52]. В президиумах совнархозов рабочая прослойка составляла: в губернских и окружных — 31,6%, уездных и районных совнархозов и отделов народного хозяйства исполкомов Советов — 30,8%[53]. В начале 1921 г. в составе президиумов губернских совнархозов насчитывалось 42,5% рабочих[54].

Еще более значительна рабочая прослойка в правлениях предприятий. В 1919 г. ЦК союза металлистов утвердил 184 заводоуправления, в состав которых вошло 64% рабочих[55]. Согласно данным 5-й Всероссийской конференции профсоюзов (ноябрь 1920 г.) в заводоуправлениях химической промышленности представлено рабочих 50%, текстильной —

[51] «Народное хозяйство», 1921, № 4, стр. 51, 53.
[52] В. З. Дробижев. Роль рабочего класса в формировании командных кадров социалистической промышленности (1917—1936), стр. 59.
[53] «Народное хозяйство», 1920, № 3—4, стр. 65.
[54] «Структура и состав органов ВСНХ в центре и на местах в 1921 г.» М., 1922, стр. 40.
[55] «Отчет ВЦСПС за 1919 г.» М., 1920, стр. 194.

64, металлообрабатывающей — 63, кожевенной — 53[56]. По данным отчета ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов в конце 1920 г. из общего числа 1143 членов фабрично-заводских управлений 726 человек, или 63,5%, являлись рабочими[57]. В целом же, как отмечал В. И. Ленин, рабочие составляли более 61% всего состава руководящих органов ВСНХ, главков, губернских совнархозов и предприятий[58].

В 1920 г. большинство предприятий Советской республики перешло к единоличному управлению.

Каково было соотношение между единоличными руководителями предприятий — рабочими и специалистами? В отчете о деятельности Южноуральского треста горнозаводской промышленности (20 заводов) с 1 июля по 1 ноября 1920 г. указывалось, что большинство заведующих заводами — рабочие[59]. В отчете Петроградского губернского комитета союза металлистов за 1920 г. отмечалось, что половина единоличных руководителей предприятий — рабочие, половина — специалисты[60]. Из 45 управляющих предприятиями бумажной промышленности в конце 1920 г. рабочих 37 человек (82%)[61]. На Пятой Всероссийской конференции профсоюзов приводились такие сведения: из 2183 единоличных руководителей предприятий — 50—60% выдвинуты рабочими[62]. Значительная часть руководящих работников промышленности составляли члены партии. Так, в конце 1920 г. 69% управляющих предприятиями бумажной промышленности являлись коммунистами[63]. Проведенная в это время перерегистрация членов РКП(б) показала, что из 1786 коммунистов — ответственных работников промышленных предприятий (территория РСФСР) 1151 человек, или 64,4%, до прихода на руководящую работу были рабочими, а из 2989 коммунистов — ответственных работников транспорта бывших рабочих насчитывалось 1600 человек (63%)[64].

Имеющиеся сведения о руководящих кадрах народного хозяйства не подтверждают высказанное в литературе мнение о том, что «в первые годы Советской власти Коммунистическая партия решала проблему укомплектования командных кадров промышленности в основном за счет привлечения старых специалистов»[65]. Специалисты, перешедшие на сторону Советской власти, заняли большое место в органах управления, но все же более значительным здесь был удельный вес рабочих. «Большая часть состава администрации состоит из рабочих профсоюзов»,— констатировалось на Пятой Всероссийской конференции профсоюзов[66].

Как показывают приведенные выше данные, чем ближе органы управления к производству, тем больше в них рабочая прослойка. Участие рабочих в непосредственном руководстве предприятиями, цехами, производственными участками во многом способствовало успеху в борьбе с саботажем контрреволюционных элементов, связанных с буржуа-

---

[56] «Пятая Всероссийская конференция профсоюзов». Стенографический отчет. М., 1921, стр. 62.

[57] «Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов». М., 1920, стр. 14.

[58] В. И. Ленин. ПСС, т. 42, стр. 284.

[59] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 4, д. 273, л. 13.

[60] Там же, д. 148, л. 5.

[61] «Краткий обзор деятельности Главного управления государственными предприятиями бумажной промышленности (Главбум) за 1918—1920 гг.» М., 1921, стр. 7.

[62] «Пятая Всероссийская конференция профсоюзов». Стенографический отчет, стр. 12.

[63] «Краткий обзор деятельности Главного управления государственными предприятиями бумажной промышленности (Главбум) за 1918—1920 гг.» М., 1921, стр. 7.

[64] «Материалы по статистике личного состава РКП». М., 1921, стр. 46—47.

[65] См. А. Ф. Хавин. Капитаны советской индустрии 1926—1940 гг. «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 3.

[66] «Пятая Всероссийская конференция профсоюзов», стр. 63.

зией специалистов, сохранению промышленности в условиях гражданской войны и интервенции. Конечно, отсутствие у рабочих необходимого образования, знаний и навыков управления создавало большие трудности. И все же они преодолевались. На руководящую работу приходили передовые рабочие, закаленные в революционной борьбе, политически сознательные, имевшие опыт организационной деятельности в массах. Глубокая преданность революции, пролетарская хватка и самоотверженность помогали им быстро, творчески освоить новую область деятельности и успешно решать поставленные задачи. На втором съезде представителей групповых правлений текстильной промышленности РСФСР (сентябрь 1919 г.) В. П. Ногин отмечал, что наиболее активное участие в его работе принимали представители рабочих. «Необходимо признать, что эти товарищи много выросли со времени первого съезда (март 1919 г.— *Е. Г.*). Тогда они только начинали работать, и большинство из них принуждено было молчать. Теперь, после нескольких месяцев работы, у них есть уже некоторый опыт, и они сделали гигантский шаг вперед... Это, действительно, новые силы, здоровые и свежие, и никакие ухищрения их старых врагов не смогут остановить их роста»[67],— отмечалось на съезде.

Подводя итоги двухлетнего существования Советского государства, В. И. Ленин 7 ноября 1919 г. подчеркнул: «...Только участие рабочих в общем управлении государством дало нам возможность устоять в таких неимоверных трудностях... только идя по этому пути, мы добьемся полной победы»[68].

Следуя по пути, начертанному Коммунистической партией, В. И. Лениным, советский рабочий класс в последующие годы укреплял аппарат управления народным хозяйством в соответствии с потребностями социалистического строительства.

Сложившиеся в первые годы Советского государства формы и методы вовлечения рабочих в управление хозяйством совершенствовались, дополнялись новыми. Укреплялась и ширилась ведущая роль рабочего класса в управлении, в формировании социалистических производственных отношений, возрастала его общественно-политическая активность. Сегодня, на этапе развитого социализма, еще более возрастает ведущая роль рабочего класса в управлении экономикой. Творчески используя накопленный за 60 лет опыт, рабочий класс успешно решает поставленную XXV съездом КПСС задачу дальнейшего совершенствования управления социалистическим народным хозяйством.

---

[67] «Резолюции 2-го съезда представителей групповых правлений текстильных фабрик и губтекстилей». М., 1920, стр. 5—6.

[68] В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 294.

З. Е. АБЕЗГАУЗ

ПРОЛЕТАРИАТ БЕЛОРУССИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Всемирно-историческую победу в Великой Октябрьской социалистической революции одержал под руководством большевистской партии пролетариат, «передовой класс *всех* угнетенных»[1], в союзе с беднейшим крестьянством. Одним из отрядов многонационального пролетариата России, его составной и неотъемлемой частью был рабочий класс Белоруссии, внесший свою лепту в победу пролетарской революции. История пролетариата — тема многоплановая, в статье осветить ее сколько-нибудь полно невозможно. Поэтому из комплекса вопросов этой проблематики мы остановимся только на формировании промышленного пролетариата Белоруссии, а именно — на источниках комплектования его рядов, численности и составе.

Формирование пролетариата в класс буржуазного общества теснейшим образом связано с развитием капиталистической промышленности, той сферы материального производства, где он выступает в качестве производительной силы. Упрочение капиталистического способа производства в промышленности происходит в результате промышленного переворота, материально-технической базой которого является машинное производство. «Переход от мануфактуры к фабрике — писал В. И. Ленин,— знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим... переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц»[2]. Технической стороной промышленного переворота является утверждение в ведущих отраслях производства машинной техники, а социальной — оформление особого класса населения, который отличался от старого крестьянства «другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных»[3].

В первые два десятилетия после отмены крепостного права промышленность Белоруссии развивалась медленно, но в 80—90-е годы рост фабрично-заводского производства значительно ускорился и в основных отраслях промышленности фабрика приобрела решающее значение. В 1900 г. в Белоруссии уже насчитывалось 750 фабрик и заводов, на которых трудилось около 26 тыс. рабочих, а сумма производства составляла 34,3 млн. руб., или 77% промышленной продукции[4]. Но наряду с крупным машинным производством продолжали существовать и развиваться мелкокапиталистические предприятия и ремесленные мастерские. Ряд предприятий оставался на мануфактурной стадии развития.

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 37, стр. 281.
[2] Там же, т. 3, стр. 455.
[3] Там же, т. 3, стр. 547.
[4] З. Е. Абезгауз. Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1971, стр. 39, 59.

В цензовой промышленности преобладали мелкие и средние по величине заведения с числом рабочих до 50. В 1900 г. их насчитывалось 683 или 85,5% по отношению ко всем предприятиям этой категории, в то время как по России в целом они составляли 70,5%. Крупных промышленных предприятий, насчитывавших более 500 человек, к концу XIX в. в Белоруссии было только 9 или 1,1% (по России — 3,5%) [5].

Большое значение для развития промышленности имели железные дороги. К 1904 г. протяженность железнодорожных линий составила здесь 2837 верст, или 8% всей железнодорожной сети Европейской России [6]. С постройкой вторых путей Либаво-Роменской и Полесских дорог, а также линии Невель — Полоцк — Молодечно — Лида — Гродно, протяженность железнодорожной сети Белоруссии к началу первой мировой войны составляла около 3900 верст [7].

Сооружение железных дорог способствовало возникновению новых отраслей промышленности, росту числа крупных предприятий, увеличению численности рабочего класса, в ряды которого влились железнодорожники.

В начале XX в. возросла общая численность промышленных заведений. В цензовой промышленности Белоруссии к 1913 г. насчитывалось до 1041 мелких предприятий (с числом рабочих до 50), на которых трудилось 13,9 тыс. человек, но удельный вес этих предприятий по сравнению с 1900 г. сократился с 85,5 до 81,4%. По России перед первой мировой войной таких заведений значилось 63,6%. Зато количество предприятий с числом рабочих от 51 до 500 увеличилось — со 107 до 228, или с 13,4% до 17,7%. Количество занятых на них рабочих возросло с 12,1 тыс. до 26,5 тыс. С 1900 по 1913 г. несколько увеличилось (с 9 до 11) количество крупных предприятий с числом рабочих более 500 [8], которые принадлежали к «существенно иным *социальным типам*» заведений, чем с 50 работниками [9]. К концу рассматриваемого периода на них было занято 10,2 тыс. рабочих, а удельный вес этих предприятий в общем объеме цензовой промышленности составлял 0,9%, в то время как по России он равнялся 5,5% [10].

Сравнительно слабая концентрация и большой удельный вес мелких фабрик и заводов являлись особенностью промышленного развития Белоруссии. Эта специфика определялась сложившейся структурой промышленного производства, в которой ведущее место занимали предприятия по переработке местного, главным образом сельскохозяйственного сырья. Здесь получила развитие пищевкусовая, деревообрабатывающая, спичечная, химическая, писчебумажная, текстильная, кожевенная, стекольная, кирпичная отрасли производства, позволявшие капиталистам из сравнительно небольших промышленных предприятий, которые они строили в непосредственной близости от источников сырья и дешевой рабочей силы, получать достаточно высокие прибыли.

В эпоху империализма отраслевая структура промышленности Белоруссии осталась прежней, но в ней произошли некоторые изменения. Так, в деревообрабатывающем производстве стали возникать предприятия по углубленной переработке древесины — фанерные и мебельные фабрики. В химической промышленности, где ранее господствовали мелкие смолокуренные, скипидарные и дегтярные предприятия, в начале

[5] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма». Минск, 1963, стр. 17.
[6] З. Е. Абезгауз. Указ. соч., стр. 61—62.
[7] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 17.
[8] Там же, стр. 17.
[9] См. В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 32.
[10] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 17.

XX в. было построено несколько крупных заводов по сухой перегонке дерева. Если в конце XIX в. обувь изготовлялась в основном в ремесленных мастерских, то в 1910—1912 гг. в этой отрасли появились фабрично-заводские предприятия, среди которых наиболее крупными были фабрики русско-американского производства обуви «Орел» и Московского акционерного общества «Шеврохром»—«Быстроход». В Витебской и Могилевской губерниях были построены большие льнопрядильные фабрики, что привело к быстрому росту текстильного производства, в то время как выделка сукна отступала на задний план и теряла свое прежнее значение; в имении Альбертин Слонимского уезда в 1913 г. начал работу электроламповый завод [11].

Одной из характерных особенностей развития промышленности дореволюционной Белоруссии являлось существование наряду с фабриками и заводами небольших мелкокапиталистических предприятий (с числом рабочих до 15 человек), а также ремесленно-кустарных мастерских. Рост мелкого производства продолжался и в начале XX в.— с 1900 по 1913 г. количество предприятий возросло с 67 до 84 тыс., в том числе самостоятельных ремесленников и кустарей (одиночек) с 52,2 до 78,1 тыс., а стоимость валовой продукции с 77,8 до 100,9 млн. руб. Но темпы развития мелкой и крупной промышленности были совершенно разными. Если за указанное время количество мелких предприятий увеличилось на 16,3%, то фабрично-заводских — на 61,2%, а стоимость валовой продукции — соответственно на 30 и 129,6% [12]. В 1913 г. удельный вес продукции мелкой промышленности России составлял 31,4% к общей валовой продукции, а в Белоруссии — 53,5% [13]. Ремесленные и кустарные предприятия изготовляли главным образом предметы бытового назначения. Их зависимость от крупного капитала выражалась в том, что отдельные фабрики и заводы, магазины или фирмы поручали ремесленникам выполнять некоторые виды работ. Так, по заданию спичечных фабрик ремесленники изготовляли коробки и спичечную соломку — в 1902 г. от фабрик «Виктория» и «Березина» в Борисове на дому работали 522 коробочницы. Сапожники и портные шили одежду и обувь для магазинов или торговцев-оптовиков [14].

Первая мировая война оказала отрицательное влияние на промышленность Белоруссии. Установившиеся экономические связи с внутренними районами страны и иностранными государствами были нарушены. Непосредственная близость к театру военных действий и перегрузка транспорта воинскими перевозками привели к перебоям в снабжении промышленных предприятий сырьем и трудностям сбыта, в результате чего многие предприятия сокращали производство или совсем закрывались.

В создавшейся обстановке более успешно развивались те отрасли производства, которые выпускали военную продукцию. В разной степени к работе на оборону были привлечены металлообрабатывающие, текстильные, лесопильные, кожевенные, химические предприятия Белоруссии. Вместе с тем большое развитие получили здесь хлебопекарно-сушильное (сухарное), сапожное, швейное производства, выполнявшие

---

[11] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 47; «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III. Минск, 1953, стр. 62; «Список фабрик и заводов Российской империи» под ред. Кандаурова. СПб., 1914, стр. 9.

[12] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 11; Гісторыя Беларускай ССР», т. 2. Мінск, 1972, стр. 241, 471.

[13] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 11; «Экономика Советской Белоруссии 1917—1967». Минск, 1967, стр. 14.

[14] ЦГИА БССР в Минске, ф. 295, оп. 1, д. 7293, л. 50; ф. 311, оп. 1, д. 52, л. 3.

заказы воинских частей. В то же время почти полностью прекратили деятельность винокуренные предприятия, сократили производство деревообрабатывающая, кирпично-черепичная, стекольная, писчебумажная и некоторые другие отрасли местной промышленности. В результате этого, а также в связи с эвакуацией части фабрик и заводов в глубь страны и потерей западных районов Белоруссии, оккупированных немецкими войсками, количество промышленных предприятий за годы войны сократилось. По территории Белоруссии, не оккупированной немцами к концу 1915 г., количество цензовых предприятий и железнодорожных мастерских с 1913 по 1917 г. сократилось с 829 до 297, а численность рабочих — с 34,7 до 25,1 тыс.[15] Но тем не менее в годы войны происходил процесс концентрации производства — рост количества крупных предприятий. С 1913 по 1917 г. удельный вес предприятий, на которых насчитывалось свыше 500 рабочих, вырос с 0,9 до 28,2%.[15а] Уменьшение количества промышленных предприятий в некоторой степени компенсировалось размещением в прифронтовой полосе разнообразных воинских технических формирований, занимавшихся ремонтом военной техники, а также мастерских по изготовлению и починке обмундирования и снаряжения. Технические мастерские, размещавшиеся в Полоцке, Бобруйске, Новобелице и других местах Белоруссии, являлись хорошо оснащенными крупными промышленными предприятиями, на которых трудились высококвалифицированные рабочие.

С развитием капиталистических отношений во всех сферах народного хозяйства происходило формирование в самостоятельную политическую силу пролетариата, как особого класса «с особыми интересами и с особой исторической миссией»[16]. Основными источниками формирования пролетариата Белоруссии в пореформенный период являлись разоренные крестьяне, мещане и семьи самих рабочих, т. е. в его ряды вливались те же слои населения, что и по всей стране. Но так как развитие капитализма, несмотря на общие закономерности, в разных районах имело свои особенности, то они накладывали свой отпечаток и на процессы классообразования, и в частности на соотношение между различными источниками пополнения и комплектования рядов рабочего класса.

Расслоение крестьянства в белорусской деревне проходило очень интенсивно. В результате проведения столыпинской аграрной реформы поляризация сельского населения еще более усилилась, и в 1913 г. численность безземельных дворов возросла до 120 тыс., что составляло 14,6% к их общему количеству[17]. Непрерывно росло количество безлошадных и однолошадных дворов. Если в 1888 г. они составляли 55,2%, то в 1900 г.—60,9%, а в 1912 г.—69,9% по отношению к общей численности крестьянских дворов [18].

В связи с ростом населения происходило дробление крестьянских наделов, что привело к образованию в деревне излишних рабочих рук. Избыточное крестьянское население по пяти белорусским губерниям к концу XIX в. достигло 2,5 млн. человек[19]. В начале XX столетия дворы деревенской бедноты в Белоруссии составляли 61% всех крестьянских хозяйств[20].

[15] «Социалистические преобразования в экономике Белоруссии в 1917—1920 гг.» Минск, 1966, стр. 73.

[15а] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 107.

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т 21, стр. 349.

[17] «Победа Советской власти в Белоруссии». Минск, 1967, стр. 30.

[18] «Военно-конская перепись. 1888 г.», СПб., 1891, стр. 2—5; 1889—1901 гг. СПб., 1902, стр. 68—71, 76—79, 90—95; В. Панютич. Из истории формирования пролетариата в Белоруссии. 1861—1914 гг. Минск, 1969, стр. 23—25.

[19] «Материалы комиссии 16 ноября 1901 г.», ч. I. СПб., 1903, табл. XXIII, стр. 249.

[20] К. И. Шабуня. Аграрный вопрос и крестьянское движение. Минск, 1962, стр. 142.

Аграрное перенаселение пополняло постоянно существовавший рынок рабочей силы, но местная промышленность могла поглотить лишь небольшую часть избыточных рабочих рук. Остальные вынуждены были искать источники существования в местных и отхожих промыслах, как земледельческих, так и неземледельческих.

В начале XX в. в Белоруссии возросло количество крестьян, искавших заработки. Если в 1902 г. их насчитывалось примерно 480 тыс., то в 1906—1910 гг. в отход уходило в среднем 550 тыс. ежегодно, т. е. каждый восьмой взрослый сельский житель уходил на заработки[21]. Многие отходники не могли попасть на промышленные предприятия и трудились в качестве чернорабочих, прислуги, строительных, транспортных и ремонтных рабочих, как в Белоруссии, так и в других районах России. Следовательно, разоренные развитием капитализма крестьяне являлись источником, из которого могли черпать кадры работников промышленные предприятия Белоруссии. Это можно подтвердить рядом конкретных фактов, ибо обобщенных сведений по всей промышленности в нашем распоряжении нет.

Большинство промышленных предприятий Белоруссии размещалось в сельской местности, и занятые на них рабочие были по преимуществу выходцами из крестьян. Многочисленные архивные данные свидетельствуют о том, что рабочие винокуренных, смолокуренных, лесопильных, бумажных, суконных, стекольных, кирпичных и других предприятий были главным образом из крестьян. Старший фабричный инспектор Гродненской губернии в конце XIX в. констатировал, что рабочим элементом на винокуренных заводах являются исключительно местные крестьяне, а старший фабричный инспектор Минской губернии отмечал, что на многих заводах губернии работают не только крестьяне окружных деревень, но и соседних губерний[22]. Бывшие крестьяне составляли основной контингент рабочих суконных фабрик в имениях Раваничи Игуменского уезда Минской губернии и Альбертин Слонимского уезда Гродненской губернии[23]. Директор-распорядитель Добрушской писчебумажной фабрики Гомельского уезда в феврале 1905 г. отмечал, что контингент рабочих на этом предприятии «состоит преимущественно... из местных крестьян»[24]. Это утверждение может быть отнесено и к рабочим стекольных и лесопильных заводов. Так, в Слонимском уезде, по сообщению уездного податного инспектора, на промышленных предприятиях в 1904 г. работало 700 крестьян[25]. В 1904 г. старший фабричный инспектор Минской губернии сообщал губернатору, что «в связи с кризисом много рабочих лишилось своих мест, но с достаточной точностью можно сказать, что до 50% сих последних, как местные крестьяне, найдут себе заработок в течение летних месяцев на полевых работах»[26]. Из списка рабочих Старинской картонной фабрики (Могилевская губерния) за 1913 г. явствует, что 98 человек из 104-х виды на жительство (паспорта) получили в волостных правлениях[27]. Это означает, что 94,2% рабочих этого предприятия были по своему происхождению выходцами из крестьян.

Из крестьян была и часть рабочих, трудившаяся на промышленных предприятиях в городах и местечках. В 1896 г. немало рабочих казен-

[21] В П а н ю т и ч. Указ. соч., стр. 70, 72.
[22] «Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі», т. II. Мінск, 1940, стр. 746, 748.
[23] ЦГИА БССР в Минске, ф. 295, оп. 1, д. 1935, лл. 116—117; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 1, д. 1833, лл. 2—3.
[24] ЦГИА БССР в Минске, ф. 3011, оп. 1, д. 208, л. 14.
[25] ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 25, д. 270, л. 43.
[26] ЦГИА БССР в Минске, ф. 311, оп. 1, д. 32, л. 81.
[27] Там же, ф. 3096, оп. 1, д. 1, лл. 1—10.

ного лесопильного завода в Борисове проживали в окрестных деревнях[28]. Владелец кирпичного завода в Бобруйске сообщал фабричной инспекции, что на предприятии работают жители окрестных хуторов[29]. На обойной фабрике в Минске в конце XIX — начале XX в. трудились крестьяне Можайского уезда Московской губернии[30]. На кафельных заводах в Копыси, наряду с мещанами «работали крестьяне, преимущественно из ближайших деревень»[31]. В списке рабочих спичечной фабрики «Березина» в Борисове за 1909 г. значилось 493 человека. Подсчеты, сделанные на основании этого списка, показывают, что 41,8% рабочих являлись выходцами из деревни[32]. Накануне первой мировой войны 52,1% рабочих Вокзального машиностроительного завода «Товарищества Якобсон, Лившиц и К°»[33] и 75,8% рабочих обойной фабрики Контаровича в Минске[34] были крестьянского происхождения.

С пролетаризацией крестьянства был связан процесс пополнения рядов железнодорожного пролетариата Белоруссии. Подсчеты, сделанные на основании личных дел железнодорожников главных мастерских станции Гомель Либаво-Роменской железной дороги, показывают, что на рубеже двух веков 64,9% рабочих были крестьянского происхождения. 65,4% рабочих службы подвижного состава и тяги Полесских железных дорог также происходили из крестьян[35].

Примерно такая же картина наблюдалась и на других железнодорожных узлах Белоруссии. Что касается железнодорожников в целом, то в начале XX в. основная их масса комплектовалась из крестьян. По данным советского историка В. А. Титка, специально занимавшегося вопросами формирования железнодорожного пролетариата, среди отдельных категорий рабочих они составляли от 81 до 94%[36]. Особенно высок этот процент был среди лиц, находившихся на низших должностях в службах движения и тяги; на Полесских железных дорогах 94% сигнальщиков и ламповщиков, 89% составителей поездов, сцепщиков вагонов и стрелочников, 85% смазчиков и осмотрщиков паровозов, 83% сторожей и станционных рабочих, 82% кочегаров являлись бывшими крестьянами. Определить, какой процент занимали выходцы из крестьян среди рабочих всей промышленности Белоруссии, в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия необходимых данных.

То же самое можно сказать и об удельном весе рабочих, происходивших из мещан-кустарей, ремесленников, чиновников. В ходе развития капитализма эти категории населения также разорялись и часть их пополняла ряды рабочего класса. В пореформенное время на многих фабриках, заводах, мастерских Белоруссии, наряду с разоренными крестьянами, работали также выходцы из мещан: на пивоваренном заводе в Дубровно, суконной фабрике в Игуменском уезде, стеариновом, деревообрабатывающем заводах и спичечной фабрике в Пинске. Выходцы из мещан составляли абсолютное большинство рабочих табачных фабрик

---

[28] ЦГИА БССР в Минске, ф. 311, оп. 1, д. 189, л. 5.
[29] Там же, д. 5, л. 4.
[30] Там же, ф. 311, оп. 1, д. 23, л. 23.
[31] ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 25, д. 648, л. 42.
[32] ЦГИА БССР в Минске, ф. 454, оп. 1, д. 12, лл. 1—17.
[33] Там же, ф. 452, оп. 1, д. 7, лл. 1—50.
[34] Там же, ф. 455, оп. 1, д. 1529, лл. 1—9.
[35] Подсчитано по: ЦГИА БССР в Минске, ф. 2415, оп. 3, дд. 2 и 3; ф. 2414, оп. 2; ф. 2415, оп. 1.
[36] См. В. А. Титок. Формирование и революционная борьба железнодорожного пролетариата Белоруссии во второй половине XIX — начале XX в. Автореф. канд. дисс. Минск, 1966, стр. 11.

в Могилеве, Минске, Гродно, кожевенных заводов Минска, Могилева, Сморгони и многих других промышленных предприятий. На Вокзальном машиностроительном заводе в Минске выходцы из городов и местечек в конце XIX в. составляли 47,7%, а на спичечной фабрике «Березина» в Борисове — 60% всех рабочих. Одни мещане работали в конце XIX в. на ряде предприятий Пинска, Витебска, Могилева, Минска. Немало их трудилось и на железных дорогах Белоруссии[37]. Абсолютное большинство рабочих, занятых в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности городов и местечек, составляли также бывшие мещане. А поскольку эта категория рабочих по своей численности превосходила фабрично-заводской пролетариат (среди которого, как мы видели выше, также было немало выходцев из мещан)[38] можно сказать, что этот слой играл большую роль в пополнении рядов рабочего класса Белоруссии.

Спецификой формирования промышленного пролетариата Белоруссии во второй половине XIX в., как и соседней Литвы[39], в отличие от промышленных центров страны, являлось пополнение его в большей степени за счет разоренных мещан и городских низов, в то время как в центральных и промышленных губерниях основным источником формирования пролетариата было разоренное крестьянство. В начале XX в. в связи с усилением разорения крестьян, особенно в итоге проведения столыпинской аграрной реформы, возрос приток в города и местечки Белоруссии сельского населения, которое в большей степени чем прежде, стало вливаться в ряды рабочего класса, что привело к уменьшению в его составе выходцев из мещан. Например, в 1907 г. на спичечной фабрике «Виктория» (гор. Борисов) мещане составляли 64,6% рабочих[40], а к 1913 г. процент их сократился до 47,7[41].

Одним из каналов пополнения рядов рабочего класса Белоруссии являлись члены рабочих семей — женщины и дети. При некоторых крупных промышленных предприятиях и на железнодорожных станциях существовали училища, в которых обучались преимущественно дети рабочих. После окончания учебы они вливались в ряды рабочего класса и часто трудились вместе со своими родителями, братьями и сестрами. Так, например, в конце XIX в. на одном из старейших предприятий Белоруссии — табачной фабрике Шерешевского в Гродно администрация для получения квалифицированных кадров приучала «незнакомых с фабричным производством рабочих с малолетства к табачному производству... С помощью субсидии казны фабрика открыла училище для малолетних девочек»[42]. Когда на этом предприятии в 1895 г. вспыхнула забастовка, фабрикант угрожал уволить «родителей и братьев папиросниц»[43]. В 1897 г. среди рабочих и прислуги женщины составляли в Витебской губернии 42,4%, Минской — 37,8%, Гродненской — 36,6% и в Могилевской — 35,4%[44]. Особенно много женщин было среди прислуги. На фаб-

---

[37] З. Е. Абезгауз. Указ. соч., стр. 70, 74—76.

[38] Среди железнодорожников Белоруссии в конце XIX — начале XX в. они составляли до 50% телеграфистов, свыше 40% машинистов и 30% счетоводов, конторщиков, кассиров. См. В. А. Титок. Указ. соч., стр. 11.

[39] В. Ю. Меркис пришел к выводу, что в конце прошлого столетия «городская и местечковая беднота в Литве играла в формировании рабочего класса роль более значительную, чем в других промышленных районах России». См. В. Ю. Меркис. Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969, стр. 370.

[40] Подсчитано по: ЦГИА БССР в Минске, ф. 311, оп. 1, д. 37, лл. 118, 124.

[41] Подсчитано по: ЦГАОР БССР, ф. 30, оп. 1, дд. 243—246.

[42] ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 6, д. 147, л. 2.

[43] ЦГАОР СССР, ф. 1157, оп. 1, д. 39, л. 214.

[44] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, стр. 243.

риках и заводах женщин насчитывалось гораздо меньше. Так, на промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, по пяти белорусским губерниям они составляли в 1901 г. 29,8%, а в 1913 г.—30,9% занятых там рабочих. Что касается малолетних и подростков, то в начале XX в. они составляли около 14% всех рабочих[45]. У многих из них родители трудились на фабриках и заводах.

Поскольку обобщенных данных по этому вопросу нет, проиллюстрируем вышесказанное отдельными примерами, обработав материалы профессиональной переписи 1918 г. Из личных карт, которые заполнялись на каждого проходившего перепись, видно, что в 1913 г. на стекольном заводе в с. Глуша Бобруйского уезда у 71 рабочего (из 140) на этом же предприятии трудились родители, а у 66-ти — братья и сестры[46]. На таком же заводе в поселке Старево того же уезда у 66 рабочих тут же работали родители, у 5-ти — деды, у 41-го — братья и сестры. На этом предприятии трудились целые рабочие династии: у шлифовщика Александра Козловского на заводе работали отец и дед. Здесь же трудились четверо его детей, которые являлись продолжателями династии Козловских[47]. Много рабочих семей работали накануне и в годы первой мировой войны на спичечных фабриках «Березина» и «Виктория» в Борисове, на Витебской льнопрядильной фабрике «Двина»[48]. Несмотря на отрывочность и неполноту вышеприведенных сведений, у нас есть все основания утверждать, что из числа рабочих семей формировались потомственные пролетарии. Роль этого источника с развитием капитализма возрастала.

В годы первой мировой войны изменившаяся обстановка наложила отпечаток на процесс роста рабочего класса Белоруссии. Большая часть трудоспособных мужчин была мобилизована в армию. Из сельской местности Минской, Могилевской и Витебской губерний к сентябрю 1917 г. под ружье было поставлено 634 тыс. человек[49]. В условиях войны в белорусской деревне усилилась классовая дифференциация. В то же время мобилизации вырвали из промышленности много опытных пролетариев. Только за 10 месяцев войны, с октября 1914 г. по июль 1915 г. в Белоруссии было призвано в армию около 24 тыс. рабочих[50]. Несмотря на мобилизацию крестьян в армию и привлечение оставшихся на местах к военно-полевым работам, часть сельского населения все же попадала на промышленные предприятия и пополняла ряды местного пролетариата. На железных дорогах Белоруссии, как и в прежние годы, большинство рабочих являлось выходцами из крестьян. К началу 1917 г. они, например, составляли 66,8% среди мастеровых и рабочих службы тяги Полесских железных дорог[51]. Немало их было и на частнокапиталистических предприятиях. Из 34 рабочих машиностроительного завода «Товарищества Якобсон, Лившиц и К°» в Минске, внесенных администрацией в список для представления отсрочек от призыва в армию в 1915 г., 39,2% были выходцами из крестьян. Как видно из того же источника, 42,8% рабочих машиностроительного завода Янишевского, 23% кожевенного завода Сальмана в Минске имели также крестьянское происхождение[52].

---

[45] Подсчитано на основании «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1901 г.» СПб., 1904, стр. 28—29 и за 1913 г. Пг., 1914, стр. 24—25.

[46] Подсчитано по: ЦГАОР БССР, ф. 30, оп. 1, дд. 100, 101.

[47] Подсчитано по тем же материалам, д. 97, лл. 27, 29, 35, 45, 147.

[48] ЦГАОР БССР, ф. 30, оп. 1, дд. 227, 224, 243, 244; ЦГИА БССР в Минске, ф. 2592, оп. 1, д. 297, л. 30.

[49] «Россия в первой мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)». М., 1925, стр. 49.

[50] Подсчитано по: ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, дд. 2676, 2677, 2678, 2679.

[51] Подсчитано по: ЦГИА БССР в Минске, ф. 2145, оп. 3, дд. 2 и 3.

[52] Подсчитано по: ЦГИА БССР в Минске, ф. 311, оп. 1, д. 87.

42,3% рабочих конфетной фабрики в имении Наровля, 93,9% рабочих завода по изготовлению топоров в Полоцке, 56,2% рабочих обувной фабрики «Орел» в Минске происходили также из крестьян. Аналогичное положение было во многих отраслях промышленности и на транспорте Белоруссии.

Кроме крестьян в ряды рабочего класса в рассматриваемое время вливались представители городских слоев. В 1917 г. они составляли 27,6% рабочих службы подвижного состава и тяги на Полесских железных дорогах, 52,9% рабочих машиностроительного завода «Товарищества Якобсон, Лившиц и К°», 37,2% рабочих обувной фабрики «Орел», 76,9% рабочих кожевенного завода Сальмана в Минске. Все 107 рабочих обмундировочных мастерских фирмы «Шварц и бр. Рызман» были выходцами из мещан [53].

Состав пролетариата пополнялся также за счет членов семей рабочих, причем в годы войны на заводах стали работать и эвакуированные из Польши работники стекольной промышленности и их дети. Помимо этого, в ряды рабочего класса Белоруссии вливались беженцы и военнопленные. Но если ранее в промышленность шли главным образом разоренные крестьяне, ремесленники и кустари, то в условиях военного времени на промышленные предприятия направлялись и зажиточные крестьяне, кулаки, мелкие буржуа, пока избежавшие мобилизации и рассчитывавшие за фабричными стенами укрыться от военной службы.

С конца XIX в. в общей численности рабочих Белоруссии стало возрастать количество женщин, труд которых начал широко применяться во многих отраслях промышленности. В годы войны значительно возрос удельный вес женщин, занятых в промышленном производстве,— с 1913 по 1916 г. он увеличился с 29,3 до 39,9 или на 10,6% [54]. Много женщин было занято в льнопрядильной, шерстоткацкой, табачной, писчебумажной, спичечной промышленности, а также в швейных мастерских.

Промышленный пролетариат Белоруссии формировался в основном из местного населения. По данным переписи 1897 г. только 18,6% рабочих были уроженцами других, в том числе и северо-западных губерний. В конце XIX — начале XX в. свыше 80% рабочих и служащих Либаво-Роменской, Динабурго-Витебской (части Риго-Орловской) и Полесских железных дорог родились в Белоруссии. Примерно такая же картина наблюдалась на железных дорогах накануне первой мировой войны. Остальные рабочие являлись выходцами из Московской, Тверской, Смоленской, Калужской, Орловской, Нижегородской, Владимирской, Черниговской, Киевской губерний, Польши [55]. То же самое происходило на частнокапиталистических предприятиях дореволюционной Белоруссии. Материалы профессиональной переписи 1918 г. свидетельствуют, что в 1913 г. абсолютное большинство рабочих промышленных предприятий здесь являлись местными уроженцами. Среди пришлых рабочих были пролетарии из центральных промышленных губерний России [56], многие

[53] Подсчитано по: ЦГВИА, ф. 1915, оп. 4, д. 2, лл. 642—644 и ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 49485, лл. 9—16, 17—18, 54—62; ф. 311, оп. 1, д. 92, лл. 5—9, 21—25.

[54] Подсчитано на основании «Материалов к учету рабочего состава и рабочего рынка», вып. I, Пг., 1921, табл. I, стр. 66—69, 76—77; вып. II, Пг., 1922, стр. 76—77, 82—83; «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, Пг., 1922, стр. 134—135; ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 203, л. 63.

[55] З. Е. Абезгауз. Указ. соч., стр. 106; В. А. Титок. Из истории формирования железнодорожного пролетариата Белоруссии. Материалы конференции молодых ученых АН БССР. Общественные науки. Минск, 1965, стр. 12; ЦГИА БССР в Минске, ф. 2415, оп. 3, дд. 2, 3; ф. 3201, оп. 1, дд. 101—1373.

[56] ЦГАОР БССР, ф. 30, оп. 1, дд. 97, 100—101, 243—246.

из которых имели большой производственный стаж и опыт участия в революционном движении, что оказывало революционизирующее влияние на рабочий класс Белоруссии, а также содействовало росту интернационального единства и классовой солидарности между трудящимися всех национальностей. В свою очередь, выходцы из Белоруссии направлялись в Петроград, Москву, Польшу, на Украину и в другие районы страны, где они вливались в ряды местного пролетариата.

Вместе с развитием капиталистической промышленности происходил быстрый рост численности рабочего класса, что являлось характерной особенностью формирования пролетариата России. С 1879 по 1900 г. количество рабочих в фабрично-заводской промышленности Белоруссии увеличилось с 2,6 до 25,9 тыс., или в 9,9 раза (в 1900 г. в цензовой промышленности насчитывалось 31,1 тыс. человек). Это были высокие темпы роста, бóльшие, чем в промышленности всей страны. Численность же рабочих во всех отраслях промышленности Белоруссии, включая мануфактурное и мелкокапиталистическое производства, за это время возросла с 13,6 до 36,8 тыс., или в 2,6 раза, т. е. темпы роста были такими же, как и по России в целом. Наибольшее количество рабочих в конце XIX ст. было сосредоточено в пищевкусовой промышленности —10 653 человека (в том числе 5296 в винокуренно-водочной, 3309 в табачной, 640 в крахмально-паточной), металлообрабатывающей, включая сюда железнодорожные мастерские —5685 человек, кирпично-гончарной —3133, деревообрабатывающей —3086, спичечной —2765, стекольной —2501, текстильной — 2364, картонно-бумажной — 1655 человек.

Основная часть промышленных рабочих Белоруссии концентрировалась на предприятиях, связанных с переработкой местного сельскохозяйственного и минерального сырья, а также леса. Начиная с 80-х годов XIX в. увеличивается численность рабочих винокуренной и табачной отраслей, а в 90-е годы — лесопильной, деревообрабатывающей, спичечной, стекольной, кирпично-гончарной, бумагокартонной и металлообрабатывающей промышленности. Особенно важно отметить рост рабочих в промышленности по обработке металла, которые в основном были сконцентрированы в железнодорожных мастерских.

В начале XX в. происходило дальнейшее увеличение численности рабочих в основных отраслях промышленности Белоруссии. Если в крупной (цензовой) промышленности в 1900 г. насчитывалось 31,1 тыс., то в 1913 г.— 54,9 тыс., что составило рост в 76,7%. Накануне первой мировой войны, как и прежде, больше всего рабочих было сконцентрировано в пищевкусовом производстве (12,4 тыс.), деревообрабатывающей (10,7 тыс.), металлообрабатывающей (8,5 тыс.), стекольной (4,6 тыс.), текстильной (4,4 тыс.) и спичечной (3,2 тыс.) промышленности. Наиболее быстрыми темпами увеличение численности рабочих происходило в деревообрабатывающей (221,3%), металлообрабатывающей (178,4%) и текстильной (141,7%) отраслях производства [57].

Одним из отрядов рабочего класса являлись железнодорожники, численность которых росла чрезвычайно быстро. В Белоруссии их насчитывалось в 1900 г.—30,5 тыс.[58], а в 1913 г.—50,5 тыс.[59] Если исключить из этих цифр рабочих железнодорожных мастерских, которые были

---

[57] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 48, 52, 55, 57, 60, 61, 63, 67, 76.

[58] З. Е. Абезгауз. Указ. соч., стр. 90.

[59] Подсчитано по: «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 195 из расчета 13 рабочих на версту железнодорожного пути.

включены в состав металлистов при рассмотрении динамики фабрично-заводской промышленности, то количество железнодорожников составит в 1900 г. 26 тыс., а в 1913 г.—44,6 тыс. человек.

Большая часть рабочих трудилась в кустарно-ремесленном производстве Белоруссии: в 1900 г.— 144 тыс., а в 1913 г.— 184,8 тыс. человек[60].

Обслуживающий мелкое производство персонал не был однородным. В его состав, помимо наемных рабочих, входили и владельцы ремесленных мастерских, а также ремесленники-одиночки, принимавшие непосредственное участие в производстве. Как собственники орудий труда они являлись мелкими буржуа, в то время когда наемные рабочие по своему социальному положению и классовым интересам примыкали к фабрично-заводскому пролетариату. Рабочие ремесленных мастерских часто попадали под влияние хозяев, среди них были довольно живучи мелкособственнические устремления, что затрудняло рост их классового самосознания.

Кроме того, к промышленному пролетариату примыкали другие слои трудящихся — строители, чернорабочие, грузчики, прислуга и другие. В 1913 г. их насчитывалось около 180 тыс., а постоянных сельскохозяйственных рабочих 200 тыс. человек[61]. Таким образом, общая численность армии наемного труда накануне первой мировой войны составила примерно 600 тыс. человек. По сравнению с 1900 г. она увеличилась почти в полтора раза.

Значительные изменения произошли в численности рабочего класса в годы первой мировой войны. В связи с мобилизацией в армию, эвакуацией многих промышленных предприятий в глубь страны и оккупацией немецкими войсками Гродненской, а также части Виленской и Минской губерний, количество занятых в промышленном производстве лиц, сократилось. Если в 1913 г. в цензовой промышленности Белоруссии насчитывалось 54,9 тыс. рабочих, то в 1917 г. их численность уменьшилась до 25,1 тыс.[62] Сократилось и количество железнодорожников. К концу 1916 г. протяженность железнодорожной сети Белоруссии составляла 2959 верст[63]. Считая по 10 человек на версту пути, получим, что численность рабочих на железных дорогах составила около 30 тыс. человек. По сравнению с предвоенным временем она сократилась на 20 тыс. Следовательно, в крупном промышленном производстве было занято около 55 тыс. рабочих.

В 1917 г. наибольшее количество рабочих цензовой промышленности Белоруссии было сосредоточено в деревообрабатывающей (5,9 тыс.), легкой (4,5 тыс., в том числе в текстильной —2,6 тыс.), пищевкусовой (3,5 тыс.), металлообрабатывающей (1,6 тыс.) промышленности и железнодорожных мастерских (3,6 тыс. человек)[64]. За годы войны значительно увеличился удельный вес рабочих, занятых в легкой промышленности, в том числе в текстильной, швейной, кожевенной, обувной отраслях, ибо здесь выполнялись заказы военного ведомства. По той же причине возрос удельный вес рабочих металлообрабатывающей промышленности и железнодорожных мастерских.

---

[60] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 11.

[61] Там же, стр. 373; «Победа Советской власти в Белоруссии». Минск, 1967, стр. 27, 31; «Гісторыя Беларускай ССР», т. 2, стр. 471.

[62] «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 92, 95.

[63] Там же, стр. 296.

[64] «Социалистические преобразования в экономике Белоруссии в 1917—1920 гг.», стр. 73.

К числу пролетариев, занятых в крупной промышленности, следует также отнести рабочих воинских мастерских, мастерских Всероссийского земского союза и Союза городов, расположенных на территории Белоруссии. Подсчеты, сделанные на основании материалов ЦГВИА, показывают, что их здесь насчитывалось приблизительно 20—25 тыс. человек. Они в значительной степени компенсировали потери в количественном составе, которые понес местный пролетариат в результате мобилизаций в армию.

Концентрация рабочих цензовой промышленности Белоруссии в начале XX в.* (в %)

Размер предприятий	1900 г.	1913 г.	1917 г.
16—50 рабочих	36,4	32,4	18,5
51—100	15,1	18,1	19,1
101—500	24,0	30,7	34,2
свыше 500	24,5	18,8	28,2

* «Экономика Белоруссии в эпоху империализма», стр. 17,107.

Сведений о количестве рабочих в мелкой промышленности в годы войны у нас нет. Считая, что в ней было занято в три раза больше работников, чем в крупной, к 1917 г. численность рабочих в мелкой промышленности Белоруссии составит примерно 165—170 тыс. человек. Всего же общее количество пролетариев, занятых в промышленном производстве на территории Белоруссии (не оккупированной немецкими войсками) в 1917 г. составило 240—250 тыс., т. е. было на 30—35 тыс. меньше, чем в предвоенное время.

Большое значение в формировании пролетариата имеет его концентрация, что видно из таблицы.

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что в то время, как на мелких предприятиях (с числом рабочих до 50 человек) количество пролетариев относительно сокращалось, то на крупных (свыше 500 человек) оно увеличивалось и в 1917 г. на них было сконцентрировано почти $^1/_3$ рабочих. Сравнивая эти данные с концентрацией рабочих по России в целом, отметим, что в Белоруссии накануне первой мировой войны она была гораздо меньшей. Если на сравнительно мелких фабрично-заводских и цензовых предприятиях, на каждом из которых трудилось до 50 человек, по России было занято 10,2% рабочих, то по Белоруссии — 32,4%. Совершенно противоположная картина наблюдалась на предприятиях с числом рабочих более 500 — по России они концентрировали 56,5% рабочих[65–66], а в Белоруссии — 18,8%. Относительно слабая концентрация фабрично-заводских рабочих являлась специфической особенностью пролетариата Белоруссии и объясняется своеобразием отраслевой структуры ее промышленности, в которой преобладали средние и мелкие по величине предприятия.

В годы первой мировой войны, несмотря на некоторое сокращение общей численности рабочих, возросла их концентрация. Довольно высокой она была на промышленных предприятиях Всероссийского земского союза и Союза городов, расположенных в Белоруссии. На некоторых из них трудилось по 400, 600 и даже 700 человек.

Основная часть рабочего класса Белоруссии была распылена по мелким предприятиям, а удельный вес пролетариев, занятых в крупной промышленности, был сравнительно небольшим. Это являлось одной из особенностей формирования пролетариата дореволюционной Белоруссии по сравнению с другими, более развитыми в промышленном отношении районами России, вытекавшей из своеобразия отраслевой структуры ее

[65–66] П. А. Хромов. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960, стр. 7.

промышленного производства. Рабочие мелких и средних предприятий, особенно расположенных в сельской местности, имели еще некоторую связь с землей, что отрицательно влияло на рост их политической сознательности и революционной активности.

Рабочий класс Белоруссии накануне свержения царизма состоял из следующих отрядов: рабочие фабрично-заводской промышленности и железнодорожных мастерских, мелкой промышленности, транспортные рабочие, строители, рабочие, занятые в торговле, коммунальных учреждениях, чернорабочие и прислуга. Большой отряд составляли сельскохозяйственные рабочие. Из этих категорий рабочих в начале XX в. стала возрастать роль фабрично-заводского пролетариата, особенно рабочих железнодорожных мастерских и депо. Фабрично-заводской пролетариат отличался от остальных составных частей рабочего класса более высокой степенью концентрации, более продолжительным производственным стажем и наличием прослойки кадровых рабочих, более высоким общеобразовательным и культурным уровнем, пролетарской сознательностью и пониманием своих классовых задач, что делало его авангардом всех трудящихся в их борьбе против царизма и капитализма. Особенно важное значение эти качества приобретали на империалистической стадии развития капитализма, когда до предела обостряются классовые противоречия между трудом и капиталом, и перед пролетариатом встают задачи практического руководства массовой революционной борьбой.

Несмотря на специфику развития промышленности Белоруссии здесь складывались кадры постоянных рабочих. К началу XX в. на промышленных предприятиях с количеством работающих более 50 они составляли по Гродненской губернии 98%, Виленской и Витебской — 88, Могилевской — 85 и Минской — 79% [67]. Из числа этих рабочих и формировалась прослойка кадровых пролетариев с большим производственным стажем потомственных рабочих. Это можно подтвердить рядом примеров, ибо обобщающих данных по этому вопросу у нас нет.

В начале XX в. 69,9% рабочих Добрушской писчебумажной фабрики трудились свыше 10 лет, а 28,9% — более 20 лет, в то время как рабочих с производственным стажем до 5 лет насчитывалось 25,4% [68]. Это дает основание считать, что на данном предприятии имелось значительное количество кадровых рабочих. В 1913 г. на спичечной фабрике «Виктория» в Борисове 59,6% рабочих имели трудовой стаж до 5 лет, 14,3% — 6—10 лет, а 26,1% — свыше 10 лет. В то же время на стекольном заводе в с. Старево Бобруйского уезда рабочих со стажем до 5 лет было 47,8%, 6—10 лет — 21,2%, свыше 10 лет — 31% [69]. В 1917 г. на стекольном заводе в с. Наспа Рогачевского уезда 8,9% рабочих имели производственный стаж 16—20 лет, а 22,3% — более 20 лет. Более 20 лет трудилось на промышленных предприятиях 22,6% рабочих кожевенного завода Сальмана в Минске, 19,2% проволочно-гвоздильного завода в Речице [70]. Большая часть рабочих со значительным производственным стажем имелась среди железнодорожников, главным образом в депо и ремонтных мастерских, а также в службе подвижного состава и тяги. Накануне первой мировой войны 87,7% рабочих Гомельских железнодорожных мастерских имели стаж работы более 10 лет, а 59,6% — свыше 16 лет. Среди штатных мастеровых и рабочих службы тяги Полес-

[67] А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России. СПб., 1906, стр. 101, картограмма № 17.

[68] ЦГИА БССР в Минске, ф. 3011, оп. 1, д. 163, лл. 1—114.

[69] Подсчитано по: ЦГАОР БССР, ф. 30, оп. 1, дд. 100, 101, 243—246.

[70] ЦГАОР БССР, ф. 30, оп. 1, д. 704, лл. 1—288; д. 524, лл. 2—64; д. 741, лл. 16—232.

ских железных дорог, производственная деятельность которых протекала на территории Белоруссии, 76,1% имели трудовой стаж свыше 10 лет, а 33,9% более 16 лет [71].

Во время первой мировой войны увеличилось количество рабочих с небольшим трудовым стажем (до 5 лет). Это особенно ярко проявилось в стекольном, спичечном, писчебумажном производствах, где взамен ушедших на войну, в ряды рабочего класса влились выходцы из мелкобуржуазной среды, а также дети и подростки. Но тем не менее на ряде крупных промышленных предприятий и железнодорожных мастерских, сохранилась прослойка кадровых пролетариев, имевших большой производственный стаж и богатый жизненный опыт. Многие из них прошли школу революционной борьбы и вместе с рабочими воинских мастерских, размещенных в Белоруссии, оказывали влияние на широкие массы трудящихся. Хотя по отношению к общему количеству рабочих эта пролетарская прослойка была сравнительно немногочисленна, ее значение в деле идейного воспитания и сплочения рабочего класса было очень велико. В труднейших условиях военного времени под руководством большевистских организаций они разъясняли всем рабочим, крестьянам, солдатам большевистские лозунги по вопросам войны, мира и революции, готовили угнетенных и порабощенных к предстоящим революционным боям.

Вместе с тем в начале XX в. немало рабочих Белоруссии сохраняли еще связь с землей. Это относилось прежде всего к рабочим винокуренных, лесопильных, кирпичных, кафельных, картонно-бумажных фабрик. Нередко рабочие, являясь владельцами небольших участков земли, трудились на промышленных предприятиях, а земля обрабатывалась их родственниками. В страдную пору посева, сенокоса и уборки урожая, они оставляли фабрики и заводы и направлялись в деревню для помощи в сельскохозяйственных работах, после окончания которых снова возвращались на промышленные предприятия. Так, по сведениям старшего фабричного инспектора Могилевской губернии (в начале XX в.), рабочие кафельно-изразцовых заводов Копыси «в пору полевых работ уходят с заводов на короткие сроки в деревни», и поэтому с приближением полевых и огородных работ в городе ощущается недостаток рабочих [72]. Небольшими участками земли пользовались рабочие Добрушской писчебумажной фабрики. В 1910 г. 167 рабочих этого предприятия арендовали у владельцев землю, а арендная плата удерживалась с них по ведомостям при выдаче заработка [73]. То же самое можно сказать и о рабочих писчебумажной фабрики «Скина» в Лепельском уезде Витебской губернии.

Связь с землей существовала у части рабочих Белоруссии и в годы первой мировой войны, например, на спичечных фабриках «Виктория» в Борисове и «Днепр» в Речице, писчебумажных фабриках в Шклове и «Скина» в Лепельском уезде, проволоко-гвоздильном заводе в Речице, суконной фабрике в Горецком уезде и других предприятий [74]. Эти категории рабочих, а также выходцы из других непролетарских слоев населения, как правило, легко поддавались влиянию оппортунистических идей, что в значительной степени осложняло работу большевистских организаций в деле политического воспитания рабочего класса и всех тру-

---

[71] Подсчитано по: ЦГИА БССР в Минске, ф. 3012, оп. 1, дд. 101—1373; ф. 2415, оп. 3, дд. 2 и 3.

[72] ЦГИА УССР, ф. 575, оп. 1, д. 244, л. 7; ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, д. 865, л. 12.

[73] ЦГИА БССР в Минске, ф. 3011, оп. 1, д. 208, лл. 11—12; д. 376, лл. 6—13.

[74] ЦГАОР БССР, ф. 30, оп. 1, дд. 222, 247, 363, 413, 417, 490, 573; ЦГИА БССР в Минске, ф. 3012, оп. 1, д. 42, л. 12; «Труды ЦСУ», т. XXVI, ч. 2, М., 1928, стр. 128—129.

дящихся. Связь с землей части рабочих, отвлекая их от участия в стачечном движении, сдерживала его размах, ослабляла силу удара по капиталистам, буржуазии и самодержавию. Но вместе с тем общение городских рабочих с крестьянами, рассказы о жизни пролетариата в промышленных центрах и других районах страны побывавших там отходников, наряду с агитационной деятельностью большевиков, способствовали вовлечению деревенской бедноты и середняков в революционную борьбу против помещиков и кулачества, установлению и укреплению союза рабочего класса с крестьянством.

Характерной особенностью пролетариата дореволюционной Белоруссии являлся его многонациональный состав. На промышленных предприятиях, находившихся в сельской местности и на железных дорогах преобладали белорусы, русские, поляки. Из личных дел железнодорожников видно, что преобладающая часть их была православной по вероисповеданию, т. е. состояла из русских, белорусов, украинцев. По данным переписи 1897 г., среди железнодорожников Минской и Могилевской губерний русские составляли 40,6%, белорусы — 40,5%, поляки — 4,4%, украинцы — 1,5%. В фабрично-заводской промышленности была также большая доля белорусов, русских, поляков, а вместе с рабочими-железнодорожниками в конце XIX в. они составляли не менее 75% работников этих отраслей производства [75], причем по количественному составу больше всего среди них было белорусов.

На национальный состав промышленного пролетариата не мог не оказать влияния тот факт, что Белоруссия была расположена в таком географическом районе России, на который распространялось действие «черты еврейской оседлости». Лишенные свободы перемещения и выбора места жительства вне городских поселений, евреи были искусственно сконцентрированы в городах и местечках Белоруссии. В таких условиях еврейская беднота искала средства для своего существования в сферах городской промышленности и торговли, устремляясь на фабрики, заводы, в ремесленные мастерские. В Белоруссии имелись промышленные предприятия, на которых контингент рабочих состоял исключительно из евреев. Рабочие-евреи преобладали в ремесленной и мелкой промышленности. На многих фабриках и заводах был смешанный национальный состав рабочих. В 1913 г. на спичечной фабрике «Виктория» в Борисове белорусы составляли 37,4%, русские — 3,5, поляки 10,9, евреи — 49,7% рабочих, а в 1909 г. на спичечной фабрике «Березина» в том же Борисове белорусы, русские, украинцы составляли 48,8%, евреи — 48,2%, поляки — 3% [76]. В начале XX в. происходило увеличение удельного веса белорусов и русских и сокращение процента евреев в общем количестве рабочих фабрично-заводской промышленности. Среди еврейских рабочих, занятых в мелкой промышленности, были еще живучи идеи оппортунизма и национализма, проповедуемые Бундом. Вместе с тем многонациональный состав пролетариата Белоруссии использовался фабрикантами и заводчиками для разжигания национальной вражды между рабочими, усиления эксплуатации. Поэтому перед большевиками стояла сложная задача освобождения еврейских рабочих от влияния Бунда и привлечения их на свою сторону.

Примерно половина рабочих Белоруссии к концу прошлого века были грамотными. Наибольшее количество грамотных было среди ме-

---

[75] М. О. Бич. Развитие социал-демократического движения в Белоруссии в 1883—1903 гг. Минск, 1973, стр. 18.

[76] ЦГИА БССР в Минске, ф. 454, оп. 1, д. 12, лл. 1—17; ЦГАОР БССР, ф. 30, оп. 1, дд. 97, 227, 243—246.

таллистов, железнодорожников. В начале XX в. число грамотных среди рабочих увеличилось. Если в 1897 г. грамотность фабрично-заводских рабочих Европейской России составляла 50,3% к их общему числу, то к 1918 г. она увеличилась до 64% [77]. Возросла и грамотность рабочих Белоруссии, которая была более высокой, чем грамотность всего населения. Если в 1897 г. по Минской и Могилевской губерниям было 48% грамотных рабочих, то к 1918 г. этот процент возрос до 67 [78]. Грамотные рабочие имели объективные предпосылки для расширения своего политического кругозора и превращения в сознательных борцов за освобождение от капиталистического гнета и установление власти трудящихся.

В деле свержения царизма и установления диктатуры пролетариата важную роль играет размещение значительного количества рабочих, и в первую очередь пролетарского ядра, в решающих для победы революции пунктах, которыми являлись обычно торгово-промышленные и административные центры.

В России судьба революций — как Февральской, так и Октябрьской — решалась в столицах, важнейших политических и торгово-промышленных центрах страны, где был сосредоточен, по выражению В. И. Ленина, «ударный кулак» пролетариата, при условии поддержки его значительными силами на местах. «Столицы... в значительной степени решают политическую судьбу народа,— разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами» [79].

Одним из таких районов была Белоруссия, в которой имелся 250-тысячный отряд рабочих во главе со своим авангардом в лице фабрично-заводских пролетариев и железнодорожников. К началу 1917 г., т. е. в канун Февральской революции, преобладающая часть местного пролетариата, занятого в крупной промышленности, была сосредоточена в основных торгово-промышленных центрах данного региона, какими являлись Минск, Витебск, Гомель, Бобруйск, Борисов, Полоцк, Орша. Некоторые из указанных городов были крупными железнодорожными узлами и имели постоянные связи со столицами, что во время революции имело очень важное значение. Помимо пролетариев фабрично-заводской промышленности, в городах и местечках Белоруссии насчитывалось большое количество рабочих, занятых в мелком и ремесленном производствах. К началу 1917 г. в Минске было 30 тыс. рабочих, в Гомеле — 25 тыс., Витебске — 18 тыс., Могилеве — 7 тыс. [80] На территории Белоруссии в конце 1916 — начале 1917 г. находились учреждения и организации Всероссийского земского союза и Союза городов с большим штатом служащих, среди которых имелись большевики и сочувствующие им. Если учесть еще сельскохозяйственных рабочих и большое количество солдат Западного фронта, многие из которых шли за большевиками, то нужно признать, что в Белоруссии были налицо вполне реальные силы, на которые могли опереться большевики, ведя пролетариат и крестьянство на свержение самодержавия, на победу буржуазно-демократической, а затем и социалистической революции.

Рабочий класс Белоруссии как составная часть пролетариата России принимал непосредственное участие во всех классовых битвах на-

---

[77] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 593, 601.

[78] «Социальные изменения рабочего класса Белоруссии в процессе строительства коммунизма». Минск, 1965, стр. 14.

[79] В. И. Ленин. ПСС, т. 40, стр. 6—7.

[80] «Документы и материалы по истории Белоруссии», т. III, стр. 886; Т. Е. Солодков. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма. Минск, 1967, стр. 297; «Победа Советской власти в Белоруссии». Минск, 1967, стр. 62; «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. 1. Минск, 1968, стр. 250.

чала XX в., идя в авангарде революционной борьбы. Роль пролетариата как гегемона трудящихся особенно ярко проявилась во время революции 1905—1907 гг., когда он повел за собой против царизма крестьян, солдат, демократическую интеллигенцию, учащихся. Исторический опыт, полученный пролетариатом в это время, позволил ему возглавить борьбу трудящихся в годы реакции и нового революционного подъема. Пролетариат Белоруссии продолжал вести революционную борьбу и в период первой мировой войны. Хотя открытых выступлений рабочих в это время здесь было сравнительно немного, в среде трудящихся росло недовольство царизмом. По мере продолжения войны, под воздействием большевистской агитации революционная энергия пролетариата с особой силой проявилась в решительных действиях рабочих, крестьян и солдат против царизма в февральско-мартовские дни 1917 г. Рабочий класс Белоруссии принял самое активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции.

П. Г. РЫНДЗЮНСКИЙ

РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И ЕГО КЛАССОВЫЕ ОСНОВЫ (1861—1904 гг.)

Полоса революционных выступлений в Европе 1848—1849 гг. завершилась... Изучая перспективы дальнейшего революционного процесса, основоположники научного коммунизма большое внимание уделяли положению дел в России. Падение русского царизма расценивалось ими как одно из первых необходимых условий для победы революции в Европе. Ф. Энгельс отмечал, что сорокамиллионному русскому народу нельзя «навязать извне какое-либо движение. Да этого вовсе и не требуется» [1]. У него, как и у К. Маркса, сложилось стойкое убеждение в близости революции в России, которая откроет новые перспективы для мирового революционного движения. Они были уверены, что русский народ сам одолеет царизм — этот последний сильный оплот реакции в Европе. «Грозное недовольство крестьян (в России.— *П. Р.*) уже теперь такой факт, с которым приходится считаться как правительству, так и всем недовольным оппозиционным партиям»,— писал Ф. Энгельс в 1875 г. [2].

К. Маркс и Ф. Энгельс в обращениях к русским общественным деятелям подчеркивали особую важность стоявшей перед ними исторической задачи — организации народных сил для победы над царизмом.

Русским современникам К. Маркса и Ф. Энгельса, людям прогрессивных взглядов, в этом многое мешало. В их среде были распространены народнические взгляды. Преувеличение исторического значения государства вытекало из самой логики народнической концепции; к тому же сильно сказывалось влияние университетской исторической науки, государственной школы в историографии. Отсюда шло представление о государстве, о монархии в России как об отделенной от общества, стоящей над ним, независимой от борьбы классовых интересов силе. Это задерживало выработку революционного отношения к самодержавию, поддерживало либеральные иллюзии у идеологов революционной демократии или создавало ложное представление о слабости царизма, вплоть до признания возможности того, что «одряхлевшее правительство, не дожидаясь восстания, решится пойти на самые широкие уступки народу» [3].

Утратив прежний революционный потенциал, народничество к концу XIX в. изменилось политически, перейдя на либеральные, соглашательские по отношению к царизму позиции. Помимо главной причины — изменения социальной структуры деревни — немаловажное значение для политической эволюции буржуазной демократии имело и псевдонародное оформление правительственного режима, особенно характерное для

[1] «К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 74.
[2] Там же, стр. 76.
[3] «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I. Из программных документов «Народной воли». Подготовительная работа партии. М.— Л., 1965, стр. 175.

времени Александра III. Оно проявлялось многообразно: в оформлении правительственных документов и разного рода правительственных церемоний, и в лицемерной защите «патриархальных», «общинных» традиций. Идеалистически-субъективистская основа идеологии мелкобуржуазных демократов обусловливала их веру в возможность убедить не только так называемое «общество», но и самодержавие, бюрократию направить ход дел по «правильному» пути. Они усматривали в этом залог осуществления своих либерально-народнических идеалов, полагая, что общественное мнение и аппарат управления являются могущественными средствами для разрешения всех назревших вопросов [4].

В новой общественно-экономической обстановке конца XIX — начала XX в. в среде мелкобуржуазной интеллигенции все более усиливались оппортунистические тенденции. Среди тех, кого В. И. Ленин называл «эсеровскими меньшевиками» (Пешехонов и др.), выявилась готовность отказаться от борьбы за республику. Это обосновывалось тем, что якобы «идея монархии слишком прочно засела в народное сознание» [5]. Так люди, претендовавшие на то, чтобы определять пути борьбы за народное освобождение, готовы были не бороться с монархическими предрассудками, а закреплять их и исходить из них.

Особое значение имело ошибочное понимание классовой сущности государства и его исторической роли у той части интеллигенции, которая одно время разделяла марксистские позиции революционной социал-демократии, а затем встала на путь ревизионизма и оппортунизма. Наиболее показателен в этом отношении пример Г. В. Плеханова. Надо заметить, что толкование им роли и сущности государства в классово-антагонистических формациях всегда было сильно уязвимо. Плеханов признавал роль государства как аппарата классового насилия, но вместе с тем склонен был подчеркивать значение государства как организации сотрудничества классов. В статье «О материалистическом понимании истории» появление государства он ставил в связь с таким абстрактно-объективистски обозначенным фактором, как «непосредственное влияние нужд общественно-производительного процесса». На примере Плеханова хорошо видно, как неточности в решении теоретического вопроса обусловливали искаженное понимание конкретных задач политической борьбы. Внеклассовое, метафизическое толкование государства не позволило ему принять лежащую в основе ленинской программы разрешения аграрного вопроса в буржуазно-демократической революции мысль о национализации земли как акте революционного правительства рабочих и крестьян. Меньшевики, как и вообще буржуазные демократы, в своем общественном мировоззрении не могли отмежеваться от буржуазной государственной школы права и государственной исторической школы, что мешало им правильно ориентироваться как в вопросах теории, так и в политике. Плеханов реставрировал основные положения государственной исторической школы Чичерина — Соловьева о независимости русского самодержавия от объективных, в первую очередь экономических, факторов, прибавив к этому, что в России борьба классов «в течение очень долгого времени не только не колебала существовавшего у нас политического порядка, а, напротив, чрезвычайно упрочивала его» [6]. Политический смысл этих положений состоял в утверждении мысли о том, что якобы у рабочего класса в революционной борьбе нет союзника: крестьянство искони поддерживало монархию и

[4] См. В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 296, 377.
[5] В. И. Ленин. ПСС, т. 13, стр. 400.
[6] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, кн. 1, М.—Л., 1925, стр. 111—112.

в общественном движении будет играть только контрреволюционную роль; надежной союзницей может быть буржуазия, но она в России к началу XX в. еще недостаточно созрела.

Другое, враждебное ленинизму течение, имевшее такую же опасную тенденцию — разоружить рабочий класс в борьбе с царизмом, исходило от меньшевиков-ликвидаторов, переоценивавших степень буржуазного перерождения государственной надстройки к концу XIX в.

Для расширения и укрепления рядов борцов против самодержавия было необходимо преодолеть распространенный среди русской интеллигенции индифферентизм к вопросам политической организации общества. Университетская историческая наука, влиявшая на школьное образование и на мировоззрение широких кругов интеллигенции, развивала симпатии к принципам идеализированной монархии в духе концепции Соловьева — Ключевского. Немалое значение имело наследие народничества. Даже когда был преодолен царивший ранее аполитизм, все же лозунг борьбы за республику отпугивал многих видных народников тем, что в его осуществлении они видели залог утверждения ненавистной им буржуазности. Преувеличению силы монархизма в народе содействовал и неправильно понятый опыт неудачного хождения в народ.

В. И. Ленин на всем протяжении своей революционной деятельности вел борьбу за точное понимание природы русского самодержавия, что отразилось в его работах и многочисленных высказываниях, освещающих явление во всей его сложности, во всех его противоречиях, в его развитии. К сожалению, в нашем лениноведении мысли основателя Коммунистической партии Советского Союза о политической структуре капиталистической России не были еще обобщены хотя бы в такой степени, как это сделано в отношении ленинских высказываний по истории революционного движения и аграрных отношений.

В первое десятилетие советской историографии тема о природе русского самодержавия звучала сильно. Это прежде всего страстные выступления М. Н. Покровского против толкований этого вопроса Троцким, а также против Слепкова, пытавшегося воскресить взгляды меньшевиков-ликвидаторов. Тогда к правильной мысли Покровского о роли царизма в России присоединялось его утверждение о сохранении до XX в. в формах московского самодержавия гегемонии торгового капитала[7], от которого он позднее отказался. Литературное наследие М. Н. Покровского по вопросу о характеристике российского самодержавия, в первую очередь его критические статьи, собранные в двухтомнике «Историческая наука и борьба классов», актуальны и теперь. Мысли о ведущем значении государства в общественно-экономическом развитии России, о глубоком перерождении царизма, делавшем необязательным и даже якобы ненужным его революционное низвержение,— все подобные положения, с которыми боролся в свое время М. Н. Покровский, ныне настойчиво воспроизводятся в буржуазной зарубежной литературе.

В современной советской историографии вопрос о содержании политики царизма в эпоху капитализма занимает видное место. Он изучается главным образом по отдельным направлениям правительственной деятельности. Особенно большие успехи имеются в исследовании аграрно-крестьянской политики[8], немало сделано в изучении финансовой и

[7] М. Н. Покровский. К вопросу об особенностях исторического развития России. Сб. ст. «Историческая наука и борьба классов», вып. 1. М.— Л., 1933, стр. 219.

[8] См. М. С. Симонова. Отмена круговой поруки. «Исторические записки», т. 83, 1969; ее же. Земско-либеральная фронда в 1902—1903 гг. Там же, т. 91, 1973; Е. В. Брусникин. Переселенческая политика царизма в XIX в. «Вопросы истории»,

торгово-промышленной политики [9], в области культуры [10]. Существенным вкладом в освещение вопроса о политике царизма по отношению к торгово-промышленной буржуазии и пролетариату являются монографии В. Я. Лаверычева [10а]. Однако, определяя пути дальнейшего изучения проблемы, приходится констатировать, что самодержавие как политический институт в целом охарактеризовано неполно. Поэтому сейчас на первое место необходимо выдвинуть целостное изучение политического облика самодержавия.

Велика научная ценность известных монографий П. А. Зайончковского, вобравших в себя множество фактических данных [11]. Но, как признает сам автор, подробно освещая почти не исследованные ранее стороны государственной деятельности, он, как правило, лишь кратко характеризует те области политики, которые уже изучались советскими историками, делая при этом лишь сжатые изложения выводов из имеющейся литературы (например, о важнейшей области правительственной политики — социально-экономической).

Для читателя большой интерес представляет ярко написанная и богатая фактическим материалом монография Ю. Б. Соловьева [12]. Но углубленное изучение обобщающих разделов книги наводит на мысль, что под «самодержавием» автор разумеет собственно лишь царя и придворную камарилью, поскольку в его изображении тактика самодержавия почти лишена таких характерных признаков, как лавирование, гибкость, маскировка. Так, например, Валуев, в деятельности которого долгое время воплощались важнейшие стороны самодержавной политики, предстает в книге Ю. Б. Соловьева преимущественно как ее критик, а не как ее носитель. Между тем, хотя придворная аристократическая верхушка оказывала огромное влияние на ход правительственных дел, все же ее нельзя идентифицировать с самодержавием как политической системой.

Буржуазные реформы 60-х годов не изменили политическую структуру России. Система государственных учреждений оставалась в основном такой, какой она сложилась в феодальные времена. Сохранился нетронутым и такой важный средневековый институт, как неограниченная монархия. «Первое сословие» — дворянство — и в капиталистическую эпоху имело фактически монопольную привилегию на замещение руководящих постов в бюрократическом аппарате, который на деле правил страной. Все это дает основание именовать российское самодержавие до его падения в феврале 1917 г. дворянским [13].

Однако структурой власти и социальным составом высшей бюрократии не исчерпывается характеристика политического и социального об-

---

1965, № 1; В. Г. Чернуха. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70 гг. XIX в.). Л., 1972.

[9] См. И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.). М., 1960; А. П. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России. Очерк истории. М., 1959; Г. Ф. Семенюк. Московская текстильная буржуазия и вопрос о промысловом налоге в 90-х годах XIX в. «УЗ Московского обл. пед. ин-та им. Крупской», т. 127, 1963.

[10] См. Г. И. Щетинина. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976.

[10а] В. Я. Лаверычев. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900. М., 1974; его же. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972.

[11] П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964; его же. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов), М., 1970.

[12] Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

[13] См. В. И. Ленин. ПСС, т. 31, стр. 133.

лика самодержавия. Необходимо также учесть и направленность политики правительства. Безусловно, что дворянский характер самодержавия в указанных выше отношениях накладывал резкий отпечаток на функционирование государственного аппарата. Но последнее все же им полностью не определялось, поскольку элементы средневековья в капиталистическую эпоху при всей их живучести были пережиточным явлением. В действиях царизма отражалось соотношение сил господствовавших классов. Их неоднородность отзывалась в известной самостоятельности правительственного аппарата от давления интересов какого-либо одного класса. «Знатные помещики,— писал В. И. Ленин,— стоят ближе всего к двору и прямее и легче всех склоняют на свою сторону политику правительства» [14]. Вместе с тем царизм двигался в сторону буржуазной монархии. Во второй половине XIX в. политика самодержавия способствовала укреплению определенных кругов буржуазии. «Со времени реформы правительство поддерживало, охраняло и создавало только буржуазию и капитализм»,— писал В. И. Ленин [15]. «Русская буржуазия не только уже теперь повсюду держит в руках народный труд, вследствие концентрации у нее одной средств производства, но и давит на правительство, порождая, вынуждая и определяя буржуазный характер его политики» [16]. Заметим в этой связи, что царское правительство характеризовалось В. И. Лениным не только как дворянское самодержавие, но и как феодально-буржуазная монархия [17].

Итак, дворянско-аристократическая по структуре учреждений и составу бюрократии монархия проводила буржуазную политику. В этом выразилось то обстоятельство, что общественно-экономический прогресс, за которым должно было в меру своих возможностей следовать самодержавие, проходил лишь в направлении развития капитализма. Но, с другой стороны, в том же факте выявилась готовность буржуазии оставить государственную власть в руках дворянского самодержавия. Было ли такое положение свойственно одной капиталистической России?

В предисловии к английскому изданию произведения Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» мы встречаем следующие слова: «По-видимому, можно считать законом исторического развития, что ни в одной европейской стране буржуазии не удается — по крайней мере на продолжительное время — овладеть политической властью так же безраздельно, как ею владела феодальная аристократия в течение средних веков». «Даже во Франции, где феодализм был полностью искоренен, буржуазия в целом лишь короткие периоды времени полностью держала в своих руках правительственную власть» [18]. Политическим бессилием страдала и буржуазия Англии — страны, первой проложившей путь к торжеству капиталистической системы. «В Англии буржуазия никогда не обладала нераздельной властью,— писал Энгельс.— Даже ее победа в 1832 году оставила почти исключительно в руках аристократии ведущие государственные должности». Вожди движения за отмену хлебных законов после своей победы устранились от участия в правительстве, и только спустя 20 лет новый акт о реформах открыл им, наконец, двери министерства [19]. В свете сказанного пореформенная Россия не отличается от европейских стран, хотя в ней отмеченное Энгельсом обстоятельство выражалось с большей силой. Лишь в Америке, где никогда не было

[14] В. И. Ленин, ПСС, т. 2, стр. 110.
[15] Там же, т. 1, стр. 241.
[16] Там же, стр. 278.
[17] См., напр., В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 130.
[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 315.
[19] Там же, стр. 315—316.

феодализма, хотя и существовало рабство, установилось продолжительное господство буржуазии.

Ф. Энгельс, называя одну из причин того, что буржуазия отказывалась взять политическую власть в свои руки, писал: «Тогдашние представители английского среднего класса были, как правило, совершенно необразованными выскочками, которые волей-неволей должны были предоставить аристократии все те высшие правительственные посты, где требовались иные качества» [20]. Подобное явление имело место и в России. Однако для более глубокого понимания взаимодействия двух классов — помещиков и буржуазии, определявших направление политики царизма, следует присмотреться к некоторым тенденциям их развития в эпоху капитализма.

При исследовании правительственной политики в России буржуазное и дворянское направления в ней нередко рассматриваются у нас как альтернативные, поскольку класс помещиков и класс капиталистов понимаются как совершенно обособленные категории. Между тем во второй половине XIX в., особенно в последние десятилетия, происходит сближение этих двух господствовавших тогда классов. Если бы дворянство в этот период не изменило свой средневековый облик, то представить политику дворянской монархии как буржуазную по своему содержанию было бы затруднительно. Но направление политики царизма во многом определялось эволюцией феодального хозяйства.

К сожалению, в нашей исторической науке в течение длительного времени изучение процесса перерастания крепостной экономии в капиталистическое предприятие по сравнению с 20-ми годами было ослаблено. Тогда в исследовании этой темы активно участвовали такие видные историки, как Б. Д. Греков, В. М. Пичета и другие. Благодаря их работам наполнилось конкретным материалом ленинское положение о том, что важнейшей предпосылкой реформы 1861 г. была крепнувшая связь дворянского хозяйства с рынком, возникшая на этой основе затруднительность системы наделов и тяготение помещиков ко все более широкому использованию наемного труда. Но плодотворно начатое исследование было прервано, в частности в связи с критикой исторических взглядов М. Н. Покровского. До последнего времени в сводных изданиях факт эволюции помещичьего хозяйства даже не упоминается в ряду предпосылок реформы 1861 г., что, конечно, осложняет уяснение обусловленности отмены крепостного права и вообще всей государственной политики во второй половине XIX в.

Возобновившееся в последние десятилетия изучение дворянского предпринимательства (работы А. М. Анфимова, Л. П. Минарик и др.) выявило весьма широкое участие крупнейших дворян в промышленном развитии. И действительно, в списках фабрикантов и заводчиков конца XIX в. целые ряды страниц заполнены именами аристократов, вплоть до «светлейших» князей, особенно в разделах: винокурение, сукноделие, сахароварение, лесопромышленность и др. Но овладение промышленным производством — это лишь одно из проявлений торжествующего в дворянской среде буржуазного начала. Можно считать, что почти все имущие дворяне превратились в рантье, живя на проценты от своих вкладов в банки и от разных денежных бумаг, т. е. сделались нефункционирующими капиталистами. Подобной эволюции не избегло даже дворцовое ведомство, которое доходы от кабинетных земель и предприятий помещало в банки [21].

[20] Там же, стр. 315.

[21] См. Г. П. Жидков. Кабинетское землевладение (1747—1917). Новосибирск, 1973.

Проникновение буржуазного начала в дворянство выразилось в процессе перехода от барщинного хозяйства к капиталистическому. Да и наиболее консервативная форма использования земельного имущества — сдача земли под отработку крестьянам,— сохраняя свою средневековую, чрезвычайно тяжелую для крестьян форму, пропитывалась капиталистическими отношениями. Становление единого национального рынка рабочей силы означало уравнивание оплаты труда во всех отраслях хозяйства. Арендные расчеты не только в денежной, но и в натуральной форме стали в основном регулироваться ценами на труд в капиталистическом секторе хозяйства.

Следствием этих процессов было то, что в той части правительственной деятельности, которая по справедливости именуется «буржуазной»,— по промысловому обложению, по системе таможенных пошлин, по рабочему законодательству и т. п.,— оказались заинтересованными дворяне. Бурные споры о пошлинах на сахар, о регулировании найма сельскохозяйственных рабочих, о системе продажи питий, о способах поставок на армию и по многим аналогичным вопросам относились к сфере регулирования буржуазных отношений, являясь в то же самое время важнейшей составной частью дворянской политики правительства. Все это свидетельствовало отнюдь не о слиянии двух господствовавших в пореформенной России классов, а о глубоких основах политики самодержавия, направленной на удовлетворение интересов и дворянства, и крупной буржуазии.

Трения между купечеством и дворянством по вопросам правительственной политики в немалой мере обусловливались тем, что входившие в буржуазный мир дворяне отстаивали те порядки и нормы, которые были выгодны им как носителям привилегированного, но примитивного, отсталого предпринимательства, замедлявшего темп промышленно-капиталистического развития. Эти трения усугублялись тем, что дворяне в конкурентной борьбе могли использовать свои монопольные и владельческие права, свои сословные привилегии. В «Коммунистическом манифесте» сказано: «Буржуазия ведет непрерывную борьбу: сначала против аристократии, позднее против тех частей самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности» [22]. Купечество в своем недоброжелательстве к дворянству во многом питалось противоречием второго рода, выражая недовольство более последовательной буржуазии в отношении менее последовательной и вместе с тем привилегированной.

Готовность дворянского самодержавия идти навстречу запросам буржуазии расширяла его социальную базу, что давало правительству возможность лавирования в его политике. Не удовлетворяя полностью интересы всех прослоек буржуазии и дворянства, самодержавие постоянно имело оппозицию из этих классов, ряды которой со временем то росли, то сокращались в зависимости главным образом от общественной обстановки, но также и от того, насколько в социальной политике царизма учитывались интересы разных прослоек господствующих классов.

В годы падения крепостного права русло правительственной политики обладало наибольшей широтой и включало в себя тенденции, которые позднее, когда это русло сузилось главным образом в сторону консервативности, вошли в программу оппозиции. Отмена крепостного права была совершена «сверху», но это не должно пониматься как предоставление свободы крестьянам лишь царем и его правительством.

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 433.

Есть основания под выражением «дано сверху» понимать: дано от той части дворянства, которая по своей влиятельности и экономическому потенциалу могла представительствовать от всего помещичьего класса в целом. Конкретный анализ позиций спорящих сторон во время подготовки реформы 1861 г. показывает, что консерваторы, даже такие, как Позен, Самарин, Гагарин, не могли обходиться без элементов либерализма, без буржуазности. Программа либералов-«западников» из дворян, как это хорошо показано в монографии В. А. Китаева [23], почти исчерпывалась содержанием реформ — она лишь несколько опережала во времени правительственные замыслы.

Какова была позиция купечества в эпоху буржуазных реформ? Л. Б. Генкин дал ценное исследование этого вопроса на основе материалов журнала «Вестник промышленности». В кратком виде выводы его статьи сводятся к следующему: крупная буржуазия открывала свободную дорогу для политического творчества дворянства и самодержавия, признавая возможность реформ лишь сверху, от царя. В программах реформ акцентировались моменты, специально, в «профессиональном» плане интересующие купцов; более широкие их пожелания сливались с либерально-помещичьей программой [24].

Реформы 60-х годов означали буржуазные преобразования, проводимые дворянским самодержавием, выражавшим волю основных контингентов помещичьего класса при одобрительном поощрении крупной буржуазии. Такие взаимоотношения между царизмом и господствующими классами, сложившиеся в эпоху падения крепостного права, оказались устойчивыми и в общем определяли направление правительственной политики от 1861 до 1905 г.

При проведении в жизнь реформ 60-х годов все яснее становилась нереальность замыслов их авторов. Это была всего лишь реакционная утопия. Несмотря на меры, принятые положениями 1861 г., отмена крепостного права не предотвратила развития капитализма, а усилила его. Обостряющиеся противоречия проявились в росте революционного движения, в котором — и это было важнейшим достоянием новой эпохи — все явственнее обозначалось особое направление: движение рабочих. Деревня разлагалась, она неуклонно входила в капиталистическую систему. Процесс этот в существенном отношении отклонялся от знакомого и предпочтительного для правящих кругов прусского образца, поскольку процесс расслоения крестьян происходил главным образом в сторону пролетаризации — консервативная прослойка крестьян, гроссбауэров, была очень слаба.

Не разрешенные в 60-х годах проблемы разрастались и усложнялись. Исторический опыт и обстановка, создавшаяся ко времени второй революционной ситуации, подсказывали правителям, что положение не может быть спасено лишь консервирующими методами — реформирование должно было продолжаться. В этих условиях оно получало охранительное значение. Именно такой смысл имела серия податных реформ начала 80-х годов: перевод крестьян на обязательный выкуп, снижение выкупных платежей, частичная отмена подушной подати. Проекты

---

[23] В. А. Китаев. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50—60-х годов XIX в. М., 1972.

[24] Л. Б. Генкин. Общественно-политическая программа русской буржуазии в годы первой революционной ситуации (1859—1861). (По материалам журнала «Вестник промышленности»). Сб. «Проблемы социально-экономической истории России». М., 1971, стр. 116; см. также К. С. Куйбышева. Крупная московская буржуазия в период революционной ситуации в 1859—1861 гг. В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1965, стр. 314—341.

законов подготовлялись в узком кругу высшей бюрократии; одновременно, также бюрократическим путем, производилось обследование положения дел на местах по узкой программе, и затем учет мнений так называемых «сведущих людей» (отобранных властями деятелей земств и местной администрации). В целом это была средневековая процедура законотворчества, находившаяся в резком противоречии с уровнем экономического и социального развития России и с практикой европейских стран.

В правительственных кругах утверждалась уверенность в необходимости для деревни перехода от общинного к личному землевладению. Но обсуждение этого вопроса долго ни к чему не приводило. Закон об отмене круговой поруки был принят лишь в 1903 г., когда дело по его выработке было подстегнуто мощными крестьянскими выступлениями предшествовавших лет [25].

На примере обсуждения вопроса об установлении у крестьян частного землевладения можно видеть, насколько сложно для исследователя определение социального содержания правительственной политики. При упрощенном подходе, предусматривающем простое разделение на дворянское и буржуазное направления, подготовлявшееся разрушение общины, естественно, должно быть отнесено к буржуазному направлению. Но обратимся к некоторым конкретным обстоятельствам. Сторонниками этой меры оказались большинство помещиков — корреспондентов Валуевской комиссии, сам Валуев, а также шеф жандармов Шувалов. Словом, среди активных пропагандистов реформы были консервативные или даже реакционно настроенные лица, типичные представители дворянства дореформенного типа. И, наоборот, защитниками общины выступали такие известные либералы, как вел. кн. Константин Николаевич, Н. А. Милютин [26]. Не приходится говорить, что революционные демократы с принципиально иных позиций тревожились за судьбы крестьянского хозяйства.

Что могло привлечь консерваторов к мысли о разрушении общины? При буржуазном содержании этот замысел притягивал к себе дворян имевшейся в нем консервативной потенцией: создание из массы крестьян, владеющих общинной землей, крестьян-собственников, дорожащих, независимо от величины владения, принципом частной собственности. В этом им виделось охранительное содержание обсуждаемого мероприятия. Того же рода соображения сыграли заметную роль при создании крестьянского поземельного банка. Отсюда видно тесное переплетение в одних и тех же планируемых мерах буржуазного и консервативного принципов, составивших почву дворянско-буржуазной политики самодержавия.

Если буржуазные тенденции сильны были в аграрной области, то в еще большей степени они проявились в торгово-промышленной, железнодорожной, финансовой политике. За последние годы в советской литературе заметно продвинулось изучение общественно-политической позиции крупной буржуазии. Оно ведется преимущественно на материалах публицистики. Выяснено отсутствие у крупной буржуазии программы, которая бы по сколько-нибудь значительным моментам и последовательно была противопоставлена политике самодержавия. Отмечена ха-

[25] История правительственной разработки вопроса до 80-х годов подробно освещена в книге В. Г. Чернухи «Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е годы XIX в.)» (Л., 1972), от 80-х годов XIX в. до 1903 г.— в статье М. С. Симоновой «Отмена круговой поруки» («Исторические записки», т. 83, 1969, стр. 159—195).

[26] В. Г. Чернуха. Указ. соч., стр. 124.

рактерная тенденция к развитию не чисто буржуазной, а дворянско-буржуазной публицистики. Ведь лучшего выразителя своих чаяний купечество нашло в таком дворянском публицисте, как Иван Аксаков [27].

Пожалуй, нагляднее, чем в журналистике, домогательства крупной буржуазии выражали общественные организации буржуазии, например, Общество для содействия русской промышленности и торговли. В отчете этого общества за 25 лет — с 1867 по 1892 г. [28] большое место занимает освещение взаимоотношений крупных капиталистов с правящей бюрократией. Главная претензия к последней это — медлительность в исполнении пожеланий капиталистов, например, о повышении пошлины на ввозимый чугун и каменный уголь, об отмене откупной системы в нефтедобыче на Кавказе (чтобы открыть там «общедоступную частную предприимчивость»), а также о проведении реформы обложения золотопромышленности и т. д. В отчете отмечаются и пожелания, оставшиеся не удовлетворенными. Причем характерны причины конфликтов. Сетования общества вызывали сохранение владельческого права на недра земли: казачьего войска на Дону и помещиков на площади, богатые минеральным сырьем для фарфорово-фаянсовой промышленности. Интересны резко отрицательные отзывы на стачку сахарозаводчиков, на систему кредитования помещиков в ипотечных банках. Авторы отчета подчеркивали, что специальные инструкции русским дипломатам за границей давались по инициативе общества. Общество также поставило вопрос об организации Министерства по делам торговли и промышленности; его интересами направлялись военные действия в закаспийских областях и их административное освоение. В целом в обзоре деятельности самой представительной организации буржуазии не скрывались имевшие место шероховатости во взаимоотношениях с правительством, но весь обзор пронизан чувством удовлетворения: большинство пожеланий буржуазии было реализовано. Да и какая иная сила, кроме царизма с его аппаратом, в то время могла столь успешно выполнять необходимые для крупной буржуазии военные и полицейские задачи?

Буржуазное направление политики царизма четко выступает в рабочем законодательстве. Растущее рабочее движение вызвало к жизни законы об ограничении труда детей и подростков (1882 г.), об отмене ночной работы для женщин и несовершеннолетних (1885 г.), правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих (3 июня 1886 г.). Но и эта, наиболее «буржуазная» отрасль законодательства носит на себе дворянскую печать. Свидетельством тому служит долгое непризнание в России рабочих как особой социальной категории и, в соответствии с этим, особого, так называемого «попечительного» отношения к пролетариату. «Урегулирование» рабочего вопроса, как правило, проходило в качестве особой разновидности полицейского дела. Когда под давлением непреложных фактов рабочий класс был признан существующим в России, в ход пошли утверждения о его якобы коренных отличиях от западноевропейского пролетариата, в духе дворянско-славянофильской теории. В монографии В. Я. Лаверычева показано тесное сотрудничество бюрократии с крупными промышленниками при разработке рабочего законодательства [29].

---

[27] См. В. Я. Лаверычев. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861—1900, стр. 109—138.

[28] «Отчет о деятельности высочайше утвержденного Общества для содействия русской промышленности и торговли с 1867 по 1892 год». СПб., 1892.

[29] См. И. И. Шельмагин. Фабрично-трудовое законодательство в России. 2-я половина XIX века. М., 1947; В. Я. Лаверычев. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.).

Буржуазные реформы вообще, а тем более проводимые дворянским самодержавием, не могли быть последовательными. Особенно значительным зигзагом можно считать политику реакции во второй половине 80-х — начале 90-х годов. Наибольшим ее проявлением было введение института земских начальников (1889 г.) и принятие законов 1893 г. о переделах общинных земель и ограничении купли-продажи и запрещении залога крестьянских наделов. Регрессивность этих мер очевидна. Но особо мрачный период был недолог. В. И. Ленин отметил, что открыто реакционная политика установилась всего «на час» [30]. Это была всего лишь попытка корректировать линию социально-экономического развития, направить ее по классическому прусскому пути.

Годы реакции принесли отступление от буржуазных реформ не только в сельском хозяйстве, но также и в сфере разработки промышленно-трудового права. Здесь большую роль сыграли домогательства капиталистов, отчего есть основания именовать реакцию 80-х — начала 90-х годов не только дворянской, но и дворянско-буржуазной.

Итак, по структуре власти и составу правящей бюрократии дворянская монархия в соответствии с экономической организацией общества в первую очередь стремилась укрепить позиции помещичьего класса, но в то же время проводила политику, отвечавшую интересам влиятельной части крупной буржуазии. Прусский путь развития предполагает постепенное включение помещика в капиталистическую систему, потому буржуазная политика самодержавия вместе с тем была и дворянско-буржуазной политикой. Надо учитывать, конечно, известную самостоятельность бюрократии по отношению к непосредственным требованиям тех двух классов, на которые она ориентировалась, но ясно проступает относительность и ограниченность этой самостоятельности.

На той же основе устанавливались исходные позиции самодержавия и либеральной оппозиции. Если при подготовке реформы 1861 г. разногласия между группировками помещиков были лишь борьбой из-за размеров и формы уступок, то это же самое можно сказать и о взаимоотношениях либералов и консерваторов на последующих этапах истории капиталистической России. Полоса контрреформ расширила основу для либеральной оппозиции. Не только в этот исторически ограниченный период, но и на всем протяжении капиталистической эпохи либерально-буржуазный лагерь не удовлетворялся правительственной политикой, критиковал ее. Степень остроты и глубины этой критики была неодинакова: она менялась в связи с изменением общей политической обстановки. В известной мере либеральная оппозиция служила делу прогресса. В общественной жизни России мы различаем три лагеря: революционно-демократический, буржуазно-либеральный и консервативно-правительственный. Но при этом мы отчетливо сознаем, что по социальной природе и политическому мировоззрению степень отдаленности этих трех лагерей друг от друга была далеко не одинаковой и потому глубоко ошибочно было бы представлять их взаимное расположение в виде некоего равностороннего треугольника. Надо четко сознавать, что по основным проблемам современности правительственный и либеральный лагери, не сливаясь друг с другом, часто составляли единый фронт против лагеря революционно-демократического. Дворянско-буржуазный тип социально-экономической структуры был тем общим идеалом который ставил на одну платформу царя и «крайнего» либерала. «Николай второй и Петр Струве сходятся в том, что надо капиталистически „очистить" обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земель-

[30] В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 295.

ной собственности,— писал В. И. Ленин.— Они расходятся лишь в том, как лучше сохранить ее и насколько сохранить»[31].

Исследование М. С. Симоновой о земско-либеральной фронде в 1902—1903 гг.[32], т. е. во время уже складывавшейся революционной ситуации, показало, что даже в наиболее значительных своих проявлениях, как это было на Московском, Судженском, Воронежском съездах земцев, либерализм в основном не выходил за пределы реформирования, ранее программированного правительственными кругами. Пожелания по улучшению положения крестьян исчерпывались предложением о расширении их личных прав, что отвлекало от решения насущных вопросов. В наиболее радикальном предложении, обсуждавшемся в Воронежском уездном комитете в 1902 г., планы по решению земельного вопроса строились в духе программы будущей кадетской партии[33].

Если на одной стороне налаживалось «взаимопонимание» и взаимодействие буржуазно-помещичьей монархии с дворянско-буржуазным либерализмом, которым не удавалось слить полностью свои позиции, то на другой — крепнул революционный союз рабочих и крестьян, возглавляемый рабочим классом. Главной осью всей общественно-политической жизни России во второй половине XIX — начале XX в. была борьба двух путей капиталистического развития: помещичье-буржуазного и крестьянски-буржуазного. Эта борьба определяла содержание революционного процесса на буржуазно-демократическом его этапе. Политически один путь олицетворялся помещичьей монархией, другой — крестьянской (фермерской) республикой[34]. Проблема определения классовых основ самодержавия во второй половине XIX в., как и всякая крупная проблема этого исторического периода, может разрешаться лишь с учетом борьбы двух типов капиталистического строя.

Самодержавие буквально на каждом шагу испытывало сильнейшее давление народной активности. Проводить, задержать или совсем не проводить в жизнь то или иное законодательное предложение зависело от того, как оно будет принято народом. Иногда эти соображения подстегивали законодательную активность, а часто ее и сдерживали. Зачастую по обнародовании текста закона принимались превентивные полицейские меры, чтобы парировать ожидаемые массовые выступления. На всем протяжении второй половины XIX в. царизм находился в состоянии страха, неуверенности в своих силах. Можно сказать без преувеличения, что законодательные действия правительства регулировались соображениями о состоянии народной массы, всего демократического лагеря. Этот важнейший фактор политической истории, разумеется, никогда не должен упускаться из виду исследователем.

Известно, с какой тревогой Александр II и его окружение ожидали последствий «даруемой» крестьянству воли в 1861 г. Еще в конце предшествовавшего года по губерниям были размещены войска в численности, соответствовавшей ожидаемой силе выступлений[35]. Неблагополучие в деревне после начавшегося осуществления реформы вызвало серию сенаторских ревизий. В их программу входило «изыскание средств к обузданию недовольства». Много энергии и средств правительство тратило на усиление полицейских и карательных мер. Возникали новые охрани-

---

[31] В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 30.

[32] М. С. Симонова. Земско-либеральная фронда в 1902—1903 гг. «Исторические записки», т. 91. М., 1973.

[33] М. С. Симонова. Указ. соч., стр. 178.

[34] В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 167.

[35] Подробно об этом см.: П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России, изд. 3. М., 1968, стр. 152—160.

тельные должности и соединения. В 1873 г. в Государственном совете обсуждался проект усиления сельской и уездной полиции, расширения контингента урядников. Дополнительно к 2,5 млн. руб., ранее ассигнуемым ежегодно на ее содержание, выделялись 2,5 тыс. руб. На докладе по этому поводу появилась резолюция Александра II: «Особое спасибо. Это полезное учреждение»[36]. В 1866 г. министры внутренних дел и государственных имуществ Валуев и Зеленой совместно с шефом жандармов Шуваловым подали царю записку о необходимости усиления власти губернаторов, поскольку якобы введение земств ослабило возможности репрессий на местах[37]. Ранее уже говорилось, что одним из мотивов в пользу расширения крестьянского частного землевладения и разрушения общины выставлялось введение консервативного элемента в народную массу, который усматривался в крестьянах-собственниках.

В каком безвыходном положении чувствовало себя царское правительство, видно из представления Особого совещания 1879 г., председателем которого был Валуев. Образованная часть общества, писал Валуев в докладе, «выжидает развязки борьбы (имеется в виду борьба революционеров с царизмом.— *П. Р.*), не вступая в нее и не заступаясь за правительство». В основных массах народа, говорится в том же докладе, «можно заметить две противоположные наклонности: одни готовы по первому приказу оказать содействие, но содействие беспорядочное, насильственное, всегда граничащее со своеволием и потому слишком опасное, чтобы на него можно было рассчитывать; и в то же время, эти массы слишком доступны всяким толкам и обещаниям, сулящим им материальные выгоды и новые льготы, и под влиянием таких слухов готовы отказаться от повиновения ближайшему начальству»[38]. Другой сановник — Игнатьев — отмечал, что «призывать частных людей заступаться за правительство... значило бы возбуждать народные толпы к самоуправству»[39].

Комитет министров, обсуждая доклад Валуева, отметил «особую точность и ясность сделанного Особым совещанием очерка положения дел — отношения разных слоев общества к событиям». Чувствуя себя в безвыходном положении, царь и его окружение видели спасение в одном: не пробуждать народ, отстранить его от общественной жизни, сделать его безгласным и бездейственным. Такую тактику утихомирения крестьянства принимали различные круги, не только правительственные, но также либерально-оппозиционные. Так, например, земская либеральная фронда обвиняла правительство в том, что, проводя свою политику, оно вызывает крестьянское движение[40].

Мы ограничились отдельными свидетельствами, показывающими, насколько правительство осознавало первостепенную опасность для своего существования народного движения и революционной борьбы, что сказывалось в корректировании политики царизма.

Здесь мы сталкиваемся с одним обстоятельством, которое не может не вызвать озабоченности у историков, изучающих историю капиталистической России. Оценка силы напора народного движения и потенциальных его возможностей для ликвидации царского режима, которая фигурирует в нашей исторической литературе, не соответствует той точке зрения, которой твердо придерживалось самодержавие, начиная еще с

---

[36] С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. 2. СПб., 1902, стр. 88.
[37] Там же, ч. 1, стр. 131.
[38] Там же, стр. 146.
[39] Там же, стр. 147.
[40] М. С. Симонова. Земско-либеральная фронда в 1902—1903 гг.

дореформенного времени. Постоянный страх царизма перед готовой развернуться мощной силой, способной смести существующую политическую систему, хотя и преувеличивал оценку этой силы, но все же не очень значительно: оценка давалась не одним-двумя чиновниками, а большинством, и держалась она стойко. Сведения же о крестьянском, а позже о рабочем и крестьянском движении в России во второй половине XIX в. и обобщения, которые делаются на их основе в нашей исторической литературе, не создают впечатления столь обостренного соотношения революционных и правительственных сил. Это можно заключить из очерков массовой освободительной борьбы, из комплекса изданных документальных материалов по крестьянскому и рабочему движению, а также из отдельных выступлений по вопросу о переходе России из феодальной в капиталистическую формацию, в которых развивалась мысль, что крестьянское движение в XIX в. шло по снижающейся линии[41]. Не является ли подобное расхождение в мнениях современников и историков следствием меньшей информированности историков о действительном положении дел по сравнению с правительственными учреждениями того времени?

В настоящем сообщении нет возможности разбирать достоинства и недостатки работ по изучению народных движений. Отмечу лишь следующее. Уделяя главное внимание актам непосредственной борьбы крестьянства с властями, исследователи еще слишком мало проникают в крестьянскую идеологию[42], или, условно говоря, в программу освободительной борьбы крестьянства. По числу исследований, по качеству и количеству исторических сведений, которыми они оснащены, по степени детализации выводов научные труды на эту тему еще ощутимо отстают от уровня исследовательских возможностей и потребностей, что препятствует уточнению представления об отношении крестьянства к монархии как системе правления. Бытующее утверждение о вере крестьян в царя слишком общо, приблизительно — оно не раскрывает истинный смысл отношения крестьян к царю, а следовательно, затемняет вопрос о политической направленности крестьянского движения. Наивная вера крестьян в царя как «спасителя народа» от всякого рода угнетения была одним из проявлений слабости крестьянского движения, которое революционерам надо было преодолевать. Историку необходимо не просто констатировать этот факт, а проанализировать самую природу «крестьянского монархизма», изучить отношение крестьян к царизму в историческом плане.

Мы видели, что правящие власти опасались самовольного проявления «преданности» народа царизму. Чем это объяснить? Для ответа на этот вопрос остановимся на одном примере. Полицейские органы в 1874 г. зафиксировали следующий упорно распространяемый в народе слух: «Земля будет общая, для чего отберут ее у помещиков и разделят между крестьянами и помещиками по числу душ в семействах, что есть желание государя императора и что поэтому дворяне покушались на жизнь его величества»[43]. Здесь царь понимается как орудие для осуществления идеального решения земельного вопроса и для борьбы с помещиками. В этих словах столько же своеобразного монархизма, сколько осознания

---

[41] «Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы всесоюзной дискуссии». М., 1969, стр. 197—203.

[42] В этой связи с большим удовлетворением можно отметить монографию А. И. Клибанова «История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.— 1917 г.)». М., 1965.

[43] Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. М., 1965, стр. 323—324.

необходимости ликвидации несправедливого землевладения. Не ясна ли прямая направленность этой крестьянской программы против царей реальных, в данном случае против автора помещичьей реформы — Александра II, такого, каким он был в действительности? Конечно, один разобранный пример не решает большой исследовательской задачи. Но в нем содержится объяснение того, почему царские сановники не меньше опасались народного выступления в защиту царизма, чем движения против него.

«Идеальный царь» для крестьян это — царь без дворян, бюрократии и классового общества. Повседневное столкновение с реальным аппаратом самодержавия постепенно рассеивало их иллюзорное представление о царе как защитнике народа от угнетателей дворян, способном ликвидировать несправедливое распределение земли. В ходе классовой борьбы все явственнее открывалось, на чьей стороне стоит царь со своими чиновниками. В крестьянской среде этот процесс политического прозрения проходил своеобразно. Поскольку взгляды Л. Н. Толстого отразили взгляды основной массы крестьянства России в исторический период от реформы 1861 г. до первой русской революции 1905 г., здесь уместно вспомнить ленинскую характеристику политической позиции великого писателя, которая вместе с тем раскрывает сущность своеобразия воззрений крестьянства того времени. «Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики»,— писал В. И. Ленин о Л. Н. Толстом [44].

Если крестьянство в других капиталистических странах являлось к концу XIX в. опорой порядка, то в России оно было революционным [45]. В. И. Ленин писал, что «рабочая партия поддерживает крестьянство лишь постольку, поскольку оно способно на революционную борьбу с *самодержавием*», потому что «именно самодержавие воплощает в себе... всю отсталость России, все остатки крепостничества, бесправия и „патриархального" угнетения» [46]. Не ясно ли, что, разрабатывая стратегию революционного союза рабочего класса и крестьянства, В. И. Ленин исходил из положительного ответа на вопрос о способности крестьянства выступить против царизма? «К „движению" против всех остатков крепостничества (и против самодержавия в том числе) крестьянская масса *не может не приобщиться*» [47],— утверждал он в 1902 г. Положение о революционном отношении масс крестьянства, всего народа к самодержавному строю как составную часть общей концепции буржуазно-демократической революции в России В. И. Ленин отстоял в нелегкой борьбе с оппортунистами, со всеми врагами революционного марксизма. Факты о политическом настроении крестьянства тогда усиленно засекречивались. В. И. Ленину в этих условиях приходилось использовать малейшие, в том числе даже весьма косвенные данные для их раскрытия.

Конечно, надежды, возлагавшиеся крестьянами на царя, их своеобразная вера в него были слабой стороной крестьянского движения. Непросвещенность и аполитизм крестьян определяли живучесть иллюзий в их среде. Крестьяне поддавались обману и в своем общественно-политическом поведении без руководства со стороны рабочего класса вступали в противоречие со своим же собственным глубоким демократизмом. «Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании *политической* стороны движения» [48],— писал В. И. Ленин.

[44] В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 21.
[45] Там же, т. 16, стр. 423.
[46] Там же, т. 4, стр. 231.
[47] Там же, т. 6, стр. 317.
[48] Там же, т. 9, стр. 357.

Необходимо учитывать, что материалы официального делопроизводства, которые до сего времени составляют основную часть документации для изучения крестьянского движения, подобные собранным в известной многотомной публикации «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века», весьма ограниченно и неточно отражают идейную сторону движения. Дело не только в том, что в жалобах, прошениях, протестах, обращенных к властям, к агентам царизма, крестьяне, естественно, не могли выразить своего отношения к существовавшим порядкам, но и в более глубоком обстоятельстве. Идеология класса не возникает стихийно; она не вырабатывается в массе рядовых людей, его составляющих, а формируется мыслящими его представителями, нередко выходцами из иной социальной среды, способными широко выразить и теоретически обогатить то, к чему революционный класс неосознанно приходит в текущей практике своей освободительной борьбы.

Эпоха капитализма в России отличалась необыкновенно стремительным и все нарастающим темпом развития общественно-политической жизни. Соответственно этому проходило и политическое прозрение народа. В работе 1905 г. «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин отмечал: «разбросанность, неразвитость, темнота пролетариата и особенно крестьянства еще страшно велики. Но революция быстро сплачивает и быстро просвещает»[49]. В той же работе он делает вывод: «Крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции»[50]. В период буржуазно-демократических революций произошел резкий сдвиг в политическом самосознании народа, в том числе крестьянства, но он продолжал предшествующую линию развития. Элементы непримиримого отношения к помещичьему государственному аппарату, к политической системе царизма всегда были свойственны классовой борьбе крестьянства. Особенно интенсивно они росли и созревали в пореформенное время под просвещающим воздействием хода событий: грабительского «освобождения» крестьян в 1861 г., карательных действий слуг самодержавия, объявлявших крестьянам царскую волю, бесчисленных случаев принижения человеческого достоинства крестьян, также санкционируемых именем самодержца. Политическое самосознание класса должно изучаться нами не в статике, а в его непрерывном развитии.

Возможности для выполнения этой задачи у нас велики, прежде всего потому, что есть опыт русских революций и в первую очередь Великой Октябрьской социалистической революции, оправдавший предвидения В. И. Ленина. Для историка ретроспективный взгляд всегда плодотворен. Если в революционную эпоху общественно-политическая сознательность масс возрастает с необычайной быстротой, то лишь потому, что это ускоренное идейное созревание совпадает с тем процессом, который в спокойное время проходит в более медленном темпе.

Ограниченность давления буржуазии на дворянскую монархию определялась тем, что до революции 1905 г. буржуазия идейно и политически не была организована[51]. Но со временем увеличивался удельный вес в ней тех слоев, которые более нетерпимо относились к пережиткам средневековья. Даже потребности отсталой буржуазии требовали их устранения[52].

В историческом периоде от 1861 до 1904 г. особое место занимает время 90-х годов и начала 900-х годов, когда государственная власть в

[49] В. И. Ленин. ПСС, т. 11, стр. 45.
[50] Там же стр. 88.
[51] См. В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 411.
[52] Там же. т. 9, стр. 130.

лице С. Ю. Витте (сначала министра финансов в 1892—1903 гг., затем председателя Комитета министров в 1903—1906 гг.), в наибольшей мере приблизилась к задачам развития капиталистической экономики, главным образом промышленности и торговли. Как известно, так называемой «эре Витте» посвящена громадная зарубежная литература. К сожалению, большая ее часть тенденциозна; капиталистические методы индустриализации России в конце XIX в. незакономерно идеализируются, представления об источниках вложений капиталов извращаются [53].

Одной из задач советских исследователей является конкретный показ истоков и материальных основ капиталистического прогресса. Надо рассматривать как существенный пробел отсутствие специальной монографии о промышленном подъеме 90-х годов, сменившемся кризисом 1900—1903 гг. Такое исследование раскрыло бы истинную картину того, какой ценой достигались успехи индустриализации в капиталистической России. Стало бы ясно, что «эксплуатация крестьянства городом», «аграрная колонизация», «бедствия первоначального накопления» лежали в основе форсированного развития промышленности и торговли во времена Витте.

Сравнительно недавно мы смогли прочитать заметки К. Маркса о Ф. Листе [54]. В них обличается убожество мысли и истинная сущность проповедуемой немецким экономистом «системы», оправдывавшей пресмыкательство национальной буржуазии перед сильным дворянским государством. Восторженными поклонниками Листа были русские министры финансов от Канкрина до Витте. В этом постоянстве отражена застойность теоретической основы, из которой исходили государственные деятели, занимавшие важнейшие посты. Сказанное Марксом о Листе во многом характеризует деятельность Витте.

Курс Витте был противоречив. Его девизом было: укреплять национальную экономику. Но одним из средств к этому служило широчайшее привлечение иностранных капиталов. Их общая сумма в России с 1890 по 1900 г. увеличилась со 186 млн. руб. до 762 млн. руб. [55] И хотя Россия не стала колониальной или полуколониальной страной, но помощь иностранных финансистов не была бескорыстной: за границу уходили огромные дивиденды; получив доступ к природным богатствам нашей страны, иностранцы хищнически пользовались ими; представители иностранного капитала получали возможность в какой-то мере влиять на развитие отраслевой структуры промышленности не в национальных интересах России.

То обстоятельство, что привлекаемый из-за границы капитал в значительной своей части оставался в ссудной форме и роль иностранных финансистов в большей мере ограничивалась кредитованием, показывает, что в России имелись мощные источники для противостояния наплыву зарубежных вложений. Однако в условиях царизма производительные силы страны развивались и использовались крайне плохо и нерасчетливо; угроза потери экономической самостоятельности нарастала. В том,

---

[53] См. кн.: А. А. Барсов. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969, гл. 5. Об одном мифе буржуазной экономической науки. (К вопросу о так называемом первоначальном социалистическом накоплении в СССР); И. Н. Олегина. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971, стр. 97; И. Ф. Гиндин. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ. «История СССР», 1971, № 4 и др.

[54] В. Е. Мотылев. Об особенностях промышленного развития России в конце XIX — начале XX в. «Вопросы истории», 1955, № 7, стр. 14.

[55] Их автографы были подарены внуком и правнуком Маркса — Э. и Ш. Лонге. См. «К. Маркс о книге Ф. Листа „Национальная система политической экономии"».— «Вопросы истории КПСС», 1971, № 12.

что Россия избегла участи полуколонии, решающее значение имел Великий Октябрь.

Бесспорно, в последние десятилетия в нашей историко-экономической литературе довольно большое внимание уделяется теме о так называемом государственном капитализме, который понимается не столько как ведение казенного хозяйства, а главным образом в плане регулирования государством буржуазного предпринимательства и его материального поощрения. При этом отмечается специальная направленность этой активной экономической политики царизма: поддержка привилегированных, нерентабельных предприятий, фаворитизм, обеспечение паразитизма аристократических кругов, словом — поддержка самых отсталых, полусредневековых-полубуржуазных форм предпринимательства. Конечно, раскрытие этой тематики — существенное достижение в обрисовке специфических особенностей поощрительной политики самодержавного правительства, которая велась в расчете совместить восприятие высших достижений капитализма с укреплением позиций дворянства и пережитков крепостничества. Но нельзя не высказать сожаления, что изучение не доводится до конца и останавливается едва ли не перед самой существенной областью изучения. Ссылки на денежные поощрения предпринимательства из государственной казны без указания источников, откуда само государство черпало для этого средства, не только не проясняют того факта, что успехи в строительстве промышленности и железных дорог достигались ценой разорения деревни и недоплат рабочим, образующих знаменитую «русскую сверхприбыль», но и маскируют его. Необходимо подробнее показать самую механику своего рода «насаждения капитализма» от государства. Путь к этому проложен В. И. Лениным. Он раскрыл истинное содержание так называемого искусственного распространения буржуазного предпринимательства государством, о котором твердили народники. Созревание происходит «снизу», органическим путем, начиная с подчинения торговому капиталу непосредственных производителей и превращения торговца в промышленника-капиталиста. «И когда этот капитал,— пишет Ленин,— окрепши и поработивши себе миллионы трудящихся, целые районы,— начинает прямо уже и без стеснения давить на правительство, обращая его в своего лакея,— тогда наши остроумные „друзья народа“ поднимают вопли о „насаждении капитализма“, об „искусственном создании“ его!»[56] Конкретное раскрытие этой мысли В. И. Ленина было бы существенно для парирования представлений о могуществе и независимости государства, об его ведущем положении в процессе капиталистической индустриализации.

Как известно, в 90-х — начале 900-х годов резко возросли подати, особенно косвенные налоги — самые несправедливые и тяжелые для неимущих, поскольку ими облагались товары широкого потребления: сахар, спички, спирт, табак. С 1893 по 1903 г. питейный доход с души возрос от 2 руб. 21 коп. до 4 руб. 25 коп.[57] Выразительно сопоставление: подорожание керосина, нужного в быту, не сопровождалось таким же повышением налога на нефть и получаемые из нее технические продукты — смазочные масла и проч. Реформированное в 1898 г. промысловое обложение, по признанию самого же Витте, «опиралось на те же самые традиционные начала, какие искони коренились у нас в системе обложения». Это значит, что сохранялось в обложении сословное начало. «Сельскохозяйственные предприятия» освобождались от налога. Горемыкин предлагал

[56] В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 223—224.

[57] Г. Ф. Семенюк. Московская текстильная буржуазия и вопрос о промысловом налоге в 90-х годах XIX в. «УЗ Московского пед. ин-та им. Крупской», т. 127, 1963.

прямо указать в законе, что эту льготу получают дворяне-заводчики; другие министры, в том числе Витте, предлагали это сделать не так открыто, во имя декларированного принципа «бессословности»[58]. Опубликованные программные записки[59] Витте многое разъясняют в его позиции. Представители дворянства требовали от правительства материальной поддержки своего сословия в виду его «оскудения». Оспаривая эти требования и доводы, министр финансов обличал их необоснованность. Он показал паразитизм дворянства, его расточительность. Все же «противодворянские» настроения Витте не должны преувеличиваться. Мне кажется, нет оснований полагать, как это делает И. Ф. Гиндин, что «Витте еще в 1896 г. выдвинул задачу ликвидации добуржуазных отношений в деревне»[60]. В своих воспоминаниях Витте высказывает мнение, что «суть крестьянского вопроса... не в налогах, не в покровительственной таможенной системе и не в недостатке земли, по крайней мере не в принудительном отчуждении земли для передачи ее во владение крестьян»[61]. Мог ли такое написать противник добуржуазных отношений в деревне? Витте с гордостью вспоминал о том, как он сам «разрешал крестьянский вопрос». Это был путь разорения и пауперизации масс крестьянства. «Если вследствие развития при моем управлении сети железных дорог и промышленности я отвлек от земли 4—5 миллионов людей, а значит, с семействами миллионов 20—25, то этим самым я как бы увеличил земельный фонд на 20—25 млн. десятин»[62]. Здесь хорошо выражено необычайно тесное переплетение капиталистических и крепостнических начал в экономической политике самодержавия. Витте признает охранительное значение экономического курса, проводившегося дворянской монархией. Индустриализация, поставленная на службу старому строю, проводилась для его укрепления. Но это лишь усилило основное противоречие эпохи: разоряемая нищенская деревня, с одной стороны, и с другой — промышленность и транспорт, достигшие уровня, свойственного среднеразвитой капиталистической стране. Сохранение самодержавного строя означало бы прогрессирующее падение национальной независимости страны.

Итак, в «эру Витте» самодержавие нисколько не утратило своей реакционной сущности, оставаясь воплощением всего самого тяжелого, отсталого, антинародного, что было в дореволюционной России.

Но ведущим в историческом развитии оказалось другое, противоположное начало. Росли силы российского пролетариата и его партии, крепнул революционный союз рабочего класса и крестьянства, рабочий класс возглавил весь демократический фронт. Ленинская программа борьбы направляла революционные силы на низвержение самодержавия как оплота остатков средневековья и капиталистического варварства. Буржуазно-демократическая революция, свергнувшая царизм, стала прологом Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[58] П. П. Гензель. Промысловое обложение в России. СПб., 1900, стр. 22, 24.

[59] «Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880—1890-х годах». Исторический архив, 1957, № 4; И. Ф. Гиндин. Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX — начале XX в. «Материалы по истории СССР», т. VI, 1959.

[60] См. «История СССР», 1971, № 4, стр. 206.

[61] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 506.

[62] Там же, стр. 505. См. также статью М. С. Симоновой «Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в.» — «История СССР», 1963, № 1.

М. Я. ВОЛКОВ

ОБ ОТМЕНЕ МЕСТНИЧЕСТВА В РОССИИ

Отмена местничества — важная веха во внутриполитической жизни России XVII в. Изучением этой реформы занимались многие исследователи, но большинство сосредоточило свое внимание на событиях заключительной ее стадии, связанных с соборным провозглашением отмены местничества 12 января 1682 г. Вследствие этого не ясны конкретные обстоятельства постановки вопроса об отмене местничества и ход его обсуждения. Рассмотрение именно этих сюжетов и составляет основное содержание настоящей статьи.

В дореволюционной историографии об этом упоминалось в двух работах, и оба раза в связи с рассмотрением и оценкой двух источников — проекта устава о высших чинах и должностях по степеням и сообщения «Иконы или изображения патриаршего престола» о проекте разделения страны на наместничества и митрополии, составленного в Патриаршей канцелярии [1].

В. О. Ключевский определил проект, о котором сообщает «Икона», как исходный и основной, а проект устава о высших чинах и должностях — как его «переделку», т. е. как его вторую редакцию. Рассматривая первую редакцию проекта, он высказал догадку о том, что проект был составлен «великородными» боярами в то время, «когда возбужден был вопрос об отмене местничества» (при этом историк не уточнил, кем и когда именно). Проект о разделении страны на наместничества он оценил, как «проект аристократической децентрализации государства», как «попытку ввести в Московской Руси феодализм польского пошиба». Этот проект был отвергнут из-за противодействия патриарха Иоакима [2].

В. К. Никольский установил, что первоначальный проект составили не «великородные» бояре, а придворная партия любимцев царя, в числе которых были передовые люди того времени. В светской части, по его мнению, предлагалось разделить страну на наместничества и воеводства (разряды) и установить иерархию степеней для думных чинов (последнее предложение Никольский не оценил в своей статье). Он определил также содержание церковной части проекта (см. ниже). В целом, по его мнению, это был проект административно-церковной реформы, который

[1] Пользуюсь публикацией сообщения «Иконы» о проекте, осуществленной Е. Замысловским. См. «Предложение бояр о разделении России на наместничества» (далее: «Предложение бояр»). В кн. Е. Замысловский. Царствование Федора Алексеевича, ч. 1. СПб., 1871, прил. стр. XXXIV—XXXV. В статье не рассматриваются суждения М. А. Оболенского и С. М. Соловьева о проекте устава, так как они считали, что он был составлен после 12 января 1682 г. с целью реализации решения об отмене местничества.

[2] В. О. Ключевский. Боярская дума в Древней Руси, изд. 5. Пг., 1919, стр. 488—492. Эту точку зрения без аргументации Ключевский повторил в «Курсе русской истории», назвав события, связанные с проектом, «боярской попыткой» 1681 г. (см. В. О. Ключевский. Соч., т. 3. М., 1957, стр. 83—84).

обсуждался в октябре — ноябре 1681 г. и был отклонен усилиями патриарха (до 27 ноября 1681 г.) [3].

Никольский не согласился с гипотезой Ключевского о связи проекта, точнее — его светской части, с вопросом об отмене местничества. Он считал, что предложение об отмене местничества было сформулировано представителями служилых людей (т. е. дворянства), созванных в Москву по указу от 7 декабря 1681 г. для рассмотрения «ратных и земских дел». Следовательно, полагал Никольский, предложение об отмене местничества было сформулировано позже 7 декабря, а возможно, и после 1 января 1682 г., так как к этому сроку было назначено явиться «выборным» из служилых людей городовых чинов [4].

В советской историографии работ по данной теме, основанных на изучении источников, нет [5].

В настоящей статье для рассмотрения указанных вопросов привлечены как опубликованные, так и архивные источники. Среди них, помимо названных выше проекта устава о высших чинах и должностях [6] и сообщения «Иконы», первостепенное значение имеет «Созерцание краткое», в котором содержатся, в частности, запись от 24 ноября 1681 г. об итогах обсуждения светской части проекта и рассказ о событиях осени и зимы 1681/82 г., связанных с обсуждением проекта [7].

Запись в «Созерцании кратком» об обсуждении светской части проекта — это дословное или близкое к дословному воспроизведение текста официального источника, в котором было зафиксировано решение, принятое 24 ноября 1681 г. [8]. Сопоставление записи и проекта устава о высших чинах и должностях дает основание считать, что вторая редакция светской части проекта была подготовлена примерно 24 ноября 1681 г. Из первоначального текста была исключена лишь статья о сибирском наместничестве [9], но сохранен прежний порядок изложения статей, так

---

[3] См. В. К. Никольский. «Боярская попытка» 1681 г. «Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете» [М.], 1917, № 2, стр. 57—87. Его оценки проекта не всегда сбоснованы, а иногда противоречивы. Так, установив, что проект подготовила партия сторонников преобразований, он в то же время полагал, что проект был составлен в интересах «великородных» бояр (см. там же, стр. 84—85, 86).

[4] Там же, стр. 73.

[5] В советской историографии 50—60-х годов получила распространение точка зрения, эклектически сочетающая предложенную В. О. Ключевским оценку проекта о наместничествах как реакционного, составленного в своих интересах боярской знатью, и мнение В. К. Никольского о том, что инициаторами отмены местничества были «выборные люди», т. е. дворяне. В итоге вопреки даже тем фактам, которые установил Никольский, следовал вывод, что дворяне не дали осуществить реакционный проект и настояли на отмене местничества (см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М., 1955, стр. 156—157; А. М. Сахаров. Комментарии к тринадцатому и четырнадцатому томам «Истории России с древнейших времен». В кн. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII. М., 1962, стр. 677; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. III. М., 1967, стр. 115 и др.).

[6] М. А. Оболенский. Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Федоре Алексеевиче. С предисл. и прим. (далее: «Проект устава»). «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым», кн. I. М., 1850, отд. II, разд. II. В примечаниях опубликованы несколько росписей городов из книг о наместнических титулах (см. там же, стр. 34—40), сведения которых учтены в настоящей статье.

[7] См. А. Прозоровский. Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. С предисл. и прим. (далее: «Созерцание краткое»). «Чтения ОИДР», 1884, кн. 4, отд. II.

[8] «Созерцание краткое», стр. 18—19.

[9] На наличие такой статьи в первой редакции указывают сообщение «Иконы» и запись в «Созерцании кратком» (см. «Предложение бояр», стр. XXXIV; «Созерцание краткое», стр. 18).

как утвержденное предложение о «председении» было передано в первой редакции проекта всеми статьями. Но в содержание части статей были внесены существенные изменения [10].

Предложение об отмене местничества было изложено в проекте, составленном не позднее августа 1681 г. и обсуждавшемся в октябре — ноябре. Проект с пометой думного дьяка был направлен первоначально патриарху Иоакиму, видимо, 2 сентября [11]. Не получив от него ответа, царь Федор послал ему из «похода» письмо с напоминанием, что ожидает от него «благословения» своего «хотения». Ответ патриарха на это письмо датирован 15 октября [12].

Рассматривая вопрос об авторах проекта, Никольский отметил, что «Икона» называет их «палатстими подустителями», намекая тем самым «на фавор их у Федора», и в связи с этим заключил, что проект «вышел из партии полонофилов кн. Голицына, Языкова, Лихачева» [13]. Автор «Созерцания краткого», рассказывая о событиях осени и зимы 1681/82 г., именует инициаторов реформ «ближними предстателями» царя [14], что подтверждает вывод Никольского. Б. И. Куракин в «ведении о главах» своей «Гистории», составленном в 1723 г., сформулировал пункт 91 следующим образом: «О проекте Языкова, как было быть государственным чинам» [15]. Это сообщение ценно тем, что как и другие источники, оно указывает на ту же партию любимцев царя. Но в нем есть неточность — автором проекта назван лишь И. М. Языков. Роль В. В. Голицына в событиях осени и зимы 1681/82 г. и особенно в отмене местничества, не оставляет сомнений в том, что он также участвовал в подготовке проекта [16]. В числе его авторов были и братья А. Т. и М. Т. Лихачевы, которые входили в число «ближних предстателей» царя.

Вред местничества был хорошо осознан царской властью и передовыми людьми из правящего лагеря. К ним принадлежали и авторы проекта. Подготавливая этот документ, они отразили настроение дворянства и особенно тех его представителей, которые добились высоких должностей и чинов благодаря службе, но из-за местнического обычая не могли обрести положение (или «честь»), соответствующее этим должностям и чинам. Из авторов проекта к числу таких сановников принадлежали Языков и братья Лихачевы.

Несоответствие между должностью и «честью», которая определялась преимущественно по «крови», наиболее ярко проявлялось при пожаловании наместнических титулов сановникам, назначенным для ведения переговоров с иностранными дипломатами. Боярам и окольничим «по роду своему» жаловались наместнические титулы «степенных» городов, причем самые высокие из них — титулы «царственных градов» — получали представители наиболее знатных родов. Так, 15 августа 1679 г. наместничество Владимирское было указано писать за кн. Н. И. Одоевским, Новгородское — за кн. Ю. А. Долгоруким, Казанское — за кн. М. А. Черкасским, Астраханское — за кн. Я. Н. Одоевским, Псковское — за кн. Г. С. Куракиным, Смоленское — за П. В. Шереметевым [17]. Напротив, неродовитым сановникам, дослужившимся до высоких должностей и чинов, жаловались наместнические титулы «нестепенных» городов. К при-

[10] Об изменениях, внесенных в содержание этих статей, см. ниже.
[11] См. СГГ и Д, ч. IV. М., 1828, № 131.
[12] «Предложение бояр», стр. XXXV; В. К. Никольский. Указ. соч., стр. 69—70.
[13] В. К. Никольский. Указ. соч., стр. 85.
[14] «Созерцание краткое», стр. 37.
[15] См. «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. I. СПб., 1890, стр. 92.
[16] См., напр., СГГ и Д, ч. IV, № 130.
[17] В. К. Никольский. Указ. соч., стр. 86.

меру А. Л. Ордин-Нащокин, уже будучи боярином и «царственные большие печати и государственных посольских дел оберегателем», оставался наместником шацким, т. е. имел «честь» думного дворянина, под началом которого было зазорно служить знатному по «крови» человеку, даже и не имевшему еще думного чина.

Авторы проекта учли именно эти обстоятельства, о чем свидетельствует мотивировка предложения о «председении», изложенная в записи «Созерцания краткого». Здесь сказано, что из сановников «ини бывают люди из крове благородием великия боляре, иныя из меншого благородства честию тоюжде болярства от царского величества за службы или за разумное правителство пожалованы...; инии же по роду своему честь имеюще столника или околничего». Но нередко даже стольник «по роду своему», будучи назначен под начало сановника, «аще будет и болярин, не хощет под ним седети, не хощет с ним ни в каком деле и в полках в товарыщах быти». Далее отмечена распространенность этого явления, от «чесого были и ныне суть великия между их в таких случаях вражды, и беды несказанныя, и злыя друг на друга вымыслы; людем же мелким в полкех и в городех не правление между таких бывает, но великое погубление»[18].

Важную роль сыграли и честолюбивые планы авторов проекта. Они приобрели руководящее положение в правительстве благодаря близости к царю и хотели это закрепить юридически. В проекте предлагалось поднять значение должностей оружейничего и постельничего, которые занимали И. М. Языков и А. Т. Лихачев соответственно, и учредить, скорее всего для В. В. Голицына, должность «дворового воеводы».

Для ликвидации местнического обычая Голицын, Языков и, видимо, братья Лихачевы подготовили роспись или табель (устав). Она состояла из 35 статей, названных в проекте «степенями». Эти статьи можно разделить на три категории: «персональные», «групповые» и «коллегиальные».

В «персональных» статьях указаны должность, чин и степень «чести» одного сановника. Из них в 12 статьях (во второй редакции — в 11) определено положение сановников, которые назначались наместниками «царственных градов»; в 10 статьях — сановников, которые определялись воеводами разрядов, и в одной статье — гетмана Украины, кравчего, «начальника над чашники» (ст. 25, 30, 31)[19]. Все наместники «царственных градов» и воеводы разрядов имели чин боярина. При определении степени «чести» наместников авторы проекта использовали «лествицу» городов из книг наместнических титулов. Среди них высшую наместническую, 3-ю степень получал наместник киевский, следующую (наместническую), 5-ю степень — новгородский, 7-ю степень — казанский, 11-ю степень — астраханский и т. д.[20] Порядок старшинства между воеводами разрядов установился до составления проекта, так как эти разряды сложились в 40—70-х годах XVII в.[21] Составители проекта определили в основном

[18] «Созерцание краткое», стр. 18.

[19] Здесь и ниже номера статей и степеней «чести» даны по второй редакции (см. «Проект устава»).

[20] Правда, в «Проекте устава» в 3-й степени фигурирует наместник владимирский, но в первоначальной редакции это была степень наместника киевского (см. «Созерцание краткое», стр. 18). Замена была произведена при переделке проекта в связи с отклонением предложения о создании наместничеств — областей.

[21] См. П. Милюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого, изд. 2. СПб., 1905, стр. 247—248; «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 449. Авторы проекта предложили лишь два нововведения частного порядка: создать Астраханский разряд и взамен Тобольского и Томского разрядов — Сибирский.

степень их «чести» сравнительно с «честью» иных сановников, назначив воеводе Северского разряда 4-ю степень, Владимирского — 6-ю, Новгородского — 12-ю, Казанского — 14-ю, Астраханского — 16-ю степень и т. д. Гетман «обеих сторон Днепра» приравнивался к воеводам разрядов и для него была установлена 25-я степень «чести».

«Групповых» статей было три, из них в первой (ст. 29) перечислены 9 бояр и наместников, во второй (ст. 32) — 20 окольничих и наместников и в третьей статье (ст. 34) — 20 думных дворян и наместников, а также печатник и думный дьяк «государственных посолских дел». Хотя каждая из этих групп сановников перечислена под одной «степенью», т. е. им назначались 29, 32 и 34-я степени «чести», но реально для этих сановников устанавливалась 51 степень «чести». Это было осуществлено с помощью титулов, заимствованных из книг наместнических титулов. Так, девяти боярам-наместникам, перечисленным в ст. 29, присваивались титулы наместников от нижегородского до суздальского, чем были определены степени их «чести». В 32-й статье окольничим присваивались 20 титулов наместничеств от вологодского до бельского, а в 34-й статье думным дворянам — также 20 титулов наместничеств от шацкого до рославльского. Предпоследнюю степень в ст. 34 имел печатник и последнюю — думный дьяк «государственных посолских дел».

Из «коллегиальных» статей во второй редакции светской части проекта, т. е. в проекте устава, осталась одна 1-я статья. Но в первоначальной редакции их было несколько, в которых точно определялась степень «чести» лишь руководителя палаты. Так, в ст. 1 были названы должность и чин сановника, возглавлявшего эту палату и в связи с этим получавшего 1-ю степень «чести». Об остальных судьях палаты сказано только, что вместе с ним «боляр и думных людей дванадесять лиц».

В итоге в светской части проекта были названы должности и установлена точная степень «чести» 83 сановников, которым предназначались эти должности, в том числе 37 бояр, 20 окольничих, 20 думных дворян, гетмана Украины, кравчего, «началника над чашники», постельничего, печатника и думного дьяка «посолских дел». Положение остальных сановников думных чинов предлагалось определять степенью палаты, в которую они назначались, и их чином [22].

Степень «чести» любого сановника устанавливалась по должности, закреплялась за должностью. Совокупностью всех статей предлагалось закрепить иерархию степеней «чести», основанную на строгом соответствии должности, чина и «чести», и использовать эту иерархию для определения «председения» сановников в царском «сигклите... и в воинских делах, егда по их государским указам посылают (сановников.— *М. В.*) в полки с ратными людми или в правление под их царского величества царственные грады» [23]. Предлагая осуществить эту реформу, авторы проекта сформулировали следующий принцип «чести»: «Чести же наипаче даемы бывают и правление по разуму и по заслугам во всяких государственных делах бывшим и людем знающим и потребным» [24]. Этим принципом определения «чести», исключавшим фактор знатности рода, они и руководствовались, составляя свой проект.

---

[22] Всего осенью 1681 г. насчитывалось 108 сановников думных чинов, в том числе 43 боярина, кравчий, 30 окольничих, постельничий, казначей, чашник, 20 думных дворян, печатник, 10 думных дьяков (см. ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ, Московский стол, стб. 628, лл. 842—844). Следовательно, точная степень «чести» не была установлена для 26 сановников, в том числе для 6 бояр, 10 окольничих, казначея и 9 думных дьяков.

[23] «Созерцание краткое», стр. 18.

[24] Там же, стр. 19.

В том же проекте в нескольких статьях, названных выше «коллегиальными», излагалось предложение о «судах». Причем один из таких «судов», Расправная Золотая палата, уже существовал, а остальные было предложено создать вновь.

Предшественницей названной палаты была временная комиссия из членов Боярской думы, которой в отсутствие царя, при его отъезде в «поход», поручали «оберегать» царский двор и Москву. Комиссия решала также различные дела, поступавшие из приказов и непосредственно с мест. Видимо, с 18 октября 1680 г. она стала постоянным учреждением — Расправной Золотой палатой, которая рассматривала дела преимущественно судебного характера, не решенные в приказах[25]. Но в отсутствие царя палата, как и ее предшественница, приобретала функции исполнительного органа власти, поставленного над приказами.

Авторы проекта предложили поручить ей только судебный надзор. Боярин, «предстатель и разсмотритель над всеми судиями царствующего града Москвы», и его 12 судей «из боляр и думных людей» должны были «испытно ведати, чтоб всякий судья исполнял... царского величества повеление и грацкой суд праведно и разсудително». Узнав об осуждении невиновного, «той болярин с товарыщи своими должен того дела разсмотрити и беспомощнаго избавити от неправды по правде», а судью наказать, «смотря по его вине, дабы всяк неправдою обидимый избавлялся их прилежным в Полате разсмотрением и никто б обидим силою не был»[26].

Рассмотрение и решение общих «ратных и земских дел» авторы проекта предложили поручить вновь созданному учреждению, которое они назвали Ответной палатой. Правда, в проекте устава, т. е. во второй редакции светской части проекта, нет упоминания об этой палате. Но до переделки проекта боярин, «дворовой воевода», ведавший «ратными делами», и его учреждение имели более широкие функции. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что в указе от 24 ноября 1681 г. о назначении судей в приказ «ратных дел» проскользнуло первоначальное название этого учреждения: Голицыну и другим судьям было велено сидеть «в Ответной полате»[27]. Во-вторых, приказ «ратных дел» Голицына с 7 декабря 1681 г. стал официально именоваться Ответной палатой и решал как «ратные», так и «земские» дела[28]. Поэтому допустимо считать, что эти функции были определены еще в первой редакции проекта.

Суммируя показания источников, можно установить, что «дворовой воевода» занимал по проекту высшую административную должность в государстве. При нем предлагалось создать коллегию из бояр и других думных чинов — Ответную палату. Большую часть этих судей должны были составлять сановники, которые одновременно являлись судьями военных и финансовых приказов. Во время военных походов, если в них участвовал царь, «дворовому воеводе» надлежало «остерегати» его «государское здравие», а в мирное время — иметь попечение «о всяких воинских околичностях». Под последними понималось составление «сметы

---

[25] В. О. Ключевский. Боярская дума Древней Руси, стр. 426—431. За «расправными делами» 18 октября 1680 г. с кн. Н. И. Одоевским было «велено быть» еще трем боярам, в том числе Я. Н. Одоевскому, 4 окольничим, 2 думным дворянам и 2 думным дьякам (см. «Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников». М., 1905, стр. 20).

[26] «Проект устава», ст. 1.

[27] ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, стб. 623, л. 783.

[28] Там же, стб. 628, л. 231; ПСЗ, т. II, № 899; В. К. Никольский. Земский собор о вечном мире с Польшей 1683/84 г. «Научные труды Индустриально-педагогического ин-та им. К. Либкнехта», сер. социально-эконом., вып. 2. М., 1928, стр. 51 (публикация указа от 7 декабря 1681 г.).

ратем» и их «устроение», «приуготовление оружия и всяких хлебных и воинских запасов», материальное обеспечение служилых людей, назначение «в обозное укрепление... дозирателей достойных и искусных в ратех», привлечение людей, «ведущих искуства розных государств рати». В связи с «ратными» делами Ответной палате поручалось «устроение» дел о финансах (налогообложение, регламентация служб и повинностей тяглого населения и др.) и дел, связанных с материальным обеспечением служилых людей, т. е. решение «земских дел» [29].

Судя по проекту, руководителями новых «судов» должны были, видимо, стать «болярин над пехотою», «болярин над конною ратию», дворецкий, оружейничий и постельничий. Об этом свидетельствуют их обязанности, названные в проекте устава, исполнение которых требовало соответствующего аппарата, т. е. судей и приказных служителей. Так, «болярину над пехотою» надлежало «строить пехотные полки со всяким ратным устроением, собирати и роздавати им наше государское жалование, денги и хлеб», и следить за тем, чтобы эти полки «на всяк час были готовы на нашу государскую службу». Сходные обязанности имел «болярин над конною ратию», ведавший по проекту всеми конными полками, «что на денежном... государском жалованье и что с поместей и вотчин служат». Оружейничий отвечал за обеспечение всех ратей оружием и снаряжением [30].

Предложение о «судах» имело целью укрепление центрального приказного аппарата власти и, главное, устранение от решения важнейших дел Боярской думы, а возможно, и ее ликвидацию, так как важнейшие ее функции предлагалось передать Расправной и Ответной палатам. О намерении устранить Боярскую думу свидетельствует, мне кажется, и третье предложение, содержавшееся в проекте, которое в известной мере условно можно назвать предложением о наместничествах-областях.

В первой редакции проекта в «персональных» статьях о боярах-наместниках «царственных градов», помимо перечисления должности и чина и определения степени «чести», был указан титул наместника, более пышный, чем во второй редакции, и отмечено, что пребывание для правления эти бояре имеют в наместничествах. Авторы проекта, сообщает «Икона», предлагали царю, «чтобы в его царской державе по подчиненным единой власти государствам и царствам... быти царским наместником, великородным боляром, вечно и титлы им тех царств, кто где будет, имети и писатися во всяких писмах — болярин и наместник князь, имя рек, всего царства Казанского или всего царства Сибирского» [31].

Таких наместничеств предлагалось создать 12, из них точно известны 5 — Киевское, Новгородское, Казанское, Астраханское и Сибирское [32]. Судя по проекту устава, можно считать, что предлагалось создать также наместничества Псковское, Смоленское, Тверское, Югорское, Великопермское, Вятское и Болгарское [33].

Формулируя статьи о боярах-наместниках «царственных градов», авторы проекта не имели в виду проведение областной реформы. Подтверждением этой мысли служит, в частности, то, что в проекте не определена территория наместничеств, т. е. не указан состав городов, подвластных тому или иному наместнику, и в нескольких случаях не были назва-

[29] «Проект устава», ст. 2; ЦГАДА, ф. 210. Московский стол, стб. 623, л. 783; ПСЗ, т. II, № 899; В. К. Никольский. Земский собор о вечном мире с Польшей, стр. 51.
[30] «Проект устава», ст. 8, 9, 10, 17, 33.
[31] «Предложение бояр», стр. XXXIV.
[32] «Созерцание краткое», стр. 18. «Икона» в том же порядке, но без Киевского, называет 4 наместничества (см. «Предложение бояр», стр. XXXIV).
[33] «Проект устава», ст. 13, 15, 20, 22, 24, 26, 28.

ны даже центры наместничеств (Болгарского, где не осталось «царственного» города, Югорского и Великопермского, где никогда не было таких городов). При составлении проекта авторы субъективно руководствовались двумя целями. Они хотели подчеркнуть «християнскую непреоборимую всегда силу» Российского царства и царской власти, уподобив царя богу. Если Иисус Христос имел 12 апостолов, то царю предлагалось иметь 12 наместников с пышными «царственными» титулами. Состав наместничеств был заимствован из царского титула и должен был указывать на то, что царь мирно обладает многими покорившимися государствами [34]. Вторая, более прозаическая их цель состояла в том, чтобы удалить из Москвы на постоянную службу еще 12 бояр. В случае принятия проекта, количество бояр, членов Боярской думы, несших службу вне Москвы, увеличивалось до 22, так как бояре-воеводы разрядов и ранее несли службу вне Москвы. Большая часть оставшихся в столице бояр (не менее 14 из 23) состояла бы из судей Расправной и Ответной палат и новых «судов», т. е. из сановников, не заинтересованных в функционировании Боярской думы.

Но следствием реализации их предложения о назначении 12 бояр наместниками «царственных градов» было бы проведение и областной реформы. В конкретных условиях конца XVII в. его реализация могла привести к возникновению наместничеств-областей, сходных по своему характеру с губерниями начала XVIII в.

И, наконец, в церковной части предлагалось довести количество митрополий до 12 и других епархий до 70, подчинить епископов непосредственно митрополитам и лишь через их посредство — патриарху, и установить для архиереев иерархию степеней, сходную с иерархией степеней для думных чинов. Центрами митрополий должны были стать те же «царственные грады», что и наместничеств, и митрополитам предлагалось присвоить столь же пышные титулы, как и наместникам («митрополит Новгородский и всего Помория, митрополит Казанской и всего Казанского царства») [35].

Предложения были подготовлены с целью «украшения святыя церкви и для спасения и просвещения христианом», т. е. с целью усиления влияния церкви на массы. Это было связано с тем, что власти, в том числе церковные, видели «умножение» церковных «противников» и падение авторитета православной церкви [36]. Авторы проекта уподобили патриарха наместнику Христа, 12 митрополитов — преемникам 12 апостолов, 70 других архиереев — преемникам 70 учеников господних [37]. Подчинение архиепископов и епископов митрополитам должно было укрепить централизацию церковной власти, но авторы проекта преследовали и иную цель. Митрополиты, назначенные в те же города, что и наместники, неизбежно попали бы в зависимость от наместников, что усилило бы подчинение церкви светской власти.

Таким образом, содержание проекта показывает, что его авторы осознали необходимость проведения реформ, направленных на усиление царской власти, которая приобретала абсолютистский характер, и на усиление идеологического влияния православной церкви. С этой целью они предложили начать замену местнических норм новыми, основанными на строгом соответствии должности, чина и «чести», поручить решение важнейших дел новым центральным учреждениям, в которых преиму-

[34] «Проект устава», предисл., стр. 23.
[35] «Предложение бояр», стр. XXXIV; «Созерцание краткое», стр. 34; В. К. Никольский. «Боярская попытка» 1681 г., стр. 68—71.
[36] См. СГГ и Д, ч. IV, № 128, стр. 391; АИ, т. V. СПб., 1842, № 75.
[37] В. К. Никольский. «Боярская попытка» 1681 г., стр. 77.

щество получили бы сановники, достигшие своих чинов службой, и предложили усилить централизацию церковной власти и одновременно ее подчинение светской власти.

Однако, предлагая эту программу реформ, авторы проекта и царь Федор, активно поддержавший их, неверно оценили реальное соотношение сил в правящем лагере. Уже в начале октября 1681 г. они столкнулись с нежеланием патриарха Иоакима «благословить» их начинание. Правда, в ответ на письмо царя Иоаким 15 октября дал «благословение... свое архиерейское» и обещал «моля всех владык», получить согласие церковных властей на нововведения, предложенные в церковной части проекта [38]. Но свое обещание он не выполнил.

Церковный собор был созван, вероятно, в конце октября. Рассмотрев ряд вопросов, в том числе «о прибавлении вновь архиереов по градам, и что множатся церковные противники», церковные власти охотно согласились на увеличение количества митрополий и епископств. Но они высказались против подчинения архиепископов и епископов митрополитам. Этим архиереям, приговорили они, быть, как и прежде, «особыми их епархии, а не под митрополитами быть подвластными для того, чтоб в архиерейском чине не было какого церковного разгласия и меж себя распри и высости...» [39].

Узнав о позиции знати, патриарх открыто выступил против проекта, сосредоточив свое внимание на предложении о наместниках «царственных градов». Он, сказано в «Иконе», «возбрани... сие творити для того, чтобы учиненныя вечныя наместники, великородныя люди, по неколицех летех обоготясь и возгордев, московских царей самодержавством не отступили и единовластия, многими леты в Российском государстве содержаннаго, не разорили и себе в особность не розделили». При этом патриарх пугал царя войнами и «нестроениями» удельного периода [40]. Его цель состояла в том, чтобы не допустить создания наместничеств-областей и определения в «царственные грады» как наместников, так и митрополитов.

Представление об отношении к проекту членов Боярской думы, особенно из знатных родов, дает рассказ в «Созерцании кратком» о событиях осени и зимы 1681/82. Хотя он составлен между 1684 и 1687 гг. с целью обоснования тезиса о том, что причиной «смут» и «мятежей» являются всякие нововведения и перемены [41], но его автор ссылался при этом на события, связанные с обсуждением проекта реформ, и повторил часть оценок проекта, высказанных светскими его противниками.

В рассказе сообщается, что обсуждение проекта, как и некоторых других вопросов (о «селах», т. е. наказа писцам), вызвало «нелюбовь» и «междособие» в Боярской думе и сопровождалось бранью. Вина его авторов состояла в том, что они «вымышляли ими мнимое разумно сами, а не многих людей советом», т. е. не считаясь с мнением Боярской думы и влиятельных ее членов из родовой знати. Презирая «искусных, мудрых и в старости сущих людей», составители проекта «всякие новые дела в государстве и чины в даянии чести и суды иночиновны во гражданстве покусишася вводити, иноземским обычаем подражающе». Осуждая их, рассказчик повторил мнение противников проекта из знати: «Ведящии же многим искуством вещают, что иностранских обычаев,

[38] В. К. Никольский. «Боярская попытка» 1681 г., стр. 69—70.
[39] АИ, т. V, № 75, стр. 110. Решения собора датированы ноябрем 1681 г.
[40] «Предложение бояр», стр. XXXV.
[41] См. М. Я. Волков. «Созерцание краткое» как источник по истории общественно-политической мысли. «Общество и государство феодальной России». Сб. ст. М., 1975, стр. 202—203, 207.

чинов председательства и чести званием, не слыханным в своем государстве... вводити не подобает». Их мнение автор передает и словами некоего мудреца, который утверждает, что «смута» в государстве возникает тогда, «егда честные люди и в государстве заслуженые от чинов великих и честных откиненые, а мелкие люди бывают подвзыщеныя»[42]. Следовательно, наиболее влиятельная часть царского «сигклита», состоявшая из родовой знати, выступила против предложенных норм «председения» и новых «судов» в защиту местнических норм и Боярской думы.

Судя по рассказу в «Созерцании кратком», светские противники реформ, как и патриарх, не скупились на предсказание «нестроений», которые последуют за реформами. Во «гражданстве», пишет его автор, «имут быти тайная скипетров похищения, смерти, яко естественныя, тако напрасные, людей велможных, им же последуют молвы и смущения и различная постановления уряду гражданского» и т. п. «нестроения»[43].

Столь решительная оппозиция светских и церковных сановников вынудила царя и его «ближних предстателей» пересмотреть свое отношение к проекту реформ. Не исключено, что накануне 15 ноября 1681 г. они были готовы отказаться от их проведения[44]. Но затем возник план осуществления важнейшего из рассмотренных предложений проекта — об отмене местничества.

Для осуществления этого плана были внесены изменения в светскую часть проекта и 24 ноября 1681 г. приняты, причем без согласия Боярской думы, два важных решения — о «председении» и создании приказа «ратных дел». При переделке проекта из «персональных» статей о боярах-наместниках были исключены указания на то, что они должны нести службу непосредственно в наместничествах, и взамен вставлены фразы о месте того или иного боярина «для совету» в царских палатах. Но в этих палатах они должны были сидеть уже в соответствии с новыми степенями «чести». Следовательно, правка этих статей исключила из проекта предложение о посылке наместников в «царственные грады»[45]. Так как было решено отказаться от посягательства на права Боярской думы, то авторы проекта внесли изменения также в статьи о «судах». Из этих статей (кроме ст. 1) они исключили указания на количество судей, а из ст. 2 — еще название «суда» (Ответная палата) и указание на то, что «дворовой воевода» помимо «ратных дел» должен решать «земские дела». Одновременно в девять статей (о «предстателе и разсмотрителе над всеми судиями», «дворовом воеводе», боярах «над пехотою» и «над конною ратию», дворецком, оружейничем и др.) были включены греческие названия должностей, заимствованные из табели чинов византийского двора[46].

---

[42] «Созерцание краткое», стр. 37—38.

[43] Там же, стр. 37.

[44] Косвенно на это указывает качественное различие между содержанием проекта указа о приказах и самим указом от 15 ноября о приказах (см. ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, стб. 628, лл. 254—258).

[45] Вследствие правки понятие «наместник» утратило значение должности. Поэтому авторы проекта уточнили состав наместнических титулов: учитывая практику их пожалования, исключили наместничества Киевское и Сибирское, так как эти титулы прежде никому не жаловались, и взамен первого включили наместничество Владимирское.

[46] См. «Проект устава»; В. К. Никольский. «Боярская попытка» 1681 г., стр. 78. Наличие в проекте устава греческих названий дало повод включить в число его составителей Н. Спафария (см. В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 489; В. К. Никольский. «Боярская попытка» 1681 г., стр. 83). Но это предположение противоречит фактам: Спафарий служил в это время воеводой в Темникове и возвратился в Москву не ранее начала февраля 1682 г. (см. ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, стб. 628, л. 190).

Оценивая эти заимствования, В. К. Никольский считал, что «редактор» проекта прибег к ним «для придания ему большей пышности и красоты». Он заметил также, что византийский источник был использован произвольно: «редактор» проекта «плохо вникал в греческие титулы... он совсем не считался со сравнительной знатностью греческих сановников и размещал их (т. е. названия их должностей.— *М. В.*) в хаотическом беспорядке.»[47]

Но такая оценка заимствований неточна. К византийскому источнику авторы проекта обратились вследствие того, что противники упрекали их в подражании «иноземским обычаям». Под последними понимали тогда обычаи неправославных стран. Поэтому, переделывая проект, его авторы попытались придать своему предложению о «судах» византийскую окраску и тем обосновать его соответствие православным традициям. Произвольность же использования греческих названий можно объяснить тем, что переделку проекта они осуществили наспех, не изучив в должной мере византийский источник.

Внося изменения в первоначальное содержание проекта, авторы учли, что церковные власти не были заинтересованы в сохранении местничества, а отказ от создания наместничеств-областей должен был удовлетворить патриарха Иоакима. Отказ от назначения бояр-наместников в «царственные грады» и сохранение за Боярской думой прежних прав имели целью ослабить сопротивление знати, что, в свою очередь, позволило бы осуществить главное, по мнению авторов проекта, предложение — замену для думных чинов местнических норм «председения» и «чести» новыми нормами.

При переделке проекта это предложение не претерпело существенных изменений и было одобрено 24 ноября 1681 г. В этот день, сказано в записи «Созерцания краткого», «изволися ему, государю, вчинать, царского своего сигклита всякого чина разсмотрити, како бывает председение в сигклите его и в воинских делах». Эта мера мотивирована тем, что далее нет возможности мириться с местничеством и его следствиями[48]. Понятие «вчинать» в приведенном определении тождественно понятию «установить на будущее». Поэтому рассмотрение предложения о «председении» и одобрение иерархии степеней «чести», изложенной в проекте,— это первое решение, положившее начало ликвидации местничества. Правда, непосредственно оно касалось только «царского сигклита», т. е. сановников думных чинов.

В тот же день, 24 ноября 1681 г., было утверждено предложение В. В. Голицына о рассмотрении «ратных дел». В нем указывалось, что «в мимошедших воинских бранех, будучи на боях с государевыми ратными людми, его государевы неприятели показали новые в ратных делех вымыслы», и возникла необходимость «учинити» в «государских ратях разсмотрение и лучшее устроение». При этом надлежало то «прежде бывшее воинское устроение, которое показалося на боях неприбыльно, переменить на лучшее; а которые и прежняго устроения дела на боях с неприятели имеются пристойны, и тем быти без применения»[49].

Решение этих задач и управление «государевыми ратями» были поручены вновь созданному 24 ноября приказу «ратных дел», который возглавил Голицын. Судьями приказа стали также боярин кн. В. Д. Долгорукий, окольничий кн. Д. А. Барятинский, опытный военачальник думный дворянин В. А. Змеев и думный дьяк В. Г. Семенов, служивший в Разрядном приказе. Вместе с ними «у того дела» было велено «быти вы-

[47] В. К. Никольский. «Боярская попытка» 1681 г., стр. 78—79.
[48] «Созерцание краткое», стр. 18—19.
[49] СГГ и Д, ч. IV, № 130, стр. 396.

борным: столником и генералом, и столником же и полковником рейтарским и пехотным, и стряпчим, и дворяном, и жилцом, и городовым дворяном же, и детем боярским» [50].

Оценивая указ о рассмотрении «ратных дел» в специально созданном приказе, исследователи не учитывали решения о «председении» думных людей в царском «сигклите... и в воинских делах». Поэтому они считали, что решения, объявленные в указе, не были составной частью реформы, ликвидировавшей местничество. Эти решения, по их мнению, позволили только поставить вопрос об отмене местничества, и эта возможность была использована позднее «выборными людьми» [51]. В действительности решения были приняты для того, чтобы продолжить ликвидацию местнических норм, но уже среди московских чинов, к которым относились стольники, стряпчие, дворяне полковой службы и жильцы [52].

На наличие такого плана указывает, во-первых, состав «выборных людей», определенный в указе (см. выше). Причем показательно, что автор указа Голицын, учитывая ход обсуждения первоначального проекта реформ, ограничил состав выборных от стольников генералами и полковниками, не включив в их число стольников «по роду своему», т. е. молодых представителей знати. Во-вторых, о такой цели свидетельствует то, что в первом собрании судей приказа «ратных дел» с участием «выборных людей», Голицын «с товарыщи... сказав его, великого государя, указ, говорили о многих к ратному делу устроениях, и чтобы они, выборные люди, объявили, в каком ратном устроении пристойнее быти столником, и стряпчим, и дворяном, и жилцом» [53].

Возможно, в том же собрании было предложено решение о служебной «чести» и «благородстве», обусловившее появление указа от 27 ноября 1681 г. о пополнении родословных книг. Суть его сводилась к тому, чтобы обособить служёбную «честь», которая впредь не должна зависеть от происхождения служилого человека, от «благородства» рода. Последнее было решено закрепить родословными книгами, включив в эти книги, с учетом знатности рода, всех служилых людей московских и городовых чинов [54].

В те же дни была завершена переделка и церковной части проекта. Она была облегчена тем, что после отказа от посылки наместников в «царственные грады» непосредственная угроза подчинения митрополитов власти этих наместников исчезла. Поэтому в церковную часть проекта были внесены изменения частного порядка. Основные предложения этой части проекта — об учреждении новых епархий, в том числе митрополий, подчинении епископов власти митрополитов и о том, чтобы архиереям «быти и именоватися... по степеням»,— были одобрены патриархом и утверждены 27 ноября 1681 г. царем [55].

[50] СГГ и Д, ч. IV, № 130, стр. 396; ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, стб. 623, л. 783.

[51] См., напр., В. К. Никольский. «Боярская попытка» 1681 г., стр. 73; В. И. Буганов. «Враждотворное» местничество. «Вопросы истории», 1974, № 11, стр. 118.

[52] Служилых людей этих чинов, вместе со старыми, больными и отставными, насчитывалось в то время 7628 человек, в том числе «комнатных» стольников — 45, стольников — 1031, стряпчих — 709, дворян полковой службы — 2421, жильцов — 3422 (см. ЦГАДА, ф. 210. Московский стол, стб. 628, лл. 842—844).

[53] СГГ и Д, ч. IV, № 130, стр. 396.

[54] См. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России...», кн. I, отд. III, разд. III, стр. 22—23. Это решение, но без указания даты и, возможно, несколько дополненное, включено в соборный приговор об отмене местничества (см. СГГ и Д, ч. IV, № 130, стр. 404—405).

[55] См. СГГ и Д, ч. IV, № 128; «Созерцание краткое», стр. 35—37. Создание 12 митрополий и, главное, подчинение епископов власти митрополитов облегчили позднее, в первой четверти XVIII в., ликвидацию патриаршества.

Изложенные решения по светским и церковным вопросам изменили соотношение сил в правящем лагере. Против начавшейся реформы выступили лишь боярская знать и их отпрыски, имевшие чины «комнатных» стольников и стольников. Но патриарх и церковные власти первоначально молчаливо, а позднее — открыто, поддержали план ликвидации местнических норм. Царь и его «ближние предстатели» получили также поддержку военачальников, из которых 8 стали «выборными людьми», привлеченными к рассмотрению «ратных дел»[56]. Хотя они, как люди незнатные и имевшие лишь чин стольников, не входили в правящий лагерь, их влияние было уже значительным.

Участие военачальников, генералов и полковников в работе приказа «ратных дел» определило быстрый ответ «выборных людей» на поставленный перед ними вопрос, «в каком ратном устроении пристойнее быти столником, и стряпчим, и дворяном, и жилцом». В своем ответе «выборные люди» высказались за то, чтобы впредь служилым людям названных чинов «служити полковую службу по прежнему и росписати бы их всех в роты», а «для лучшаго устроения и крепкаго против неприятелей стояния быти у них ротмистром и порутчиком из столников, и из стряпчих, и из дворян, и из жилцов, изо всех родов и чинов... и меж себя без мест и без подбору, кому в каком чину он, великий государь, быти укажет»[57]. Следовательно, «выборные люди» также высказались за ликвидацию местнических норм «чести» служилых людей московских чинов. Они предложили, чтобы впредь служебная «честь» этих служилых людей основывалась на должности и воинском звании.

Предложения «выборных людей» были доложены, скорее всего до 7 декабря 1681 г., царю и одобрены им. Царь Федор «указал выборным сказати, что тому всему изволил он, великий государь, быти, так, как бояром (т. е. судьями приказа «ратных дел». *М. В.*) они объявили». Он же поручил судьям приказа и «выборным людям» подготовить «на пример» (т. е. проект списка), «кому ротмистром и порутчиком быти»[58].

Боярская знать до начала декабря не признавала решений, принятых 24 ноября, т. е. о новом порядке «председения» думных чинов и приказе «ратных дел». Она считала их незаконными, так как они были приняты без согласия Боярской думы. Однако новые решения, подготовленные в приказе «ратных дел» с участием «выборных людей», вынудили боярскую знать и других светских противников ликвидации местничества пересмотреть свое отношение к реформе. Об этом свидетельствуют решения, которые были одобрены 7 декабря 1681 г.

Первое из них принято с боярским приговором (царь «указал и бояря приговорили»). Одобряя его, Боярская дума признала приказ «ратных дел» и порядок рассмотрения в нем вопросов, изложенный в указе от 24 ноября, т. е. с участием «выборных людей», в том числе — из служилых людей городовых чинов. Но указом от 7 декабря выборные с мест вызывались в Москву к 1 января 1682 г. уже для рассмотрения как «ратных», так и «земских дел». К тому же сроку собирались в Москву и представители посадов[59]. Следовательно, указ от 7 декабря признавал также

---

[56] Это были генералы А. А. Шепелев и М. О. Кравков, рейтарские полковники Г. Ф. Тарбеев и Ф. Т. Зыков, пехотные полковники И. Ф. Полтев, Н. И. Колобов, А. Ф. Карандеев и С. Ф. Грибоедов (см. СГГ и Д, ч. IV, № 130, стр. 410). Всех «выборных», участвовавших в работе приказа «ратных дел» до 7 декабря 1681 г., насчитывалось не более 16 человек.

[57] СГГ и Д, ч. IV, № 130, стр. 306—397. Разрядка моя.— *М. В.*

[58] Там же, стр. 397.

[59] В. К. Никольский. Земский собор о вечном мире с Польшей, стр. 51; ЦГАДА, ф. 210. Московский стол, стб. 628, л. 827.

за учреждением, которое возглавил В. В. Голицын, функции Ответной палаты [60].

Тогда же, т. е. 7 декабря, было принято решение пополнить состав «выборных людей» Ответной палаты (так стал именоваться с этого дня приказ «ратных дел») стольниками «по роду своему», т. е. молодыми представителями знати. В сохранившемся списке названо 12 таких стольников [61]. Но возможно, что уже в это время их было назначено больше, так как среди «выборных людей», подписавших 12 января 1682 г. соборный приговор, насчитывалось 23 стольника [62].

Решение о привлечении стольников «по роду своему» к рассмотрению в Ответной палате «ратных и земских дел» было уступкой знати. Это была плата за ее согласие, отраженное в первом указе от 7 декабря, не противодействовать ликвидации местничества. В итоге после 7 декабря в правящем лагере не осталось открытых противников реформы.

Правда, стольники из знати несколько задержали принятие решения о назначении ротмистров и поручиков. При обсуждении списка они высказали опасение, что поскольку из родов Трубецких, Одоевских, Куракиных, Репниных и некоторых других в ротмистры и поручики «никого ныне не написано для того, что за малыми леты в чины они не приказаны», то от включения в список только их (стольников) и представителей некоторых других фамилий не было бы «им и родом их в том укоризны и попреку» [63]. Но итогом обсуждения этого вопроса была челобитная от имени всех «выборных людей», в которой они просили отменить указом царя местничество для всех чинов и во всяких делах («ратных», посольских, приказных и т. п.) [64].

Челобитную составили «выборные люди» только московских чинов, которым были известны как предложения, подготовленные «ближними предстателями», так и результаты их обсуждения. Это были 23 стольника, среди которых преобладали представители знати, 8 генералов и полковников, также имевших чин стольника, 3 стряпчих, 4 дворянина московских и жилец. «Выборных» из городовых чинов среди них не было [65]. От рассмотренных выше проектов и указов их челобитная отличается тем, что в ней впервые было предложено обнародовать цель реформы, объявив об отмене местничества.

Предложение «выборных людей» было одобрено царем и поддержано всеми группами правящего лагеря. В условиях, сложившихся после 7 декабря 1681 г., правящему лагерю было выгодно представить отмену местничества как дело, угодное богу и всем подданным, решенное по прошению служилых людей всех чинов при согласии патриарха, церков-

---

[60] В самом указе нет упоминаний о сосредоточении «выборных» с мест в учреждении Голицына. Но, как показывают документы начала 1682 г., все «выборные» регистрировались в приказах, которые ведали их городами и уездами, и направлялись в Ответную палату (см. ЦГАДА, ф. 210. Московский стол, стб. 628, лл. 57а, 62—64, 77 и др.).

[61] Там же, л. 231. В списке названы стольники: кн. А. И. Хованский, кн. Ф. И. Шаховской, Е. А. Пашков, кн. Ф. Д. Волконский, кн. П. Л. Львов, И. А. Аничков, Т. И. Ржевский, И. Б. Плещеев, кн. Д. Н. Щербатой, В. Л. Пушечников, кн. В. Ф. Жирового-Засекин и Ю. П. Лутохин.

[62] СГГ и Д., ч. IV, № 130, стр. 409—410.

[63] Там же, стр. 397.

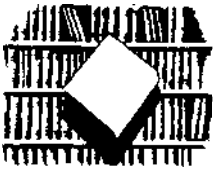
[64] Там же, стр. 397—398.

[65] Там же, стр. 409—410. Хотя не исключено, что кое-кто из «выборных» с мест прибыл в Москву до 12 января 1682 г., но и эти «выборные» не участвовали в составлении челобитной и даже не подписали соборного приговора об отмене местничества. Большинство же «выборных» с мест прибыло в Москву между 12 января и 20 февраля 1682 г., а некоторые и позднее (см. ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, стб. 628, лл. 827, 836, 837 и др.).

ных властей и Боярской думы. Поэтому отмена местничества была провозглашена 12 января 1682 г. в парадном собрании, организованном по образцу земских соборов, и зафиксирована в соборном приговоре, подписанном участниками этого собрания.

Таким образом, соборному приговору об отмене местничества предшествовала острая борьба в правящем лагере, в которую на заключительной стадии были втянуты служилые люди московских чинов. Эта борьба была вызвана проектом, подготовленным придворной партией любимцев царя, который долгое время ошибочно оценивался как реакционный, составленный боярами в своих интересах. В проекте была намечена программа реформ политического строя России, имевших прогрессивный характер. Вследствие сопротивления боярской знати, патриарха и церковных властей, царь Федор и авторы проекта были вынуждены отказаться от осуществления этой программы в полном объеме. Тем не менее важным итогом ее обсуждения в октябре — ноябре 1681 г. было то, что правительство получило возможность приступить к ликвидации местничества и начало проведение этой реформы решениями, принятыми 24 ноября 1681 г. Ее завершение стало возможным в результате привлечения по инициативе В. В. Голицына к рассмотрению «ратных дел» представителей служилых людей московских чинов, поддержавших план ликвидации местничества. Среди них наиболее заметную роль сыграли военачальники — генералы и полковники, возглавлявшие рейтарские, солдатские и стрелецкие полки.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. САНЦЕВИЧ

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА НА МАТЕРИАЛАХ УКРАИНСКОЙ ССР

Советские исследователи-обществоведы уделяют большое внимание изучению развитого социалистического общества, для которого характерно динамическое, по единому плану развивающееся производство, основывающееся на безраздельном господстве социалистической собственности. В этом обществе происходит процесс соединения достижений научно-технической революции с новыми общественными отношениями. Руководящей и направляющей силой его является Коммунистическая партия, роль которой все более возрастает. Государство развитого социализма является общенародным. В нашей стране сложилась новая историческая общность людей — советский народ, основанная на нерушимом союзе рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружбе всех наций и народностей.

В социальной структуре зрелого социализма ведущей тенденцией является движение от классовой дифференциации к социальной однородности. В области духовной развитому социализму присущи господство марксистско-ленинской идеологии, высокий уровень образования и культуры, обеспечивающий каждому члену общества широкое развитие духовных, нравственных и физических сил. В обществе развитого социализма с особой полнотой проявляется действие объективных закономерностей и принципов первой фазы коммунистической формации [1].

Вопросам развитого социализма посвящено значительное количество исследований, основанных на общесоюзном материале [2].

Историки Украинской ССР достигли серьезных успехов в исследовании этого важного этапа в жизни республики. Делались попытки подвести первые итоги проделанной работы [3]. Автор настоящего обзора ста-

[1] А. П. Бутенко. Развитое социалистическое общество: сущность и проблемы. «Вопросы философии», 1976, № 6, стр. 37; «Правда» 27 марта 1976 г.; «Правда» 21 сентября 1976 г.

[2] См. В. И. Касьяненко. Развитой социализм. Историография и методология проблемы. М., 1976.

[3] А. В. Санцевич. Проблемы истории Украины послевоенного периода в советской историографии. Киев, 1967 (на укр. яз.); его же. Важнейшие проблемы истории УССР (1946—1971 гг.). Развитие исторической науки на Украине за годы Советской власти. К., 1973 (на укр. яз.); Я. С. Калакура. Коммунистическая партия Украины в борьбе за решение задач строительства коммунизма. Историографический очерк. Киев, 1976 (на укр. яз.) и др.

вит своей задачей продолжить историографическую разработку данной темы.

Краткие очерки начального этапа развитого социализма историки республики дали в заключительных главах обобщающих трудов (преимущественно коллективных) по истории УССР и Коммунистической партии Украины, вышедших в свет во второй половине 60-х — начале 70-х годов[4]. Ценный фактический материал и важные выводы содержатся в коллективных исследованиях по истории рабочего класса, крестьянства, культурного строительства в республике[5].

В 1967 г. вышла в свет первая книга из серии «Украина в период развернутого строительства коммунизма»[6]. В книге раскрыта руководящая роль КПСС в коммунистическом строительстве. Во 2—5-й главах на значительном фактическом материале раскрываются вопросы существенного вклада рабочего класса, тружеников сельского хозяйства республики в создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшего улучшения материального благосостояния трудящихся, подъема социалистической культуры в УССР. Освещены процессы укрепления братской дружбы и сотрудничества украинского народа с другими народами СССР, международные связи республики.

Период 60-х — 70-х годов в определенной степени нашел отражение в краеведческих трудах, особенно в монографиях по истории городов[7], отдельных областей[8], а также в соответствующих главах очерков истории Винницкой, Волынской, Днепропетровской, Закарпатской, Запорожской, Киевской, Крымской, Львовской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Харьковской, Хмельницкой, Черниговской, Черновицкой областных партийных организаций, в 26-томной «Истории городов и сел Украинской ССР».

Отдельные вопросы истории Украинской ССР конца 50-х — середины 70-х годов освещаются в многочисленных статьях «Коммуниста Украины», «Украинского исторического журнала», «Архивов Украины», а также в тематических сборниках и вестниках вузов. Особенно много материалов по этой тематике публикует издаваемый Киевским университетом межведомственный сборник «Научные труды по истории КПСС».

Важной задачей развитого социалистического общества является создание материально-технической базы коммунизма. Естественно, что в научной литературе особое место отводится изучению экономики страны, представляющей собой взаимосвязанный народнохозяйственный комплекс, действующий по единому государственному плану в интересах всей страны и каждой республики в отдельности. Общесоюзная литература по этой проблеме проанализирована в работе В. И. Касьяненко, где рассматриваются ряд вопросов развития материально-технической базы

---

[4] В. А. Дядиченко, Ф. Е. Лось, В. Е. Спицкий. История Украинской ССР (гл. 25). Киев, 1965 (на укр. яз.); А. К. Касименко. История Украинской ССР. Популярный очерк (гл. XXII). Киев, 1965; «История Украинской ССР. Научно-популярный очерк» (гл. 12). Киев, 1967 (на укр. яз.); «История Украинской ССР в двух томах», т. II (гл. XI). Киев, 1969; «Очерки истории Коммунистической партии Украины» (гл. XVIII). Киев, 1971.

[5] «История рабочего класса Украинской ССР», т. II (гл. XII—XIII). Киев, 1967; «История крестьянства Украинской ССР», т. 2 (гл. XI). Киев, 1967; «Развитие украинской культуры за годы Советской власти» (гл. X). Киев, 1967 (все на укр. яз.).

[6] «Великие свершения». Киев, 1967 (на укр. яз.).

[7] «История Киева», т. II. Киев, 1964; «Винница. Исторический очерк». Винница, 1964 (на укр. яз.) и др.

[8] «Очерки по истории Крыма», ч. 4. Симферополь, 1967; «Социалистические преобразования в Закарпатье за 25 лет». Ужгород, 1970 (на укр. яз.); «По пути к счастью. Очерки истории Закарпатья». Ужгород, 1973 (на укр. яз.) и др.

коммунизма, социальные аспекты научно-технической революции, ее роль в ускорении коммунистического строительства [9].

Ученые Украины на материале республики раскрывают деятельность Коммунистической партии по созданию материально-технической базы коммунизма, исследуют вопросы научно-технического прогресса в условиях развитого социалистического общества [10], рассматривают влияние новой системы планирования и экономического стимулирования на ускорение научно-технического прогресса и повышение эффективности общественного производства, движение изобретателей и рационализаторов, развитие новых форм технического творчества, привлечение к нему рабочих, новаторов производства, инженерно-технических работников [11]. Обстоятельно показаны связи ученых с производством, отмечена исключительно важная роль этих связей в деле научно-технического прогресса.

С середины 60-х годов быстрыми темпами развивались все отрасли промышленности республики. В ряде исследований прослеживается развитие тяжелой, металлургической и горно-рудной отраслей в 60—70 гг. [12] Последующий период нашел отражение пока в брошюрах и статьях.

Анализируя положение в различных отраслях промышленности, исследователи рассматривают и особенности ее развития на этапе зрелого социализма, останавливаясь, в частности, на создании производственных объединений. Ряд фундаментальных исследований историки Украины посвятили изучению проблемы создания мощных энергетических комплексов в республике [13].

Одной из основных проблем советской историографии является изучение истории рабочего класса в период развитого социализма, его ведущей роли в жизни нашего общества, количественных и качественных изменений в его составе [14]. В работе И. Е. Ворожейкина подведены итоги

---

[9] В. И. Касьяненко. Проблемы создания материально-технической базы коммунизма (историографический очерк). М., 1973.

[10] П. Т. Рущенко. Деятельность Коммунистической партии Украины по ускорению научно-технического прогресса в промышленности (1959—1965 гг.). Харьков, 1959 (на укр. яз.); В. П. Шевчук. На решающем направлении. Коммунистическая партия Украины в борьбе за научно-технический прогресс в тяжелой промышленности (1959—1965 гг.). Киев, 1970 (на укр. яз.); И. И. Коломийченко. Деятельность Коммунистической партии Украины по созданию материально-технической базы коммунизма. Киев, 1971 (на укр. яз.); Л. А. Мягчилов. Деятельность КПСС по усовершенствованию руководства промышленностью (1956—1970 гг.). Киев, 1971 (на укр. яз.); В. И. Полурез. Деятельность Коммунистической партии по повышению эффективности промышленного производства в условиях развитого социализма. Киев, 1974; «КПСС и научно-техническая революция». Киев, 1974.

[11] Н. Р. Плющ. Техническое творчество рабочего класса Украинской ССР (1959—1970 гг.). Киев, 1974 (на укр. яз.).

[12] «Металлурги — бойцы за коммунизм». Днепропетровск, 1963; П. Вargатюк, А. Дольчук. Рудная сокровищница Юга. Днепропетровск, 1966 (на укр. яз.); Н. Н. Мыколенко. Деятельность Коммунистической партии Украины по развитию металлургии в период развернутого строительства коммунизма. Харьков, 1970 (на укр. яз.); П. С. Федорчик. По пути трудовых подвигов (Коммунистическая партия Украины — организатор борьбы за выполнение задач в отрасли тяжелой промышленности. 1959—1971 гг.). Львов, 1974 (на укр. яз.).

[13] Н. Е. Кострица. Коммунистическая партия — организатор всенародной борьбы за осуществление ленинских идей электрификации на Украине. Киев, 1969 (на укр. яз.); Н. Д. Олейниченко. Ленинские предначертания — в жизнь. Киев, 1970 (на укр. яз.).

[14] С. Л. Сенявский. Рост рабочего класса (1951—1965 гг.). М., 1966; «Рабочий класс СССР на современном этапе». Л., 1968; «Рабочий класс СССР. 1951—1965 гг.» М., 1969; С. Л. Сенявский, В. Б. Тельпуховский. Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.). М., 1971; «Партия и рабочий класс в условиях строительства коммунизма». М., 1973; «Рабочий класс развитого социалистического общества». М., 1974; «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк. (1917—1973)». М., 1975; «Рабочий класс СССР на современном этапе». Л., 1976.

изучения этой темы [15]. Историки УССР также издали первые монографии, в которых рассматривают источники и формы пополнения рабочего класса, его рост по отдельным отраслям и экономическим районам [16]. Изучается подготовка квалифицированных рабочих кадров, изменение состава рабочего класса по полу, возрасту и национальности, подъем трудовой и политической активности рабочих Украины. Правда, еще недостаточно исследованы количественные и качественные изменения среди рабочих в годы девятой пятилетки. Материалы XXV съезда КПСС и XXV съезда Компартии Украины несомненно будут стимулировать эту работу.

Историки УССР рассматривают различные формы помощи рабочего класса колхозному селу: материально-техническую, массово-политическую, культурно-воспитательную. Освещаются передовые почины в промышленности, содействующие развертыванию этой работы. В трудах историков исследуется процесс дальнейшего укрепления и развития союза рабочего класса и крестьянства в условиях развитого социализма [17].

Большое внимание уделяют советские исследователи особенностям развития колхозного крестьянства в период развитого социализма [18]. Историки Украины всесторонне освещают такие процессы в сельскохозяйственном производстве, как механизация и электрификация, совершенствование руководства, усиление роли науки, улучшение организации труда. Авторы подробно рассказывают о развертывании социалистического соревнования на селе, расширении и укреплении межреспубликанских связей сельских тружеников.

В. С. Петренко исследовал изменения в составе, условиях труда, жизни и быта колхозного крестьянства Украинской ССР в 50—60-х годах [19], производственную и общественно-политическую деятельность колхозников. Продолжая работать в этом направлении, исследователи УССР создали ряд исследований о социальных изменениях на селе [20].

Историки республики уделяют значительное внимание вопросам организации пропаганды, внедрения передового опыта в сельскохозяйственное производство Украины [21]. Значительное место отводится новым формам этой работы: школам передового опыта, университетам сельскохозяйственной науки и передового опыта и пр. В центре внимания историков — деятельность колхозных и совхозных партийных организаций,

---

[15] И. Е. Ворожейкин. Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975.

[16] Д. С. Шелест. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Украинской ССР (1959—1970 гг.). Днепропетровск, 1971; В. Е. Романцов. Рабочий класс Украинской ССР (1946—1970 гг.). Киев, 1972 (на укр. яз.) и др.

[17] В. П. Ковалевский. Могучая сила построения коммунизма. Киев, 1962 (на укр. яз.); его же. Укрепление союза рабочего класса и колхозного крестьянства в период строительства коммунизма. 1959—1970 гг. (На материалах Украинской ССР). Киев, 1972; В. Ф. Салабай. Деятельность Коммунистической партии Украины по дальнейшему развитию и укреплению союза рабочего класса с колхозным крестьянством в период строительства коммунизма (1959—1965 гг.). Киев, 1968 (на укр. яз.); И. В. Шульга. Рабочий класс — колхозному крестьянству. Киев, 1971 (на укр. яз.).

[18] «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963; В. Б. Островский. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967; «Сельское хозяйство СССР на современном этапе. Достижения и перспективы». М., 1972; «Аграрная политика КПСС на современном этапе». Киев, 1970 (на укр. яз.); «Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1970)». М., 1973 и др.

[19] В. С. Петренко. Село на путях подъема. Киев, 1970 (на укр. яз.).

[20] Н. Лавринович. Социальные проблемы развития колхозного села. Киев, 1975; «Социальные преобразования в советском селе. На примере сел западных областей УССР». Киев, 1976 (обе на укр. яз.).

[21] В. В. Горак. Опыт масс — на службу коммунизму. Киев, 1966 (на укр. яз.).

идейное воспитание сельских коммунистов, трудящихся [22]. Раскрывается ведущая роль коммунистов как организаторов масс, руководителей социалистического соревнования в деревне.

Анализируются связи сельского хозяйства с промышленностью, ведущие к образованию различных форм аграрно-промышленных объединений, прослеживается роль аграрно-промышленной интеграции в преодолении существенных различий между городом и деревней [23].

В период развитого социализма Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют особенно большое внимание повышению благосостояния трудящихся страны. Естественно, что эта тематика привлекает внимание и историков. Освещается рост заработной платы трудящихся, расширение поступлений из общественных фондов потребления, увеличение покупательной способности населения. Рассматриваются также вопросы жилищного строительства, благоустройства населенных пунктов, деятельности сферы обслуживания [24].

В советской историографии уже традиционным стало широкое освещение производственной и политической активности трудящихся. Украинские историки также имеют немалые достижения в разработке этой тематики [25]. Освещается опыт социалистического соревнования — важнейшей формы проявления производственной активности трудящихся. Историки республики привлекают большой фактический материал, рассматривают различные виды соревнования, трудовые почины [26]. Немало работ посвящено движению за коммунистическое отношение к труду [27].

В работах о соцсоревновании раскрывается направляющая роль Коммунистической партии в движении, приводится большой фактический материал о деятельности ударников и бригад коммунистического труда. Наиболее исследовано развитие соцсоревнования в ведущих отраслях промышленности: угольной, машиностроительной, химической. Меньше — в легкой и пищевой, в сфере обслуживания. С конца 60-х годов издаются исследования о движении за коммунистическое отношение к труду в деревне [28]. В своих работах историки стремятся раскрыть эффективность движения, его влияние на развитие производства, повышение производительности труда, стараются привлечь яркий фактический ма-

---

[22] Л. Е. Береншейн. В авангарде тружеников села. Киев, 1968 (на укр. яз.).

[23] Н. Ю. Сиваченко. Социально-экономические проблемы аграрно-промышленной интеграции. Киев — Одесса, 1975.

[24] «Повышение благосостояния трудящихся Украины за пятьдесят лет Советской власти». Львов, 1967 (на укр. яз.); «Повышение материального и культурного уровня жизни населения Украинской ССР». Киев, 1972 (на укр. яз.); В. М. Бачинский. КПСС в борьбе за повышение благосостояния трудящихся. Киев, 1974 (на укр. яз.).

[25] А. Г. Митюков. Рабочий класс Украины в борьбе за развитие промышленности (1956—1961). Киев, 1965; В. И. Полурез. Коммунистическая партия Украины — организатор трудовой активности рабочего класса. Киев, 1969 (на укр. яз.); «Коммунистическая партия Украины в борьбе за подъем трудовой и политической активности трудящихся». Днепропетровск, 1971.

[26] В. П. Сидоренко. Путем Великого почина. Киев, 1965 (на укр. яз.); «КПСС — организатор и вдохновитель социалистического соревнования в промышленности Украины» (гл. VIII—X). Киев, 1975 (на укр. яз.); М. Г. Козенко. На главном направлении соревнования. Харьков, 1974.

[27] А. Г. Митюков. На пути к победе коммунистического труда. Киев, 1961 (на укр. яз.); И. И. Николаенко. Зримые черты коммунизма. Киев, 1961 (на укр. яз.); А. С. Кудлай. От коммунистических субботников до бригад коммунистического труда. Киев, 1962 (на укр. яз.); В. П. Сидоренко. Возникновение и развитие движения бригад и ударников коммунистического труда на Украине. «Великое движение современности». М., 1964 и др.

[28] Е. С. Побережный. Возникновение и развитие движения за коммунистическое отношение к труду в колхозах Украины. Киев, 1968 (на укр. яз.); С. Т. Наконечный. Развитие коммунистического труда на селе. Львов, 1970 (на укр. яз.).

териал. Однако многие работы этого периода страдают фактографичностью, им недостает глубины анализа [29].

Работы на эту тему, вышедшие в последние годы, написаны на более высоком научном уровне [30]. Особенно следует отметить содержательную монографию Н. М. Драка, исследующего движение за коммунистический труд в западных областях Украинской ССР от его зарождения до наших дней.

Тесно связана с соревнованием деятельность новаторов производства, которая еще слабо изучается в республике. Пробел в некоторой степени восполнен выходом в свет книги В. С. Чистякова [31], где поднимаются актуальные вопросы повышения творческой активности производственников, руководящей роли партии в движении новаторов, активизации общественных организаций в изучении и внедрении передового опыта, обмена передовым производственным опытом между работниками промышленности Украинской ССР и братских союзных республик.

Наряду с исследованием социально-экономической истории СССР периода развитого социализма советская историография все большее внимание уделяет изучению и различных надстроечных явлений. В общесоюзной научной литературе подробно освещается роль КПСС в политической системе развитого социализма, в повышении значения Советов в коммунистическом строительстве [32].

Историки УССР подготовили двухтомный обобщающий труд «Общественно-политическая жизнь трудящихся Украинской ССР», охватывающий весь советский период. Во втором томе [33] (гл. III) широко освещается общественно-политическая жизнь периода развитого социализма на фоне свершений рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Авторы ряда других работ раскрывают усиление руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в обществе, показывают развитие социалистической государственности, освещают участие трудящихся в управлении государством, производством, а также место профсоюзов, комсомола и других общественных организаций в политической системе нашего общества [34].

Немало трудов посвящается идеологической работе партийных организаций, вопросам коммунистического воспитания трудящихся республики [35]. Историки показывают деятельность парторганизаций по воору-

---

[29] См. Б. Блох, П. Рущенко, М. Чирков. Глубже обобщать опыт движения за коммунистический труд. «Коммунист Украины», 1964, № 7; А. В. Санцевич. Украинская советская историография о передовых починах трудящихся УССР (1958—1964 гг.). «Український історичний журнал», 1965, № 2.

[30] «За коммунистическое отношение к труду». Киев, 1972; Н. М. Драк. За торжество коммунистического труда. Киев, 1975 (обе на укр. яз.).

[31] В. С. Чистяков. Партийные организации Украины во главе движения новаторов промышленности (1959—1965 гг.). Харьков, 1974.

[32] И. М. Орлов. Деятельность КПСС по повышению роли Советов в строительстве коммунизма. М., 1973; А. П. Савко. Партийное руководство Советами в период строительства коммунизма. М., 1973; «Коммунистическая партия в политической системе социалистического общества». М., 1974; «Сущность и значение политики КПСС в условиях развитого социалистического общества». М., 1974; «Социально-классовая структура развитого социалистического общества». Харьков, 1975 и др.

[33] «Общественно-политическая жизнь трудящихся Украинской ССР», т. 2. Киев, 1974 (на укр. яз.). Рец. на эту работу см. «История СССР», 1976, № 2.

[34] А. Слуцкий, В. Сидоренко. Профсоюзы Украины после победы Великого Октября. М., 1961; «История Ленинского коммунистического союза молодежи Украины». Киев, 1971 (на укр. яз.); Д. Д. Пиха, С. Н. Кириченко, Г. Г. Письменный. Боевой отряд патриотов. Краткий очерк истории ДОСААФ Украины. Киев, 1971.

[35] А. А. Янюк. Идеологическая работа КП Украины в период развертывания строительства коммунизма. Из опыта работы сельских парторганизаций. Черновцы, 1970 (на укр. яз.); Б. И. Стеля. Воспитание нового человека — дело партийное. Из

жению коммунистов марксистско-ленинской теорией, по подбору и подготовке пропагандистских кадров, подробно рассматривают функционирование системы политического образования, деятельность пропагандистов и агитаторов, ее влияние на трудящихся.

Исследуются различные формы и методы коммунистического воспитания трудящихся, роль общественных организаций республики в решении этой задачи [36].

В последние годы особенно широко развернулась деятельность партийных и общественных организаций по военно-патриотическому воспитанию молодежи, в частности в связи с празднованием 30-летия Победы в Отечественной войне 1941—1945 гг. Сделаны первые научные обобщения этой работы, освещены ее основные направления, формы и методы [37].

Условия развитого социализма активно воздействуют на развитие советской социалистической культуры. В нашей историографии освещаются важнейшие вопросы культурного строительства в этот период [38]. Показано возрастание роли Коммунистической партии на завершающем этапе культурной революции, огромные успехи в расцвете и сближении национальных культур народов СССР.

Историки Украинской ССР также немало сделали в исследовании достижений советских людей в разных отраслях культурного строительства в 60—70-х годах. Большой интерес исследователей вызвало развитие общеобразовательной и высшей школы: изменения в системе народного образования, распространение среднего образования в республике, укрепление материальной базы школы, ход учебно-воспитательного процесса, подготовка школьников к самостоятельному труду [39]. Наряду с успехами отмечались трудности в перестройке работы школы. Правда, в работах, опубликованных до 1965 г., чрезмерно восхвалялось производственное обучение, которое в ряде случаев себя не оправдало. Широко раскрыта руководящая и направляющая роль Коммунистической партии в области народного образования [40]. Большое внимание уделяется процессу усиления связей школы с производством, участию общественности в ее делах, общественному воспитанию в республике [41].

опыта работы парторганизаций по коммунистическому воспитанию работников промышленности (1956—1965 гг.). Киев, 1970 (на укр. яз.); В. П. Хижняк. Коммунистическое воспитание тружеников села. Киев, 1973 (на укр. яз.); В. К. Василенко. Деятельность Коммунистической партии Украины по перестройке партийного образования и усовершенствованию массово-политической работы (1968—1971 гг.). Киев, 1974 (на укр. яз.); Н. М. Моторнюк. Воспитание молодого поколения — дело партийное. Киев, 1974 (на укр. яз.).

[36] «Роль общественных организаций в коммунистическом воспитании трудящихся». Киев, 1971 (на укр. яз.).

[37] В. Е. Омельчук. Во имя защиты завоеваний социализма. Киев, 1971 (на укр. яз.).

[38] «Культурная революция в СССР. 1917—1965 гг.» М., 1967; Г. Г. Карпов. Ленин о культурной революции. Л., 1970; П. И. Кабанов. История культурной революции в СССР (Краткий очерк). М., 1971; В. В. Украинцев. КПСС — организатор культурного строительства в период развитого социализма. М., 1975 и др.

[39] О. А. Завадская. Школы Украины в период перестройки системы народного образования. Киев, 1961 (на укр. яз.); ее же. Школа — народному хозяйству. Львов, 1967; ее же. Развитие общеобразовательной школы Украины в период строительства коммунизма (1959—1968 гг.). Киев, 1968; К. Ф. Присяжнюк. Новый этап в развитии советской школы на Украине. Киев, 1966 (на укр. яз.).

[40] Н. Моторнюк. Школа и воспитание нового человека. Львов, 1963 (на укр. яз.).

[41] «Развитие народного образования в Украинской ССР (1969/70 уч. год)». Киев, 1970 (на укр. яз.); «Развитие народного образования в Украинской ССР. 1970/71 уч. год». Киев, 1971 (на укр. яз.); «Из истории борьбы Коммунистической партии за развитие народного образования на Украине (1943—1970 гг.)». Киев, 1972 (на укр. яз.); А. Д. Бондар. Развитие общественного воспитания в Украинской ССР. Киев, 1968 (на укр. яз.).

История высшей школы Украинской ССР также довольно широко исследуется[42]. На основе большого документального материала, в том числе, текущего делопроизводства, авторы раскрывают систему обучения и воспитания студенческой молодежи, показывают, как развивается научная работа в вузах республики, укрепляются их связи с производством. Освещаются как большие достижения, так и трудности в развитии высшей школы.

Изучается роль интеллигенции в развитии материальной и духовной культуры советского общества[43]. В трудах украинских историков рассматривается подготовка кадров в вузах[44]. Подняты важные вопросы о научной разработке представителями интеллигенции проблем, составляющих теоретическую основу идейно-воспитательной работы Коммунистической партии, об их непосредственном участии в идеологическом воспитании трудящихся. На большом фактическом материале показан вклад производственной интеллигенции республики в ускорение научно-технического прогресса[45]. Однако развитие науки на Украине историческая литература республики осветила еще недостаточно. В обобщающих трудах, посвященных АН УССР, отражено лишь состояние академической науки[46].

Тема развития культуры УССР отражена в ряде монографий, посвященных как развитию культуры в целом в республике, так и отдельным ее отраслям[47]. Расцвет социалистической культуры в республике в 60—70-х годах историки рассматривают как новый важный этап духовного развития трудящихся.

Ученые Украинской ССР вносят значительный вклад в изучение вопросов социалистического интернационализма, дружбы народов СССР, национальных отношений в нашей стране, связей с братскими социалистическими странами, борьбы за мир, демократию и социализм на нашей планете.

Огромные свершения народов нашей многонациональной страны стали возможными благодаря их нерушимой дружбе и братскому сотрудничеству на идейных основах социалистического интернационализма. Во многих трудах историки УССР широко освещают проявления этой великой дружбы в условиях развитого социализма. В. Ф. Панибудьласка раскрывает экономические взаимосвязи украинского и других братских народов СССР, показывает ход социалистического соревнования между трудящимися разных республик, межреспубликанский обмен передовым

---

[42] В. Питов. Высшая школа в период перестройки. Киев, 1962; В. Питов, В. Попов. Учиться коммунизму. (Из опыта воспитательной работы в вузах Украинской ССР). Киев, 1965; В. Е. Маланчук, В. Н. Попов, А. Н. Новоминский. Высшая школа УССР. Достижения и перспективы (1966—1970). Киев, 1971 (на укр. яз.).

[43] «Советская интеллигенция. (История формирования и роста). 1917—1965 гг.». М., 1968; В. И. Астахова. В. И. Ленин о сущности и социальной природе социалистической интеллигенции. Харьков, 1970 и др.

[44] Ю. А. Курносов, А. Г. Бондар. В учебе и труде. Подготовка кадров интеллигенции в Украинской ССР. Киев, 1964 (на укр. яз.).

[45] Ю. А. Курносов. Роль интеллигенции Украины в коммунистическом воспитании трудящихся (1959—1965). Киев, 1971 (на укр. яз.); его же. Интеллигенция Украинской ССР и научно-технический прогресс (1959—1970 гг.). Киев, 1975 (на укр. яз.).

[46] «История Академии наук Украинской ССР», кн. I, Киев, 1967, стр. 179—290 (на укр. яз.); В. М. Терлецкий. Академия наук Украинской ССР. Киев, 1969 (на укр. яз.); «На магистралях науки». Киев, 1976 (на укр. яз.) и др.

[47] Л. А. Шевченко. Развитие украинской советской культуры в 1959—1965 гг. Киев, 1967 (на укр. яз.); В. Д. Добротвор. Культурно-просветительная работа на селе. Киев, 1967 (на укр. яз.); Н. Л. Алексеева. Культура нового села. Львов, 1974; А. Молодчиков. Книга Советской Украины. Киев, 1974 (на укр. яз.).

опытом, содружество представителей разных национальностей в производственных и творческих коллективах.

На большом фактическом материале, впервые введенном в оборот, В. Г. Лысенко осветил экономические и культурные связи трудящихся Украинской и Молдавской ССР в 60-х — начале 70-х гг.[48]

К 50-летию СССР издательство «Будівельник» опубликовало серию брошюр «Стройки дружбы», в которых показано сотрудничество трудящихся УССР и РСФСР, БССР, Казахстана, республик Средней Азии, Прибалтики, Молдавии[49] в сооружении крупных электростанций и промышленных предприятий.

Важное значение для более глубокого раскрытия братских связей Украинской ССР с другими союзными республиками имеют теоретические обобщения, содержащиеся в монографиях, написанных в общесоюзном плане[50], авторы которых рассматривают важнейшие вопросы создания и усовершенствования единого народнохозяйственного комплекса СССР, выравнивания уровней экономического развития союзных республик, вклада различных народов в экономику СССР и создание советской социалистической культуры и пр.

В последние годы вышло много литературы, преимущественно публицистического характера, отражающей разные стороны братского содружества украинского и других народов СССР, в частности, работников промышленности, сельского хозяйства, культуры, трудящихся отдельных областей братских республик и т. д.

Исследователи УССР уделяют большое внимание расцвету и сближению наций СССР, национальным отношениям в период развитого социализма[51]. Выполняя указания XXIV съезда КПСС, советские ученые подготовили обобщающие исследования о советском народе как новой исторической общности людей[52]. Эта большая тема преимущественно исследуется комплексно всеми обществоведами. Активное участие в ее разработке принимают и историки. В создании книги «Великий советский народ» ведущим был Институт истории АН УССР. В ней значитель-

---

[48] В. Ф. Панибудьласка. Дружба и сотрудничество украинского народа с братскими народами СССР. 1959—1965 гг. Киев, 1967 (на укр. яз.); В. Г. Лысенко. В единой семье — к единой цели. Кишинев, 1971.

[49] И. В. Симаков. Союз нерушимый. Украина — Россия. Киев, 1972; Л. Ф. Гаевская, С. А. Гуськова. Новоселье на Днепре и Немане. Украина — Белоруссия. Киев, 1972; В. Т. Калита. Украина — Казахстан. Киев, 1972; Н. И. Леликов. Нурек — Днепрогэс. Украина — Средняя Азия. Киев, 1972; И. Л. Бердник. По закону дружбы. Украина — Прибалтика. Киев, 1972; Д. Д. Донской. В братском единстве. Украина — Молдавия. Киев, 1972.

[50] Ю. Ф. Воробьев. Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. М., 1965; М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; «СССР — великое содружество народов-братьев». М., 1972; «Братское содружество союзных республик и развитие народного хозяйства СССР». 1917—1971. М., 1973; Г. Т. Тавадов. Строительство коммунизма и развитие национальных отношений. М., 1973.

[51] В. Е. Маланчук. Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР. М., 1972; М. И. Куличенко, В. Е. Маланчук. В. И. Ленин и решение национального вопроса на Украине. Киев, 1971 (на укр. яз.); «В. И. Ленин — вдохновитель дружбы народов СССР». Киев, 1972 (на укр. яз.). «Коммунистическая партия — организатор осуществления ленинской национальной политики на Украине». Киев, 1972 (на укр. яз.); «Венок дружбы», тт. 1—3. Киев, 1972 (на укр. яз.); Ф. Горовский. Путем расцвета и сближения (закономерности развития социалистических наций в СССР). Киев, 1974 (на укр. яз.); Ф. Горовский, В. Королько, Л. Нагорная. Расцвет и сближение наций в СССР на современном этапе. Киев, 1975 (на укр. яз.) и др.

[52] М. П. Ким. Советский народ — новая историческая общность. М., 1972; «Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие». М., 1975; «Великий советский народ». Киев, 1976.

ное место отводится характеристике советского народа в условиях зрелого социализма (ч. 2). Авторы уделяют большое внимание роли единого народнохозяйственного комплекса в укреплении монолитности советского народа, социально-политическим факторам сплочения народов СССР, развитию единой социалистической культуры советского народа. В монографии показано, что советский народ находится в авангарде общественного прогресса.

На современном этапе развития как никогда велики роль и авторитет СССР на международной арене. Этим вопросам посвящается большая общесоюзная историческая литература [53]. Основываясь на ней, историки республики раскрывают вклад Украинской ССР в осуществление ленинской внешней политики [54]. Значительное внимание исследователей привлекает участие представителей республики в работе ООН и других международных организациях [55]. Но особенно большое место уделяется участию УССР в братских экономических, политических и культурных связях СССР с другими странами социалистического содружества, преимущественно европейскими. По этой тематике опубликованы коллективные и индивидуальные монографии, в которых довольно подробно отражен период строительства и утверждения развитого социализма [56]. Началось изучение связей республики со странами, освободившимися от колониального ига [57].

Освещая связи Советского Союза, и в частности УССР, с другими странами, историки прежде всего поднимают вопросы внешней торговли, научно-технического сотрудничества, обмена передовым производственным опытом, культурных контактов. В последнее время заметно усилился интерес к изучению дружественных взаимосвязей отдельных предприятий, учреждений и, особенно, породненных городов Украинской ССР и братских социалистических стран [58].

В литературе нашла отображение важная тема участия широкой общественности УССР в укреплении братской дружбы с социалистиче-

[53] «Советский Союз в Организации Объединенных Наций», т. 2. М., 1965; «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1967 гг.», т. 3. М., 1967; «История внешней политики СССР. 1917—1975», т. 2. 1945—1975 гг. М., 1976; А. В. Кудрицкий. Ленинские принципы внешней политики в действии. Киев, 1975 (на укр. яз.) и др.

[54] М. М. Белоусов. За мир и всеобщую безопасность. (Внешнеполитическая деятельность УССР в 1959—1963 гг.). Киев, 1964 (на укр. яз.); «Украина и зарубежный мир». Киев, 1970 (на укр. яз.).

[55] А. И. Воробьев. Украинская ССР на международной арене. (Некоторые вопросы внешнеполитической деятельности). Киев, 1970 (на укр. яз.).

[56] «Украинская ССР и зарубежные социалистические страны». Киев, 1965; «На магистралях дружбы и братства. Участие Украинской ССР в сотрудничестве Советского Союза с европейскими социалистическими странами (1965—1970 гг.)». Киев, 1974 (на укр. яз.); И. Ф. Евсеев. Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1944—1960 гг.). Киев, 1962; И. И. Кулинич. Экономические и культурные связи Украинской ССР с Германской Демократической Республикой (1949—1965 гг.). Киев, 1965 (на укр. яз.); П. С. Соханъ. Социалистический интернационализм в действии. Украинская ССР в советско-болгарском экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве 1945—1965 гг. Киев, 1969; его же. Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976; «Участие Украинской ССР в экономическом и научно-техническом сотрудничестве СССР со странами СЭВ». Киев, 1970 (на укр. яз.); «Украинская ССР в советско-венгерском сотрудничестве (1945—1970 гг.)». Киев, 1972 (на укр. яз.); В. И. Котляров. Глубокие корни нерушимой дружбы (о культурных связях между УССР и ЧССР). Харьков, 1972 (на укр. яз.); В. У. Павелко. Дружба народов — дружба культур. Украинская ССР в советско-чехословацком культурном сотрудничестве 1945—1970 гг. Киев, 1973 (на укр. яз.) и др.

[57] «Украина и Ближний и Средний Восток». Киев, 1968 (на укр. яз.).

[58] «Побратимы. Донецк — Магдебург». Донецк, 1965; «Львов — Жешув». Львов, 1971 (на укр. яз.). А. Ф. Олейник. Винница — Кельцы. Одесса, 1972 (на укр. яз.); «Луцк — Люблин». Львов, 1973 (на укр. яз.) и др.

скими странами, в борьбе за мир во всем мире, против агрессивных планов империализма [59].

Таким образом, историки Украинской ССР внесли свой вклад в конкретно-историческую разработку ряда важных проблем развитого социализма. Однако перед ними стоят новые важные задачи в исследовании актуальных вопросов современности.

XXV съезд КПСС призвал научных работников «продолжать работу по научному обобщению всемирно-исторического опыта КПСС», «исследовать теоретические проблемы развитого социализма, закономерности его перерастания в коммунизм, механизм их действия и использования» [60]. Ответственный участок в этой работе принадлежит советским историкам.

Материалы XXV съезда КПСС убедительно свидетельствуют о все возрастающей роли партии в условиях развитого социализма. Выше приведена значительная литература по этой теме, изданная в УССР.

Особенно широко раскрывается роль партийных организаций в руководстве промышленным и сельскохозяйственным производством. В последние годы увеличился поток книг об идейно-политической, воспитательной работе партии. Однако не все важнейшие направления деятельности Компартии Украины освещаются равномерно. Так, довольно мало выходит работ о внутрипартийной жизни, о сочетании деятельности республиканских, областных, районных руководящих органов, о качественном и количественном росте коммунистов и пр. На наш взгляд, назрела необходимость и имеются условия для подготовки обобщающего очерка о деятельности республиканской партийной организации в период развитого социализма.

Большое значение для историков республики имеет изучение социально-экономической истории развитого социализма, создания материально-технической базы коммунизма. В ходе исследования экономических связей УССР с братскими республиками важнейшей задачей является выяснение места республики в едином народнохозяйственном комплексе СССР.

Необходимо дальнейшее углубленное изучение развития рабочего класса в условиях развитого социализма. Предстоит включить в исследование темы о рабочих легкой и пищевой промышленности, и растущей быстрыми темпами, успешно индустриализующейся сферы обслуживания, хотя исследование последнего отряда рабочего класса представляет значительную сложность с точки зрения выявления и использования документальной базы (в связи с множественностью предприятий архивные фонды их весьма рассредоточены).

В последние годы создается все больше производственных объединений, которые в значительной степени содействуют улучшению руководства и управления промышленностью. XXV съезд КПСС дал высокую оценку объединениям. Историкам следует основательно обобщать опыт их деятельности.

Традиционно широко в УССР изучается история сельского хозяйства и крестьянства. В центре внимания историков — колхозное крестьянство. Однако деятельность рабочих совхозов изучается слабо (до сих пор по этому вопросу на материалах республики не вышло ни одной монографии). Необходимо больше внимания уделять новым явлениям сельскохозяйственного производства, характерным для периода развитого социализма — «специализации и концентрации производства

[59] М. В. Знаменская. Дружба миллионов. Киев, 1974; М. Гершуни. Украина на международных форумах мира. Киев, 1966 (на укр. яз.). М. З. Войнич. Фонд мира. Киев, 1971 (на укр. яз.) и др.

[60] «Материалы XXV съезда КПСС», М., 1976, стр. 214.

на базе межхозяйственного кооперирования и агропромышленной интеграции»[61], шире показывать оба основных отряда тружеников села в их взаимодействии.

В республике успешно развернулось изучение творческого пути советской интеллигенции в условиях развитого социализма. Эту важную работу следует продолжать и далее, учитывая, что интеллигенция — это та прослойка советского общества, которая постоянно растет и количественно, и качественно и выполняет важные функции в строительстве коммунизма. Изучения заслуживают отдельные отряды интеллигенции (техническая, творческая, научная и т. д.). Важно было бы создать и обобщающий труд о развитии интеллигенции в период развитого социализма.

Одобрения заслуживают усилия историков УССР направленные на выяснение социальных изменений среди рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции республики. Однако это только начало большой работы. После XXIV съезда КПСС, который уделил большое внимание социальной структуре советского общества, вышли содержательные труды советских ученых об этом, написанные в общесоюзном плане[62]. На Украине подобные труды на республиканском материале не были подготовлены. Следует внимательно проследить изменения социальной структуры в республике в период развитого социализма. Важно показать изменения в соотношении рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, а также в отдельных отрядах этих социальных групп. Это будет содействовать дальнейшему планированию производства и развитию культуры, успешному выполнению социальной программы Коммунистической партии.

Большие задачи стоят перед историками республики в области освещения выполнения социальной программы КПСС по улучшению условий труда и быта, образования, медицинского обслуживания[63]. Как показано выше, в республике основательно изучалась лишь работа общеобразовательной школы и вузов. В тени оставались средние специальные учебные заведения и профессионально-техническое обучение. О них, а также об улучшении благосостояния трудящихся, их медицинского обслуживания следует написать фундаментальные исторические исследования.

Заслуживает более глубокого исследования бурное культурное строительство в республике в годы развитого социализма.

Многозначность и сложность современного исторического развития требует комплексного подхода к его изучению. Отсюда тенденция к интеграции различных отраслей знаний. В изучении развитого социализма принимают участие все обществоведы, в том числе и историки. Историки Украинской ССР уже имеют опыт участия в создании таких комплексных трудов. Вместе с экономистами, философами, правоведами и искусствоведами АН УССР они подготовили пятитомное издание «Украина в период развернутого строительства коммунизма» (Киев, 1967). Том, написанный историками («Великие свершения»), охарактеризован выше. К 50-летию создания СССР экономисты, историки и историки партии подготовили трехтомник «Венок дружбы» (Киев,

---

[61] «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 52.

[62] «Советское общество: проблемы изменения социальной структуры». М., 1973; А. А. Амвросов. Социальная структура советского общества. М., 1975; С. Л. Сенявский. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938—1970 гг., М., 1973 и др.

[63] См. «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 120, 122, 123.

1972)[64]. Наконец, к XXV съезду КПСС вышла комплексная коллективная монография «Великий советский народ» (Киев, 1976), посвященная новой исторической общности людей.

Эти обобщающие коллективные труды, авторами которых выступали представители разных общественных наук республики, получили положительные оценки общественности, что свидетельствует о наличии у наших обществоведов достаточного опыта для продолжения подобной работы в свете решений и материалов XXV съезда КПСС и XXV съезда Коммунистической партии Украины.

Достижения советского народа во всех областях жизни, постоянно прогрессивное развитие нашего общества в условиях развитого социализма дают основания для фундаментальной разработки важной комплексной темы о советском образе жизни, которая может быть исследована только общими усилиями историков, философов, экономистов, юристов.

Комплексного подхода требуют также вопросы коммунистического воспитания трудящихся, изучения особенностей идеологической работы.

XXV съезд КПСС уделил большое внимание проблеме социалистического соревнования. Л. И. Брежнев отмечал: «Все мы радуемся тому, какие глубокие корни пустили ленинские идеи социалистического соревнования. Мы гордимся тем, что в авангарде соревнования идут коммунисты. Соревнование оказывает глубокое воздействие на хозяйственную практику, на общественно-политическую жизнь страны, на нравственную атмосферу»[65]. Здесь социалистическое соревнование рассматривается как комплексная проблема. Для того, чтобы выполнить призыв Л. И. Брежнева «Всемерно развивать и дальше социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду»[66], необходимы не только новые трудовые усилия советских людей, но и обобщение предыдущего опыта социалистического соревнования. Перед историками республики стоит ответственная задача: создать фундаментальное исследование о развитии социалистического соревнования и движения за коммунистическое отношение к труду в период развитого социализма.

Руководствуясь указаниями XXV съезда КПСС и XXV съезда Компартии Украины, историки УССР внесут свой вклад в исследование актуальнейших проблем развитого социализма, будут самоотверженно выполнять задачи, поставленные перед ними Коммунистической партией и Советским правительством.

---

[64] Т. I. «Торжество национальной политики КПСС»; т. II. «Индустриально-колхозная Украина»; т. III. «Духовный расцвет украинского народа» (на укр. яз.).

[65] «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 76—77.

[66] Там же, стр. 77.

Академик АН Азербайджанской ССР А. С. СУМБАТЗАДЕ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА НА МАТЕРИАЛАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Тема создания и развития социалистического общества всегда находилась в центре внимания азербайджанских обществоведов. 60-е — начало 70-х годов в историографии республики характеризуются многочисленностью работ по истории советского периода, ростом профессионализма, научной эрудиции авторов, методологического уровня исследований. За эти годы историками Азербайджана был издан целый ряд монографических трудов об Октябрьской социалистической революции и победе Советской власти в Азербайджане[1], руководящей роли партии большевиков в этом историческом событии[2]. Значительное внимание уделялось роли В. И. Ленина[3] и Коммунистической партии[4] в создании социалистического общества.

[1] Г. Шахгельдиев. Помощь русского народа в победе Советской власти в Азербайджане. Баку, 1960; А. Н. Гулиев. Бакинский пролетарский авангард борьбы за Советскую власть в Азербайджане. 1960; его же. Бакинский пролетариат — передовой отряд в борьбе за Советскую власть. Баку, 1960 (на азерб. яз.); Х. Алимирзоев. Азербайджанская деревня в период борьбы за подготовку и победу социалистической революции. Баку, 1960; Дж. Рагимов. Ликвидация помещичьего землевладения в Азербайджане в 1920 г. Баку, 1962; К. Байрамов. Промыслово-заводские комиссии Баку в период борьбы за Советскую власть в Азербайджане (1917—1918 гг.). Баку, 1968; Г. А. Мадатов. Победа Советской власти в Нахичевани и образование Нахичеванской АССР. Баку, 1969; А. С. Сумбатзаде. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. Москва, 1971.

[2] Х. Г. Везиров. Азербайджанская большевистская печать в борьбе за победу Советской власти. Баку, 1961; М. М. Катибли. Из истории Кедабекской большевистской организации. Баку, 1962; П. Алиев. Большевики Карабаха в борьбе за Советскую власть. Баку, 1963; Т. Миралаев. Руководство революционным движением крестьян в Гянджинском и Казахском уездах. Баку, 1963; «Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана». Баку, 1963; З. Е. Папуша. Среди крестьянских масс. Деятельность Компартии Азербайджана в деревне в 1920—1921 гг. Баку, 1967.

[3] А. Н. Гулиев. В. И. Ленин и Азербайджан. Баку, 1960; П. А. Азизбекова. Руководство В. И. Ленина социалистическим строительством в Азербайджане в 1920—1923 гг. Баку, 1960; ее же. В. И. Ленин и социалистические преобразования в Азербайджане (1920—1923 гг.). Баку, 1962; М. М. Миргадиев. Осуществление ленинского учения о диктатуре пролетариата в Азербайджане. Баку, 1963; Дж. Б. Гулиев. В. И. Ленин об Азербайджане. По страницам Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Баку, 1966; его же. Под знаменем ленинской национальной политики. Баку, 1972; З. И. Ибрагимов. В. И. Ленин и победа социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1970.

[4] Т. К. Кочарли. Борьба Коммунистической партии Азербайджана за построение социализма. Баку, 1960; его же. Великий подвиг. Борьба Коммунистической партии Азербайджана за социалистическую индустриализацию. Баку, 1965; Х. Алиев. Коммунистическая партия Азербайджана в борьбе за развитие хлопководства. Баку, 1960; А. Курбанов. Борьба Коммунистической партии Азербайджана за укрепление Советов на селе в период сплошной коллективизации сельского хозяйства (1927—1929). Баку, 1961; Л. М. Лифшиц. Героический подвиг бакинских большевиков. Из истории борьбы за победу социалистической революции в Азербайджане в 1917—1918 гг. Баку, 1964; Н. Н. Колесникова. По дорогам подполья. Баку, 1966; Дж. Б. Гулиев. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинской национальной политики в Азербайджане. Баку, 1970.

Были созданы монографии по истории профсоюза, ЦКК, РКИ [5], освещалась история героического рабочего класса Азербайджана [6], укрепление его союза с крестьянством [7], борьба трудящихся республики за индустриализацию и претворение в жизнь ленинского кооперативного плана, развитие экономики республики [8], история коллективизации, совхозного строительства и классовой борьбы в азербайджанской деревне, советское строительство [9], борьба за развитие народного образования и культуры [10], международные связи республики [11]. Большинство опубликованных работ охватывали как переходный период, так и этап упрочения и развития социализма, борьбы за создание развитого социалистического общества.

В 60-х — начале 70-х годов, особенно в связи с 30-й годовщиной победы советского народа в Великой Отечественной войне, азербайджанскими историками широко освещался вклад трудящихся республики в победу советского народа над фашизмом [12]. Изучалась и тема послевоенного развития Азербайджанской ССР [13].

---

[5] К. А. Гусейнов и М. М. Найдель. Профсоюзы Азербайджана в борьбе за построение социализма. Баку, 1960; К. А. Гусейнов и М. М. Найдель. Очерки истории профдвижения в Азербайджане. Баку, 1966; Р. А. Раджабов. ЦКК и РКИ Азербайджана в борьбе за построение социализма. Баку, 1968.

[6] «Из истории рабочего класса Азербайджана». Баку, 1964; Р. Кадымов. Борьба рабочих за развитие нефтедобывающей промышленности. Баку, 1970. «Очерки по истории рабочего класса Азербайджанской ССР (1917—1940 гг.)», т. 1. Баку, 1974.

[7] А. Дильбазов. Помощь бакинских рабочих азербайджанскому крестьянству. Баку, 1960; Б. С. Курбанов. Шефская помощь бакинских рабочих азербайджанской деревне (1923—1934 гг.). Баку, 1961; З. Б. Шихлинский. Укрепление союза рабочего класса и крестьянства в годы второй пятилетки в Азербайджане. Баку, 1961; А. А. Атакишиев. Борьба за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в Азербайджане в период восстановления народного хозяйства в 1921—1925 гг. Баку, 1961.

[8] А. Алиев. Из истории нефтяной промышленности в Азербайджане. Баку, 1960; О. Османлы. Развитие промышленности Кировабада за годы Советской власти. Баку, 1962; А. Расулов. Из истории развития нефтяной промышленности. Баку, 1962; А. А. Гусейнов. По ленинскому пути индустриализации Баку, 1964; И. Исаев. Социалистический Баку. (1920—1940 гг.). Баку, 1964; С. Р. Асланов. В борьбе за ленинский план индустриализации. Баку, 1965; А. И. Халилов. Трудящиеся Азербайджана в борьбе за претворение в жизнь ленинского кооперативного плана. Баку, 1970.

[9] З. Мамедов. Классовая борьба в азербайджанской деревне накануне сплошной коллективизации сельского хозяйства (1927—1929). Баку. 1961; Д. Х. Кудратов. Совхозное строительство в Азербайджане в первой пятилетке. Баку, 1962; З. Б. Шихлинский. Советское строительство в азербайджанской деревне. Баку, 1965; Х. Ахмедов. Создание и укрепление Советов в Азербайджане. Баку, 1966.

[10] Т. А. Мусаева. Борьба за развитие народного образования Азербайджана в годы первой пятилетки. Баку, 1965; Н. Пашаев. Очерки истории культурного строительства Советского Азербайджана. Баку, 1965.

[11] П. Б. Мосесов. Интернациональное содружество азербайджанского народа с германским пролетариатом. Баку, 1965.

[12] А. Керимов. Самоотверженный труд колхозников Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1962; Т. Новрузов. Трудовые подвиги колхозного крестьянства Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1963; «Герои Советского Союза — сыны Азербайджана». Баку, 1965; М. Аббасов. Баку в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1967; Г. Мехтиев. Деятельность Коммунистической партии Азербайджана в период Великой Отечественной войны. Баку, 1967. А. Багиров. Интеллигенция Азербайджана в годы Великой Отечественной войны. Баку, 1970; Г. Мадатов. Азербайджан в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941—1945 гг. Баку, 1975; М. Алыджанов. Участие воинов Азербайджана в партизанском движении. Баку, 1975; М. Аббасов. На крыльях мужества. Баку, 1975; А. Саркисов. Гвардии генералАзи Асланов. Баку, 1975; «Золотые звезды Азербайджана». Баку, 1975.

[13] Дж. Б. Гулиев. Коммунистическая партия Азербайджана в период борьбы за восстановление и развитие народного хозяйства (1945—1953 гг.). Баку, 1961; З. Дулаева. Сумгаит — индустриальный гигант Азербайджана. Баку, 1962; Н. Бах-

В первой половине 60-х годов выходят в свет труды экономистов по отдельным вопросам развития народного хозяйства Азербайджана. В них нашли отражение некоторые процессы и явления, характерные для периода утверждения зрелого социализма. Исследовалось развитие различных отраслей промышленности, ее размещение на территории республики, проблемы расширенного воспроизводства, эффективности капитальных вложений и новой техники, вопросы демографии, рост благосостояния трудящихся [14]. Значительное внимание уделялось состоянию сельского хозяйства. Были рассмотрены такие темы, как специализация сельского хозяйства, интенсификация земледелия, использование трудовых ресурсов [15].

Во второй половине 60-х годов ученые республики создали первые обобщающие труды, отражающие состояние экономики Советского Азербайджана в целом или по отдельным отраслям народного хозяйства за длительное время, в том числе за период строительства и утверждения развитого социализма [16].

Выявлены основные тенденции развития промышленности республики, заключающиеся в создании новых отраслей, определяющих технический прогресс (химической, электротехнической, приборостроительной), в обеспечении более широких возможностей для удовлетворения потребностей трудящихся (развитие шелко- и шерстоткацкой, обувной, мясомолочной и др. отраслей легкой промышленности). В исследованиях отражены существенные изменения в размещении производительных сил, создание новых промышленных очагов в районах республики, показано как ликвидировалась однобокость и нерациональность структур промышленного производства. Ученые отметили также рост концентрации, технической оснащенности, специализации и комбинирования предприятий, создание комплексно-механизированных и автоматизированных цехов и участков, что свидетельствует о качественно ином уровне технической базы промышленности, свойственном новой фазе социализма.

Подводя итоги развитию сельского хозяйства республики, исследователи отмечают огромные изменения, происходящие в этой отрасли

рамов. Борьба Коммунистической партии Азербайджана за технический прогресс в народном хозяйстве. Баку, 1962.

[14] М. Б. Тагиев. Развитие текстильной промышленности в Азербайджане. Баку, 1960; И. В. Коршунов, В. А. Агаева, Н. Н. Ванчакова. Вопросы эффективности капитальных вложений и новой техники в нефтяной промышленности. Баку, 1961; Ф. М. Амикишиев. Социалистическое расширенное воспроизводство в период развернутого строительства коммунизма (на азерб. яз.). Баку, 1961; «Промышленность Азерб.ССР». Баку, 1961 (на азерб. яз.); «Пищевая промышленность Азерб.ССР». Баку, 1963 (на азерб. яз.); «Вопросы размещения социалистического производства». Баку, 1965; М. М. Аллахвердиев. Социалистический закон народонаселения (на материалах Азерб.ССР). Баку, 1965; Г. Ю. Зейналов. Развитие народного хозяйства в Азербайджанской ССР и рост материального уровня жизни народа (статист. сб.). Баку, 1961.

[15] М. М. Аллахвердиев. Правильная организация производства и труда в колхозах и совхозах. Баку, 1962 (на азерб. яз.); его же. Трудовые ресурсы и их использование в сельском хозяйстве Азербайджана. Баку, 1964 (на азерб. яз.); А. К. Алескеров. Специализация сельского хозяйства западной зоны Азербайджанской ССР. Баку, 1965 (на азерб. яз.); Ш. Расизаде, А. Гасымов. Экономика животноводства Азербайджана. Баку, 1965; А. А. Махмудов. Некоторые экономические вопросы интенсификации земледелия в колхозах Азерб.ССР, Баку, 1965.

[16] «Вопросы развития экономики Азерб.ССР». Баку, 1966; «Расцвет экономики Азерб.ССР». Баку, 1967; Р. Г. Исмаилов. Очерки развития нефтеперерабатывающей, нефтехимической и химической промышленности Азербайджана. М., 1968; «Бакинский метрополитен им. В. И. Ленина». Сб. ст. Баку, 1970; М. А. Абрамов. Апшеронский промышленный узел (О природных и экономических предпосылках формирования Баку — Сумгаитского промышленного узла). Баку, 1971.

хозяйства на этапе строительства развитого социализма: расширение масштабов капитальных вложений, переход на новую высокопроизводительную технику, повышение энерговооруженности, рост механизации труда в сельском хозяйстве. Показан рост неделимых фондов и доходов колхозов.

В эти же годы экономисты республики продолжали разрабатывать проблемы специализации, кооперирования и комбинирования промышленности, ее размещения на территории республики и Закавказского экономического района, рационализации перевозок грузов. Изучались вопросы электрификации, темпы развития и отраслевые пропорции промышленности республики, подготовка и использование рабочей силы, ее воспроизводство, социальные и экономические проблемы использования женского труда [17]. Целый ряд работ посвящен описанию и обобщению замечательных достижений республики в области культурного строительства [18].

В связи с 50-летием установления Советской власти в Азербайджане в начале 70-х годов вышли книги и статьи, отражающие полувековой путь развития республики, расцвета ее экономики и культуры, рост народного благосостояния [19]. По материалам Азербайджана уче-

[17] П. Ю. Мамедов. Вопросы специализации, кооперирования и комбинирования нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности Азербайджана. Баку, 1966; Б. Г. Джанумян. Развитие и размещение виноградарства и виноделия в Азербайджанской ССР. Баку, 1966; А. А. Надиров. Вопросы экономического развития городов Азербайджана (к проблеме внутриреспубликанского промышленного производства). Баку, 1966; Р. Гусейнов. Специализация и размещение текстильной промышленности Закавказского экономического района. Баку, 1967; И. Мамедов. Металлургическая промышленность Азербайджана. Баку, 1967; Г. Я. Абдулсалимзаде. Осуществление ленинского плана электрификации в Азербайджане. Баку, 1968; его же. Развитие электрификации народного хозяйства Азербайджана в послевоенный период. Баку, 1971; Т. А. Гусейнов. Пути улучшения использования основных фондов нефтяного машиностроения Азербайджана. Баку, 1969; А. Д. Амиров. Прогресс индустрии. Баку, 1970; Б. Н. Абдурахманов. Пути рационализации перевозки грузов в Азербайджанской ССР. Баку, 1971; А. Агаева. Экономическая эффективность геологоразведочных работ на нефть и газ в Азербайджане. Баку, 1972; Ф. А. Фараджев. Темпы развития и отраслевые пропорции промышленности Азербайджана. Баку, 1975; М. Аллахвердиев. Некоторые вопросы воспроизводства рабочей силы в Азербайджане (на азерб. яз.). Баку, 1966; его же. Производительный и непроизводительный труд в совхозах на материалах Азерб.ССР. Баку, 1966; И. Исманлов. Подготовка квалифицированной рабочей силы и ее использование (на примере сельского хозяйства Азерб. ССР). Баку, 1967; В. М. Ширалиев. Резервы роста производительности труда в жилищном строительстве. Баку, 1968; А. А. Заргаров. Воспроизводство рабочей силы в промышленности Азерб.ССР. Баку, 1969; Ш. М. Мурадов. Социальные и экономические проблемы использования резервов женского труда в Азерб. ССР (на азерб. яз.). Баку, 1974; А. С. Сумбатзаде. Экономика республики на крутом подъеме. «Известия АН Азерб.ССР», сер. эконом. 1976, № 1, стр. 3—11.

[18] М. К. Курбанов. Культура Советского Азербайджана. М., 1962; Дж. Новрузова. Очерки изобразительного искусства Советского Азербайджана. Живопись, скульптура, графика. Баку, 1960; Б. Набиев. Очерк истории азербайджанской советской литературы. М., 1963; Н. А. Пашаев. Очерки истории культурного строительства Советского Азербайджана. Баку, 1965; М. М. Мехтизаде. Очерки истории Советской школы в Азербайджане (1917—1961 гг.). М., 1962; его же. Школьное образование Азерб. ССР на новом подъеме. Баку, 1967; А. К. Рзаев. Очерки истории высшего педагогического образования в Азербайджане. Баку, 1966; Э. А. Касимзаде. Проблемы развития азербайджанской советской архитектуры на современном этапе. Баку, 1967; Э. Г. Аббасова, К. А. Касимов. Очерки музыкального искусства Советского Азербайджана (1920—1956 гг.). Баку, 1967; М. Тарлан. Декоративно-прикладное искусство Советского Азербайджана. Баку, 1968.

[19] «Советский Азербайджан за 50 лет». Статист. сб. Баку, 1970; «Советский Азербайджан. Литература и искусство». Баку, 1970; «Советскому Азербайджану 50 лет». М., 1971; Г. Ю. Зейналов. Рост материального благосостояния трудящихся за 50 лет. Баку, 1970; «Народное образование в Азербайджане в 1920—1970 гг.» Баку, 1971;

ные-обществоведы создали исследования о роли коллективов коммунистического труда [20], о нравственном идеале советского человека [21], о выработке у советских людей атеистического мировоззрения [22].

Одним из важных результатов социально-экономического и культурного развития Советского Азербайджана явилось формирование азербайджанской социалистической нации в могучей семье советского народа [23]. Обществоведы Азербайджана подчеркивают, что процесс формирования азербайджанской социалистической нации протекал в единой семье народов Советского Союза. Только благодаря успехам социалистического строительства, в условиях взаимовлияния, взаимообогащения и содружества со всеми другими народами этой многонациональной семьи во главе с их старшим братом — великим русским народом, азербайджанский народ, освобожденный от социального гнета, от пут старой клерикально-националистической идеологии, мог так быстро сформироваться в одну из значительных социалистических наций. В трудах азербайджанских ученых проблемы социалистического интернационализма и дружбы народов неизменно занимают одно из ведущих мест [24].

Крупный вклад в разработку проблем развитого социалистического общества в СССР внес XXIV съезд КПСС, Постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», доклад Л. И. Брежнева на юбилейном заседании в честь 50-летия СССР, статьи А. Н. Косыгина и М. А. Суслова [25]. После XXIV съезда КПСС вышло в свет значительное количество работ, рас-

---

Б. С. Гурбанов, А. М. Эльдаров, А. А. Мамедова. Советский Азербайджан — могучая индустриальная республика. «Известия АН Азерб.ССР», сер. истор., филос. и права. 1970, № 3—4, стр. 15—44.

[20] Н. Ахмедов. Роль коллективов коммунистического труда в строительстве коммунизма (на азерб. яз.), Баку, 1965.

[21] Т. Расулов. Воспитание нового человека. Баку, 1962 (на азерб. яз.); А. С. Алиев. Человек человеку — друг, товарищ и брат. Баку, 1963 (на азерб. яз.); М. Алиев и П. Ландесман. О нравственном идеале (на азерб. языке). Баку, 1965.

[22] П. Махмудов. Атеизм и религия. Баку, 1963 (на азерб. яз.); Ф. Кочарли. Религия и ее происхождение. Баку, 1964 (на азерб. яз.); М. Саттаров. Формирование атеистического мировоззрения у азербайджанского народа. Баку, 1964 (на азерб. яз.); Т. Расулов. Роль атеистической пропаганды в формировании научного мировоззрения. Баку, 1964 (на азерб. яз.).

[23] А. Наджафов. Формирование и развитие азербайджанской социалистической нации. Баку, 1965.

[24] «Советское Закавказье в братской семье народов СССР». Баку, 1961; Ф. Касимзаде. В великой братской семье социалистических наций СССР. (на азерб. яз.), Баку, 1962; «40 лет СССР и Закавказской Федерации», сб. ст. Баку, 1962; К. Касумзаде. Дружба народов в азербайджанской советской литературе. Баку, 1963; Ф. Г. Ахмедов. Интернациональное воспитание трудящихся в период строительства коммунизма (на азерб. яз.). Баку, 1964; Г. Бабаев. Глубокие корни. Баку, 1964; Г. С. Турабов. Азербайджан в русской поэзии. Баку, 1964; Ш. Курбанов. Азербайджано-русские литературные связи. Баку, 1964; М. Джафар. Из истории азербайджано-русских литературных связей (на азерб. яз.). Баку, 1964; «Великая дружба азербайджанского и русского народов». Кн. 1 и 2. Баку, 1964; «В единой семье братских народов». Баку, 1964; Ш. Г. Садыхов. Сотрудничество братских народов Закавказья в коммунистическом строительстве. Баку, 1965 (на азерб. яз.); В. В. Девитт. Двадцать шесть бакинских комиссаров в советской поэзии (русской и азербайджанской). Баку, 1965.

[25] «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. 1. М., 1972, стр. 62—107; «Справочник партийного работника», вып. 12. М., 1972, стр. 42—43; Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4. М., 1974, стр. 82—101; А. Косыгин. Социально-экономическое развитие советского многонационального государства. «Коммунист», 1972, № 17; М. Суслов. КПСС — партия творческого марксизма. «Коммунист», 1971, № 14.

сматривающих различные аспекты проблемы развитого социализма на общесоюзном материале [26].

Большое значение для изучения развитого социализма на материалах Азербайджана имеют документы XXVII, XXVIII, XXIX съездов компартии республики, содержащие богатый материал по развитию ее экономики и культуры, по актуальным вопросам идеологической борьбы [27], работы и выступления кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г. А. Алиева [28].

Основными критериями зрелого социалистического общества является, во-первых, «достижение высокого уровня развития социалистического способа производства в единстве его производительных сил и производственных отношений и, во-вторых, обеспечение на этой основе комплексной, всесторонней и пропорциональной развитости всего общественного организма, высокого уровня зрелости и соразмерности экономической, социально-политической и духовной сторон жизни общества» [29]. Партийные документы, исследования, проведенные азербайджанскими учеными, раскрывают проявление этих факторов в Советском Азербайджане, отмечая прежде всего высокий уровень развития его экономики.

Крупным шагом в развитии Азербайджана явилась девятая пятилетка. Об успехах промышленности республики свидетельствует тот факт, что за этот период промышленное производство увеличилось на 50% против 43—46%, предусмотренных директивами XXIV съезда КПСС. Среднегодовые темпы роста по сравнению с восьмой пятилеткой возросли на 29% и были выше, чем за предшествующие 20 лет. Одним из решающих факторов в столь быстром росте экономики республики является повышение производительности общественного труда. За годы девятой пятилетки в Азербайджанской ССР «производительность труда возросла на 34% против 31,1% по пятилетнему плану. Только за счет этого получено около 76% прироста выпуска промышленной продукции. Среднегодовые темпы повышения производительности труда в девятой пятилетке составили 6,1% против 4,8% в восьмой пятилетке» [30].

Валовая продукция сельского хозяйства Азербайджана к концу девятой пятилетки увеличилась на 37% по сравнению с 1970 г. Средне-

---

[26] См. В. И. Касьяненко. Развитой социализм: историография и методология проблемы. М., 1976.

[27] «Материалы XXVII съезда КП Азербайджана. 24—26 февраля. 1966 г.» Баку, 1966; «Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Азербайджана. 10—12 марта. 1971». Баку, 1971; «Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана». Баку, 1976.

[28] Г. А. Алиев. Советскому Азербайджану 50 лет. М., «Знание», 1970; его же. Речь на торжественном заседании ЦК Компартии Азербайджана и Верховного Совета Азербайджанской ССР, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Стеногр. отчет. Баку, 1971; его же. «За дальнейший подъем народного хозяйства Азербайджанской ССР». Баку, 1972; его же. «О задачах партийных организаций Азербайджана по дальнейшему усилению идеологической работы в свете решений XXIV съезда КПСС». Баку, 1972; его же. «Об итогах XXV съезда КПСС и задачах партийной организации Республики. «Бакинский рабочий», 18 марта, 1976; его же. «Пламенный борец за коммунизм. Торжественное собрание в честь 100-летия со дня рождения Мешади Азизбекова». «Бакинский рабочий», 11 апреля, 1976; его же. Речь на VI съезде писателей Азербайджана. «Бакинский рабочий», 27 мая 1976.

[29] «Марксистско-ленинское учение о социализме и современность». М., 1975, стр. 250.

[30] См. «Отчетный доклад первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиева XXIX съезду Коммунистической партии Азербайджана».— «Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана». Баку, 1976, стр. 17, 18.

годовой темп прироста валовой продукции сельского хозяйства в 1970—1975 гг. равнялся 6,0% против 5,1% за годы восьмой пятилетки [31].

Рост производительности труда в промышленности и в других отраслях народного хозяйства республики в значительной мере определялся усилением технической оснащенности, комплексной механизацией и автоматизацией процесса производства. Особенно много было сделано в этой области за годы девятой пятилетки, когда были комплексно механизированы и автоматизированы 77 предприятий, 782 участка, цеха и производства. Из 1300 имеющихся механизированных и автоматизированных линий половина введена в девятой пятилетке. За последние годы создано около 20 информационно-вычислительных центров, введены в действие 72 электронно-вычислительные машины, начали работать 13 автоматизированных систем управления. За пятилетие на предприятиях подготовлено 245 тыс. новых рабочих, повысили квалификацию более 500 тыс. человек. Внедрено 170 тыс. рационализаторских предложений и изобретений с годовым экономическим эффектом 231 млн. руб. Это на 38% больше, чем за восьмую пятилетку [32].

Вопросы научно-технического прогресса, его роли в различных отраслях народного хозяйства Азербайджанской ССР получили освещение в ряде исследований специалистов республики. Особую ценность представляет начавшееся изучение влияния научно-технического прогресса на социальную структуру рабочего класса [33].

Характерной чертой экономического развития Страны Советов в годы строительства развитого социализма является углубление процесса хозяйственно-экономических связей всех союзных республик. Экономическим связям Советского Азербайджана с РСФСР, Украиной, соседними Закавказскими и другими союзными республиками посвящен ряд работ, вышедших за последние пять лет [34].

Подчеркивая специализацию народного хозяйства Азербайджана, являющегося составной частью единого народнохозяйственного ком-

---

[31] «Азербайджан в девятой пятилетке (1971—1975 гг.)». Баку, 1976, стр. 11.

[32] «Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана». стр. 28.

[33] Г. Р. Ширинов. Характерные особенности современной научно-технической революции. «Известия АН Азерб. ССР (сер. истор., филос. и права), 1970, № 1; «За десять лет — О совете новаторов Азербайджана и его людях». Баку, 1970; Ф. М. Ахундов. Научно-технический прогресс электротехнической промышленности Азербайджана. «За технический прогресс» 1967, № 11; Г. А. Фаррухов. Успехи технического прогресса в нефтяной промышленности Азербайджанской ССР. «Известия АН Азерб. ССР», сер. истор., филос. и права. 1970, № 3—4; Х. Г. Иванов. В. И. Ленин о техническом творчестве трудящихся. «Известия АН СССР» сер. эконом., 1970, № 1; И. А. Исаев. Применение достижений науки и передового опыта в деревнях Азербайджанской ССР. «УЗ Азербайджанского ун-та», сер. истор. и филос. 1972, № 5, стр. 66—73 (на азерб. яз.); Х. Ягудов, В. Ибрагимов. Некоторые вопросы создания автоматизированной системы планирования и управления (АСПУ) «Известия АН Азерб. ССР», сер. эконом., 1974, № 3, стр. 46—50; В. Аширов. Технический прогресс и его роль в улучшении структуры лесной и деревообрабатывающей промышленности. «Известия АН Азерб. ССР», сер. экон., 1975, № 1, стр. 50—55.

[34] М. А. Абрамова. Апшеронский промышленный узел. Баку, 1971; Т. Хасыев. Наша сила в единстве. В кн. «Сила дружбы». Баку, 1972; Д. П. Гулиев. Созидающая сила советского патриотизма и социалистического интернационализма. В кн. «Под ленинским знаменем социалистического интернационализма». Баку. 1972; Н. А. Абдурахманов, Ф. А. Фараджев. Интернационализация экономической жизни — основа сплочения всех народов СССР. В кн. «Воплощение социалистического интернационализма». Баку, 1974; Ф. А. Ахмедшина. Дальнейшее развитие экономических связей Азербайджанской ССР с советскими республиками в условиях развитого социализма (1966—1970). «Известия АН Азерб. ССР» — сер. истор., филос и права. 1975, № 2, стр. 93—102; ее же. Экономическое сотрудничество Азербайджана с союзными республиками в девятой пятилетке. «Известия АН Азерб. ССР», сер. истор., филос. и права. 1976, № 1, стр. 14—23.

плекса страны, исследователи показывают рост товарообмена между Азербайджанской ССР и другими союзными республиками, особенно с Российской Федерацией [35]. Разительные успехи республики в девятой пятилетке в области народного хозяйства не могли бы иметь места, отмечает Г. А. Алиев, без «постоянного внимания и поддержки партии, правительства, последовательного осуществления ими ленинской национальной политики... Оказанная Азербайджану материально-техническая помощь, заботливое отношение к его проблемам, способствовали преодолению длительного отставания экономики республики, успешному решению задач девятой пятилетки» [36].

Данные, введенные в научный оборот азербайджанскими исследователями, свидетельствуют о том, что в республике, как и в стране в целом, на этапе развитого социализма произошли существенные сдвиги в содержании производственных отношений. Возрос удельный вес общенародной формы собственности, сложилась социальная структура общества, соответствующая требованиям коммунистического строительства в условиях научно-технической революции.

Численность рабочих и служащих в Азербайджанской ССР выросла с 748 тыс. в 1960 г. до 1500 тыс. в 1975 г., т. е. увеличилась более чем в два раза, при этом количество рабочих, включая младший обслуживающий персонал и работников охраны, возросло с 498 тыс. до 1020 тыс., т. е. более чем в 2 раза. Отмечается также характерный для общества зрелого социализма рост удельного веса непроизводственных отраслей по сравнению с отраслями материального производства. Соотношение между последними и первыми в 1965 г. в республике было 77,7% и 22,3% а в 1975 г. — 72,9 и 27,1% [37].

Основой всей социальной структуры советского общества является многочисленный и качественно возросший рабочий класс. «Рабочий класс,— говорил на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев,— это самый многочисленный класс нашего общества... Но место рабочего класса в социалистическом обществе определяется не только его численностью, которая может меняться в зависимости от развития экономики, от темпов научно-технической революции. Рабочий класс был и остается основной производительной силой общества. Его революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм определяют его ведущее положение в системе социалистических общественных отношений» [38].

История рабочего класса республики на этапе строительства и утверждения развитого социализма — один из наиболее разрабатываемых разделов исторической науки Азербайджана. Исходя из изменений в уровне и структуре промышленного развития республики, исследователи рассматривают количественный рост ее рабочего класса, состав и качественные изменения в нем, источники пополнения, рост культурно-технического уровня. Выявляются особенности развития рабочего класса в условиях развитого социализма: быстрый рост рабочих механизированного труда, исчезновение ряда профессий тяжелого ручного труда; подчеркивается ведущая роль рабочего класса в развитом социалистическом обществе, изменение характера труда рабочих, возрастание их

---

[35] Ф. А. Ахмедшина. Экономическое сотрудничество Азербайджана с союзными республиками в девятой пятилетке.

[36] Г. А. Алиев. Слагаемые успеха. «Правда», 12 декабря 1975 г.

[37] «Азербайджан в девятой пятилетке (1971—1975 гг.)», стр. 106.

[38] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 72—73.

роли в управлении и техническом совершенствовании производства, в управлении обществом и т. д. [39].

Изучается влияние научно-технического прогресса на социальную структуру рабочего класса. Сделаны первые шаги в обобщении особенностей развития рабочего класса Азербайджана в условиях развитого социализма [40]. Отмечая авангардную роль рабочего класса в жизни республики исследователи показывают рост удельного веса рабочих среди принятых в ряды КПСС и избранных депутатами в состав Верховного и местных Советов, усиление их роли в постоянно действующих производственных совещаниях, в движении рационализаторов, в социалистическом соревновании [41].

В период зрелого социализма серьезные изменения произошли в колхозном крестьянстве. Значительная часть тружеников села влилась в ряды аграрного отряда рабочего класса, изучение которого уже начато в республике [42]. В Азербайджанской ССР за годы девятой пятилетки «резко возросли денежные доходы колхозников, среднемесячная оплата их труда теперь составляет более 90 рублей, намного больше построено жилья, школ, больниц, объектов торговли и бытового обслуживания, бань и других коммунальных предприятий. Проложено 1100 *км* газовых сетей, процент газификации сельских домов поднялся с 11 до 45. Полностью завершена электрификация сел республики. Сельские труженики стали лучше питаться, одеваться, больше уделять внимания улучшению своего быта» [43].

В период зрелого социализма растет роль и значение социалистической интеллигенции. Число служащих Азербайджана в 1960—1975 гг. увеличилось с 250 тыс. до 480 тыс. человек, т. е. почти в два раза [44]. Ис-

---

[39] Г. С. Исмаилов. Научно-технический прогресс и его влияние на изменение социальной структуры рабочего класса Азерб. ССР. «УЗ Азербайджанского ун-та», сер. истор. и филос., 1968, № 5; Г. Русанов. Творчество масс — двигатель научно-технического прогресса. «Известия АН Азерб. ССР», сер. эконом., 1970, № 2—3; Д. Касумова. Технический прогресс — основа роста производительности труда. «Известия АН Азерб. ССР», сер. эконом., 1975, № 1; Б. Самедов. Технический прогресс и его влияние на формирование основных фондов. «Известия АН Азерб. ССР», сер. эконом., 1974, № 1; А. М. Эльдаров. Рост рабочего класса Азербайджана в годы послевоенного социалистического строительства. Баку, 1971; Х. Г. Иванов. Техническое творчество рабочего класса Азербайджана за годы Советской власти. «Известия АН Азерб. ССР», сер. эконом. 1971, № 1, стр. 16—27; Ф. А. Ахмедшина. Из истории трудовых связей промышленных рабочих Азербайджана с рабочими братских республик (1966—1970 гг.) «Известия АН Азерб. ССР», сер. истор., филос. и права, 1972, № 4. стр. 63—71; А. М. Эльдаров. Развитие рабочего класса Азербайджана (1946—1970 гг.). «Известия АН Азерб. ССР», сер. истор., филос. и права, 1972, № 4; стр. 55—62; А. М. Эльдаров, Б. С. Гурбанов. Рабочий класс ведущая сила социалистического общества. «Известия АН Азерб. ССР», сер. истор., филос. и права, 1973, № 2, стр. 3; М. А. Рустамов. Развитие экономических и культурных связей между рабочим классом и интеллигенцией в период строительства коммунизма (на азерб. яз.). «Известия АН Азерб. ССР», сер. истор., филос. и права, 1974, № 1, стр. 88—96; Е. Х. Кадырова. О численном росте и некоторых качественных изменениях в составе женщин, занятых в промышленности Азерб. ССР. «Известия АН АзербССР», сер. истор., филос. и права. 1974, № 2, стр. 3—9.

[40] М. Р. Векилов. О некоторых особенностях развития рабочего класса Азербайджана в условиях развитого социализма. «Научный коммунизм», 1975, № 4.

[41] К. М. Николаев. Рабочее ядро партийной организации Азербайджана на современном этапе. «Вопросы истории КПСС», 1974, № 8, стр. 92; Н. Кадырова. Общественно-политическая активность рабочего класса Азербайджана в годы девятой пятилетки. «Известия АН Азерб. ССР», сер. истор., филос. и права, 1976, № 1, стр. 9—12, 10.

[42] А. А. Кулиев. Аграрный отряд рабочего класса Азербайджана. «Труды Института истории партии при ЦК КП Азербайджана — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС». 1972, т. 30, стр. 196—301.

[43] «Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана». Стр. 63.

[44] «Азербайджан в девятой пятилетке (1971—1975 гг.)», стр. 106.

тория формирования и развития интеллигенции в советский период рассматривалась учеными республики [45]. Сделаны первые попытки проследить возрастание роли интеллигенции в условиях развитого социализма [46]. Крупным отрядом советской интеллигенции являются различные группы творческой интеллигенции. Их деятельность также получила известное отражение в научной литературе республики [47].

В области политической развитой социализм отличается общенародным характером политической организации общества, и прежде всего социалистического государства, при ведущей роли рабочего класса и возрастающей руководящей роли Коммунистической партии, всенародным социалистическим демократизмом, охватывающим все сферы жизни общества, активным участием широких трудящихся масс в управлении делами общества [48].

Подлинный демократизм — это «фактическое участие в управлении государством гигантского большинства народа, именно трудящихся» [49]. Достаточно в этой связи привести тот факт, что «более 2 млн. граждан в СССР являются депутатами Советов, примерно 25 млн. человек насчитывает их актив» [50]. В составе Советов депутатов трудящихся Азербайджана работают 48 786 депутатов, из них 65,7% рабочие и колхозники [51].

Проблемы советского права, советского строительства нашли освещение в ряде работ правоведов республики. Учеными республики были созданы труды, посвященные проблемам государства и права в теоретическом плане, осуществлению ленинских принципов государственно-правового строительства в Азерб. ССР [52]. Вместе с тем правоведы республики разрабатывали проблемы, связанные с личными и имущественными правами советских граждан, осуществлением правопорядка и законности в социалистическом обществе [53].

Возрастание руководящей роли Коммунистической партии является характерной и очень важной чертой общества развитого социализма. Компартия Азербайджана, являющаяся одним из боевых отрядов КПСС с богатыми революционными и интернационалистическими традициями, к своему 50-летию (1970 г.) насчитывала 236 674 членов и 12 996 кандидатов, а на 1976 г.— 287 823 человека, в том числе 276 508

---

[45] Г. Халилов. Создание и развитие социалистической интеллигенции в СССР (по материалам Азербайджанской ССР). Баку, 1960 (на азерб. яз.); М. Рустамов Формирование и развитие азербайджанской советской интеллигенции, Баку, 1963 (на азерб. яз.).

[46] С. Г. Елчиев, Ч. О. Исманов. Возрастание роли сельской интеллигенции Азербайджана в условиях развитого социализма.— «УЗ Азербайджанского ун-та», сер. истор. и филос., 1973, № 6.

[47] М. Курбанов, Х. Кулибеков. Кино Советского Азербайджана. Баку, 1969; М. З. Рзаева. Документальное кино Азербайджана (1920—1965), Баку, 1971 г.; Д. Джафаров. 100 лет Азербайджанскому государственному драматическому театру. Баку, 1974; В. Богуславский. Русский драматический театр им. С. Вургуна. Очерк творческого пути театра. Баку, 1974; Н. А. Пашаев. Победа культурной революции в Советском Азербайджане. М., 1976.

[48] «Марксистско-ленинское учение о социализме и современность», стр. 259—260.

[49] В. И. Ленин. ПСС, т. 38, стр. 91.

[50] «Марксистско-ленинское учение о социализме и современность», стр. 292.

[51] «Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана», стр. 83.

[52] «Ленинское учение о государстве и праве» (на азерб. яз.). Баку, 1970; «В. И. Ленин и вопросы государственно-правового строительства Азерб. ССР», Баку, 1970. А. Ш. Мильман. Азербайджанская ССР — суверенное государство в составе СССР. Баку, 1971; Ф. Ахмедов. Советское право. Баку, 1974; Э. Аскаров. Советское строительство. Баку, 1974.

[53] В. П. Каграманов. Личность, право и законность в социалистическом обществе. Баку, 1967.

членов КПСС и 11 315 кандидатов. Среди взрослого населения коммунисты составляют 9,7% [54]. Верная своим интернациональным традициям Компартия Азербайджана объединяет в своих рядах представителей более 70 наций и народностей, что отражает национальный состав населения и олицетворяет его интернациональное единство [55].

Историки Азербайджана подготовили ряд статей о деятельности Компартии республики, отразив в них ее организующую и направляющую роль по подъему хозяйственно-экономической, социально-политической и культурно-идеологической работы [56].

В духовной области развитой социализм характеризуется также крупными качественными сдвигами. Рост образованности советских людей обеспечил высокий уровень общества в культурном, интеллектуальном отношении. Больших успехов добились наука, культура и искусство, занявшие в ряде областей передовые позиции в мире.

В Азербайджане, например, численность учащихся по всем видам обучения увеличилась с 878 тыс. в начале 1960/61 учебного года до 2113 тыс. человек к началу 1975/76 учебного года, т. е. более чем в 2,5 раза [57]. Выпуск учащихся общеобразовательных школ всех видов увеличился с 43,9 тыс. в 1960 г. до 161,2 тыс. в 1975 г.; средних специальных учебных заведений — с 7,3 тыс. до 19,0 тыс.; высших учебных заведений — с 5,5 тыс. до 15,9 тыс. человек. В результате число специалистов с высшим и средним образованием увеличилось со 152 тыс. на 1 декабря 1960 г. до 377 тыс. человек, на середину ноября 1975 г., т. е. почти в 2,5 раза. Численность научных работников за полтора десятилетия возросла с 7226 до 22 206 человек, т. е. более чем в три раза [58].

Большие успехи в области образования и культуры в Азербайджане на этапе зрелого социализма получили отражение в трудах и исследованиях азербайджанских ученых [59].

Много работ было написано по истории развития различных отрас-

---

[54] «Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана». Стр. 70.

[55] К. М. Николаев. Интернационализм боевых рядов КПСС. «Труды Института истории партии при ЦК КП Азербайджана», т. 30. Баку, 1972, стр. 32—41; «Компартия Азербайджана в цифрах». Статист. сб. Баку, 1970, стр. 11.

[56] И. С. Муслимов. Рост и укрепление рядов Коммунистической партии Азербайджана. «Труды Ин-та истории партии при ЦК КП Азербайджана». 1968, т. 29, стр. 137—155; его же. Возрастание роли первичных организаций Коммунистической партии Азербайджана в 1956—1965 гг. «УЗ Азербайджанского ун-та», сер. истор. и филос. 1970, № 5, стр. 13—23; его же. Деятельность Компартии Азербайджана по осуществлению ленинского принципа единства идеологической и организаторской работы. Там же, 1972, № 30, стр. 178—197; Б. М. Агаев. Партийное руководство социалистическим соревнованием трудящихся Закавказья. Там же, стр. 214—238; А. А. Асадов. Партия — организатор братской взаимопомощи народов СССР. Там же. стр. 15—31; М. М. Катибли. КПСС в борьбе за развитие морских нефтяных промыслов. Там же, стр. 41—63; К. М. Николаев. Рост рабочего ядра Компартии Азербайджана (1959—1970 гг.). Баку, 1974.

[57] «Азербайджан в девятой пятилетке (1971—1975 гг.)», стр. 141.

[58] Там же, стр. 144, 146, 147, 25.

[59] А. К. Рзаев. Очерки истории высшего педагогического образования в Азербайджане. Баку, 1966; М. М. Мехтизаде. Школьное образование Азерб. ССР на новом подъеме. Баку, 1967; его же. Расцвет народного образования в Азерб. ССР. «Советская педагогика», 1967, № 8, стр. 25—32; его же. Пути развития народного образования Азерб. ССР. М., 1968; А. А. Кадымбекова. Развитие дошкольного воспитания за годы Советской власти в Азербайджане. «УЗ Азербайджанского пед. ин-та», 1967, № 5, стр. 126—136; А. Р. Агаева. Развитие печати и издательское дело в Азерб. ССР за годы Советской власти. «Известия АН Азерб. ССР», сер. истор., филос. и права, 1970, № 3—4, стр. 81—88; А. А. Халафов. Подготовка высококвалифицированных кадров в Азербайджане. «УЗ Азербайджанского ун-та», сер. библиотековед. и библиогр., 1971, № 1, стр. 20—30; «Азербайджанская государственная республиканская библиотека им. М. Ф. Ахундова». Баку, 1971.

лей естественных и общественных наук в Советском Азербайджане за последние полтора десятилетия. Наиболее общее отражение процесс развития науки получил в трудах, посвященных юбилейным датам республиканской академии наук [60].

В период развитого социализма происходят качественные изменения и в уровне сознательности, духовной зрелости людей, что означает постепенное решение задачи воспитания нового человека коммунистического общества. В процессе формирования коммунистического мировоззрения советских людей решающую роль играет изучение трудов классиков марксизма-ленинизма на языках, доступных всем советским людям. В отчетном докладе ЦК XXIX съезду Компартии Азербайджана отмечалось, что в Советском Азербайджане завершен выпуск на азербайджанском языке всех четырех томов «Капитала» К. Маркса, четвертого издания Собрания сочинений В. И. Ленина, вышли в свет шесть томов его Полного собрания сочинений. Впервые в 1975 г. была издана биография В. И. Ленина. Крупным событием в идейно-политической жизни явилось издание на азербайджанском языке четырех томов произведений товарища Л. И. Брежнева «Ленинским курсом», а также тематический сборник его трудов и отдельных выступлений [61]. В конце 60-х — начале 70-х годов в Азербайджане опубликованы работы, посвященные изучению теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма в тесной связи с вопросами современного развития общества [62].

«Новый облик советского человека,— говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС,— его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого» [63]. Обществоведы Азербайджана уделяют большое внимание проблемам этики [64]. В 1970 г. вышла из печати коллективная работа, посвященная вопросам марксистско-ленинской этики. Опубликован ряд трудов, направленных против исламской религии, содействующих усилению атеистической пропаганды в республике [65]. Немалое внимание учеными республики уделялось проблемам эстетического воспитания [66].

В период зрелого социализма полностью сформировалась новая историческая общность — советский народ. Ученые Советского Азербайджана приняли участие в разработке проблемы складывания этой новой

---

[60] «Академии наук Азербайджанской ССР — 20 лет». Баку, 1966; «Развитие науки в Советском Азербайджане». Сб. ст. Баку, 1967; «Летопись науки в Азербайджане (техника)». Баку, 1969, т. 2; «Академии наук Азербайджанской ССР — 30 лет», Баку, 1975.

[61] См. «Бакинский рабочий», 29 января 1976 г.

[62] «Карл Маркс и современность». Баку, 1968; «Энгельс и современные проблемы марксистской философии», Баку, 1967; «Ленинские идеи и современность». Баку, 1970.

[63] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 84.

[64] Г. Ширалиев. Взаимное уважение в семье. Баку, 1966; его же. Все за одного и один за всех. Баку, 1967; З. Геющев. Моральные ценности. Баку, 1967; его же. Добродетель и порок. Баку, 1972; М. Мамедов. Советская литература и воспитание нового человека. Баку, 1968; С. Пашаев. Простые нормы морали. Баку, 1974.

[65] Р. Алиев. Атеистические мотивы в устном народном творчестве. Баку, 1968; «Вопросы марксистско-ленинской этики». Баку, 1970; С. Аббасов. Реакционная сущность исламской религии. Баку, 1970; М. Балаев. Культ «святых» — вредный пережиток прошлого. Баку, 1971; М. Джалилов. Труд и исламская религия. Баку, 1971; Ф. К. Кочарли. Духовный мир современного верующего. Баку, 1971; М. Мамедов. Искусство и религия. Баку, 1971; М. Саттаров. О пережитках ислама. Баку, 1971; его же. Модернизация в исламе. Баку, 1971; его же. Сущность шариата и его пережитки. Баку, 1973.

[66] М. Мамедов. Эстетические проблемы азербайджанской советской литературы. Баку, 1968; А. Асланов. Искусство и воспитание. Баку, 1968.

общности [67]. Продолжается изучение проблем нации и национальных отношений [68].

Огромное значение для дальнейшего повышения культуры и науки в национальных республиках, областях, краях и округах несомненно имеет изучение русского языка — языка межнационального общения, без знания которого невозможно приобщиться к богатствам всей советской и современной мировой науки, техники и культуры. В Азербайджанской ССР во всех школах русский язык изучается с первого класса, в учебных планах значительно расширена программа его преподавания. Создан Государственный педагогический институт русского языка и литературы. Только за последние два года 2000 молодых специалистов — учителей русского языка направлено на работу в общеобразовательные школы [69]. Большое внимание уделялось изучению русской литературы и литературы других народов СССР [70].

XXV съезд КПСС поставил перед советским народом новые задачи в деле строительства развитого социалистического общества. В десятой пятилетке в Азербайджане предусматривается рост объема промышленной продукции на 37—41%, валовой продукции сельского хозяйства — на 18—21%. Общий объем капитальных вложений в экономику составит 9 млрд. руб. против 6,6 млрд. в девятой пятилетке. Произойдет известный сдвиг в размещении производительных сил республики в направлении центральных и западных районов. Намечена к реализации большая программа социального развития и повышения уровня жизни народа. Поставлены ответственные задачи перед наукой и учеными республики. Намечается осуществление более 400 заданий по внедрению передовой технологии, механизации и автоматизации производственных процессов. Исключительно важные задачи встают перед общественными науками в республике в разработке проблемы совершенствования производственных отношений в обществе развитого социализма, в изучении процессов постепенного устранения существенных различий между умственным и физическим трудом. Широкое распространение в науч-

---

[67] «Советский народ и диалектика национального развития». Баку, 1972; А. Абдуллаев. Советский народ — новая историческая общность людей. Баку, 1972; В. Насиров. Единство советского патриотизма и социалистического интернационализма. Баку, 1972; его же. СССР — выражение единства национальных и интернациональных интересов народов. «УЗ Азербайджанского ун-та», сер. истор. и филос. 1972, № 8, стр. 88—111.

[68] Ф. Г. Аллахвяров. Сближение культур советских социалистических наций в период строительства коммунизма. Баку, 1966; В. Ф. Мельников. Баку — город славных интернациональных традиций; его же. Советский Азербайджан — республика дружбы народов. Баку, 1967; Д. Г. Гудратов. Дружба, сотрудничество и общие достижения. Баку, 1968; «Вечно живые традиции», Баку, 1968; С. А. Саядов. Национальная политика КПСС и дружба народов. Баку, 1969; Т. Эрнстова. Интернациональная сплоченность — славная ленинская традиция трудящихся Азербайджана.— «УЗ Азербайджанского ун-та», сер. истор. и филос., 1969, № 5; С. Козлов. В братской семье советских народов. 50-летие Азербайджанской ССР и Компартии Азербайджана. «Партийная жизнь», 1970, № 19; А. Наджафов. Сближение культур социалистических наций. Баку, 1970; И. С. Самедов. Печать Азербайджана — надежный помощник партии в программе ленинских идей дружбы и братства народов.— Труды Ин-та истории партии при ЦК КП Азербайджана, 1972, т. 30; «Под ленинским знаменем социалистического интернационализма». Баку, 1972; Б. Авылов. Роль многонационального коллектива в интернациональном воспитании. Баку, 1973; Г. Байрамов. Национальное и интернациональное в культуре. Баку, 1974; А. С. Сумбатзаде. Традиции и идеи дружбы народов в культуре, научной и общественной мысли Азербайджана. «Вопросы философии», 1976, № 5, стр. 133—143.

[69] «Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Азербайджана», стр. 91.

[70] М. Ариф, С. Лукьянова. Братское содружество литератур. Баку, 1972; Т. Шарифли. В дружбе наша сила. Баку, 1972; «Проблемы реализма в литературах народов Советского Востока», Баку, 1974.

но-исследовательских планах получат социально-экономические проблемы, связанные с научно-технической революцией. Обществоведы республики планируют создание работ на темы: «Научно-техническая революция и изменение социального облика советского рабочего класса (на опыте социологического исследования по материалам Азербайджанской ССР)», «Диалектика взаимодействия НТР и всестороннего развития личности в условиях развитого социализма» и т. д.

Исследования ученых-экономистов будут дополнены рядом новых работ: «Производительный труд в условиях развитого социализма», «Экономические аспекты влияния современной научно-технической революции на процесс сращивания сельскохозяйственного и индустриального труда», «Свободное время и проблема «индустриализации» домашнего труда» и т. д.

Ответственные задачи были выдвинуты в Отчетном докладе ЦК XXV съезду КПСС, в частности, перед учеными-правоведами: «Необходимо,— говорил Л. И. Брежнев,— и дальнейшее изучение проблем развития нашей государственности, форм и методов воспитательной идеологической работы»[71]. В течение десятой пятилетки правоведы республики сосредоточат свои усилия на разработке таких актуальных тем, как совершенствование организации и деятельности Советов депутатов трудящихся на современном этапе, завершат работу над III томом капитального труда «История государства и права Азербайджанской ССР», охватывающего 1935—1975 гг. Изучение процессов осуществления идей социалистического интернационализма и советского патриотизма, дружбы и братства народов нашей великой страны в Азербайджане будет еще более углублено. Продолжается работа по изучению исторических корней дружбы народов нашей страны.

Особенно большое внимание будет уделяться изучению советского периода. Историки республики сейчас работают над темами: «Вопросы национальных отношений в развитом социалистическом обществе», «Торжество ленинской национальной политики в Азербайджане», готовятся монографии: «История развития экономического сотрудничества Азербайджанской ССР с советскими республиками (1946—1970 гг.)», «Культурное сотрудничество Советского Азербайджана с республиками СССР в период коммунистического строительства (1959—1974 гг.)». Искусствоведы и филологи разрабатывают такие темы как «Формирование и пути развития литературных взаимосвязей азербайджанского народа с народами СССР», «Национальное и интернациональное в азербайджанском изобразительном искусстве». Исследование отдельных сторон развитого социалистического общества в Азербайджане получит обобщение в многотомной истории Азербайджана, последняя книга которой будет посвящена этому периоду.

Продолжается работа и по разоблачению буржуазных идеологов как Запада, так и ряда восточных стран, фальсифицирующих историю и социалистическую действительность азербайджанского народа. Учеными республики создается также труд «Великий Октябрь и расцвет экономики и культуры Советского Азербайджана».

[71] «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 73.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Из истории советских пятилеток

Н. В. КОРОЛЬКОВ

КОМБАЙН В КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ 30-х ГОДОВ: ОСВОЕНИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Применение комбайна в годы первых пятилеток было, в сущности, первым шагом на пути создания машинного комплекса в сельском хозяйстве. Использование сложных механизмов влекло за собой значительные изменения в жизни крестьянина, в его отношении к труду, в профессиональной подготовке, в навыках и привычках. Менялось место человека в производстве; машинная техника способствовала преобразованию культуры и быта деревни.

Процесс становления технической базы социалистического сельского хозяйства обстоятельно освещен в ряде исследований, обобщен в историографических работах[1]. Однако социальные процессы в связи с этой темой, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем изучении. В данном сообщении делается попытка рассмотреть некоторые социальные аспекты освоения довоенной колхозной деревней зернового комбайна.

* * *

В ходе создания машинной технической базы сельского хозяйства СССР зерноуборочный комбайн явился одним из ведущих компонентов механизации производства. Его массовое применение способствовало качественному росту технического вооружения земледельца, повлияло на совершенствование организации труда, сказалось на профессиональном составе крестьянства.

Первые 44 комбайна, использовавшиеся в 1928—1929 гг. на полях новых зерновых совхозов, были закуплены Советским государством у американских фирм. В 1930 г. в стране насчитывалось уже 1740 комбайнов, из которых 347 были уже изготовлены на заводе «Коммунар»

[1] См., напр., М. А. Вылцан. Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937). М., 1959; Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. М., 1960; И. Е. Зеленин. Зерновые совхозы СССР (1933—1941 гг.). М., 1966; Н. В. Корольков. Опыт КПСС в техническом перевооружении сельского хозяйства (1927—1937 гг.). Владимир, 1970; В. И. Погудин. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк. М., 1975 и др.

(г. Запорожье). Годом позже отечественная промышленность поставила сельскому хозяйству 3548 машин, а в 1932 г.— 10 тыс.[2].

Отечественное машиностроение, учитывая различные природные условия и характер посевных площадей, выпускало комбайны нескольких марок. В 1934 г. имелось 18 398 машин «Коммунар» с длиной хедера 15 футов (около 4,5 *м*), 5057 штук 20-ти футовых (6 *м*). В конце второй пятилетки Люберецкий завод приступил к выпуску комбайна «Северный», предназначенного для уборки хлебов на небольших по размеру полях (преимущественно в областях Нечерноземной зоны РСФСР)[3].

Таблица 1

Динамика роста поставок комбайнов сельскому хозяйству СССР (в тыс. шт.)*

Имелось комбайнов	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Всего в сельском хозяйстве **	1,7	6,4	14,1	25,4	32,3	50,3	87,8	128,8
в том числе:								
в МТС	0,007	0,1	2,2	10,4	15,2	29,3	64,9	104,9
в совхозах	1,7	6,3	11,9	14,8	16,9	20,8	22,5	23,8

* Составлено по данным: «Социалистическое строительство СССР». Статист. ежегодник. М., 1936, стр. 252; «Сельское хозяйство Союза ССР». Статист. справочник. М., 1939. стр. 14; ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 35, д. 463[6] (1), л. 21—23.

** Сведения на 1 января.

Происходили значительные перемены в самой организации использования машинной техники, наметились тенденции комплексного ее применения. Работа агрегата требовала согласованного функционирования трактора, комбайна и грузовика, транспортирующего зерно. Неисправность одного из компонентов сказывалась на работе всего комплекса. Комбайн одновременно выполнял операции, которые ранее осуществлялись только поочередно (косьба, вязка и свозка снопов, обмолот, сортировка зерна и т. д.). Нужна была четкая организация труда, слаженность работающих (агрегат обслуживало тогда 6—8 человек), умение обращаться со сложными механизмами (необходимость постоянной регулировки в зависимости от рельефа поля, густоты хлебостоя, влажности посевов и пр.).

Расширение диапазона использования машинной техники в сельском хозяйстве обусловило появление новых профессий в деревне. Потребовались кадры комбайнеров, подготовка которых в то время являлась сложной задачей. Крестьянская молодежь еще не имела достаточного общеобразовательного уровня. Кроме того, возникла необходимость параллельно готовить и помощников комбайнера (штурвальных). В известной переподготовке нуждался и тракторист. В сцепке с комбайном, особенно широкозахватным, применялся мощный гусеничный трактор, требующий высокой квалификации водителя. Усложнились функции колхозников, обслуживающих работу комбайнового агрегата. Нужно было делать прокосы в массивах хлебов, выравнивать углы на поворотах поля, убирать солому, разгружать зерновой бункер во время работы машины и т. д. Следует отметить, что некоторые руководители МТС считали, что создание специальных кадров комбайнеров не нужно и допускали к управлению сложной машиной неподготовленный персонал[4]. Но уже опыт первых лет показал, что комбайн требует высококвалифи-

[2] «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, № 3, стр. 45; «Промышленность СССР». Статист. сб., М., 1957, стр. 232.

[3] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 35, д. 463[6] (1), л. 22.

[4] «Механизация сельского хозяйства», 1936, № 6, стр. 4.

цированного обслуживания. «„На ура" тут не возьмешь» — констатировала газета «Социалистическое земледелие»[5]. Возникла необходимость перемен в постановке профессионально-технического обучения крестьянства.

Согласно постановлению СТО СССР от 21 сентября 1933 г. «Об организации использования машинно-тракторного парка» увеличились сроки подготовки механизаторов на курсах[6]. При областных и районных земельных отделах были созданы школы бригадиров тракторных бригад и водителей гусеничных тракторов. Одновременно начинали функционировать 6-месячные школы комбайнеров и 4-месячные — помощников (штурвальных). Стационарные школы комбайнеров финансировались из государственного бюджета. Курсанты получали стипендию, обеспечивались питанием и общежитием.

Новые школы сразу приобрели большую популярность у сельской молодежи. «В школу комбайнеров,— отмечалось на совещании в Наркомземе СССР,— очень большая тяга»[7]. И все же на первых порах в связи с возросшими требованиями к поступающим (общеобразовательная подготовка — не ниже начальной школы, возраст — не моложе 18 лет) с набором контингента возникали затруднения[8].

В 1934 г. ЦК партии принял постановление «Об обеспечении квалифицированными работниками уборочной кампании 1934 года»[9]. В нем отмечалась «неудовлетворительность проведенной подготовки комбайнеров и других работников к уборочной кампании»[10]. 19 апреля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают важное решение о зачислении комбайнеров в штаты машинно-тракторных станций[11]. Большое место уделялось вопросам подготовки кадров для комбайновой техники на июньском (1936 г.) Пленуме ЦК ВКП(б)[12].

В школы комбайнеров отбирались наиболее достойные колхозники из числа ударников, стахановцев, партийно-комсомольского актива. Этим занимались комиссии в составе секретаря райкома партии, заведующего сельхозотделом, директора МТС и его заместителя по политчасти[13].

В каждой области функционировало, как правило, несколько школ комбайнеров или школ механизации[14]. В конце 1935 г. армия комбайнеров, пришедших на работу в МТС, стала довольно внушительной — 29 887 человек. По возрасту они распределялись следующим образом: старше 35 лет — 2427 чел., от 35 до 25 лет — 12 947, 23—24 года — 7756 чел. и остальные 6757 были моложе 23 лет[15]. Как видим, основную

[5] «Социалистическое земледелие», 17 апреля 1935 г.

[6] См. «Важнейшие решения по сельскому хозяйству», изд. 2. М., 1935, стр. 217.

[7] ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 18, д. 3, л. 38.

[8] Если, например, в 1934 г. в Азово-Черноморском крае программу комплектования школ комбайнеров удалось выполнить, то при наборе 1935 г. было принято только 1659 человек, или 75,4% к плану. (См. Гос. архив Ростовской обл.— ГАРО — ф. 1390, оп. 7, д. 1726, л. 79).

[9] «Справочник партийного работника», вып. 9. М., 1935, стр. 195.

[10] Там же.

[11] «Правда», 20 апреля 1935 г.

[12] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 5. М., 1971, стр. 254—255.

[13] Партийный архив Новосибирской обл. (далее: ПАНО), ф. 3, оп. 10, д. 678, л. 119, 120; д. 679, л. 23, 132.

[14] В школах механизации основной контингент курсантов готовился для работы на комбайнах. Так, в Суздальской школе механизации (Ивановская обл.) на 1 ноября 1936 г. имелось 700 учащихся, из которых будущих комбайнеров — 500 чел., а остальные обучались профессиям шоферов и механиков. (См. ЦГАНХ СССР, ф. 7436, оп. 18, д. 3, л. 7).

[15] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 33, д. 737, л. 17.

массу работников этой профессии (более 75%) составляли колхозники старше 23-х лет. Многие из них не имели достаточного общеобразовательного уровня (не все закончили начальную школу), однако обладали изрядным опытом работы на тракторах, жнейках, сноповязалках, льнотеребилках.

К концу 1937 г. контингент комбайнеров в МТС насчитывал уже 82 413 человек, т. е. за два года он вырос более чем в 2,5 раза [16]. Среди комбайнеров постепенно увеличивалось число людей, закончивших 5—7 классов. И все же в общей массе общеобразовательный уровень оказывался еще довольно низким (40—50% комбайнеров не окончили и 4-х классов [17]). Учитывая это, партия и правительство направляли усилия на совершенствование системы обучения. Были увеличены сроки подготовки специалистов — от четырех и шести месяцев до восьми, а с 1938 г.— до одного года. В школах механизации, выпускающих комбайнеров, вводилось преподавание общеобразовательных предметов — русского языка, математики, истории. Курсанты изучали также политику Коммунистической партии [18]. Ю. В. Арутюнян отмечает, что Советское государство рассматривало подготовку механизаторов «не только как производственную, но и как большую политическую задачу» [19].

Забота партии и правительства о грамотных кадрах, о росте профессионально-технической подготовки сельских тружеников, разносторонние меры материального стимулирования и морального поощрения людей, овладевающих машинной техникой — все это создавало в среде крестьянства благоприятный настрой к машинизации колхозного производства, к обучению механизаторским профессиям. Наряду с трактористом и машинистом молотилки в деревне становились массовой и профессия комбайнера. По своей роли в производстве, кругозору комбайнер стоял значительно выше, чем рядовой колхозник.

Механизированный труд оказывал громадное влияние на социальные изменения, происходившие в деревне. Очень показателен пример овладения техникой женщиной-крестьянкой. В те годы женщина за штурвалом комбайна или за рулем трактора нередко вызывала осуждение и насмешки со стороны отсталой части населения [20].

Партийные организации, проявляя настойчивость и гибкость в этом вопросе, разработали меры по привлечению широких слоев колхозного крестьянства к освоению машинной техники. На места поступали задания, предусматривающие подбор определенного контингента для зачисления в школы и на курсы механизаторов [21]. Ставилась задача, чтобы не менее 20—25% общего числа поступающих составляли женщины. К концу 1937 г. женская прослойка среди комбайнеров достигла по МТС 7,6%, а в ряде областей она равнялась 20—30% всего состава этой профессии [22].

---

[16] «МТС во второй пятилетке». М., 1937, стр. 97.

[17] ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 18, д. 3, лл. 7—24.

[18] Там же, л. 52.

[19] Ю. В. Арутюнян. Указ. соч., стр. 15.

[20] См., напр., «Большевик», 1935, № 4, стр. 7; «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1935, № 12, стр. 255; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 4077, л. 170.

[21] См. ГАРО, ф. 2573, оп. 1, д. 4, л. 6; «Партийная работа» (г. Саратов), 1935, № 5—6, стр. 64 и др. При МТС создавались учебные женские бригады из колхозниц, работающих на прицепных орудиях, для последующего обучения в школах комбайнеров (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3141, л. 51).

[22] «МТС во второй пятилетке», стр. 95—97.

* * *

Чем выше поднимала социалистическая индустрия техническую вооруженность сельского хозяйства, тем настоятельнее возникала необходимость и здесь, в некогда отсталой отрасли производства, добиваться высокой организации и эффективности труда.

Хотя в 1932—1934 гг. происходил быстрый рост массового выпуска комбайновой техники, освоение ее встречалось еще со многими трудностями. В эти годы, как отмечал академик Л. С. Марголин, «комбайн, особенно в восточных зерновых районах, терпел поражение за поражением». Сезонная нагрузка на агрегат в совхозах составила в 1931 г. 254, в 1932 — 100, в 1933 г.— всего лишь 88 *га*[23]. Однако в последующие годы она быстро растет. В МТС освоение новой машины еще не было налажено. И в 1934 г. в докладной записке сельхозсекции Госплана на имя заместителя председателя СНК СССР В. И. Межлаука сообщалось, что «в отношении МТС приходится констатировать совершенно неудовлетворительное применение комбайнов»[24]. На совещании в Северо-Кавказском крайкоме партии (август 1933 г.) стали известны следующие факты: механизаторы вывели в поле комбайновые агрегаты. В первый день скашивали 5 *га*, во второй — 6, в третий день — по 8 *га* на каждую машину. Казалось, будут достигнуты хорошие результаты. Но как только возникали трудности (густой хлебостой, сильная засоренность посевов, сложный рельеф полей), то комбайны с жатвы переводили на колхозный ток и использовали в качестве стационарных молотилок. Хозяйственные руководители в трудных условиях прибегали к привычным средствам уборки — жнейкам и лобогрейкам[25]. В 24 машинно-тракторных станциях Северного Кавказа полученные комбайны вообще не применялись, в большинстве же колхозов их производительность была низкой, лишь одна МТС оказалась близка к выполнению плана по комбайновой уборке[26].

Анализ причин, вызвавших затруднения в использовании комбайна, позволил партийным и советским органам определить главное: руководители МТС и колхозов не предвидели, что для успешного применения этой сложной машины потребуются столь кропотливая подготовительная организация дела, четкость в расстановке людей, налаженность всех звеньев производства, хорошо подготовленные поля. «Опыт прошлых лет,— отмечалось в передовой статье газеты «Социалистическое земледелие»,— достаточно убедительно показал, что наиболее низкий процент использования комбайнов был именно в тех МТС, где обработка полей велась плохо»[27]. Своевременно не выделялся подготовленный персонал, машины нередко запускали в работу без предварительной регулировки, отсутствовала своевременная техническая помощь. Словом, выявилась необходимость в высокоорганизованном функционировании всех основных участков производства. Комбайновая техника как компонент подлинно индустриальной оснащенности труда нуждалась и в соответствующей его организации.

Следует отметить, что в совхозах комбайны применялись более эффективно. В 1934 г. в зерновых совхозах ими было убрано три четверти посевов зерновых культур[28]. Передовой опыт, накопленный в совхозах,

---

[23] «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1936, № 3, стр. 47.
[24] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 33, д. 703, л. 3.
[25] ПАРО, ф. 7, оп. 1, д. 1393, л. 25.
[26] ГАРО, ф. 1390, оп. 7, д. 459, л. 3.
[27] «Социалистическое земледелие», 1 апреля 1935 г.
[28] И. Е. Зеленин. Зерновые совхозы СССР (1933—1941 гг.), стр. 70.

использовался и работниками машинно-тракторных станций. Большая заслуга в этом принадлежала политотделам МТС.

В комбайновой уборке 1934 г. наметились определенные сдвиги. Как отмечалось на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников (февраль 1935 г.), средняя сезонная выработка на комбайне в 1933 г. составила по Союзу 71 *га*, в 1934 г. она равнялась уже 125 *га*[29]. В Павловской МТС (Азово-Черноморский край) на агрегат приходилось 320 *га*, а отдельные комбайнеры убрали за жатву по 550—600 *га*. В Саратовском крае сезонная выработка на машину поднялась до 163 *га*, в Сталинградском крае — до 254 *га*[30].

Центральный Комитет партии и Совнарком с большим вниманием относились к проблеме применения комбайнов и не раз рассматривали ее. 19 апреля 1935 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором констатировалось, что полученный опыт уборки зерновых культур в совхозах и в МТС показывает преимущества комбайновой техники. ЦК ВКП(б) и СНК СССР потребовали сурового осуждения любых проявлений безответственности в использовании комбайнов и подчеркнули, что недостатки проистекают из-за отсутствия «действительно оперативного, конкретного руководства делом использования комбайнов». В постановлении осуждались искажения, допущенные в вопросах материального стимулирования работающих на комбайнах колхозников. На период уборки урожая вводилась премиально-прогрессивная оплата труда комбайнеров[31].

На уборочный сезон 1935 г. устанавливались повышенные нормы выработки: для комбайна с хедером в 15 футов — 180 *га*. По мере успехов нормы комбайновой уборки пересматривались и в 1937 г. были подняты соответственно до 180 и 200 *га*[32].

Перед началом жатвы в 1935 г. вопрос о широком использовании комбайновой техники специально рассматривался на Пленуме ЦК партии, проходившем 5—7 июня. Была намечена всесторонне продуманная система мер. Пленум рекомендовал всем директорам совхозов и МТС вывести комбайны в поле не позднее, чем за пять дней до начала уборки и проверить готовность их к жатве. Предлагалось заранее выделить участки из расчета на 20 дней работы одной уборочной машины, составить предварительные маршруты движения каждого агрегата. Были определены дополнительные материальные и моральные стимулы производственной работы комбайнеров на уборке зерновых[33].

Ровно через год в постановлении июньского (1936 г.) Пленума ЦК партии констатировалось, что в ряде зерновых районов страны «комбайн становится главной уборочной машиной»[34]. Пленум, обобщив передовой опыт, внес конкретные предложения по организации механизированной жатвы. Рекомендовалось обеспечить работу мощных по тому времени гусеничных тракторов ЧТЗ в сцепке с двумя комбайнами. Подчеркивалась необходимость ведения непримиримой борьбы со старыми, отжившими способами ведения работ. «Главное и решающее условие обеспечения высокого урожая,— отмечалось в резолюции Пленума,— заключается теперь в том, чтобы... сделать опыт и достижения передовых людей социалистического земледелия, овладевающих машинной техни-

---

[29] «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1935, № 2, стр. 47.
[30] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 33, д. 703, лл. 8—9.
[31] «Правда», 20 апреля 1935 г.
[32] М. А. Вылцан. Указ. соч., стр. 72.
[33] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 5, стр. 214, 215.
[34] Там же, стр. 254.

кой обработки и уборки, достоянием всей массы работников колхозов, совхозов и МТС»[35].

По инициативе ЦК ВКП(б) в 1935 г. состоялся ряд общесоюзных совещаний передовиков сельского хозяйства, на которые были приглашены значительные группы комбайнеров как представителей наиболее квалифицированной прослойки технических кадров колхозной деревни. 1 декабря 1935 г. открылось совещание передовых комбайнеров и комбайнерок СССР с членами ЦК ВКП(б) и Советского правительства. Оно проходило в Кремле. В числе участников этой встречи было 130 лучших стахановцев, скосивших в страду 1935 г. не менее 560 *га* зерновых на каждый агрегат. В своих выступлениях комбайнеры говорили о передовых методах уборки урожая, о бережном отношении к технике. Участники совещания высказались за пересмотр (в сторону увеличения) сезонной нормы выработки на комбайн[36].

Большая заслуга в реализации намеченных партией и правительством планов по освоению передовой техники принадлежит политотделам МТС и совхозов. Наглядно разъяснять значение и место механизатора-земледельца в сельскохозяйственном производстве и пропагандировать преимущества комбайна как наиболее совершенного вида техники — одно из ведущих направлений политико-воспитательной работы, в которую включился партийный и хозяйственный актив.

В освоении передовой техники стали видны благоприятные перемены. Если в 1933 г. средняя сезонная выработка на комбайн составила по стране 71 *га*, а в 1934 г.— 125 *га*, в 1935 г. она поднялась до 256 *га*, т. е. возросла более чем в два раза по сравнению с 1934 г.[37].

Комбайнеры, трактористы, машинисты острее осознавали свою ответственность, роль в умножении общественного достояния. Это выразилось прежде всего в передовых начинаниях по более эффективному применению машинной техники в деревне. Большим достижением явился переход механизаторов на скоростные приемы комбайновой уборки. Их впервые успешно применили в жатву 1936 г. комбайнеры Константин Борин и Трофим Костенко. В 1937 г. передовой опыт взяли на вооружение уже сотни механизаторов. Качественный скачок в овладении крестьянством комбайна произошел после того, как агрегат стал использоваться круглосуточно. На полях Украины, Приазовья, Нижней и Средней Волги передовые механизаторы добились выработки на один комбайн до 100 *га* в сутки. Конечно, таких показателей можно было достигнуть не на каждом поле и не во всяких погодных условиях. Однако высшие в определенный момент достижения со временем закреплялись.

В 1935 и 1936 гг. об успехах в производственном использовании степных кораблей рапортовали многие МТС и прежде всего те, которые накопили значительный опыт использования техники (на Северном Кавказе, Украине, в Поволжье). Здесь быстрее, чем где-либо, стала расти когорта комбайнеров-рекордсменов. Передовой опыт лучших становился массовым достоянием[38].

---

[35] Там же.

[36] «Правда», 2, 4 декабря 1935 г.

[37] «Правда», 3 октября 1935 г.; «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1935, № 2, стр. 47.

[38] Так, в 1935 г. при дневной выработке на комбайн в 8—9 *га* сжали по 16,8 *га* (в целом по стране) не более 200 комбайнеров, 130 из них стали участниками Второго съезда колхозников-ударников. В 1936 г. высокими результатами уборки овладели мно-

Летом 1935 г. в различные сельские районы Западной Сибири было командировано 650 лучших комбайнеров из южных регионов, где жатва подходила к концу. Направлялись те механизаторы, которые умело внедряли передовой опыт уборки урожая. «До приезда комбайнеров с Юга,— отмечали механизаторы Юдинской МТС (Западная Сибирь),— мы работали не очень-то хорошо. Никогда не предполагали, что каждым комбайном действительно можно убрать так много — по 300 и 400 гектаров»[39]. Прибывшие с Украины и из Крыма комбайнеры, отмечал секретарь Челябинского обкома ВКП(б) К. Рындин, помогли своей квалифицированной работой опровергнуть бытовавшую среди механизаторов Южного Урала «теорию предела» в применении техники[40]. Опыт комбайнеров Украины, Поволжья, Северного Кавказа изучался коллективами механизаторов МТС Сибири и Урала; и в последующие годы рекордные результаты становились нормой.

Помощь передовых механизаторов своим коллегам — явление, которое могло произойти только в условиях социализма, на основе братского сотрудничества трудовых коллективов. Эта помощь в числе других мероприятий способствовала быстрому выравниванию показателей машинной уборки в различных зонах страны. Непрерывно росло число передовиков сельскохозяйственного производства.

За короткий срок тысячи молодых колхозников стали мастерами механизированной уборки. В конце 1937 г. более 35 тыс. комбайнеров, т. е. 41% от их общей численности, достигли показателей, значительно превышающих установленные нормы[41]. В 1938 г. количество передовиков продолжало расти: из общего числа водителей широкозахватных комбайнов — 30 тыс. человек — 4788 (16%) довели среднюю выработку за сезон от 600 до 1000 *га*, а 473 механизатора скосили на каждый комбайн свыше 1000 *га* зерновых[42].

Ускоренное освоение приемов прогрессивной жатвы развертывалось в условиях быстрого пополнения комбайнового парка МТС. В 1937 г. уборка зерновых на 39,3% выполнялась машинами на тракторной тяге, в 1938 г.— на 45%. При этом доля комбайновой уборки вырастала значительно быстрее, особенно в 1936—1938 гг., когда новая технология жатвы была уже освоена. Об этом свидетельствуют данные табл. 2.

Если объем уборки с применением тракторной тяги нарастает за указанные годы (табл. 2) в среднем на 8—9% за год, то использование комбайна на жатве происходит более ускоренными темпами (с 1934 по 1938 г. более чем в 20 раз)[43].

В районах высокоразвитого зернового хозяйства комбайновая техника на колхозных полях применялась в значительных масштабах. Так, на Средней и Нижней Волге она составила 58,9%, а на Северном Кавказе и в Крыму — 60,3%[44].

Совершенствование и расширение механизации в период страды способствовало значительному повышению производительности труда в

гие: водителей, скосивших от 351 до 600 *га* за сезон, насчитывалось более 18 тыс. человек. Комбайнеров, убравших за сезон от 600 до 1000 *га*, в 1934 г. вообще не было, в 1935 г.— единицы, а в 1936 г.— 3550 человек. («Социалистическое сельское хозяйство СССР». Статист. сб. М.— Л., 1939, стр. 55).

[39] «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства СССР», 1935, № 11, стр. 19.

[40] «Большевик», 1935, № 19—20, стр. 41.

[41] «МТС во второй пятилетке», стр. 97.

[42] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 82, д. 247, л. 9.

[43] Заметим, что уборка подсолнуха на 80% осуществлялась с помощью комбайнов (см. «Социалистическое строительство Союза ССР», стр. 93).

[44] «Колхозы во второй сталинской пятилетке», М.— Л., 1939, стр. 33, 34.

Таблица 2

Рост объема комбайновой уборки в колхозах в 1933—1938 гг.*

Виды работ	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Уборка зерновых и бобовых культур всеми машинами на тракторной тяге (в % ко всему объему данной работы)	10,4	14,6	21,6	30,6	39,3	45,0
Уборка зерновых комбайнами (в % ко всему объему данной работы, выполненной механизированно)	0,7	1,9	6,9	21,3	33,6	42,0

* «Социалистическое строительство Союза ССР (1923—1938 гг.)». Статист. сб. М.—Л., 1939, стр. 93; «Колхозы во второй сталинской пятилетке», стр. 32.

Таблица 3

Занятость крестьян в единоличных хозяйствах и колхозах Краснодарского края*

	Проработано человеко-дней в полеводстве и луговодстве за сельскохозяйственный период (в % к итогу)							
	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	всего
В крестьянских хозяйствах в 1925 г.	7,7	10,0	9,9	24,9	28,7	15,6	3,2	100,0
В колхозах в 1937 г.	9,1	14,4	13,1	20,6	16,1	14,0	12,7	100,0

* «Производительность и использование труда в колхозах во второй пятилетке». М.—Л., 1939, стр. 51.

сельском хозяйстве. В 1937 г. только на уборке зерновых в связи с внедрением машин было сэкономлено 148 462 тыс. человеко-дней[45].

Массовое применение машин, главным образом комбайна, создало условия для более равномерных затрат труда колхозников в течение года.

Из данных таблицы 3 видно, что в колхозах наметилось известное выравнивание занятости работающих в общественном хозяйстве. Конечно, возрастание равномерности использования труда еще не ликвидировало «сезонность», однако характерно, что удалось снять перенапряжение в страдный период (июль, август).

Усиление технической вооруженности сельского хозяйства высвободило время колхозников. Они могли привлекаться в иные сферы производства (например, культурно-бытовое обслуживание). Создавались благоприятные условия для роста культуры и образования колхозников, их профессионально-технической подготовки. Тягу передовых слоев деревни к образованию хорошо выразил комбайнер К. Борин (Азово-Черноморский край). «Мы познакомились друг с другом,— говорил он о встрече со своими коллегами,— увидели, что многие из нас малограмотные. А нам надо быть грамотными людьми. Нам нужны курсы переподготовки... Не плохо чтобы с общеобразовательными и политическими предметами. Не можем мы от политики отставать... и вообще надо нам культурнее жить»[46]. На 1 июня 1940 г. армия механизаторов насчитывала (в штатах МТС) 151 150 человек[47].

В колхозной деревне формировался новый социальный тип сельского труженика. В связи с этим интересны публикации, появившиеся в зарубежной прессе того времени. В 1932 г. немецкий журнал «Восточная

[45] «Проблемы экономики», 1938, № 2, стр. 64.
[46] «Молот», 8 января 1936 г.
[47] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 22, л. 7, л. 39.

Европа» отмечал, что «тракторист, обслуживающий колхозный трактор, по своему складу ума существенно отличается от крестьянского парня, который до этого тащился за сохой»[48]. Швейцарская газета «Националь цайтунг», касаясь Всесоюзного совещания комбайнеров (декабрь 1935 г.), отмечала, что в Кремле была представлена «совершенно новая Россия, люди преображенной колхозной деревни. Эти новые крестьяне, молодые, гладко выбритые, уверенные в себе, не имеют ничего общего с бородатыми отсталыми крестьянами старого режима»[49].

В условиях механизированного социалистического производства центральной фигурой становился передовой труженик, мыслящий по-социалистически, земледелец-активист. Взять к примеру известного в те годы комбайнера Ф. И. Колесова из Погроминской МТС, Оренбургской области. Определяя перспективы своей дальнейшей работы, он рассуждал прежде всего как новатор, заботящийся о будущем комбайновой уборки. «Какие я вижу резервы?» — спрашивал Ф. И. Колесов. И отвечал: «По-моему, мы еще не смогли уплотнить свой рабочий день. У нас много простоев. Много времени уходит зря. Прежде всего я думаю лучше организовать труд на самом комбайне»[50].

С годами роль механизаторов в сельском хозяйстве все более возрастала. В Краснодарском крае, например, 16,6% общего состава комбайнеров и 5% трактористов были коммунисты. Среди всех принятых в партию колхозников трактористы и комбайнеры составили 20%[51]. Пленум Воронежского обкома ВКП(б) в 1939 г. определил как ведущую линию роста сельских партийных организаций прием в их ряды лучших из числа механизаторов[52].

В Орджоникидзевском крае только в 1938 и 1939 гг. в партию было принято 462 комбайнера, что равнялось почти четверти их общей численности[53]. Сельские механизаторы, как и их товарищи в фабрично-заводских коллективах, постоянно стремились к достижению высоких производственных показателей. Об этом красноречиво свидетельствовали итоги Всесоюзного соревнования комбайнеров в 1935 и 1936 гг. Передовые массовые начинания подхватывались в деревне прежде всего трактористами, комбайнерами, рабочими МТС и затем воспринимались широкими слоями колхозного крестьянства. Не случайно, на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов среди делегатов, выбранных из крестьян, колхозники-механизаторы (комбайнеры и трактористы) составили 21%, хотя в общей массе сельского населения они занимали не более 3,5—4%[54].

Внедрение комбайна в колхозное производство свидетельствовало, что проблема овладения новой техникой явилась одной из наиболее важных в деятельности Коммунистической партии и Советского государства на селе. Успешное освоение МТС и совхозами сложной техники подтверждали значительно возросший уровень технической базы деревни 30-х годов и доказанную партией необходимость более высокой активности в приобщении крестьянства к передовой технике.

В годы довоенных пятилеток был приобретен опыт по достижению необходимого соответствия профессионально-технического уровня земледельца возросшей материально-технической базы, сложилась система подготовки механизаторских кадров, школа организаторской и хозяйственной работы.

[48] «Osteurora», 1932, H. 6, S. 194.
[49] Цит. по: «Социалистическое земледелие», 16 декабря 1935 г.
[50] «Социалистическая реконструкция хозяйства», 1935, № 11, стр. 20.
[51] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 1388-а, л. 214, 215.
[52] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, с. х. 731, л. 143.
[53] Там же, д. 1951, л. 9; «МТС во второй пятилетке», стр. 93.
[54] «Правда», 22 октября 1937 г.

В. А. КУМАНЕВ

ДВИЖЕНИЕ ЗА АГРОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ДЕРЕВНЕ В УСЛОВИЯХ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

В истории социалистического переустройства сельского хозяйства страны особое место занимает период первой пятилетки. Осуществление выдвинутой XV съездом ВКП(б) исторической задачи массового кооперирования деревни со всей остротой поставили в то время вопрос о необходимости широкого внедрения основ передовых агрономических знаний в среду трудового крестьянства. «Развитие сельского хозяйства путем его механизации и интенсификации,— говорилось в резолюции съезда,— перевод его на более высокие технические и социальные формы хозяйствования, кооперирование крестьянского населения... создает базу для общего подъема культурной жизни деревни, роста просветительной и культурной работы, распространения агрономических и технических знаний среди массы сельского населения»[1].

Коммунистическая партия, опираясь на всемерную поддержку тружеников села, сделала все возможное для охвата бедняцко-середняцких слоев агроучебой.

Данная проблема в советской историографии не получила пока достаточного освещения. Еще в 1932 г. вышла в свет небольшая брошюра М. Злоткина «Агроколхозпоход». Тема только затронута в ряде монографических работ: Ю. С. Борисова[2], С. П. Трапезникова[3], М. Л. Богденко[4].

Генеральный курс Коммунистической партии на социалистическое переустройство сельского хозяйства полностью вытекал из ленинского кооперативного плана. При разработке первого пятилетнего плана партия и государство учитывали, что предстоящий грандиозный размах колхозного движения потребует качественно нового подхода к решению таких важных вопросов, как распространение передовых агрономических знаний, подготовка сельских кадров самого разнообразного профиля. В связи с острой нехваткой агроработников трудно было обеспечить эффективное развитие земледелия. Об этом, в частности, говорилось на II Всесоюзной конференции агрономов (март 1928 г.). Следует отметить, что в канун пятилетки, когда колхозное строительство еще только вступало в полосу подъема, на каждого агронома приходилось в среднем 25—30 колхозов. По сведениям на 1 июня 1928 г., участковые агрономы «сумели посетить» (так сказано в источнике) лишь 62,2% колхозов[5].

Та же примерно картина наблюдалась и при организации совхозов. Поэтому для создания 125 новых зерновых совхозов требовалось (по ориентировочному плану Наркомзема РСФСР) не менее 1375 агрономов, из них 125 — высшей квалификации, 2500 механиков-трактористов

[1] «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 4. М., 1970, стр. 45—46.

[2] Ю. С. Борисов. Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период. М., 1970.

[3] С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 2, М., 1974.

[4] М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М., 1958.

[5] Ю. С. Борисов. Указ. соч., стр. 13.

и до 20 тыс. трактористов[6]. По данным официальной статистики, к началу первой пятилетки в стране насчитывалось всего немногим более 18 500 агроработников, в том числе — 1701 в совхозах и 4156 на низовой работе в деревне[7].

Стало совершенно очевидным, что успех коллективизации и в целом социалистического переустройства деревни теперь во многом зависел и от решения проблемы массовых кадров, от их уровня как общей, так и агротехнической грамотности. Интенсивное внедрение машинной обработки в сельском хозяйстве диктовало необходимость скорейшего овладения трудящимися советской деревни хотя бы элементарными сведениями о сельскохозяйственной технике и передовых приемах возделывания агрокультур. Известно немало фактов неквалифицированного использования сельскохозяйственных машин в то время. И это неудивительно — крестьянин еще плохо знал новую технику[8]. Кроме того, решение задач по увеличению урожайности полей, повышению товарности животноводческого хозяйства находилось в тесной взаимосвязи с повышением агрономической и зоотехнической грамотности колхозного крестьянства в целом и прежде всего сельского партийного актива, призванного осуществлять эффективное руководство в ходе коллективизации.

Трудовая масса деревни настойчиво тянулась к агрознаниям. Доказательством этому служил факт огромного спроса сельского населения на литературу по вопросам сельскохозяйственной культуры и техники.

«Важно научиться новым приемам ведения хозяйства,— говорила в те дни Н. К. Крупская, отмечая значение развернувшегося движения трудящихся деревни за новую культуру,— важно приобрести знания по агрономии, узнать, как обрабатывать землю, как ухаживать за теми или другими растениями, как бороться с вредителями. Надо прочитать, какие есть виды труда, как надо организовать не только труд на земле, но и другие виды труда. Все это требует знаний. Надо получить знания и по технике»[9].

Ликвидация агрономической неграмотности, как неоднократно подчеркивалось в руководящих партийных документах являлась частью общей насущной задачи подъема культурного и образовательного уровня трудящихся масс деревни.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 15 сентября 1928 г. «О подготовке работников по строительству крупных (зерновых) совхозов» подчеркивалось, что «состояние наличных кадров для строительства и ведения крупных (в первую очередь зерновых) совхозов совершенно не обеспечивает успешного развертывания совхозного строительства на основе новейших достижений науки и техники...»[10]. Предстояло в кратчайший срок подготовить кадры для деревни. Эту задачу партия стала осуществлять непосредственно в ходе коллективизации и строительства совхозов.

В ответ на доводы тех, кто предлагал подождать, пока не завершится процесс подготовки необходимого числа кадров специалистов и не

---

[6] М. Л. Богденко. Указ. соч., стр. 91.

[7] «Статистический справочник за 1928 г.». М., 1929, стр. 291. К этому следует добавить и то немаловажное обстоятельство, что политический уровень сельскохозяйственных кадров в канун первой пятилетки оставлял желать много лучшего. Так, среди агрономов в 1928 г. 40% по социальному происхождению принадлежали к дворянству, кулачеству, духовенству и другим имущим ранее слоям (Ю. С. Борисов. Указ. соч., стр. 27).

[8] См. «За грамоту», 1929, № 12, стр. 20.

[9] Н. К. Крупская. Культурная работа в колхозах. М.— Л., 1930, стр. 7—8.

[10] «Известия ЦК ВКП(б)», 1928, № 28, стр. 10.

повысится общий агро-зоотехнический уровень сельского населения, М. И. Калинин говорил: «Мы хотим произвести то же самое, что было во время захвата власти коммунистами. Во время захвата власти создавалась Красная Армия, а ведь она недурно создана. Во время производства зерновых хлебов, в процессе его, при быстром темпе, мы будем создавать свою, нужную нам для этого армию»[11].

8 марта 1929 г. Колхозцентром СССР был разослан циркуляр об улучшении постановки агропропаганды в сельхозартелях[12]. В письме указывалось, что работа по распространению сельскохозяйственных знаний должна носить систематический, плановый характер. В целях агропропаганды рекомендовалось широко использовать систему ликбеза, а также сельскохозяйственные кружки и краткосрочные агрокурсы. Всем колхозным школам грамоты предстояло развернуть агроучебу. Сельские агрономы и зоотехники обязаны были оказывать всестороннюю помощь направляемым в колхозы работникам, участвующим в работе по ликвидации неграмотности.

Ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б), всесторонне рассмотрев проблему кадров для колхозной деревни, выдвинул конкретные задачи форсированной подготовки не только специалистов для различных областей сельского хозяйства, но и обучения широких масс деревни передовым приемам земледелия и животноводства. «Колхозное движение приняло такие размеры,— говорилось в решении Пленума,— которые требуют решительной, революционной перестройки всей системы, программы и методов подготовки организаторов, агрономов, инженеров, землеустроителей, техников, финансово-счетных работников и т. д. для колхозного строительства»[13]. Пленум подчеркнул, что «колхозное строительство немыслимо без усиленного поднятия культурности колхозного населения»[14]. В первую очередь требовалось преодолеть массовую неграмотность среди трудового сельского населения, научить колхозников и работников совхозов читать и писать (в среднем процент неграмотности среди этих категорий трудящихся достигал накануне первой пятилетки 50—60%, а среди деревенской бедноты — более 70%[15]). Поэтому Пленум обратил внимание всех местных партийных и советских организаций на необходимость усиления деятельности обществ «Долой неграмотность», улучшения библиотечного дела, расширения колхозных курсов, заочного обучения, что должно было благотворно сказаться и на массовом распространении агрономических знаний[16].

Очень важную роль в организации массового обучения крестьянского населения, и в первую очередь колхозников, основам сельскохозяйственных знаний сыграло развернувшееся в годы первой пятилетки широкое общественное движение — агропоход, инициатором которого явилась партийная организация Нижне-Волжского края. Осенью 1929 г. газета «Советская деревня» — орган Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) выступила с призывом: «Один миллион рублей из средств самообложения — на агроликбез!»[17]. Взамен нередко случайных или эпи-

[11] Цит. по: М. Л. Богденко. Указ. соч., стр. 92.
[12] ЦГАОР СССР, ф. 7446, оп. 7, д. 4, л. 17.
[13] «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 350. Наркомзему СССР совместно с наркомпросами было предложено организовать не позже января 1930 г. во всех основных сельскохозяйственных районах при сельхозвузах и техникумах сеть ускоренных курсов для подготовки агрономически грамотных работников, в первую очередь для колхозов (Там же, стр. 337).
[14] Там же, стр. 351.
[15] «За грамоту», 1928, № 12, стр. 2; Центральный архив Министерства просвещения РСФСР (ЦАМП РСФСР), ф. ликбеза, оп. 1, д. 43, л. 23.
[16] «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 351.
[17] «В атаку», 1929, № 1, стр. 2.

зодических совещаний и курсов деревенского актива решено было создать постоянно действующие агропункты в осенне-зимний период. Это была первая попытка начальной подготовки сельскохозяйственных низовых кадров путем широкого агрообучения, попытка организованного внедрения агрономических знаний в миллионные трудовые массы деревни. Осуществление системы мероприятий, в число которых входило создание постоянно действующих агропунктов на селе и районной базы по обучению агрограмоте, прежде всего означало отказ от кустарничества в этом важном деле.

Агропоход в крае с самого начала принял планомерный и массовый характер, в чем немалая заслуга принадлежала местной партийной печати. Так, газета «Поволжская правда» только с 8 октября по 22 ноября 1929 г. поместила более 20 статей о походе за агрограмоту. А краевой журнал «За урожай» стал фактически своеобразным органом агропохода. Для практического руководства агропоходом крайком ВКП(б) выделил комиссию в составе 5 руководящих работников края [18]. Во всех округах развертывалась работа по созданию специальных пунктов для обучения колхозных кадров сельскохозяйственным знаниям. Так, Балашовский окружной колхозсоюз в начале ноября 1929 г. направил специальное письмо в Колхозцентр и краевой колхозсоюз, в котором просил выделить средства на проведение трехмесячных курсов в этих целях [19].

Рабочие промышленных предприятий активно поддержали ценное начинание. Например, коллектив ремонтного завода Рязанско-Уральской железной дороги по инициативе партийной организации отчислил двухчасовой заработок в фонд похода и предложил всем заводам последовать его примеру. Вскоре шефские ячейки промышленных предприятий края выделили на агропоход до 20% из своих культфондов [20]. Комиссии содействия агропоходу, которые возглавили в основном коммунисты, были созданы по всей Нижней Волге. Они сыграли большую роль прежде всего в организационном плане — направление в деревню рабочих бригад, опытных инструкторов по сельскохозяйственной технике и т. д. К весне 1930 г. поход за агрономическую грамотность охватил основные районы СССР.

Организационно агропоход строился примерно по тем же принципам, что и развернувшийся в годы первой пятилетки «культпоход» (создание единых штабов по руководству, привлечение широкого актива, плановость в работе, объединение средств и т. п.). Главной задачей этого похода была подготовка кадров низового актива, который владел бы необходимыми знаниями для эффективного руководства коллективными хозяйствами. При этом первостепенное внимание обращалось на вовлечение в агроучебу сельских коммунистов и комсомольцев, членов правлений колхозов и сельских Советов, культработников, учителей и т. д. По неполным данным, только в Нижне-Волжском крае в течение 1929/30 г. обучалось на агрокурсах не менее 300 тыс. крестьян [21], в Ленинградской обл. — 270 тыс., в Пензенском округе — 150 тыс., в Узбекистане — 12 тыс., в Псковском округе — 95 тыс. [22] По решению Колхозцент-

[18] ЦГАОР СССР, ф. 7446, оп. 7, д. 4, л. 18.
[19] Ю. С. Борисов. Указ. соч., стр. 43.
[20] «Коммунистическое просвещение», 1930, № 6, стр. 37.
[21] Уже весной 1930 г. агропоход в Нижне-Волжском крае охватил 390 тыс., в том числе 270 тыс. батраков, бедноты и колхозников («Коммунистическое просвещение». 1930, № 4—5, стр. 96).
[22] «Коммунистическое просвещение», 1930, № 3, стр. 58.

ра СССР, одобренного правительством, в 1930 г. было намечено подготовить 5 млн. человек [23].

Руководство кружками по агрограмоте и сельхозкурсами поручалось наиболее квалифицированным агрономам, зоотехникам, опытным механизаторам сельского хозяйства, а также преподавателям биологии. Широко привлекалось и студенчество сельскохозяйственных вузов [24]. В процессе агрономического похода решались также задачи введения в программу сельских школ ликбеза специального агрочаса [25], улучшения агроподготовки учительских кадров [26], развития массовой агропропаганды среди рабочих и служащих, тесно связанных с деревней.

Своевременную и действенную помощь деревне в организации массового агрообучения колхозного крестьянства оказывал рабочий класс. В начале 1930 г. на хозяйственно-организационную работу в колхозы и МТС добровольно поехали по призыву Коммунистической партии рабочие-двадцатипятитысячники — цвет рабочего класса страны. Это были люди не только политически грамотные, но и обладавшие необходимым организационным опытом для налаживания колхозного производства. Колхозцентр разработал для них примерный учебный план, предусматривавший лекционные и практические занятия (примерно на 120 час. в течение двух недель). В программу было включено ознакомление рабочих с основными задачами коллективизации сельского хозяйства, с вопросами организации труда и т. п. Они получали необходимые сведения о сельскохозяйственных машинах, агро- и зоотехнике. Работа курсов началась в конце декабря 1929 г.

По прибытии двадцатипятитысячников на места в целях закрепления и углубления полученных знаний для них были организованы специальные курсы и проведены совещания при сельских райкомах партии [27].

Активная роль в организации борьбы за ликвидацию агрономической неграмотности принадлежала сельским Советам. Например, Пленум Полянского сельского Совета Пушкинского района Псковского округа в своем решении так оценивал значение этих мероприятий для колхозной деревни: «Учитывая особую важность развертывания агроколхозпохода в условиях сельсовета, считать эту работу не менее важной, чем производственные кампании. Поэтому каждый член сельского Совета за развертывание агроколхозпохода в своих деревнях несет такую же ответственность, как за работу по созданию семенных фондов, льнозаготовкам, зерноочищению и т. д.» [28].

Следует отметить получившее широкое распространение (особенно в системе Зернотреста) курсовое обучение сельского населения основам агрономии и другим сельскохозяйственным знаниям. На курсах треста в период 1928—1932 гг., по неполным сведениям, было подготовлено свыше 600 тыс. работников зерносовхозов, благодаря чему несколько улучшилось положение с кадрами массовой квалификации. В 1929/30 г. деревня получила пополнение — 21,4 тыс. трактористов, а на следующий год эта цифра утроилась [29]. Партийные организации совхозов оказывали всемерное содействие в совершенствовании работы по обучению кресть-

---

[23] ЦГАОР СССР, ф. 7446, оп. 7, д. 66, л. 49.

[24] См. «Народное просвещение», 1931, № 5, стр. 15; «Коммунистическое просвещение», 1930, № 4—5, стр. 96, 100.

[25] Агрограмота была введена в программы школ ликбеза в основном с 1930 г.

[26] См. А. А. Ширямов. Школа грамоты в коллективизации деревни. М., 1930.

[27] ЦГАОР СССР, ф. 5466, оп. 12, д. 263, л. 16.

[28] «Коммунистическое просвещение», 1930, № 7—8, стр. 38.

[29] М. Л. Богденко. Указ. соч., стр. 98.

ян и рабочих. И хотя курсовая система давала возможность получать лишь минимум знаний и навыков, но в тех условиях она была жизненно важной. Следует отметить ее чрезвычайную гибкость: компактность программ, минимум учебного оборудования, возможность использовать специалистов, работающих в земельных органах, и студентов сельхозвузов. Примечательно, что тематика данных курсов была довольно разнообразна. Так, в перечне курсов Колхозцентра на 1930/31 г. значилось свыше 100 названий [30].

По мере расширения масштабов коллективизации стремление трудового крестьянства, особенно колхозников и работников совхозов, к овладению знаниями, новыми приемами в земледелии, к освоению техники непрерывно возрастало. Об этом свидетельствовал поток писем в различные сельскохозяйственные и кооперативные органы, в газеты и журналы. Немало писем поступало от тех, кто овладел грамотой в пунктах ликбеза. В письме в Колхозцентр молодой крестьянин П. Малышкин из с. Бородино Орловского округа писал: «Настоящим прошу принять меня на тракторские курсы. Я пастух, скот стерегу уже три года. У меня есть желание учиться. Данное время занимаюсь в группе малограмотных» [31].

XVI съезд Коммунистической партии (1930 г.) в постановлении «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства» особо обратил внимание на важность организации краткосрочной подготовки колхозных кадров «при совхозах, школах крестьянской молодежи, вузах, сельскохозяйственных техникумах, школах второй ступени и машинно-тракторных станциях» [32]. «Партия исходит из того,— подчеркивалось в решении съезда,— что в ближайшие год-два из массы колхозников безусловно выделятся под воздействием передовых рабочих десятки тысяч подлинных организаторских талантов, которые станут настоящими строителями социализма в сельском хозяйстве» [33].

Распространение агроминимума среди широких слоев трудящихся деревни проходило при непосредственном участии сети культпросветучреждений и, в частности, изб-читален, при которых организовывались курсы по агротехнике и различным вопросам колхозного производства. За зимний период агрокурсы обычно осуществляли три выпуска слушателей. В Миллеровском районе сплошной коллективизации (Северный Кавказ) уже первый выпуск сельскохозяйственных курсов при избах-читальнях и школах грамоты в начале 1931 г. составил 10 тыс. колхозников и колхозниц [34].

Основным звеном культработы в колхозах и совхозах повсюду становились производственные бригады. В том же, например, Миллеровском районе агрокурсы были открыты при каждой бригаде. На курсах проводилось и производственное обучение. Часто прямо в поле (по бригадам) шло обучение (в перерывах между работой в обеденные часы, во время отдыха и т. д.). И не случайно, что во время сева 80% охваченных агроучебой по бригадам стали ударниками [35]. Большую помощь деревне в эти годы оказывал Наркомпрос РСФСР. В беседе с членами культбригад, которые направлялись из городов на посевную кампанию, зам. наркома просвещения РСФСР Н. К. Крупская подчеркивала необ-

---

[30] Ю. С. Борисов. Указ. соч., стр. 142.
[31] Там же, стр. 168.
[32] «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 457.
[33] Там же.
[34] «Изба-читальня», 1931, № 15, стр. 20.
[35] М. Злоткин. Агроколхозпоход. М., 1932, стр. 22.

ходимость привития сельскому населению навыков работы с газетой и книгой, выработки умения извлекать из прочитанного полезные сведения для применения в колхозном производстве. «Здесь важно,— отмечала она,— посмотреть, как работают библиотеки, обросли ли они достаточно кружками, есть ли там книжки, касающиеся естествознания, посевной кампании, всего того, что нужно знать... Правда, у них беден материал, но к таким вещам, как посевная кампания, легче подобрать материал, потому что редкая библиотека не имеет агрономического материала» [36]. Надежда Константиновна считала, что каждая рабочая и просвещенческая бригады, едущие в деревню, обязательно должны были захватить с собою литературу по вопросам агрономии и зоотехнике.

В комплектовании агрокурсов для колхозников и бедняцко-середняцких масс, а также в организации курсов по изучению сельскохозяйственной техники, переподготовке сельских агрономов, животноводов и других специалистов активное участие принимали низовые ячейки общества «Долой неграмотность» (ОДН), особенно в Средне-Волжской области, Северо-Кавказском крае, Уральской и Ленинградской областях. Например, в Чембарском районе (Средняя Волга) все агрокурсы были созданы при непосредственном содействии сельских отделений ОДН. В Дагестане 62% всех учащихся ликпунктов и агрокурсов обучались за счет ОДН [37]. Ячейки общества «Долой неграмотность» заключали договоры с органами народного образования, правлениями сельсоветов, колхозов и совхозов. В них определялось, какое конкретное задание по борьбе с агрономической неграмотностью брала на себя каждая организация. Со своей стороны ячейка принимала обязательство по подготовке руководителей курсов и кружков. Одна из лучших ячеек ОДН Ивановской области — Чебоковская (Тутаевский район), руководимая коммунистом колхозником Степановым, организовала 18 групп для изучения агроминимума. В период весенне-посевной кампании 1931 г. при ее активном участии из числа обучавшихся были созданы две сельхозартели [38].

С 1930 г. усилия издательских организаций сосредоточиваются на выпуске различных учебников, пособий по агрограмоте. Одна только «Азбука агрограмоты» в Нижне-Волжском крае была выпущена тиражом в 100 тыс. экземпляров. Политпросветом Ленинградской области на места было послано 300 тыс. экземпляров сельскохозяйственной литературы [39]. В целом ряде республик, краев и областей штабами по агроликбезпоходу выпускались специальные учебные газеты по агротехнической и зоотехнической грамоте [40].

Каковы же общие статистические показатели участия крестьянства и сельского актива в движении за агрознания?

В 1930—1931 гг. число окончивших агрокурсы и агрокружки достигло нескольких миллионов человек. Плановые задания по ликвидации агронеграмотности в ведущих районах страны оказались перевыполненными. В Нижне-Волжском крае в течение 1930 г. агроликбезпоходом было охвачено более 1 млн. крестьян, рабочих и сельской интеллигенции, причем на 1 апреля было обучено 476 тыс. человек [41], в Ленинградской области — свыше 280 тыс.; в Московской области уже в феврале 1930 г.

---

[36] Н. К. Крупская. В помощь культбригадам. М.— Л., 1931, стр. 5.

[37] «За коммунистическое просвещение», 14 августа 1931 г.

[38] «Культпоход», 1931, № 21—22, стр. 27.

[39] «Коммунистическое просвещение», 1930, № 6, стр. 39; № 7—8, стр. 37.

[40] В Ленинградской обл., например, издавалась газета «За агроколхозную грамоту» (по линии Сельхозгиза).

[41] «Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР», 1931, № 7, стр. 6; «Коммунистическое просвещение», 1930, № 6, стр. 39.

в сельхозкружках и на агрокурсах обучалось 300 тыс. крестьян, в Центрально-Черноземной области — около 500 тыс. колхозников [42].

Успешно проходил агропоход в национальных районах и даже в тех областях, где процент коллективизации был еще недостаточно высоким (национальные районы Средне-Волжской обл., Казахстан, Туркменская ССР и др.) [43]. Так, вся система ликбеза Кабардино-Балкарской АССР с 1 февраля 1931 г. была переключена на агроколхозную учебу (до 50% учебного времени) [44].

В конце первой пятилетки число охваченных агроучебой в колхозной деревне несколько снизилось. Но все же оно оставалось еще достаточно внушительным. Так, в Нижне-Волжском крае сельскохозяйственными знаниями в этот период овладевало свыше 500 тыс. колхозников. В Средне-Волжском крае действовало более 2,5 тыс. агротехнических и зоотехнических курсов, на которых обучалось около 177 250 колхозных активистов. Кроме того, на специальных курсах, готовящих председателей колхозов, бригадиров по полеводству и животноводству, счетоводов, обучалось 35 тыс. человек. В агротехническое обучение было вовлечено в общей сложности свыше 200 тыс. членов сельхозартелей, в их числе 26,9% женщин [45].

В первых рядах движения за овладение сельскохозяйственными знаниями шла молодежь. Комсомол Мордовии, включившись в агропоход, объявил: «Мы решили обязать каждого комсомольца изучить агроминимум и ликвидировать агронеграмотность как минимум у одного крестьянина. Это наша боевая задача и мы ее выполним!» [46]. В итоге свыше 10 тыс. крестьян автономной области получили первичные знания по агрономии и зоотехнике.

Работу по вовлечению полутора миллионов батраков, бедняков и середняков в сеть пунктов по агроликбезу возглавили комсомольцы Украины. Было создано около 12 тыс. таких пунктов. Существенную помощь в этом деле оказали 2 тыс. шефских рабочих бригад, присланных в села из городов УССР [47].

По РСФСР в течение полутора лет через различные формы агрономической и зоотехнической учебы было подготовлено более 9 млн. колхозных активистов. Кроме того, свыше 50 тыс. руководителей колхозов и значительное количество агрономов прошли курсы по переподготовке колхозных кадров. Таким образом, план Наркомзема Российской Федерации, который предусматривал в 1931 г. массовую ликвидацию агронеграмотности 7 млн. крестьян, был существенным образом превзойден [48].

В 1930—1931 гг. были проведены краевые, областные совещания, на которых рассматривались вопросы по выработке программ для агроучебы и утверждению единого календаря по распространению сельскохозяйственных знаний среди крестьянства.

Крупным шагом в деле вовлечения колхозной массы в систематическую учебу без отрыва от производства явилось создание в процессе агропохода колхозных университетов [49], задача которых заключалась в

---

[42] «Культпоход», 1930, № 2, стр. 18.

[43] См. «Революция и национальности», 1931, № 1, стр. 100.

[44] ЦАМП РСФСР, ф. ликбеза, оп. 1, д. 67, л. 11.

[45] С. П. Трапезников. Указ. соч., стр. 327.

[46] М. Микула. За новый быт в колхозах. М., 1930, стр. 20.

[47] Там же.

[48] «Культэстафету на большевистский сев». М.—Л., 1931, стр. 16.

[49] Фактически «колхозный университет» представлял собой постоянно действующие сельскохозяйственные курсы, отличающиеся от обычных кружков более совершенной программой, системой руководства и плановостью в работе. Эти университеты имели и другое название — «университеты совхозно-колхозного образования».

поднятии общекультурного и политического уровня прежде всего актива деревни. В течение года труженики села получали основы знаний в области различных отраслей сельского хозяйства. В одной только Сибири (в 14 округах) в 1930—1931 гг. функционировало до 20 колхозных университетов. Строили они свою работу на принципах, разработанных в ходе культпохода (создание единого руководства и единого плана, объединение культурных сил и средств общественных организаций и т. д.). Обычно колхозные университеты имели три отделения (согласно положению, выработанному Главполитпросветом): агротехническое, колхозно-кооперативное и отделение советского строительства и культурно-просветительной работы [50]. Имели они и вечерние отделения, где обучение было рассчитано на 2 года. Колхозные университеты широко привлекали к массовой просветительной работе среди крестьян-заочников лучшие кадры сельской интеллигенции. Обучение шло примерно по такой программе: 1) «Кооперативный план Ленина и колхозное строительство»; 2) «Социалистическая реконструкция промышленности» и 3) «Агрограмота» [51]. План занятий, кроме того, включал начальные основы ветеринарии, санитарии, счетоводства, вопросы текущей политики. Давались задания и из программы общеобразовательной школы. К середине 1930 г. сельский университет в Саратове насчитывал свыше 6 тыс. крестьян-заочников [52]; университет, организованный в с. Байкалово на Урале (по инициативе коммуниста Г. Ф. Бетонова) за два года агропохода дал знания по основам агротехники 10 500 крестьянам [53].

При некоторых колхозных университетах открывались подготовительные факультеты, где обучались и те крестьяне, которые закончили школы грамоты. Низовым звеном факультета являлась группа из 10—20 человек, которая разбивалась на ученические бригады в 3—5 человек (при этом учитывался профиль работы, выполняемый учащимися в совхозе или колхозе). Теоретические занятия проводились 3 раза в неделю, практические — в соответствии с производственным планом.

Колхозники оказывали большую материальную поддержку колхозным вузам, засевая специально выделенные «культгектары», отчисляя в их фонд от 3 до 5 трудодней от каждого члена сельхозартели [54].

На базе некоторых колхозных университетов были созданы сельскохозяйственные техникумы, постоянно действующие школы полеводов, животноводов, бригадиров и председателей колхозов.

* * *

Выполнение заданий первого пятилетнего плана потребовало огромного напряжения творческих сил рабочего класса и трудящегося крестьянства, всех народов нашей страны. В. И. Ленин настойчиво указывал, что без привлечения к общественному строительству широких слоев народа, без пробуждения активности трудовых масс ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи. Создание колхозных кадров, отмечалось на XVI съезде ВКП(б), должно было явиться «одним из важнейших условий укрепления коллективизации» [55]. И развернувшийся в годы первой пятилетки массовый агропоход, будучи следствием

---

[50] ЦАМП РСФСР, ф. ликбеза, оп. 1, д. 114, л. 11.

[51] Программа Саратовского колхозного университета, основанного в конце декабря 1929 г.

[52] «Коммунистическое просвещение», 1930, № 4—5, стр. 26.

[53] «Революция и культура», 1930, № 9—10, стр. 36.

[54] Только на Урале по сведениям из 147 районов, в пользу ликбеза и агрокурсов в 1931 году было засеяно 4830 *га*. (ЦГАОР СССР, ф. 7446, оп. 7, д. 66, л. 50).

[55] «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 456.

широко начавшегося социалистического переустройства деревни, имел серьезное значение в пополнении колхозов и совхозов страны качественно новыми силами, получившими первичную агроподготовку, положительно сказался на общем повышении культуры земледелия и животноводства.

Конечно, уровень агрономических знаний, полученных во время агропохода, был недостаточно высоким. Краткосрочность курсов, не всегда удачный подбор преподавательских сил (как правило, ввиду нехватки квалифицированных специалистов) для агрокурсов, отсутствие надлежащего опыта по ведению коллективного хозяйства — все эти факторы сказывались на качестве обучения колхозников и рабочих совхозов передовым приемам земледелия, механизации и животноводства. Однако в целом положительные итоги этого движения не вызывают сомнения. Задачи агропохода были настолько ясны колхозной массе, те знания, которые он нес, были так необходимы деревне, что за короткий срок участниками этого начинания стали миллионы крестьян. Агрономический поход содействовал широкому распространению сельскохозяйственных знаний, активно способствуя тем самым и развитию коллективизации, укреплению колхозов и совхозов.

Именно победа колхозного строя в деревне обеспечила формирование и рост новых людей, политически развитых, преданных делу социализма, которые не только активно, творчески применяли на практике все новое, передовое, но и вносили ощутимый вклад в развитие сельскохозяйственных знаний, используя новейший опыт коллективного ведения хозяйства. Колхозы и совхозы, по словам И. В. Мичурина, создали «совершенно новую фигуру земледельца, вступившего в борьбу со стихией с чудесным техническим вооружением, воздействующего на природу, со взглядом преобразователя» [56].

Массовое движение за ликвидацию агрономической неграмотности стало возможным на основе коренных революционных преобразований, осуществленных Коммунистической партией и Советским государством в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Исторический опыт коллективизации в СССР убедительно свидетельствовал о том, что по мере организационно-хозяйственного укрепления колхозов получала дальнейшее развитие и социалистическая культура в деревне, существенно изменялись мировоззрение и быт колхозников. Следовательно, только на базе колхозов возможно было обеспечить настоящий культурный подъем сельского населения, еще выше поднять их политическую сознательность и трудовую активность. Вовлечение широких колхозных масс в культурное строительство и включение их в поход за овладение агрономическими знаниями и машинной техникой закрепляло успехи строительства социализма в деревне [57].

Крутой подъем промышленности и сельского хозяйства СССР в годы первой пятилетки стал надежной основой успеха подлинно всенародной борьбы, которую возглавила ленинская партия, за широчайшее просвещение населения, в том числе за распространение в массах агрономических и зоотехнических знаний, за освоение передовой сельскохозяйственной техники. В свою очередь, небывалый размах движения за овладение знаниями создал надежный фундамент для разрешения одной из коренных проблем того периода — проблемы кадров, содействовал повышению производительности труда, организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов.

---

[56] И. В. Мичурин. Соч., т. IV. Л., 1948, стр. 315.
[57] С. П. Трапезников. Указ. соч., стр. 327.

И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ

СЕРЕБРО ВМЕСТО СОЛИ

Элементы раннего меркантилизма во внешнеторговой политике Русского государства конца XV — начала XVI века

Под меркантилизмом обычно понимают как экономическую политику европейских государств периода разложения феодализма, когда натуральное хозяйство сменяют товарно-денежные отношения, так и экономическое учение, пытавшееся обосновать эту политику. Начало меркантилистской политики в наиболее развитых странах (Англии, Италии) прослеживается с конца XIV в., попытки же ее теоретического осмысления появились в литературе лишь в XVI в. Термином «меркантилизм» часто недифференцированно обозначают две качественно различные стадии этого явления, которые в разных странах в зависимости от темпов их развития продолжались неодинаково. К. Маркс и Ф. Энгельс строго различали эти две стадии, называя ранний меркантилизм монетарной системой, а развитой, поздний — меркантилистской системой. Общим для них является то, что богатство государства отождествляется с деньгами и поэтому главной экономической задачей считается привлечение в страну денег (серебра и золота), причем ведущая роль в решении хозяйственных проблем отводится административным методам; принципиальное же различие между ними состоит в том, что монетаристы концентрировали свое внимание только на сфере обращения, на превращении продукта в товар, т. е. в деньги, в которых они видят только средство для финансирования деятельности государства, а не потенциальный капитал, в то время как поздние меркантилисты стали уже интересоваться торговой прибылью и в более развитой меркантилистской системе товарное обращение было дополнено таким важнейшим фактором, как товарное производство [1]. В соответствии с этим в монетарной системе декларировалось как средство для привлечения денег соблюдение денежного баланса во внешней торговле, а в меркантилистской — активного торгового баланса.

История возникновения и развития меркантилизма в России исследована еще недостаточно полно. Хорошо изученным является только XVIII век, когда принципы позднего меркантилизма нашли широкое применение в экономической политике Петра I и последующих правительств. Оригинальное изложение идей меркантилизма применительно к русским условиям сделано И. Т. Посошковым [2]. Что же касается наличия элементов меркантилизма в XVII в., то С. М. Троицкий осторожно пишет, что таковые «усматриваются некоторыми исследователями уже в хозяйственных мероприятиях правительства царя Алексея Михайловича», и называет А. Л. Ордина-Нащокина как наиболее значительного

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 71—72.

[2] А. И. Пашков. Экономические воззрения и принципы экономической политики Петра I. Идеолог купечества И. Т. Посошков. В кн. «История русской экономической мысли», т. 1, ч. 1. М., 1955, стр. 264—361; И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. Ред., вступит. ст. и прим. Б. Б. Кафенгауза. М., 1937.

представителя его ранней монетарной формы [3]. Автором специальной работы по этому вопросу является К. В. Базилевич [4]. Е. С. Козловский считает, что экономические взгляды Ордина-Нащокина были «первым проявлением русского меркантилизма» [5]. Этот крупный государственный деятель не оставил после себя экономических трудов, но если проанализировать административные и законодательные документы, составленные под его руководством, а таковыми являются его псковские «памяти» и «статьи» о градском строении (1665 г.) [6] и Новоторговый устав 1667 г.[7], то ясно видно, что часть из декретируемых в них мероприятий имеет монетарный характер, а часть может быть отнесена уже к позднему меркантилизму. Так, строгая регламентация торговли, которая должна была обеспечить активный денежный баланс, запреты вывоза за рубеж золота и серебра — характерные мероприятия монетарной системы, а протекционистский таможенный тариф, препоны покупкам иноземных предметов роскоши, попытки объединения купцов в торговые компании, организация мануфактурных производств носят уже характер позднего меркантилизма. Это позволяет определить русский меркантилизм середины XVII в. как переходное звено от монетарной к меркантилистской системе.

Наиболее раннее проявление монетарных принципов во внешторговой политике Русского государства А. И. Пашков усматривает в запрещении вывоза из страны денег и предметов, изготовленных из драгоценных металлов, объявленном в Таможенной грамоте для Новгорода Великого 1571 г.[8] В публицистике XVI в. монетаристские взгляды содержатся в сочинениях И. С. Пересветова. В них он выступает как сторонник сильной центральной государственной власти, которая должна сконцентрировать все доходы от сборов в своей казне и выплачивать наместникам, судьям и войску не натуральное, а денежное жалование [9].

Настоящая работа имеет целью показать, что начало применения идей раннего меркантилизма (монетарной системы) во внешнеторговой политике Русского государства можно отнести к рубежу XV—XVI вв., если внимательно проанализировать мероприятия правительств Ивана III и Василия III по отношению к Ганзе, главному западному торговому партнеру Руси этого периода.

Внешнеторговая политика Русского единого государства, в особенности же его политика по отношению к Ганзе, вызывает у исследователей большой интерес. К наиболее примечательным акциям этой политики относятся, кроме закрытия в 1494 г. ганзейского торгового двора в Новгороде, также и последовавший вскоре после этого полный запрет ввоза соли на территорию Русского государства, отмена которого произошла лишь в 1514 г. Однако четко ответить, какую политическую цель преследовали эти мероприятия, ученые затрудняются.

---

[3] СИЭ, т. 9. М., 1966, стр. 371; см. также Е. В. Чистякова. Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина. «Труды Воронежского ун-та», т. 20, Воронеж, 1950; Е. С. Яранцева. Идеолог борьбы за экономическую независимость России А. Л. Ордин-Нащокин. В кн. «История русской экономической мысли», т. 1, стр. 223—246.

[4] К. В. Базилевич. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича. «УЗ МГУ», вып. 41. М., 1940, стр. 3—34.

[5] «История экономических учений» (Курс лекций под ред. П. И. Заррина). М., 1963, стр. 54.

[6] «Дополнения к актам историческим», т. V, СПб., 1853, стр. 1—8.

[7] СГГиД, ч. IV, М., 1828, № 55, стр. 189—204.

[8] А. И. Пашков. Принципы экономической политики Ивана Грозного. В кн. «История русской экономической мысли», т. 1, стр. 182.

[9] И. С. Пересветов. Сочинения. Подг. текста А. А. Зимина. М.—Л., 1956, стр. 152—154, 175 и др.

В свое время К. В. Базилевич подчеркивал, что нигде в источниках мы не находим ясно сформулированной (или даже названной) задачи, которую решал Иван III своими действиями по перестройке экономических связей России, проходивших по Балтийскому морю [10]. Исследованию этой проблемы большое внимание уделено в монографии Н. А. Казаковой [11]. В этом труде убедительно показано, что цели, преследуемые московским правительством, состояли, во-первых, в ликвидации монопольного положения и привилегий ганзейцев в балтийской торговле России и, во-вторых, в создании наиболее благоприятных условий для активной торговли русских купцов в Ливонии. Что же касается запрета ввоза в Русское государство соли, то Н. А. Казакова считает, что поскольку вместе с Новгородом под власть Москвы перешли берега Белого моря, где добывалась соль, то такое расширение соляных ресурсов, вероятно, и побудило русское правительство попытаться обойтись без импорта соли из-за рубежа, а так как такая политика объективно должна была стимулировать русские соледобывающие промыслы, то ее можно рассматривать как «одно из очень ранних проявлений русского протекционизма» [12].

Отказ от ввоза ганзейской соли — одно из важнейших мероприятий из области внешнеторговой политики Русского государства этих лет. Это, несомненно, не изолированный акт, а органическое звено в цепи мероприятий русского правительства не только по отношению к Ганзе, но и к другим торговым партнерам России. Первое официальное упоминание запрета ввоза соли в источниках относится к 1498 г. Оно содержится в ответе великого князя на жалобу литовских послов о том, что вяземский наместник отобрал у смоленского купца Максима привезенную им соль. Оправдывая действия наместника, великий князь напоминает, что тот соль «взял в заповеди, что мы велели заповедати, не велели есмя ниотколе соли возити в свои земли» [13]. Аналогичное разъяснение получили ганзейские послы в 1510 г., когда они ходатайствовали о снятии запрета на импорт соли. Им дали ясно понять, что в стране достаточно собственной соли, что об этом уже просили великого князя польский король, татары, ливонские власти и правители Швеции и что всем им было отказано, поэтому и Ганзе не следует рассчитывать на другое [14].

Эти свидетельства очень важны для нас, так как они характеризуют запрещение импорта соли как широко задуманное мероприятие. Такое действие великокняжеского правительства должно оцениваться не только как акт внешнеторговой политики, но в равной мере и как акт внутренней экономической политики.

Для того, чтобы понять огромное значение запрета ввоза соли для купцов ганзейских и ливонских городов и для некоторых слоев купечества Новгорода и Пскова, необходимо вспомнить, какой удельный вес занимала в их деятельности торговля солью. А. Л. Хорошкевич принадлежит заслуга исключительно подробного изучения материалов о новгородско-ганзейской торговле солью [15]. Картина, рисуемая этим

---

[10] К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, стр. 383.

[11] Н. А. Казакова. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975, стр. 180—338.

[12] Там же, стр. 251.

[13] Сб. РИО, т. 35, СПб., 1882, № 54, стр. 261.

[14] Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch (далее: LUB), 2. Abt, Bd. III. Riga — Moskau, Nr. 775, § 50. Подробнее см.: Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 248—251.

[15] А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963, стр. 213—262. О добыче соли на Руси в этот

автором, сводится к следующему. Добыча соли в Новгородской земле, главным местом которой была Русса, не могла еще удовлетворять спрос населения на нее. Поэтому к середине XIV в. соль, наряду с сукном и винами, стала одним из основных товаров ганзейского ввоза в Новгород.

В течение XV в. ганзейские поставки соли в Новгород продолжали увеличиваться. Дело в том, что, с одной стороны, соль, в отличие от других ганзейских товаров, была товаром массового потребления, а с другой — растущий спрос на нее вызывался развитием ремесла, прежде всего кожевенного. Русские соледобывающие промыслы не могли полностью снабжать население и ремесло солью, поэтому она оставалась вплоть до XVII в. предметом ввоза в Россию. Причем следует подчеркнуть, что торговля солью была едва ли не самым выгодным занятием для немецких купцов. Перепродажа ганзейской соли составляла основу существования и большой группы русских купцов, например, новгородских прасолов [16]. В торговле солью были заинтересованы не только купцы Новгорода; этот товар давал большую прибыль и псковским купцам, в начале XVI в. прилагавшим немало усилий для того, чтобы добиться снятия запрета торговли солью [17].

Из сказанного ясно, какое большое значение это мероприятие великокняжеского правительства должно было иметь для всех участников русско-балтийской торговли.

Объяснением причин запрета ввоза соли исследователи специально не занимались, они касались его лишь в связи с разработкой других сюжетов из истории отношений России со странами Запада этого периода. А. Л. Хорошкевич, например, считает запрет неудачной попыткой обойтись собственной солью, поэтому позже он был отменен, так как эта мера не учитывала уровня развития русской экономики и вызвала дружное противодействие русских и ливонских купцов [18]. Аналогичной точки зрения придерживается и шведский ученый Свен Свенссон, хотя допускает, что запрет мог быть намеренным ударом по ливонским городам в момент заключения мирного договора с Орденом [19]. Последнее главной причиной запрета считает Р. Кентманн [20]. С приведенной выше гипотезой Н. А. Казаковой о протекционистском характере запрета совпадают объяснение, данное шведским ученым А. Аттманом [21], и частично точка зрения американца Т. Эспера, который вместе с тем оценивает запрет просто как прием экономического нажима при переговорах [22]. Как дипломатический маневр рассматривается запрет также в диссертации шведа Э. Тильберга [23].

период см. Е. И. Заозерская. Соляные промыслы на Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1970, № 6, стр. 95—109.

[16] И. Э. Клейненберг. Объединение прасолов в Великом Новгороде XIV—XV вв. В кн. «XXIII Герценовские чтения. Исторические науки», вып. 1. Краткое содержание докладов, апрель 1970 г. Л., стр. 50—52.

[17] А. Л. Хорошкевич. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — начале XVI в. В кн. «Экономические связи Прибалтики с Россией», Рига, 1968, стр. 22.

[18] А. Л. Хорошкевич. Значение экономических связей, стр. 30—31.

[19] Sven Svensson. Den merkantila bakgrunden till Rysslands anfall på den livländiska ordensstaten 1558. Lund, 1951, s. 35 ff.

[20] Ruth Kentmann. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik, 1494—1514. Marburg, 1929, S. 62, 70.

[21] A. Attman. The Russian and Polisch Markets in international Trade 1500—1650. Göteborg, 1973, p. 107.

[22] Th. Esper. Russia and the Baltic 1494—1558, Slavic Review, University of Washington. Seatle (W), vol. XXV. Nr. 3, 1966, p. 464.

[23] Eric Tilberg. Om villkoren för Moskoviens baltiska handel 1487—1547 och handelns roll i utrikespolitiken, b. 1, Uppsala, 1975, s. 153, 156.

Итак, интерпретации запрета ввозить на Русь соль сводятся в основном к трем версиям: во-первых, что это была попытка обойтись без ввоза соли в надежде на собственные соляные промыслы; во-вторых, что это мероприятие носило протекционистский характер и, в-третьих, что это был дипломатический маневр, даже предумышленный удар по торговле ливонских и ганзейских городов. Но у всех авторов следует отметить единое мнение о том, что недопущение импорта соли было мероприятием неудачным, что оно не дало желаемых результатов и что именно по этой причине оно было отменено при заключении торгового договора 1514 г.

В настоящей работе делается попытка дать принципиально иное толкование соляной политики Русского государства на рубеже XV—XVI вв. При этом мы ограничиваемся только внешнеторговым аспектом проблемы.

Стоящая перед нами задача осложнена тем, что по интересующему нас сюжету известны только два упомянутых уже официальных высказывания русских властей (1498 г. и 1510 г.) [24]. В них, однако, цель мероприятия не обозначена, в качестве же его причины приводится ссылка на достаточное количество соли в стране и волю государя. И это понятно, так как объяснение причин запрета давалось в ходе дипломатических переговоров, во время которых не было принято раскрывать карты.

Выяснение действительной причины запрета импорта соли представляет большой интерес. Ведь после изгнания ганзейцев из Новгорода, присоединения Пскова и постройки нового торгового города на Нарове — Ивангорода — русская балтийская торговля полностью переходила под контроль великого князя. Иван III окончательно порывал со старой, освященной традицией системой торговли боярского Новгорода с ганзейцами и ливонцами, так называемой «стариной» [25]. Отныне торговля с Западом должна была служить исключительно интересам молодого Русского единого государства и его правительства.

Что же не устраивало великокняжеское правительство в старой системе торговли с Ганзой? Что новое оно хотело внести в отношения со своими западными контрагентами? В широком плане на эти вопросы мы находим ответ в работах Н. А. Казаковой. Но запрет импорта соли — одного из важнейших товаров Ганзы — говорит еще и о другом, а именно — о намерении как-то изменить состав товаров ганзейского ввоза на Русь. Что же хотело великокняжеское правительство получить от Ганзы вместо традиционной соли?

Ответ на этот вопрос нам может дать анализ тех изменений в составе импортируемых с Запада товаров, которые произошли за 20 лет с момента закрытия немецкого двора в Новгороде в 1494 г. до его восстановления в 1514 г., т. е. за первый период руководства русской внешней торговлей на Балтике великокняжеским правительством. Эти изменения в ассортименте товаров могут нам показать, какие особые, дополнительные цели преследовали Иван III и Василий III, категорически закрывая свои границы для такого товара, как соль.

Нужно иметь в виду, что после изгнания ганзейцев из Новгорода торговля по издревле проторенному балтийскому пути не могла прекра-

[24] См. Н. А. Казакова. Указ. соч., стр. 249—250.

[25] Очень метко это выразил в 1515 г. ивангородский наместник, отвечая немецким купцам, когда они пытались ходатайствовать о возобновлении торговли «по старине». Он сказал: «Стариной является все то, что произошло с тех пор, как основан Ивангород, и великий князь желает, чтобы это и считалось стариной». «Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским». СПб., 1868, № 346.

титься. Она была жизненной необходимостью как для России, так и для ганзейских городов. Примерно года через два торговля русских купцов с ливонскими и немецкими партнерами начала восстанавливаться в устье Невы, в Нарве, а в Пскове и Выборге она практически и не прерывалась. В связи с этим Ганза сочла возможным возобновить взимание фунтовой пошлины как с товаров, продаваемых в Россию, так и с вывозимых из нее. Однако введение этой пошлины не дало Ганзе желаемого финансового результата. Уже в 1499 г. магистрат Таллина пишет, что если «до сих пор (т. е. до момента закрытия ганзейского двора в Новгороде.— *И. К.*) пошлина с серебра и других товаров составляла большую часть суммы» ее поступления, то теперь купцы утаивают серебро как малогабаритный товар от сборщиков пошлины, сукна предпочитают везти в Нарву, минуя Таллин, через Ригу в Пярну, где фунтовая пошлина не взималась [26]. В мае 1501 г. из Таллина сообщают, что поступления от пошлины так малы, что даже не покрывают расходов магистрата по ганзейским делам. Причиной такого положения в письме названо то, что главным предметом торговли к этому времени стало серебро, а купцы везут его русским мимо таллинского порта или же сухопутными дорогами [27].

Это для нас очень важное признание, исходящее от современников и крупных участников русско-ганзейской торговли этого периода. Мы узнаем, что серебро превратилось в главный предмет ввоза немецких купцов, что́ было новым явлением в русско-ганзейской торговле XV в. Дело в том, что если до последней трети XIV в. ганзейцы постоянно и охотно привозили серебро в Новгород, то с 1373 г. Ганза начинает издавать запреты на ввоз серебра в русские земли. Серебро перестает быть массовым традиционным ганзейским товаром. Причины того, почему Ганза оказалась несостоятельным поставщиком, А. Л. Хорошкевич видит в том, что, с одной стороны, во второй половине XIV в. начался сильный упадок горнорудного промысла в Германии, а с другой — быстрое развитие товарно-денежных отношений в самих ганзейских городах и их хинтерланде вовлекало во внутреннюю сферу обращения большое количество серебра, и торговые города были вынуждены принимать меры против отлива серебра в другие страны [28].

Если мы обратимся теперь к упоминаниям серебра как товара [29] в ганзейской переписке, относящейся к началу 90-х годов XV в., то мы можем констатировать, что, несмотря на некоторое увеличение количества ввозимого в Новгород серебра, этот товар потерял по сравнению с серединой XIV в. свою популярность не только у ганзейских властей, но и у отдельных ее купцов. Те из них, которые открыто привозили в Новгород серебро, считали его невыгодным товаром, так как оно предназначалось на чеканку монеты, и русские власти требовали, чтобы весь металл передавался на переплавку новгородским присяжным лицам, причем засчитывалось в оплату только очищенное серебро, угар же шел в убыток продававшему [30].

Таково было положение с импортом ганзейцами серебра на Русь за три года до закрытия Иваном III двора св. Петра в Новгороде. Мы видим, что ни Ганза, как организация, ни купцы из входивших в нее городов, не были сильно заинтересованы в привозе этого товара в Новгород.

[26] LUB, 2. Abt. Bd. I, Nr. 837.
[27] LUB, 2. Abt., Bd. II. Riga—Moskau, 1905, Nr. 93.
[28] А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв., стр. 279—288.
[29] Следует иметь в виду, что Ганза до середины XVI в. признавала законной лишь безденежную форму торговли с русскими — «товар на товар».
[30] «Hansisches Urkundenbuch», Bd. XI, München — Leipzig, Nr. 365.

Последовавшее в 1494 г. закрытие двора св. Петра в Новгороде, перенос места торговли между русскими и немцами в неганзейскую Нарву и последовавший вскоре затем абсолютный запрет привоза на Русь из-за рубежа соли в корне изменили условия русско-ганзейской торговли. В Нарве не требовалась очистка переплавкой продаваемого серебра, там также не взималась с него ганзейская фунтовая пошлина. Торговля серебром могла там вестись без особого контроля с обеих сторон, что обещало купцам большую прибыль. В результате этих новых условий торговли, по признанию самих ганзейцев, как мы видели выше, серебро стало главным товаром, привозимым немецкими купцами для продажи русским.

Но Ганза продолжала оставаться противником торговли серебром с русскими. В январе 1503 г., во время совещания ландтага, очень ясно была высказана точка зрения ливонских сословий, в том числе и представителей городов, являвшихся членами Ганзы, на ввоз серебра в Москву и Россию. Ландтаг решил всеми силами бороться против постоянно происходящей продажи серебра русским, мотивируя свое решение, с одной стороны, тем, что поставка серебра способствует усилению врагов (русско-ливонская война 1501—1503 гг. была еще не окончена), а, с другой, — что серебро губит торговлю всеми другими товарами, которые привозились обычно немцами на Русь [31]. В этой резко отрицательной формулировке мы можем видеть официальную точку зрения Ганзы на серебро как товар, которая была здесь высказана ливонскими городами как членами и представителями Ганзы.

В мае—июне 1507 г. на съезде ганзейских городов в Любеке было решено просить магистра Ливонского ордена в оказании помощи Ганзе при переговорах с русскими по поводу восстановления двора св. Петра. При этом съезд подчеркнул, что одной из существенных причин упорства русской стороны и ее нежелания пойти навстречу Ганзе является ежедневный подвоз русским больших количеств серебра. Съезд поэтому счел необходимым запретить кому бы то ни было из ганзейцев под угрозой суровых наказаний впредь везти серебро на продажу русским. Далее съезд решил просить польского короля и магистра Ливонского ордена, чтобы они никому не разрешали провозить через подвластные им территории серебро, предназначенное для продажи русским. В письме городских властей Гданьска польскому королю прямо сказано, что наибольший вред, который только можно причинить великому князю — это прекращение подвоза серебра в Россию [32]. Это решение ганзейского съезда ярко и убедительно характеризует сложившуюся к 1507 г. обстановку в русско-немецкой торговле, а также отношение к ней Ганзы, как организации.

25 марта 1509 г. был заключен русско-ливонский договор о перемирии на 14 лет, гарантировавший купцам обоих государств свободную торговлю на их территориях. Только ливонцам опять категорически запрещалось привозить и продавать русским соль [33]. Так как Псков весной 1509 г. обладал еще некоторой независимостью от Москвы, то ливонцы надеялись получить разрешение на продажу соли хотя бы в Псковской земле, тем более, что это было и в интересах самих псковских купцов, которые даже ходатайствовали в этом случае за немцев [34]. Но великий князь оказался и здесь твердым в своем решении не допускать

[31] «Akten und Rezesse der Livländischen Ständetage», Bd. III. Riga, 1910, Nr. 21, § 102.
[32] LUB, 2. Abt., Bd. III, Nr. 194, § 150.
[33] СГГиД, ч. V. М., 1894, № 57, стр. 43.
[34] LUB, 2. Abt., Bd. III, Nr. 584.

ввоза ганзейцами соли. Магистр ордена, сообщая об этом властям города Таллина, писал, что великий князь руководствовался в этом запрете соображениями «собственной выгоды»[35]. Эта оценка интересна и правильна. Она подчеркивает, что в вопросе о торговле солью великокняжеское правительство строго руководствовалось не интересами отдельных кругов русского купечества, а интересами Русского государства в целом.

Весной 1510 г. в Новгород должно было отправиться посольство Ганзы, чтобы попытаться заключить с великокняжеским правительством торговый договор. Естественно, что в инструкции послам большое значение придавалось вопросу об отмене запрета торговли солью. Послам поручалось узнать истинную причину этого запрета и добиваться его отмены[36].

В отчете Иоганна Роде, главы посольства, так и не достигшего поставленных перед ним целей, содержится несколько важных для нашей темы высказываний обеих сторон во время переговоров. Это, во-первых, приведенное уже выше объяснение запрета, данное ганзейцам представителями великого князя и, во-вторых, аргументы немецкой стороны против этого запрета.

В возражениях ганзейских послов, кроме общих мест, имеется также такой интересный для нас довод, состоящий в том, что «во все времена им можно было и не платить серебром за коноплю, говяжье сало и подобные товары»[37].

Мы видим, что для нашей темы решающее значение имеет приведенная реплика ганзейцев, так как в ней прямо названо серебро как товар, который ожидало русское правительство от них вместо соли. Немецкие купцы подчеркивают, что раньше, при продаже продуктов сельскохозяйственного производства их русские партнеры не обязательно у них в обмен требовали только серебро. Таким образом, мероприятия, проводимые русскими властями, способствовали кардинальным изменениям в наборе товаров, привозимых ганзейцами и ливонцами для продажи русским: первое место заняло серебро. Мы узнали также оценку этого нового состава импорта из западных стран в устах ливонских и ганзейских правящих кругов. Они считали, что все это шло на пользу великому князю, т. е. отвечало потребностям развивающегося Русского централизованного государства, а прекращение подвоза серебра нанесло бы ему величайший вред. В завершение первая реплика ганзейцев во время переговоров 1510 г. называет именно серебро как товар, который немецкие купцы якобы не хотят и не могут привозить вместо соли. Все это может служить достаточным доказательством того, что главным требованием русской стороны к Ганзе в течение всей этой торговой войны было: серебро вместо соли!

Переговоры о восстановлении нормальных торговых отношений между Россией и Ганзой возобновились лишь к 1514 г. и привели к заключению договора[38]. Ливонские города, которые вели переговоры и подписали договор от имени Ганзы, руководствовались при этом больше своими собственными интересами, чем общеганзейскими. Поэтому руководство ганзейского союза первоначально отказалось утвердить условия нового торгового мира, но со временем все же было вынуждено признать договор de facto. Он носил компромиссный характер, снимался запрет

[35] LUB, 2 Abt., Bd. III, № 657.
[36] Там же, № 617.
[37] «...item men konde to allen tiden hennip, talgh unde gelike ware myt sulver nicht betalen...». Там же, № 775, § 51.
[38] СГГиД, ч. V, № 65.

ввоза соли, так как великокняжеское правительство, заключая его, руководствовалось также и соображениями международной политики. За Ганзу ходатайствовал германский император, с которым в том же году был подписан союзный договор, целью которого было изолировать Польшу с запада. Но мы полагаем, что запрет на импорт соли был снят главным образом потому, что эта мера нажима на ливонских и ганзейских купцов в конце концов возымела свое действие, заставила их изменить ассортимент привозимых товаров в соответствии с интересами русского правительства и приучило их привозить для продажи русским в первую очередь серебро и другие цветные металлы, в которых также очень нуждалось великокняжеское правительство. Подтверждение этому можно найти в первых статьях самого договора, которые фиксировали и тем самым узаконивали измененный состав импорта.

Статья 4 договора перечисляет ряд товаров, которыми немцы могли торговать «без вывета» в Новгороде. Это соль, серебро, олово, медь, свинец и сера. Никогда раньше такие перечни в текст договоров не включались. Не зная предыстории заключения договора, необходимость такого перечня не совсем ясна. Между тем это именно те товары, торговля которыми во время двадцатилетнего конфликта была запрещена, причем соль — русской стороной, а цветные металлы и сера — Орденом и временами—Ганзой. Следовательно, эту статью нужно понимать так, что русская сторона снимает запрет торговли с о л ь ю, а немецкая разрешает своим купцам везти в Новгород с е р е б р о, цветные металлы и серу. Этот перечень даже подсказывает ганзейцам, какие товары ожидает от них русская сторона в ответ на разрешение торговать солью. Статья 5 обязывает немецкого купца, продавшего низкопробное серебро, обменять его на полноценное. Это тоже новый пункт в формуляре договоров, он распространялся только на серебро и воск.

После заключения договора 1514 г. ганзейские купцы всеми силами старались удержать в своих руках поставку серебра своим русским контрагентам, хотя это им было и не всегда легко [39]. Оказывается, что и литовское купечество соответствующей политикой было принуждено экспортировать звонкую монету в Россию, чтобы оплачивать закупаемые там товары [40]. Интересные материалы о доле серебра, золота и цветных металлов в торговле таллинского купца с русскими контрагентами в первой половине XVI в. можно найти в работах В. В. Дорошенко [41]. Финский исследователь Г. Миквитц показывает, что в Тарту в первой половине XVI в. такие русские товары, как лен, конопля и сало, оценивались не в денежных единицах, а в весовых частях серебра или соли, которые немцы должны были дать русским купцам за их товар [42]. Как мы видим, соль после снятия с нее запрета отнюдь не вытеснила опять серебро, а мирно уживалась с ним, уступив ему первое место, так как русские купцы охотнее брали его в оплату.

Итак, полный запрет ввоза соли, поддерживаемый в течение 20 лет, привел к желаемому результату — активному денежному балансу. Эту

---

[39] Th. E s p e r. Op. cit., pp. 467—478; M. M a l o w i s t. «Hansische Geschichtsblätter», Bd. 75. Köln, 1957, S. 41.

[40] M. M a l o w i s t. Poland, Russia, and Western Trade in the 15-th and 16-th Centuries, «Past and Present», Nr. 13, April 1958, p. 34.

[41] В. В. Д о р о ш е н к о. Русские связи таллинского купца в 30-х годах XVI в. В кн. «Экономические связи Прибалтики с Россией». Рига, 1968, стр. 45—58; е г о ж е. Торговля крупного таллинского купца в XVI в. (по торговой книге О. Элерса 1534—1541 гг.), «Известия АН Эст. ССР», т. XVIII, обществ. науки, 1969, № 4, стр. 332—345.

[42] G. M i c k w i t z. Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in der ersten Hälfte des XVI. Jhs. Helsingfors, 1938, S. 34.

меру по отношению к своим западным контрагентам следует рассматривать как первое применение принципов монетарной системы во внешнеторговой политике Русского государства. К этим принципам начинали прибегать правительства позднефеодальных государств, когда они полностью осознавали удобство ведения хозяйства с помощью денег, «этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности» [43].

Но соляная политика не единственное мероприятие монетарного характера правительства Ивана III. Так, еще в 1489 г. от Иванской корпорации купцов-вощников в Новгороде было отобрано монопольное право взвешивания воска и сбора пошлины, от которой они платили великому князю ежегодно лишь 25 гривен. Весы были переданы двум московским откупщикам, а весчая пошлина с ганзейцев была увеличена в два раза [44].

Более крупным мероприятием являлось учреждение в первом десятилетии XVI в. стапеля в Ивангороде. Термин «стапель» как обозначение нового порядка торговли мы впервые встречаем в переписке властей Гданьска и Любека в 1508 г. [45]. Стапельное право обязывало купцов не проезжать мимо города, обладавшего им, и выставлять там свои товары для продажи. В конце 1514 г. было приказано и псковским и новгородским купцам не везти свои товары непосредственно в Нарву, а предъявлять их сперва в Ивангороде [46]. Также русских и немецких купцов, плывших из устья Невы с товарами в Нарву, обязывали заходить в Ивангород [47]. Из всего этого видно, что ивангородский стапель имел назначение поставить под полный контроль правительства весь поток русских товаров, экспортируемых на Запад по балтийскому пути. С этим стапелем связан еще один принцип, характерный для этого периода: пошлина за товар платится только один раз в том городе, где купцу удается его продать [48].

Правительства Ивана III и Василия III, проводя раннемеркантилистскую политику, видели в деятельности русского купечества главным образом источник для пополнения государственной казны денежными металлами и поэтому не всегда в полной мере учитывали его интересы. Лишь в конце XVII в. русское купечество настолько экономически окрепло, что вынудило правительство считаться со своими требованиями, с чем и связан переход к экономической политике позднего меркантилизма.

---

[43] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 142.
[44] Hanserezesse, 3. Abt., Bd. II. Leipzig, 1883, Nr. 266, S. 305.
[45] LUB, 2. Abt., Bd. III, Nr. 337.
[46] Русско-ливонские акты, № 338.
[47] Там же, № 351.
[48] Там же, № 356.

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

КРЕДИТ В РУССКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И РУССКО-ГАНЗЕЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ XIV—XV ВЕКОВ

Кредит — спутник развитых товарно-денежных отношений, и его появление в торговле — показатель прочности, постоянства и упорядоченности торговых связей, формирования общих юридических норм в сфере торговых отношений [1].

Кредит, как денежный, так и коммерческий (предоставляемый продавцом товара покупателю в форме отсрочки платежа), был существенным фактором развития обмена в период средневековья в условиях нехватки благородных металлов и денежных средств.

Система кредита пронизывала всю международную торговлю позднего средневековья, в том числе и ганзейскую [2].

Современные буржуазные историки, преувеличивая роль кредита, приравниваемого ими к кредиту капиталистического общества, видят в банковском обращении первые признаки зарождения капиталистического общества [3]. Однако одно развитие кредита и банков — не доказательство развития капитализма, главным признаком которого, как известно, является превращение рабочей силы в товар.

Кредит в русской и белорусской торговле позднего средневековья, как внутренней, так и внешней, изучен недостаточно. Русская буржуазная историография, преувеличивавшая уровень развития торговли [4], подчеркивала и значительную роль кредита. В. А. Удинцев и М. В. Довнар-Запольский писали, что уже Русская Правда знала заем для торговых целей, что Псковская Судная грамота зафиксировала систему векселей, долговых записей [5].

В советской историографии история кредита в период средневековья практически не изучалась. Это породило необоснованные утверждения о том, что «до середины XVII в. ... в России кредитные операции осуществлялись исключительно в форме ростовщических операций» [6]. Такое представление в дальнейшем проникло и в обобщающие труды по истории народного хозяйства [7]. Другие историки экономической истории, в том числе и такие видные, как С. В. Бахрушин, вопреки даже собственным наблюдениям о ростовщических операциях в России в конце XVII в.,

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 104—156.

[2] M. M. Postan. Credit in Medieval Trade.— M. M. Postan. Medieval Trade and Finance. Cambridge, 1973, pp. 1—27; M. Neumann. Geschichte des Wechsels im Hansagebiet bis zum 17. Jahrhundert. Halle, 1873; J. Schildhauer, K. Fritze, W. Stark. Die Hanse. Berlin, 1974.

[3] «The Fontana Economic History of Europe. The Middle Ages». London — Glasgo, 1972, p. 323.

[4] В. В. Святловский. Примитивно-торговое государство как форма быта. СПб., 1914.

[5] В. А. Удинцев. История займа. Киев, 1908, стр. 13—18; М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, т. 1. Киев — СПб., 1911, стр. 193—194, 196, 204—206.

[6] С. Я. Боровой. Кредит и банки России (середина XVII в.— 1861 г.). М., 1958, стр. 8.

[7] См. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1. Докапиталистические формации. М., 1956, стр. 268; «История народного хозяйства СССР». М., 1960, стр. 62.

писали об «отсутствии капиталов и кредита» в России в период позднего средневековья [8].

Впервые проблему изучения кредита и ростовщичества в средневековой Руси четко поставил М. Н. Тихомиров, обратив внимание на то, что крупные купцы являлись кредиторами разорявшихся или просто обедневших князей и бояр. К кредиту, по его наблюдениям, прибегали также ремесленники и мелкие торговцы. Он писал: «Если бы кто-либо занялся историей кредита в Древней Руси, он, вероятно, столкнулся бы с очень интересными явлениями, в частности, с большим распространением различного рода кредитных сделок» [9]. Пожелание М. Н. Тихомирова отчасти выполнил И. Э. Клейненберг (см. ниже).

Цель настоящей статьи — попытаться выяснить роль и формы кредита, степень развития коммерческого кредита в русской средневековой торговле (точнее — в торговле северо-западной, западной Руси и Белоруссии).

Круг источников изучаемой темы крайне узок: кредитные отношения зафиксированы лишь законодательными памятниками и завещаниями. Среди законодательных памятников наиболее подробно долговые отношения, в том числе и в торговле, были регламентированы в Псковской Судной грамоте, составлявшейся на протяжении второй половины XIV—XV вв.

Духовные грамоты купцов не сохранились. Известны только духовные князей, бояр, т. е. лиц, лишь отчасти вовлеченных в торговлю. Монастырские фонды скудны по части торговой документации. Некоторый свет на общее значение кредита в общественной жизни Руси проливают публицистические и литературные памятники (в частности, повесть о Щиле).

Однако всего этого недостаточно, чтобы всесторонне представить развитие кредита. Поэтому наши наблюдения будут поневоле иметь односторонний характер.

Древнейшие договорные грамоты русских князей конца XIV — начала XV в., регламентировавшие их взаимоотношения по земельным, имущественным и другим делам, включали формулу: «А холопу, робе, даному, положеному, заемному, поручному, земле, воде суд от века» [10]. Эта формула позволяет представить, что существовал институт займа, заклада, поручительства. Касалось ли это торговли, неизвестно. Отношения займа, заклада и поручительства регламентировались наряду с другими имущественными вопросами — о владении землей и водой, холопами. Наряду с этой формулой существовала и другая: «А суженое, заемное, положеное, поручное отдати по исправе» [11]. Эта статья была посвящена специально вопросам займа и поручительства. Возможно, под термином «суженое» скрывалось обязательство, взятое покупателем при покупке товара в кредит. Во второй половине XV в. в договорные грамоты включалось требование: «А заемному и поручному и всему обидному межи нас суд без перевода» [12]. На этот раз заем и поручительство выделены отдельно, вероятно, «обидное» — это конфликты, возникавшие в связи с невыполнением обязательств займа. На протяжении XV в. недоразумения, возникавшие в связи с займом и поручительством, постепенно выделились из всех остальных спорных вопросов. В это время до-

[8] С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 134; т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 251, 245—246.

[9] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 149—150.

[10] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее: ДДГ). М.— Л., 1950, стр. 42, 88, 92, 94, 97, 298, 300, 317, 320, 324, 327.

[11] Там же, стр. 63, 65, 67, 77, 83, 86, 286, 289, 331.

[12] ДДГ, стр. 280, 283, 295, 318, 322, 328, 336, 341, 367, 369, 417, 419.

говорные грамоты включали уже обязательство выдавать должника и поручителя тотчас по разборе дела [13].

С 30-х годов XV в. появляется новая клаузула относительно переноса долга от одного кредитора к другому, так называемого «перевода серебра»: «А что инятцы поиманы на бою[...], на которых поиманы кабалы или в целованьи и на поруце у меня, или серебру перевод учинил буду, и мне тех тебе отпустити, а кабалы отдати, а целование и порука свести, и переводное серебро» [14]. Эта статья интересна и тем, что в ней впервые упоминаются документы, которыми оформлялись долговые отношения — «кабалы». Наряду с этим, вероятно, заем и долг оформлялись и без письменных документов — только одним целованием креста.

По формулам долговых грамот нельзя определить, о каких должниках и каких займах шла речь. Не исключено, что эти общие формулы касались не только займов и поручительства по крестьянам, но и займов торговых.

Некоторые подробности относительно кредита в торговле сообщают Псковская Судная грамота (далее: ПСГ) и Судебник 1497 г.

Статья 101 ПСГ прямо посвящена торговой ссуде и обязательствам поручителя: «Если кто-либо будет взыскивать на ком торговую ссуду или исполнение обязательств поручителя или еще что-либо, то дело передается на усмотрение того, кому предъявили иск: он может выйти на поединок [с ответчиком] или возвратить на суде [объект иска]». Перевод А. А. Зимина текста статьи 101 («А кто имет на ком торговли искать») не совсем точен, так как в ней речь шла о товаре, отданном в кредит, а не о ссуде, под которой принято понимать денежную ссуду. О последней и взимании процентов говорится в ст. 73 ПСГ: «имание по записи, да и гостинец будет писан по записи» [15]. В отличие от денежной ссуды, товарный кредит, по-видимому, не сопровождался взиманием процентов.

ПСГ очень строго разделяла просто долг (ст. 36) и долг, сделанный в процессе торговли: «долг» и «торговые деньги» (стр. 38). Торговые деньги, в отличие от простого долга, как и товар, отданный для торговли, могли взыскиваться судебным поединком или возвращаться по требованию истца.

В случае возвращения долга по долговой расписке — «доске» должник получал документ, удостоверявший получение торгового долга, так называемую «рядницу», копия которой должна была храниться в городском архиве — церкви св. Троицы [16].

Торговый заем обеспечивался и другим документом — «записью», который М. В. Довнар-Запольский приравнивает к векселю. Требования к наследникам относительно торгового займа или ссуды могли быть предъявлены только при наличии «записи» (ст. 14). Иски же торговой ссуды или денег на поручителе удовлетворялись только в том случае, если имущество перечислялось поименно, вероятно, также в «записи» (стр. 45) [17].

Многочисленность статей в ПСГ, посвященных торговой ссуде, свидетельствует о широком распространении кредита в псковской торговле, причем кредита как в денежной, так и в товарной форме.

---

[13] Там же, стр. 28, 30, 55, 63, 67, 77, 80, 86, 145, 162, 164, 286, 289, 331.

[14] Там же, стр. 102, 104, 105, 108, 109, 111, 114, 116.

[15] «Памятники русского права» (далее: ПРП), вып. 2. М., 1953, стр. 295, 299, 316, 320—321.

[16] ПРП, вып. 2, стр. 291. М. В. Довнар-Запольский полагал, что «доски» — это документ, составленный кредитором и имевший официальный характер. М. В. Довнар-Запольский. Указ. соч., стр. 196.

[17] ПРП, вып. 2, стр. 287—288. «Записью» должны были оформляться и займы свыше 1 рубля (ст. 30, 73). Там же, стр. 290, 295.

Те же формы знает и Судебник 1497 г. В статье 55 «О займех», восходящей еще к нормам Русской Правды, речь идет о купце, который берет чужой товар или деньги, отправляясь в торговое путешествие. Если товар случайно погибнет в результате пожара или военных действий, должник с разрешения боярина великого князя получает так называемую «полетную» грамоту, согласно которой он уплачивает истцу стоимость товара или возвращает деньги без процентов. Если товар потерян в результате нерадивости купца, последний мог быть отдан в рабство истцу [18].

Эта статья говорит, может быть, не о кредите как таковом, а о форме торговых отношений, близкой к нему. Купец, берущий чужой товар или деньги, становится не столько приказчиком владельца товара, сколько его должником. Именно так составитель Судебника и рассматривал этот случай, подводя его под разряд «займа».

Судебник не указывает, какими документами оформлялся договор торгового займа, но формуляр заемной торговой кабалы можно попытаться реконструировать по формулярам сохранившихся от конца XV — начала XVI в. заемных и заемных докладных грамот, оформленных в великокняжеской канцелярии [19]. Вероятно, в заемной торговой кабале указывалось количество и качество товара, предоставлявшегося купцу, подробно оговаривались условия займа. Формуляр «полетных» грамот, известных с середины XVI в., имел некоторые черты сходства с жалованной, и не претерпел, видимо, серьезных изменений на протяжении конца XV — середины XVI в. В нем содержится подробное описание причин, затруднявших уплату долга с процентами, условия освобождения от выплаты «роста», дата. Так же строилась и долговая кабала виленского бургомистра Онко Грицевича, данная им кн. Ф. И. Бельскому в 1495 г. на 100 руб. новгородскими деньгами. Должник обязался «тыми ...денгами торговати, а что приторгую тыми его денгами яз, Онко, и нам тот прибыток со князем Феодором на полы» [20].

На Руси во все изучаемое время условия займа были очень тяжелы, проценты выплачивались в размере одной пятой долга. Впрочем, как показал И. Э. Клейненберг, в первой четверти XV в. заемный деловой процент в новгородско-ганзейской торговле достигал лишь 10% [21].

Одной из особенностей русской внутренней торговли было участие в ней различных социальных слоев. Помимо купечества и его богатейшей части — гостей, во внутренней торговле участвовали крупные светские и духовные феодалы. Договорные и духовные грамоты часто называют в качестве должников купцов и монастырей верхушку светских феодалов [22].

Участие русских князей во внутренней торговле, и в частности, в торговле солью, иногда вынуждало их прибегать к кредитам. Так, верейский и белозерский князь Михаил Андреевич, торговавший солью, был

---

[18] «Судебники XV—XVI веков». М.— Л., 1952, стр. 27, 89—90.

[19] А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества, ч. 1, 1257—1613. М., 1898, №№ 32, 41, 44, 77, 78, 90, 94 и др.

[20] А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., № 149, стр. 128; Сб. РИО, т. 35. СПб., 1892, № 55, стр. 264.

[21] И. Э. Клейненберг. Заемный процент в Великом Новгороде в первой четверти XV в. Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», т. VI. Л., 1974, стр. 242—243.

[22] Пользование ссудами по ростовщическим процентам представителей социальных низов зачастую приводило к их закабалению. Неслучайно в некоторых договорных грамотах конца XIV—XV вв. «должник» приравнивался к «холопу». См. ДДГ, стр. 42, 188, 191, 204, 206, 298, 300.

должником Кириллова Белозерского, Пафнутьева Боровского и Мартемьянова монастырей, финансировавших его операции. В своем завещании Михаил Андреевич писал: «Дати ми в Кирилов монастырь, игумену с братьею, полтораста рублев. Да опрочь того, занял Микитка на мою ж соль в Кирилове ж манастыри у игумена шестьдесят рублев да шесть рублев. Да тот же Микитка занял у Пафнотьевского старца у Венедикта два рубля на мою ж соль. Да тот же Микитка занял в Мартемьянове монастыри два рубля на мою ж соль»[23]. Среди долгов «на соль» верейского князя указан и долг Ивану Сафаринову (вероятно, гостю и вотчиннику) суммой почти в 50 руб.

Судя по литературным памятникам, кредиторами выступали и новгородские посадники. Посадник Щил, прототипом которого В. Л. Янин считает Богдана-Феодосия Обакуновича (умер в 1415 г.), раздавал деньги для торговли тем лицам, которые не имели достаточно средств для этого[24]. Явление это было, вероятно, обычным для Новгорода, если описание его попало в повесть.

В духовных записаны и случаи кредитования русских князей купечеством. Такая практика сохранялась на протяжении всего XV и начала XVI в.[25] Так, Вепрь, братья Исаковы — Кошкарь и Осмой, жена Алеши Денежникова, судя по духовной рузского князя Ивана Борисовича, одолжили ему около 300 руб. И волоцкий князь Федор Борисович остался должником Вепря и других купцов, а также монастырей[26]. Впрочем, из-за недостатка данных нельзя точно сказать, насколько широко было распространено кредитование князей купечеством. Следует только заметить, что в этом отношении русские князья не составляли исключения среди крупнейших феодалов Европы — последние так же часто прибегали к займам у купечества[27].

Судя по размерам займов, купечество северо-западной Руси конца XV — начала XVI в. располагало значительными свободными средствами. В этом убеждают и отрывочные данные публицистики начала XVI в. О существовании «финансовых воротил» рассказывает послание Иосифа Волоцкого Борису Васильевичу Кутузову (1511 г.): «... был... в его вотчине в Ржеве доброй человек Борис Горохов, мог не за одну тысячю рублев. Князь Борис Васильевич жаловал его до своей смерти (умер в мае 1494 г. — *А. Х.*), а держал его ровно з бояры, ано вся Ржева о нем жила... Ано было у Бориса добре много денег в людех и в Ржеве и в иных городех»[28]. Вероятно, речь шла не только о ростовщичестве, но и о торговых займах. Вряд ли «доброй человек» изо Ржева раздавал бы деньги в рост в чужом городе.

Если сопоставить разрозненные сведения духовных и договорных грамот с лаконичными установлениями ПСГ и Судебника 1497 г. и вниманием литературы и публицистики к вопросам кредита, можно предположить, что отношения торгового займа были хорошо знакомы русскому обществу XIV—XV вв., так же, как и ростовщичество.

Отношения кредита пронизывали не только русскую внутреннюю торговлю, они хорошо были известны и внешней торговле с ливонским

---

[23] ДДГ, стр. 311.

[24] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 240—241; И. П. Еремин. Из истории старинной русской повести. «Повесть о посаднике Щиле». «Труды Комиссии по древнерусской литературе». Л., 1932, стр. 123; И. Э. Клейненберг. Указ. соч., стр. 246.

[25] См. ДДГ, стр. 77, 80.

[26] ДДГ, стр. 351, 406—407.

[27] Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения, т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948, стр. 118—119.

[28] «Послания Иосифа Волоцкого». М.— Л., 1959, стр. 214.

и ганзейским купечеством. Этот факт был отмечен как в буржуазной, так и в советской литературе.

А. И. Никитский отметил значительное распространение кредита в товарной форме. Причины этого он видел в недостатке благородных металлов и капиталов. Он охарактеризовал и позицию Ганзейского союза, запрещавшего кредит на протяжении XIV г.[29] Л. К. Гетц полагал, что именно кредитные операции в рижско-полоцкой торговле до конца XIV в. отличали ее от ливонско- и ганзейско-новгородской торговли[30]. Общие установки Ганзейского союза в вопросе о кредите рассматривал Ф. Доллингер, показавший усиление борьбы ганзейских городов против кредитных операций как самих ганзейцев друг с другом, так и с купечеством соседних стран[31].

В советской литературе вопроса о кредите в русско-ганзейской торговле касался лишь И. Э. Клейненберг, объяснявший причины «абсолютного» запрета кредитных сделок — кардинального принципа Ганзы уровнем «хозяйственного развития городов Северной Германии, удовлетворявшихся еще примитивными формами кредитных отношений»[32]. Ганза, средневековая торговая организация, пыталась регламентировать все стороны торгового процесса[33], в том числе и получение прибыли. Торговый или коммерческий кредит резко увеличивал объем торговли, количество товаров, находившихся в обороте, тем самым способствуя понижению цен на него и сокращению прибылей ганзейского купечества. Это и оказалось дополнительной причиной запрещения кредита в конце XIV — начале XV вв. не только в Новгороде, но и во Фландрии, откуда в Новгород поступали сукна.

О развитии и формах кредита в русско-ганзейской торговле можно судить по актовым источникам (уставам немецкого двора в Новгороде и Полоцке, постановлениям съездов ганзейских и ливонских городов), делопроизводственным материалам (переписке немецкого и русского купечества, отчетам послов о переговорах с русскими и т. д.). Эти источники содержат либо законодательные установления о нормах русско-ганзейской торговли, либо упоминания о конфликтах в связи с невыполнением обязательств по кредитным сделкам. При той системе слежки, которую организовало купечество Ливонии за своими представителями в Новгороде и Пскове, от ганзейцев вряд ли могла ускользнуть какая-либо кредитная сделка с русскими купцами. Русские же источники, сохранившиеся значительно хуже, нежели немецкие материалы, в целом содержат случайные данные о кредите.

Кредитные отношения русского и немецкого купечества возникли еще в XIII в. Уже в договоре Смоленска с немецкими городами 1229 г. предусматривалась уплата долгов в первую очередь иностранному гостю и лишь потом русскому[34]. Та же практика существовала и в торговле с Новгородом. Договор 1269 г. предписывал судебное разрешение спорного вопроса о долге, запрещал арест должника и применения к нему насилия. Речь в договоре шла и о русском должнике и об иностранце. По-

[29] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 153—155.

[30] L. K. Goetz. Deutsch-russische Handelsverkehr des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 529.

[31] Ph. Dollinger. Die Hanse. Stuttgart, 1966, S. 269—271.

[32] И. Э. Клейненберг. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова. ВИД, т. III. Л., 1970, стр. 133; его же. Заемный процент в Великом Новгороде в первой четверти XV в., стр. 242—243.

[33] См. И. Э. Клейненберг. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова, стр. 132.

[34] «Смоленские грамоты XIII—XIV веков». М., 1963, стр. 21.

добно смоленскому договору 1229 г., и в 1269 г. предусматривалась первоочередная уплата долга иностранному купцу. В случае же злостной неуплаты имущество должника на третий год могло быть задержано [35].

Свобода кредита в русско-ганзейской торговле сохранялась до конца XIII в. Запрет ввела вторая редакция скры (устава) Немецкого двора в Новгороде, составленная около 1295 г. Под страхом высокого штрафа отныне запрещалось приобретать у русских купцов товары в долг. На протяжении XIV в. запрет кредита в новгородско-ганзейской торговле повторялся неоднократно — в 1338, 1366 и следующих годах [36].

Между тем и на Двине и в Пскове по-прежнему продолжалась кредитная торговля. В Пскове начала XIV в. существовала даже практика поручительства за немцев: «Зде ваша братия и дети ваши торгують и вводять люди добры в поруку». Об одном казусе в связи с поручительством за немцев пишут псковские посадники и сотские с требованием выдать некоего рижанина Нездильца, который торговал с Кумордою и не доплатил значительную сумму денег. Пскович Иван Голова поручился за рижанина, который, уклоняясь от уплаты долга, «побежал» в Ригу [37].

Кредитная торговля на Двине в конце XIII — начале XIV в., и в особенности в 80—90-е годы XIII в., по наблюдению Е. И. Муравской, протекала очень интенсивно. Как показывают данные рижской долговой книги, 17% всех кредитных сделок, зафиксированных в ней, было заключено с русскими купцами. Правда, в это время, как отметил еще М. В. Довнар-Запольский, преобладал денежный кредит [38].

Несмотря на наличие запрета, позиция Ганзы по отношению к кредиту в XIV в. не была однозначной. Так например, в Новгороде в 1371 г. у некоего Годеке Крампе было конфисковано 11 тысяч беличьих шкурок в качестве наказания за кредитную торговлю в Штральзунде. Но когда за него поручились ганзейцы Альберт Букхорн, Арнд Вастерт и Герд Кусфельд, то съезд в Любеке 1373 г. решил возвратить ему задержанную пушнину и отменить назначенное наказание [39].

В конце XIV в., т. е. столетием позже запрещения кредита в ганзейско-новгородской торговле, ливонские города начали борьбу за отмену кредита и в двинской торговле. В марте 1392 г. Любек и ливонские города объявили, что они охотно отменили бы кредит в торговле с Русью [40]. Объединение под общим названием «Русь» всех восточных контрагентов ливонцев свидетельствует о том, что в это время не делалось принципиального различия между Новгородом и Полоцком в отношении кредитной торговли. Вплоть до 1397 г. кредитная торговля здесь фактически еще не была запрещена. Немецкие купцы, находившиеся в Полоцке и готовившиеся покинуть город по предписанию великого князя литовского Витовта, сообщали городскому совету Риги, что не могут этого сделать, поскольку в городе еще нет «наших должников» [41]. Вероятно,

[35] «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (далее: ГВНП). М.— Л., 1949, стр. 21. Договор 1269 г. противоречит мнению Л. К. Гетца о запрещении кредита в ганзейско-новгородских отношениях до конца XIV в.

[36] W. Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen. Dorpat, 1914, S. 68; «Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch» (далее: LEKUB), Bd. VI. Riga, № 3079, § 16, № 3213. Hanserecesse (далее: HR), Abt. I, Bd. I. Leipzig, № 376, § 26, № 385.

[37] ГВНП, № 332, стр. 318.

[38] «Das Rigische Schuldbuch», hrsg. von H. Hildebrand. SPb., 1872; Е. И. Муравская. Торговля Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XV вв. АКД. Рига, 1962; М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, стр. 163.

[39] HR, Abt. I, Bd. 2, № 18, § 9, № 54, S. 30, 68.

[40] LEKUB, Bd. V, № 2925, S. 285.

[41] LEKUB, Bd. VI, № 2940, S. 304—305.

эти лица предоставляли кредит не только жителям Полоцка, но и соседних Витебска и Смоленска. Впрочем, возможно, речь шла о полочанах, уехавших торговать в Ригу или другие русские города.

О подробностях торговли в кредит можно судить по письму некоего Хинрика Роне, который в 1400 г. писал «высшим купцам» Полоцка, чтобы они купили 2 ласта * воска и при первой возможности отправили ему этот воск, серебро же у него готово. В это же время новгородец Макофей предоставил товарный кредит Гансу Бракелю за проданные ему 7 «тысяч» (14 шиффсфунтов **) воска. В обмен он должен был получить 70 бочек меда [42].

В 1399—1400 гг. кредит в русской торговле был отменен. Вслед за тем по инициативе ливонских городов был принят трехлетний запрет кредитных сделок во всех ганзейских городах с неганзейскими контрагентами [43].

Отмена кредита в полоцко-рижской торговле привела к резкому конфликту с князем Витовтом. Его попытка купить сукна в кредит в Полоцке в 1399 г. у ливонских купцов сорвалась. Главе Литовского княжества было сказано, что ганзейцы должны подчиняться новому запрещению кредитных операций с русскими и литовскими купцами, будь то в России, будь то в Литве. После этого великий князь запретил поездки рижан в Полоцк [44].

Ливонские города в 1401 г. выступили инициаторами запрещения кредита во Фландрии. Поскольку ганзейцы могли брать сукна в кредит, русский и, в частности, новгородский, рынок оказался переполненным сукнами, взятыми ганзейцами в кредит, и от падения цен ливонцы терпели большие убытки [45].

Проведение в жизнь этого постановления проходило не без сопротивления самого ливонского купечества. На съезде в Дерпте в 1402 г. представители ливонских городов приняли решение продолжить кредитную торговлю до конца сентября. Однако затем было решено в сфере кредитной торговли все оставить по-старому, с рекомендацией позднее вернуться к обсуждению этого вопроса.

На этом же съезде были приняты более строгие меры наказания нарушителей нового постановления. Если русский торговец будет числиться должником Немецкого двора, то с ним запрещалось вести всякую торговлю до тех пор, пока он не расплатится. Страх перед задолженностью ливонцев и опасения репрессий со стороны новгородцев [46] против ганзейцев и их имущества толкал, вероятно, к введению строгостей в самой ганзейской торговле.

28 ноября 1402 г. Таллинский (Ревельский) городской совет постановил, что никто — ни гость, ни бюргер, не должен торговать с русскими купцами в кредит, а только в обмен наличного товара на наличный. По-видимому, несмотря на строгость частых в начале XV в. запретов кредитной торговли, ливонские и в особенности таллинские купцы нарушали их. В связи с этим северо-германские города в 1405 г. обвиняли последних в том, что они игнорируют принятое постановление. В 1407 г. на съезде в Вольмаре (Валмиере) купцы Таллина подтвердили готовность на три года прекратить кредитную торговлю с русскими [47]. На этот раз

* Ласт = 1,092 *т*.

** 1 шиффсфунт = 160 *кг*.

[42] LEKUB, Bd. VI, № 2940, S. 305; Bd. V, № 2376; Bd. IV, № 1549.

[43] HR, Abt. 1, Bd. IV. Leipzig, 1877, № 629, S. 568.

[44] LEKUB, Bd. VI, № 2948, 2954, S. 316—317, 331.

[45] HR, Abt. 1, Bd. V. Leipzig, 1880, № 9, S. 7; LEKUB, Bd. VI, № 23, § 2, S. 16.

[46] LEKUB, Bd. IV, № 1602, S. 394.

[47] Там же, № 1613, S. 424; HR, Abt. 1, Bd. V, № 238, S. 168.

была установлена более строгая кара за нарушение запрета — потеря имущества.

Однако все эти меры не дали желаемого результата. В 1406 г., например, в Новгороде таллинские купцы Клаус Хюксер и Бернд фан Анклем торговали с русскими купцами в кредит, причем первый из них по поручению двух или трех ганзейцев осуществлял торговые операции с несколькими лицами. Анклем же привез в Новгород сукна, а пушнину должен был получить в Нарве, куда обязался доставить еще партию сукон [48]. Старосты Немецкого двора в данном случае были на стороне нарушителей запрета. Они уверяли таллинские городские власти, что убытка и нарушения торговли не произойдет, поскольку товар уже частично завезен в Нарву.

В последующее десятилетие товарный кредит своим контрагентам часто предоставляли новгородские купцы. Иногда это приводило к конфликтам. Новгородцы Федор и Есиф не могли получить долга с таллинского купца Ивана Мясо, который скрывался от своих кредиторов. Позднее таллинский городской совет все же сумел задержать должника, однако новгородцы так и не получили обещанного им товара на 80 руб. Сын Труфана (тоже новгородец) не мог получить долга в 50 руб. от Инце Зесембеке и орденского переводчика Артемия.

С другой стороны, новгородцы и сами часто были должниками ливонцев. Долги некоторых из них достигали огромных по тому времени сумм: Павел Кровча задолжал 137 руб., Огофон Симанов и его брат Яков, Моисей и Павлов — 120 руб., Семен Коровин — 30 руб., Лука — 13. За неуплату новгородцами долгов по распоряжению магистра в Нарве были задержаны товары Михаила, Ильи, Омоса, Терентия, Игната — 10 бочек белки и 3 круга воска [49].

Кредитная торговля оставалась неурегулированной и в дальнейшем. В результате ганзейский съезд 1423 г. запретил всем без исключения ганзейцам приобретать товар в кредит у русских торговцев. К чему на практике привело это решение, видно из того, что вскоре после него подмастерье Ганс Поппешторп взял у русского торговца в Тарту 4 мешка соли и, не расплатившись с ним, скрылся. Новгородец Данила Андреев безуспешно взыскивал свой долг с Ивана Лютки в Риге [50].

Житель Пскова Павел Пирмошка около 1430 г. продал товар в кредит Иоганну Коппману. Однако последний не спешил поставить обещанные несколько бочек вина. Сделка, видимо, была совершена легально, так как ливонский магистр обращался к ревельскому городскому совету с просьбой помочь псковитянину взыскать долг с Коппмана [51].

Новые общеганзейские постановления о запрете кредитной торговли были приняты в 1433 г. В начале следующего года ливонский съезд в Валмиере распространил их действие и на Ливонию. Для контроля за эффективностью принятых мер было решено в городах, где приобреталася товар, выдавать покупателям так называемые «очистительные» грамоты, подтверждающие факт покупки н а л и ч н о г о товара.

В 1435 г. ливонские города внесли дополнение к принятому в Валмиере решению: «если случится, что какой-нибудь немец продаст русскому

---

[48] HR, Abt. 1, Bd. V, № 370, S. 474.

[49] ГВНП, № 56, стр. 94—95; А. Л. Х о р о ш к е в и ч. Новые новгородские грамоты XIV—XV вв. «Археографический ежегодник за 1963 год» (далее: АЕ). М., 1964, стр. 274; ГВНП, № 57, стр. 95.

[50] LEKUB, Bd. VI, № 3007, S. 398; Bd. VII, № 14, §§ 17, 18, 19, S. 8; № 29, S. 14—15; В. Л. Я н и н. Две неизданные новгородские грамоты XV века. «АЕ за 1959 год». М., 1960, стр. 388.

[51] LEKUB, Bd. VII, № 345, S. 202.

соль, сукно или другой товар в Нарве или на Неве или где-нибудь еще без того, чтобы он был сразу куплен наличными... и пообещает привезти этот товар, то он должен быть судим как нарушитель безо всякого сожаления»[52]. Тем самым действие запрета кредитных сделок отныне распространялось не только на ганзейские и русские города, но и на те местности, которые не входили ни в Ганзейский союз, ни в состав русских земель.

Поскольку эти постановления крайне отрицательно сказывались на торговых операциях купцов, они, как и прежние, фактически не исполнялись. Русский купец Радион Курилов предоставил немцу Реймару свои товары в кредит, Яков Поппонид — Керкрингу, Зиновий Шортник — Кл. Беенхольту, неизвестный, названный новгородцем,— К. Штипелю, другой новгородец — Хуго, Кузьма Ларионович — Ивану Амбуру и т. д.[53]

Интенсивность кредитной торговли с новгородцами послужила поводом для обращения ливонских представителей со съезда городов в Валмиере 23 февраля 1440 г. к немецким купцам в Новгород. «Мы хотим,— писали они, — чтобы с русскими торговали только в обмен наличного товара на наличный товар. Никто не должен брать у русских в кредит серебро в этих городах. Никто из немцев не должен брать у русских их товары для перевозки ни сушей, ни водою и делать с ними какие-либо перекупки, за что он деньги и другие товары должен отдать в городах, и наоборот, чтобы он ничего не брал у русских в городах (ливонских. — *А. Х.*) и уплачивал за это в России». По-видимому одной из форм нарушения запрета была передача русским купцам своего товара на сохранение. Однако и эта форма завуалированной кредитной сделки подлежала безусловному запрещению[54]. Но новгородцы продолжали предоставлять кредит ганзейцам, а последние, в нарушение запрета, прибегали к ним. Кредитом, например, воспользовались Г. Коппман, Г. Берзекамп и его компаньоны, что послужило поводом для подтверждения прежнего постановления на ганзейском съезде в Штральзунде в мае 1442 г.[55]

В следующее за штральзундским постановлением десятилетие сохранившиеся источники не зафиксировали ни одного конфликта в сфере кредитной торговли, что, естественно, не может служить доказательством ее отсутствия. На это, в частности, указывает содержание письма, направленного из Полоцка рижскому городскому совету: «А што пишете до нас про давные должникы, ино ведь ведаете сами, што истьцю истьца знати. А наш осподин, пан Ондрей, воевода полоцкый, вашим купцем даеть децких, а велит правити». Как можно видеть, в Полоцке продолжалась запрещенная кредитная торговля, причем кредиторами выступали ливонские купцы. Точно так же, видимо, обстояло дело в Новгороде и Пскове, так как съезд ливонских городов в Пярну в феврале 1453 г. вновь подтвердил существовавший запрет на торговлю в кредит в этих городах[56]. На наличие здесь кредитной торговли указывает и тот факт, что полгода спустя немецкие купцы Новгорода жаловались на некоего Андрея фанме Хале (Холе), должника нескольких русских торговцев, за которого им пришлось расплачиваться. Летом 1454 г. Ганс Кремер, объявив своим соотечественникам, что он не должен ни одному русскому купцу, тайно покинул Новгород, но был схвачен на дороге кредиторами-

[52] Там же, т. VIII, № 753, § 6, стр. 473; № 956, § 4, стр. 578.
[53] Там же, т. IX, № 80, §§ 23, 26, стр. 498, 529; ГВНП, № 69.
[54] Там же, Bd. IX, № 564, S. 415.
[55] Там же, №№ 582, 737, 864, § 17.
[56] Там же, Bd. X, № 529, S. 388; HR, Abt. II, Bd. 4, Leipzig, 1883, № 140, § 3, S. 97.

новгородцами и возвращен в Новгород. Рижанин Хинрик Майе летом 1455 г. в Тарту продал две кипы сукон в кредит псковитянину [57].

Кредитную торговлю с русскими купцами продолжали вести в 50-е годы XV в. ганзейцы и рижане в Полоцке. В июне 1458 г. они жаловались, например, что их должники из Полоцка еще не приехали в Ригу [58].

Вплоть до конца 70-х годов XV в. ливонские и ганзейские съезды подтверждали свои прежние запрещения кредитной торговли с русскими купцами — в сентябре 1465 г. в Гамбурге, в январе 1468 г. в Валмиере, в августе 1470 и 1476 гг. в Любеке [59]. Но все это не давало результатов — кредитную торговлю вели как русские купцы, так и ганзейцы. От 60-х годов XV в. остались многочисленные свидетельства о размахе этой торговли (главным образом на примере Полоцка).

В сохранившейся переписке городских властей Полоцка и Риги за этот период постоянно упоминаются конфликты между полоцкими боярами (Сенкой Григорьевичем, Зеновием Васильевичем Корсаком, Андреем Селявой) и мещанами (Микитой Сенковичем, Климятой Стрелковичем, Прошкой Дыбиничем, Чюрилой, Андреем Филимоновичем и другими) с рижскими бюргерами (Германом Зундерном, Миной Зесембеком, Гердом Дюстером и другими) в связи с невыплатой последними долгов полочанам. Конфликты рижанина Якова Гинивиловича с Балагуром, Тимофея с Чернятой, Тимофея Гриба и Гануса Шепеля с мещанином Кортенем, Гануса Герковича и Аврама Штевена со смольнянином Иваном Куприяновичем, а также Афанасия Обугина с ганзейцем Хинриком фан Хюрленом нашли отражение в переписке представителей городских властей Риги и Смоленска. Изредка встречаются и материалы о кредитной торговле в это время с купцами ливонского магистра [60].

Судя по сохранившимся материалам, в 60-е годы XV в. торговля Ливонии с Русью приняла широкий размах. Этому способствовало то, что отношения Ливонии с Новгородом в данный период поддерживались перемириями Новгорода с Ганзой, а Полоцк, в 1447 г. подтвердивший Копысский договор 1407 г., вел торговлю на твердых основаниях прежнего мира. Сложнее складывались политические отношения Пскова с Ливонией и Ганзой вследствие войны с Дерптским епископством, поэтому псковитяне меньше участвовали в кредитной торговле с немецкими купцами.

Случайные и разрозненные сведения о конфликтах на почве невыполнения кредитных обязательств, по нашему мнению, далеко не полно отражающие действительный размах кредитных операций, в целом все же свидетельствуют о широком распространении подобной формы торговли.

Отношения товарного кредита оформлялись «записной грамотой» или просто «записью». В 30-х годах XV в. известный нам Иван Амбур взял в Нарве у Кузьмы Ларионовича товар, взамен которого должен был поставить зерно. По прошествии года он отправил своего приказчика в Таллин с «записной грамотой». Рижский ратман Герман Зундерн, не уплативший за лесоматериал, купленный у полоцкого пана Сеньки Григорьевича «у том дал на себе запись пану Сенку». Рижанин Мина Зесембек давал «записы» полочанину Чюриле. Последняя «запись» включала условие о

[57] Там же, № 179, 196, § 27; № 369, § 4, 12; № 422, § 3, 15.

[58] «Handelsbriefe aus Riga und Königsberg von 1458—1461».— «Hansische Geschichtsblätter», Jg. 1898. Leipzig, 1899, S. 104.

[59] HR, Abt. II, Bd. V, № 712, § 46 (см. И. Э. Клейненберг. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова, стр. 134), Bd. VI. Leipzig, 1890, № 62, § 2; № 356, §§ 11, 13; Bd. VII. Leipzig, 1892, № 338, § 209.

[60] LEKUB, Bd. XII, № 80, S. 38.

переводе долга на сына Мины в случае отсутствия самого должника: «А в записох у Мининых так есть записано: только не згодится Мины тых часов, ино маеть сын его Чюрилу дати заплату» [61].

Одностороннее обязательство — запись о поставке товаров давалась той стороной, которая оставалась должна в результате получения товаров. Наряду с немецкими документами известны и письменные обязательства, выдаваемые русской стороной. Так, полочанин Артемей Демехович в 50-е годы был должен рижанину Индрику берковец воска без 3 пудов. По доставке этого товара кредитору он хотел получить «записи его назад, што ся был ему записал, чим виноват» [62]. Во время конфликта рижан с полочанами в 1471 г. по требованию польского короля и великого князя литовского Казимира рижанам были отданы их товары. «А што на должникох было, ино виноватые сами к своему истьцю шли и ему платили; а пак ли не было его истьца, ино кому указано, и он тому платил, а свои записи у него брал». Такую же запись дал смольнянин Иван Куприянович Ганусу Герковичу: «естли будеть у Гануса на то запись, и он бы с тою записью сам приехал, а любо приятеля своего прислал». Иногда в рассматриваемое время долговые обязательства погашались другими «векселями» — в полном соответствии с положением К. Маркса о том, что «долговые обязательства за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое» [63]. Когда тому же смольнянину Ивану Куприяновичу предъявил иск рижанин Аврам Штевен (его брат был в Смоленске и «клал... запись свою»), выяснилось, что долг Штевена «вилневцу» Юхно превышает долг смольнянина: «А Юхно вилневець ж тут же был и положил запись на Оврама, и мы о том расмотрели, ино еще на Овраме приходит свыш того. Ино ить перво тая запись у вы — Ивановое пани, што ж Аврам на себе дал» [64].

Ни одной подобной записи не дошло до нашего времени. По завершении сделки стороны должны были «выгладить» — уничтожить, соскоблить записи [65]. Не представляется возможным восстановить и текст подобной записи. Но можно предположить, что там было указано имя должника и кредитора, количество и качество товара или денег, срок и место поставки товара, свидетели сделки.

В погашение сделки выдавались иные документы, подобные заявлению новгородца Григория Голузина, сделанному им в городском совете г. Нарвы о полном расчете с Клаусом фан дер Ульсеном [66].

Изредка русские купцы предоставляли кредит без всяких документов. Так, псковитяне, одолжившие в Таллине Ивану Кортавому 20 гривен серебра, ограничились свидетельством судьи [67].

Делопроизводственная переписка русских и белорусских городов с ливонскими и постановления съездов ганзейских и ливонских городов содержат упоминания о 45 кредитных операциях, приведших к конфликтам сторон или осужденных ганзейцами. Из них только два относятся к

---

[61] ГВНП, № 69, стр. 114. Подробнее см. И. Э. Клейненберг. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова, стр. 142—143; А. Л. Хорошкевич. Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива. «АЕ за 1965 год». М., 1966, №№ 15, 8, стр. 340, 335.

[62] LEKUB, Bd. XI, № 89, S. 66.

[63] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 151.

[64] LEKUB, Bd. XII, № 798, S. 458; А. Л. Хорошкевич. Русские грамоты..., стр. 332.

[65] LEKUB, Abt. II, Bd. III, № 315-a, S. 232—233; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. т. 1. СПб., 1893, стр. 517.

[66] См. LEKUB, Bd. VIII, № 602, S. 418—419.

[67] ГВНП, № 332, стр. 317—318.

XIV в.: в начале столетия произошел конфликт рижанина Нездильца с псковитянином Кумордой из-за денег, а в конце XIV в. купцы Полоцка закупали для Х. Роне 2 ласта воска [68]. Все остальные свидетельства относятся к XV в., из них 18 — к полоцко-рижской торговле, 3 — смоленско-ливонской, 1 — литовско-ливонской и 20 — новгородско-ливонской. Эти цифры передают роль кредитных операций в торговле отдельных русских и белорусских городов весьма условно, поскольку количество документов, относящихся к упомянутым городам, различно. Так, о торговле, вернее, конкретных сделках Смоленска сохранилось лишь три свидетельства, о торговле Пскова — несколько больше десятка. Наибольшее количество материалов характеризует полоцкую и новгородскую торговлю.

Место заключения сделки не всегда указывалось в документе. В четырех случаях первоначальная и окончательная операции, т. е. продажа товара и поставка его эквивалента, должны были состояться в Новгороде, в пяти — в Полоцке, в двух — в Нарве и по одному случаю — в Пскове и Таллине. Как правило, места первоначальной сделки и окончательного расчета не совпадали. Сделка, начатая в Новгороде, могла завершиться в Таллине (2 случая), Нарве (1), на Неве (1); Таллин — Новгород (2), Таллин — Нарва (1), Нарва — Новгород (3), Нарва — Таллин (1), Полоцк — Рига (2), Рига — Полоцк (4). Смольняне для окончательного расчета приезжали в Полоцк и в Ригу, решали конфликты и на месте.

Судя по разнообразию пунктов первоначальной сделки и окончательного расчета, предоставление кредита в торговле не зависело от географического фактора. Сохранившиеся в документах сведения о местах совершения сделок опровергают мнение о том, что кредитная торговля была возможна лишь в городах, не входивших в Ганзейский союз, а именно ближайших Руси Выборге и Нарве [69].

Отделение мест продажи и расчета свидетельствует о сложности и развитости системы кредита в русско-ганзейских отношениях.

В конфликтных ситуациях, отраженных источниками, кредиторами только семь раз выступают немцы. В первой четверти XV в. рижанин Артемей Толковина требовал возмещения долга полочанином Хварзом, который утверждал, что вернул товар Ерофею, родственнику рижанина. Полочанин же Чернята отдавал долг 1½ берковца воска рижанину Тимофею. Рижанин Якоб Гинивилович продал жителю Полоцка соль и ссудил его деньгами. Воск был должен полочанин Артемей Демехович Индрику в Риге. Полочанин Кортень оставался должен Тимофею Грибу и Ганусу Шепелю [70]. О смольнянине Иване Куприяновиче уже шла речь выше.

В этом перечне должников обращает на себя внимание, что все они жители Полоцка, за исключением одного смольнянина. По-видимому, в торговле на Двине сильны были традиции XIII в., когда рижане предоставляли широкий кредит приезжавшим в Ригу русским купцам. Вероятно, более мощное новгородское и псковское купечество не было заинтересовано в получении торгового кредита.

В конкретных ситуациях в подавляющем большинстве случаев (37 из 44) кредиторами оказываются русские купцы. И. Э. Клейненберг полагает, что дело только в том, что русские, привозя в Нарву товар для про-

[68] ГВНП, № 332, стр. 318; LEKUB, Bd. VI, № 2940.

[69] И. Э. Клейненберг. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова, стр. 142.

[70] LEKUB, Bd. VII, № 400; Bd. XI, № 89, 636; Bd. XII, № 83; А. Л. Хорошкевич. Русские грамоты..., № 16, стр. 360.

дажи, не могли найти необходимого им самим. В результате якобы и заключалась кредитная сделка с обязательством поставки в определенное место к определенному сроку требуемых товаров в договоренном количестве.

Заинтересованность в кредитной торговле проявляли не только и не столько русские купцы. Закупленный в кредит у русских торговцев товар давал ливонскому или ганзейскому купцу возможность дополнительного приобретения в производящих центрах ремесленных изделий и значительного расширения товарооборота. Русское же купечество ради получения импортных товаров было готово идти на риск кредитной торговли.

Чрезвычайно важен вопрос об имущественном положении кредиторов и должников. Только в Полоцке кредиторы немецкого купечества принадлежали к ведущим боярским родам (Корсаки, Селява, Радковичи) и мещанским родам (Козчичи, Буцковичи). В Новгороде же это были ремесленники (например, Зиновий Шортник) и лица, социальное положение которых не поддается точному определению: Кузьма Кренев, Кузьма Радионович, Радион Курилов, Григорий Голузин, Макофей, Федор и Есиф. Возможно, часть их принадлежала к состоятельным слоям новгородского купечества, судя по тому, что они названы по имени-отчеству или фамилии, но с уверенностью этого утверждать нельзя. В источниках нет сведений о каких-либо формах зависимости новгородского купечества от боярства, тогда как в Полоцке известен институт приказчиков, торговавших товаром бояр. И. Э. Клейненберг к числу заимодавцев немецкого купечества относит и знаменитого новгородского посадника Юрия Онцифоровича (1409—1416 гг.) [71]. Однако в письме купцов г. Тарту (Дерпта), возможно, речь шла о долгах двора как целого, как торговой организации и его взаимоотношениях с новгородскими властями, в частности, с посадником [72]. Не исключено, что ливонские купцы не уплатили дара (gifte), который взимался в пользу глав городского совета Новгорода. Известны и другие случаи, когда новгородцы требовали дара в пользу великого князя [73]. Впрочем, эта тема нуждается в особом рассмотрении.

В качестве должников оказываются ливонские и ганзейские купцы и жители ливонских городов — таллинцы Кл. Хюксер, Кл. Беенхольт, Берн фан Анклем, Г. Коппман, рижане Зесембеки — Мина и Инца, некий Юрий (вероятно, Герд Дюстер), ратман Герман Зундерн, печатник воска Артем, орденский переводчик Артем и ганзейские купцы Кл. фан дер Ульсен, Ганс Берзекамп и его компаньоны, немец из Витербо (Италия) Хинрик Бруггеман и «молодые люди», приезжавшие в качестве подмастерий (Хуго, Реймар Керкринг и Корд Штипель), нарвские купцы — Балтазар и Хинрик фан Хюрлен.

Несмотря на многочисленные запреты ливонских и ганзейских съездов, кредитную торговлю с русскими людьми вели не только представители низших социальных слоев — подмастерья и ученики, изучавшие на Руси русский язык [74], но и лица, принадлежавшие к состоятельным слоям ганзейского купечества, в особенности ливонского.

Объектами кредитных сделок в рассматриваемое время были обычные для русско-ганзейской торговли товары. Новгородцы, псковитяне, полочане продавали в кредит пушнину, воск, а полочане с 60-х годов XV в. и лесоматериалы. Большим спросом пользовались дубовые колоды — ван-

[71] И. Э. Клейненберг. Заемный процент в Великом Новгороде в первой четверти XV в., стр. 249.
[72] «Hansisches Urkundenbuch». Halle a S, 1899, Bd. V, № 1028.
[73] LEKUB, Bd. IX, № 80, § 10.
[74] LEKUB, Bd. VIII, № 658, S. 390.

чос (их продавали по преимуществу бояре — пан Сенька Григорьевич Радкович, Капуста, купец пана Селявы и др.). Ливонцы поставляли соль, мед и вино[75]. Московский купец Филат Тараканов должен был поставить воск Гриде Миневичу Усатому — литовскому купцу[76].

Предметами кредитных сделок были и другие товары массового потребления — сельдь, зерно. Соль обещал вернуть полочанам рижанин Юрий, три струга соли же — Мина Зесембек полочанину Ивану Варушиничу, 68 берковцев — Чюриле, 40 берковцев — Андрею Филимоновичу и т. д. Немчин Пантелей был должен полочанину Петру сельдь. В двух случаях ливонцы обязывались привезти зерно[77]. Как видим, объектами кредитных сделок являются по преимуществу пищевые продукты: соль, мед, вино, сельдь, зерно. Ряд перечисленных товаров был доступен только состоятельным представителям русского боярства и купечества и, по-видимому, именно они приносили наибольшую прибыль продавцам.

Начиная с 1476 г., в условиях наметившегося упадка Ганзы, немецкое купечество стало продавать в кредит и сукна.

Наряду с товарным кредитом русские торговцы предоставляли ливонцам и денежный кредит. В начале XIV в. рижанин Нездилец не доплатил псковитянину Куморде 22½ гривны серебра. Псковитянин Иван Филимонов и новгородец Кузьма Кренев одолжили 20 гривен серебра таллинскому купцу Ивану Кортавому. Полочанин Яков Серегович в конце XV в. в Риге одолжил 10 руб. Эверту Штейну. Рижанин Иван, убитый в Пскове в 60-е годы XV в., остался должен местным жителям, которые «за свои пенежи» взяли из его наследства 25 бочек пива и 4 бочки меда[78].

В XV в., как и раньше, существовала практика поручительства русских торговцев за немецких купцов. Якуш, слуга Зеновия Корсака, в конце 70-х годов XV в. «поручен был по Симоне по немчине [...] у двух копах грош без 5 грош»[79].

Развитие как товарного, так и денежного кредита, который предоставляли друг другу русское и белорусское, ливонское и ганзейское купечество, роднит русско-ганзейскую торговлю рассматриваемого времени со всей средневековой торговлей европейских стран. Существование кредита, предоставляемого русским и белорусским купечеством ганзейскому и ливонскому, составляет характерную черту русской и белорусской внешней торговли XIV—XV вв., как и русско-литовской торговли начала XVI в.[80] Позднее направленность и социальный смысл торгового кредита в Балтийском регионе изменяется. С середины XVI в. белорусские купцы, условия торговли которых ухудшились после вхождения этого района в состав Речи Посполитой, оказались вынужденными прибегать к долгосрочным займам. Увеличение кредитов, приобретавших постоянный характер, приводило к укреплению позиций рижского купечества, привязывало к ним белорусских торговцев, обеспечивало им возможность диктовать цены[81].

С середины XVII в. возникает новая форма кредита — заключение контрактов, согласно которым рижане выдавали аванс для заготовки товара (в первую очередь леса) и его транспортировки. В случае выполне-

[75] LEKUB, Bd. IV, № 1549; Bd. V, № 2376; Bd. VIII, S. 345; Bd. IX, № 80, § 23, № 737; Bd. XII, № 204.

[76] Сб. РИО, т. 35, № 108, стр. 825.

[77] LEKUB, Bd. VII, № 401—402; Bd. IX, № 582; Bd. XII, № 232—233, 1351; ГВНП, № 69; А. Л. Хорошкевич. Русские грамоты..., № 6—7, стр. 334.

[78] ГВНП, № 332, 336; LEKUB, Abt. II, Bd. I, № 856, S. 652.

[79] А. Л. Хорошкевич. Русские грамоты..., № 12.

[80] Сб. РИО, т. 35, № 78, стр. 461, № 84, стр. 493.

[81] См. V. Pāvulāne. Rīgas tirdzniecība ar meža materiāliem XVII—XVIII gs. Rīga, 1975, c. 172—173.

ния контракта белорусские купцы и феодалы могли воспользоваться услугами другого контрагента. Но, как правило, они не могли выполнить свои обязательства и, по наблюдениям В. В. Дорошенко бóльшая часть белорусских феодалов вынуждена была передавать право разработки леса рижским купцам [82].

Ранняя история кредита в русско-ганзейской торговле отличается от позднейшей. Русское и белорусское купечество в XV в. выступает равноправным партнером ливонского и ганзейского, контрагенты предоставляют друг другу кредит, который в это время лишь обеспечивает более широкие возможности обмена товарами и не приводит к неравноправности партнеров. При этом кредит предоставлял равные возможности и для крупного и для мелкого купечества.

Борьба Ганзы против кредита — это не только борьба за монополию на рынках Северной Европы, но и за монополию торговли крупного купечества против мелкого и среднего.

---

[82] В. В. Дорошенко. Протоколы Рижского торгового суда как источник изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVII в. «Экономические связи Прибалтики с Россией». Рига, 1968, стр. 138—140.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Я. ТАРЛЕ

НОВЫЕ КНИГИ ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ ТРУДЯЩИХСЯ СТРАНЫ СОВЕТОВ В 1917—1928 ГОДАХ

История солидарности мирового пролетариата с первой страной победившего социализма привлекает неослабевающее внимание исследователей. В научный оборот за последние 20 лет введены огромные массы документальных материалов, рассмотрены в подробностях отдельные стороны этого сложного явления. По разным вопросам проблемы применительно к начальному этапу истории СССР статьи исчисляются уже сотнями [1]. В последние годы можно констатировать переход от стадии накопления материала к этапу его синтезирования. Об этом свидетельствует выход в свет трудов обобщающего характера, хронологически охватывающих период с октября 1917 г. до конца 20-х годов [2].

Более позднему периоду посвящены работы А. Я. Панкратова, в которой рассматривается международная деятельность советских профсоюзов в 1917—1941 гг., А. И. Авруса — о деятельности МОПР в 1922—1939 гг. и книга Л. С. Озерова [3] научно-популярного характера (в ней суммировано изучение вопросов солидарности международного пролетариата с Советской страной за 1921—1937 гг.). Периоду первой пятилетки посвящена монография А. Е. Иоффе [4].

В данном историографическом обзоре рассматриваются книги Л. И. Яковлева, А. А. Макаренко и Ю. А. Львунина, вносящие заметный вклад в исследование интернациональных связей советского народа в период гражданской войны и интервенции и в условиях восстановления и реконструкции народного хозяйства. Эти монографии имеют, кроме того, хронологическую и тематическую преемственность.

---

[1] Обзор этой литературы, вышедшей за 1960—1970 гг. см. Г. Я. Тарле. Международная пролетарская солидарность с Советской Россией в 1917—1937 гг. (историографический обзор). «Исторические записки», т. 98.

[2] Л. И. Яковлев. Очерки по истории международной солидарности трудящихся. М., 1974; А. А. Макаренко. Могучая сила пролетарской солидарности (поддержка зарубежным пролетариатом Советской страны в 1921—1925 гг.). М., 1976; Ю. А. Львунин. Борьба Коммунистической партии за укрепление интернациональных связей рабочего класса СССР (1924—1928 гг.). М., 1975.

[3] А. Я. Панкратов. Международная деятельность советских профсоюзов. Горький, 1972; Л. С. Озеров. Строительство социализма в СССР и международная пролетарская солидарность (1921—1937). М., 1972; А. И. Аврус. МОПР в борьбе против террора и фашизма 1922—1939. Саратов. 1976.

[4] А. Е. Иоффе. Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928—1932. М., 1969.

Значительная часть труда Л. И. Яковлева посвящена одной из наиболее интенсивно изучавшихся в нашей и зарубежной литературе проблем — истории боевой деятельности иностранных трудящихся в защиту завоеваний Октября в годы гражданской войны и военной иностранной интервенции, а также проблеме пролетарского движения солидарности с революционными событиями в России. Эти сюжеты рассматривались и в более ранних работах того же автора [5]. Однако проблематика новой книги несколько шире предыдущих. В ней поставлены теоретические вопросы пролетарского интернационализма.

Автор показывает, что движение международной пролетарской солидарности с рабочими России возникло во время первой русской революции, когда волна гневного протеста против расстрела мирной рабочей демонстрации в Петербурге 9 января 1905 г. охватила западноевропейских пролетариев, оказав значительное влияние на рабочее и национально-освободительное движение во всем мире.

После победы Октябрьского вооруженного восстания народы капиталистических стран, выступив с требованием прекращения империалистической войны, встали на защиту Советской России. Центральными сюжетами новой книги Л. И. Яковлева, как и его прежних работ, является боевая деятельность в России на фронтах гражданской войны трудящихся зарубежных стран, характеристика организации Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). Отметим, однако, что автор недостаточно учел крупные достижения советских и зарубежных историков в разработке этой проблематики, в том числе отдельные обобщающие работы, среди которых необходимо выделить коллективную монографию «Интернационалисты» [6].

Л. И. Яковлев по существу не дал оценки литературы, посвященной вопросам, которые рассмотрены в его монографии. В исследовании активно использована литература, изданная до середины 60-х годов, крупные же достижения историографии проблемы за последние 10 лет отражены только в библиографии.

Как и в прежних работах Л. И. Яковлева, в названной книге имеется весьма подробный критический обзор источников, приводятся примеры корректив, внесенных автором в прочтение, толкование отдельных документов. Опыт классификации и оценки Л. И. Яковлевым используемых источников представляет интерес. Однако, говоря о недостатках воспоминаний, в которых преувеличивается роль иностранных интернационалистов в гражданской войне, интернациональное движение изображается в отрыве от борьбы трудящихся Советской страны и т. д. (стр. 20), автору следовало подчеркнуть, что эти недостатки обусловлены спецификой мемуаров как определенного вида исторических источников, отражающих события через призму индивидуального восприятия.

К сожалению, исследователи пока не располагают исчерпывающими итоговыми данными о численности бойцов-интернационалистов в Красной Армии. Подсчеты, предпринятые многими учеными, не смогли дать полной картины, поскольку соответствующий учет в бурные годы революции и гражданской войны налажен еще не был, происходило частое

---

[5] См. Л. И. Яковлев. Интернациональная солидарность зарубежных трудящихся с народами Советской России. 1917—1922. М., 1964; его же. Пролетарский интернационализм в действии. М., 1967; его же. Дружба, рожденная Октябрем. Пролетарский интернационализм в защите завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968.

[6] «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов». М., 1967; «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики». М., 1971.

переформирование подразделений, иностранные трудящиеся воевали не только в интернациональных, но и в регулярных частях Красной Армии. Вместе с тем в состав интернациональных отрядов входило немало и красноармейцев. Разумеется, дело не только в точном подсчете числа участников боев. Л. И. Яковлев убедительно показал, что организация интернациональных частей Красной Армии была крупным политическим мероприятием. Он подчеркнул, что в борьбу с силами контрреволюции весомый вклад внесли и те иностранные трудящиеся, которые оставались на территории Сибири, Дальнего Востока после падения там Советской власти. Они активно действовали в большевистском подполье, в партизанских отрядах, помогая организации сопротивления. Показательно, что в начале 1920 г., когда панская Польша развязала антисоветскую войну, тысячи поляков, находившиеся на территории России, решительно и гневно осудили правителей белой Польши.

Л. И. Яковлев охарактеризовал особенности движения в защиту Советской России в странах Западной Европы, Соединенных Штатах Америки, в Японии. Необычайно велики были размах и значение этого движения в воевавших странах. В результате упорной и настойчивой борьбы трудящиеся Англии и Франции добились от своих правительств отзыва из Советской России оккупационных войск. Движение в защиту Советской России, справедливо подчеркивается в книге, было в те годы наиболее ярким и массовым выражением международной солидарности трудящихся в борьбе за мир и свободу. Оно дало мощный толчок развитию рабочего движения в капиталистических странах (стр. 280).

Уже на первых порах существования Советского государства стали приниматься меры для оказания братской поддержки революционной борьбе пролетариата капиталистических стран. Это направление международной пролетарской солидарности в литературе освещено сравнительно слабо. Такое положение обусловлено рядом объективных и субъективных причин. Естественно, что на заре существования пролетарского государства, окруженного кольцом враждебных ему капиталистических государств, оно особенно нуждалось в помощи братьев по классу, в помощи политической, военной, материальной. Эти вопросы раньше других получили освещение в научной литературе. Но вместе с тем известно, что уже в то время рабочий класс, Советское государство под руководством Коммунистической партии, верные незыблемым принципам пролетарского интернационализма, всегда поддерживали классовые выступления пролетариата, оказывая трудящимся других стран посильную помощь. Следует учитывать, что уже сам факт победы Октябрьской революции и рождения Советского государства имел исключительное, решающее значение для судеб мирового революционного процесса. Конечно, масштабы материальной поддержки были на первых порах невелики, но такая помощь со стороны первого в мире государства диктатуры пролетариата имела непреходящее политическое значение [7].

---

[7] До последнего времени недостаточно внимания уделялось выявлению соответствующих фактических данных. К сожалению, многие документальные свидетельства вообще не сохранились из-за неналаженности делопроизводства. Новейшие документальные издания, выпущенные в некоторых областях и регионах страны, свидетельствуют об активизации поисков сохранившихся материалов. См., напр.: «Пролетарская солидарность. Из истории интернациональных связей трудящихся Черноземного Центра России. 1917—1945 гг.» Сб. документов и материалов. Сост. Г. И. Васильева, А. Е. Мескин, К. Ф. Фролова. Воронеж, 1973; «Пролетарский интернационализм — наше знамя. Документы и материалы об участии трудящихся Донбасса в укреплении интернациональных связей Советского Союза с народами зарубежных стран. 1917—1974». Сост. С. М. Мельник и др. Донецк, 1974.

В монографии Л. И. Яковлева показывается помощь Республики Советов пролетариату Финляндии, поднявшемуся на борьбу за социальное и национальное освобождение. После провозглашения Венгерской Советской Республики советский народ предложил ей братскую поддержку в борьбе с контрреволюцией и интервентами. Для этого на советской территории формировались специальные воинские части. Поддержка советским народом революционного движения в Монголии помогла ей стать вторым в мире социалистическим государством.

Л. И. Яковлев отметил, что историки до последнего времени «незаслуженно мало внимания уделяют изучению вопросов, связанных с участием трудящихся России в революционном движении в зарубежных странах» (стр. 19). А между тем в дни революции в Венгрии заметную роль сыграли находившиеся на ее территории русские солдаты из числа военнопленных первой мировой войны. В ряде боевых операций они продемонстрировали беспримерные образцы отваги. За советскую Венгрию сражался в 1919 г. и отдельный русский батальон (стр. 304—305).

Л. И. Яковлев рассматривает борьбу иностранных интернационалистов в Советской России как составную часть великой борьбы народов России под руководством РКП(б) за власть Советов. Но целый ряд сюжетов остался, естественно, за пределами исследования.

В задачи монографии входило и изучение участия иностранных интернационалистов в борьбе с разрухой в Советской России, братской помощи трудящихся зарубежных стран в борьбе с голодом, за дипломатическое признание Республики Советов. Но автор сказал об этом довольно бегло, обратив внимание лишь на несколько эпизодов трудовой созидательной деятельности иностранных трудящихся в советском народном хозяйстве, в частности, на первых коммунистических субботниках.

Эти вопросы находятся в центре внимания А. А. Макаренко, анализирующего всестороннюю поддержку Советской страны зарубежным пролетариатом в 1921—1925 гг. В сравнении с работой, вышедшей в в 1963 г.[8], новая книга этого исследователя имеет более широкие хронологические рамки, дополнена по отдельным темам.

Автор хорошо знаком с литературой по этой теме, вышедшей в последние годы, широко пользуется ее данными. Тем более досадно, что характеристике и оценке этих работ вместе с обзором источников автор уделил немногим более трех страниц. В основном документальная база новой работы не отличается от источниковой базы исследования А. А. Макаренко, опубликованного в 1963 г., но материал в ней подвергся некоторой перекомпановке, дополнительному редактированию. В монографии использованы партийные документы, некоторые делопроизводственные документы государственных учреждений, советская и зарубежная пресса.

А. А. Макаренко раскрывает тему исследования на фоне подробной характеристики внутреннего положения Советской страны, решения сложнейших задач восстановления народного хозяйства, затрудненного борьбой с последствиями неурожая и голода.

В книге показана миролюбивая внешняя политика Советского государства. Кроме больших экскурсов в историю СССР, дающих читателю полное представление об исторических условиях и значении движения международного пролетариата в защиту и поддержку Советской страны, автор проанализировал и другую сторону событий. Он обращает внимание также на попытки империалистических государств подготовить и спровоцировать новую антисоветскую интервенцию, воспользоваться

[8] А. А. Макаренко. Мировой пролетариат — Стране Советов. Движение зарубежного рабочего класса в защиту и помощь Советской стране. 1921—1923. Киев, 1963.

временными трудностями, в том числе голодом, в борьбе против Республики Советов.

Следует, однако, отметить, что не вполне стройная структура исследования затрудняет восприятие материала. Его подразделение несколько условно. Так, например, раздел «Общество друзей Советской России» по преимуществу посвящен не истории этого американского общества, а всем общественным американским и канадским организациям, которые так или иначе проявляли интерес к Советской России, включая коммунистическую и рабочую партии.

Хотя определенный схематизм всегда неизбежен, обособление проблем, нашедшее отражение в названиях глав («Солидарность зарубежных трудящихся», «В защиту Страны Советов», «Помощь Стране Советов», «За дружбу с советским народом»), представляется несколько искусственным. Оно повлекло за собой повторение сюжетов, ненужное дублирование.

Движение помощи голодающим в Советской России, которое с середины 1921 г. распространилось по всему миру и особенно активно поддерживалось коммунистами в странах Европы и Америки, находится в центре внимания исследователя. Делу помощи голодающим служило создание Межрабпома — массовой организации пролетарской солидарности. Из всей деятельности Межрабпома исследователь выделяет вопрос о сборе средств для помощи голодающим. Он показал, что результаты работы комитетов Межрабпома были намного большими, чем итоги сбора средств таких широких организаций рабочих, как профсоюзы, входившие в Амстердамский Интернационал (стр. 41). В работе изучается также деятельность Торгово-промышленного акционерного общества Межрабпома «Ауфбау», но, к сожалению, основное внимание сосредоточено на структуре общества. Здесь изложена и история первого Международного пролетарского займа (стр. 257—259).

Развивая эти сюжеты, А. А. Макаренко остановился на характеристике разных форм, в которых выражалась помощь голодающим в Советской России: помимо сбора средств, закупались продовольствие, медикаменты, одежда (стр. 175—176).

Всесторонне рассматривая историю борьбы с голодом, А. А. Макаренко обратил внимание и на государственные мероприятия в Советской стране по борьбе со стихийным бедствием. Именно они сыграли решающую роль в победе над голодом[9].

В поле зрения исследователя находятся все направления, по которым оказывалась помощь из-за рубежа, в том числе вклад в это гуманное дело представителей передовой и либеральной интеллигенции. Рассказывается, например, о роли Ф. Нансена в организации международной помощи голодающим в Советской России.

Как одну из форм помощи Стране Советов А. А. Макаренко довольно подробно, опираясь преимущественно на опубликованные документы и литературу, рассматривает иммиграцию в СССР зарубежных рабочих (стр. 188—202). Здесь, как, впрочем, и в остальных разделах работы, преобладают данные до 1923 г., хотя для истории производственной иммиграции, на наш взгляд, важнее период после 1923 г., когда завершился организационный этап этого движения. Приведенный в работе большой фактический материал дает читателю ясное представление о широком распространении по всему миру движения трудящихся в поддержку Страны Советов и ее героического народа, о пропаганде за рубежом

[9] В недавно вышедшей работе Ю. А. Полякова «1921-й: победа над голодом» (М., 1975) показана героическая эпопея борьбы советского народа с голодом.

правды о Советской России. Эту ответственную миссию выполняли участники Международных конгрессов Коминтерна, Профинтерна, КИМа, других международных организаций, видные деятели коммунистического движения, прогрессивные общественные деятели, как, например, Б. Шоу. Той же цели служили периодические издания Межрабпома, его кинодеятельность (стр. 287—289). После 1924 г. большую роль стали играть также рабочие делегации общества друзей СССР.

Исследованию интернациональных связей советского рабочего класса на следующем историческом этапе в период реконструкции народного хозяйства посвящена монография Ю. А. Львунина. Это итог многолетних научных изысканий автора. В книге затронут широкий круг проблем, относящихся к периоду 1924—1928 гг., который отмечен некоторым спадом революционного движения в капиталистических странах и наступлением временной частичной стабилизации капитализма.

Ю. А. Львунин обстоятельно проанализировал литературу, посвященную рассматриваемым им проблемам (советскую и зарубежную), определил основные достижения и слабости в исследовании всей темы. Его работу отличает глубокое знание последних достижений науки [10].

Для книги Ю. А. Львунина характерно широкое привлечение литературы 20—30-х годов. Это исследование — итог собирания документальных материалов в центральных и местных партийных и государственных архивах страны. Принципиально важное значение имеет использование в монографии документов Межрабпома, МОПР, впервые введенных в научный оборот. Источниковую базу работы составила также богатейшая советская, а отчасти и зарубежная пресса 20-х годов.

Автор видит цель своего исследования в том, чтобы «показать значение интернациональных связей и взаимной солидарности рабочего класса СССР и пролетариата капиталистических стран, с одной стороны, как важнейшего условия строительства социализма в нашей стране, а с другой — мощного фактора революционного влияния Страны Советов на рабочее движение стран капитала» (стр. 5).

Руководство Коммунистической партии борьбой профсоюзов СССР за международное профсоюзное единство находится в центре внимания автора. Оно анализируется в тесной связи с деятельностью Коминтерна, Красного Интернационала Профсоюзов и других международных пролетарских организаций (стр. 38—48).

Скрупулезно изучены разные направления борьбы советских профсоюзов за международное единство движения, показаны изменения тактики советских профсоюзов в зависимости от исторических условий. Ю. А. Львунин рассматривает причины этих изменений, обращает внимание на обоснованность отказа руководства советских профсоюзов от дальнейшей борьбы за вступление в реформистские отраслевые интернационалы. Он считает, что правооппортунистический раскольнический курс реформистских вождей Амстердамского Интернационала спровоцировал левосектантскую тактику революционных профсоюзов, которая не отвечала интересам борьбы за единство международного профдвижения. «Такая тактика,— пишет Ю. А. Львунин,— была отступлением от ленинской тактики борьбы за единство рабочего класса» (стр. 58).

Большое место в книге уделено борьбе Коммунистической партии и советских профсоюзов за создание и укрепление Англо-русского комитета единства (АРК). Создание АРК рассматривается как удачный пример соглашения советских профсоюзов с одним из крупных влиятельных

[10] Правда, оценивая работы своих предшественников, он не вполне обоснованно, на наш взгляд, упрекает некоторых авторов в невнимании к таким вопросам проблемы, которые прямо не относятся к теме их работ (стр. 8).

в реформистском Амстердамском Интернационале партнеров, как путь преодоления изоляции советских профсоюзов. В связи с историей АРК Ю. А. Львунин подробно останавливается на выполнении советским народом долга пролетарской солидарности в 1926 г. во время всеобщей стачки в Англии и забастовки горняков. В книге подчеркивается, что советский народ продолжал оказывать помощь английским рабочим и после поражения стачки. Таким образом, факты опровергают утверждения некоторых буржуазных авторов об узконациональных целях этой поддержки со стороны СССР (стр. 87). Автор подробно рассмотрел внутрипартийную борьбу, развернувшуюся в связи с позицией в отношении АРК.

В 1927—1928 гг., как показал Ю. А. Львунин, советские профсоюзы значительно расширили и укрепили связи с рабочими капиталистических стран, заключив 10 договоров о дружбе с союзами ряда стран. В итоге 20 международных рабочих конференций, проведенных в период празднования 10-летия Октября, был создан ряд комитетов единства (стр. 104—105).

Автор одним из первых специально изучил международную переписку производственных парторганизаций, производственных коллективов и рабочих корреспондентов, показав роль партийных органов в её осуществлении. «В 1924—1928 гг.,— резюмирует он,— международная переписка парторганизаций и рабочего класса СССР представляла одну из самых массовых форм интернациональных связей» (стр. 155). Ю. А. Львунин внес свой вклад в исследование некоторых сторон деятельности МОПР. Это, например, вопросы, связанные с политэмиграцией в СССР (стр. 178—185), до последнего времени редко привлекавшие внимание историков[11]. Он рассмотрел организацию в СССР приема политэмигрантов и обеспечения их всем необходимым: жильем, средствами, медицинской помощью и впоследствии работой, что осложнялось в условиях еще неизжитой безработицы. В некоторых случаях, где это необходимо, автор выходит за временные рамки своего труда. Так, например, анализируя организационную работу с политэмигрантами, он приводит материалы, относящиеся к 1921 г.

Исследователь показал трудности организации приема политэмигрантов в стране, только начинавшей возрождаться после хозяйственной разрухи. Поэтому так необходимо было пристальное внимание партийных, советских, мопровских организаций к работе с политэмигрантами. В книге рассказывается о направлении групп политэмигрантов на заводы, о формировании сельскохозяйственных кооперативов политэмигрантов, которым были переданы в аренду несколько совхозов (стр. 181—182), о создании детских домов для детей политэмигрантов.

Имеет принципиальное значение вывод Ю. А. Львунина о классовом характере помощи мопровских организаций революционным борцам, которая служила практическим выражением боевого пролетарского интернационализма. Оценивая роль акций солидарности МОПР, он подчеркивает, что «их значение в деле моральной, политической поддержки революционных борцов, политзаключенных в странах капитала, в развитии и укреплении идей пролетарского интернационализма среди трудящихся Советской страны было очень велико. Эти кампании явились мощным средством сплочения трудящихся разных стран, их объединения на основе тактики единого рабочего фронта» (стр. 171).

[11] Только история болгарских политэмигрантов в социалистическом строительстве на Украине в указанный период стала предметом изучения. См. М. Д. Дихан. Болгары-политэмигранты в социалистическом строительстве на Украине в 1924—1929 гг. Киев, 1973 (на укр. яз.).

Анализируя борьбу пролетариата капиталистических стран за поддержку Советского государства, автор особое внимание уделяет вопросу угрозы новой войны против СССР. «В этот период компартии в центр своей агитационной деятельности, направленной на мобилизацию масс, поставили вопрос о борьбе за поддержку Советского государства. Все другие проблемы, которые стояли перед пролетариатом, включая и задачи рабочего движения внутри своих стран, коммунистические партии решали в самой тесной связи с вопросами борьбы против угрозы войны». (стр. 205).

Исследуя деятельность иностранных делегаций, Ю. А. Львунин специально останавливается на ряде решений ЦК ВКП(б), выступлениях перед делегатами руководителей партии и Советского государства. Использовав переписку иностранных делегатов с советскими рабочими, автор изучил пропагандистскую деятельность рабочих делегатов после их возвращения на родину. В письмах, в частности, рассказывалось и о том, как трудно сложилась судьба делегатов после возвращения на родину (стр. 232 и др.).

Анализ всех выявленных материалов дал Ю. А. Львунину возможность показать, в частности, итоги пропагандистской работы первой делегации германских рабочих (стр. 233, 242). Масштабы ее оказались настолько значительными, что она определенным образом отразилась, по мнению автора, на успехах Коммунистической партии Германии на муниципальных выборах в Берлине и ряде провинциальных выборов в 1925 г. (стр. 236). Автор считает, что комитет первой германской рабочей делегации в известной мере неофициально выполнял функции организационного центра в движении европейского пролетариата за отправку делегации в СССР.

Раздел монографии Ю. А. Львунина о производственно-технической помощи зарубежных трудящихся Советской стране тематически и хронологически в значительной мере совпадает с аналогичными разделами в монографиях А. А. Макаренко. Но Ю. А. Львунин привлек новые данные о деятельности в этом направлении Межрабпома, начиная с 1922 г. Его интересовал и весь комплекс усилий Межрабпома по оказанию помощи Советской стране. Его данные существенно дополнили представления о деятельности Межрабпома, имевшиеся в нашей литературе [12].

А. А. Макаренко и Ю. А. Львунин, изучая помощь Межрабпома Советской стране, показали ее принципиальное отличие от помощи буржуазных благотворительных организаций. На примере АРА (Американской администрации помощи) А. А. Макаренко наглядно продемонстрировал, как эта буржуазная благотворительная организация обусловила оказание помощи голодающим России неприемлемыми политическими требованиями. Хотя, делает справедливый вывод А. А. Макаренко, любая помощь объективно приносила помощь голодающим, эта благотворительность не шла ни в какое сравнение с бескорыстным массовым движением пролетариев, охватившим буквально всю планету. Ю. А. Львунин охарактеризовал другую особенность помощи, оказанной нашей стране пролетариатом разных стран. Она была направлена в первую очередь на подъем промышленного производства в районах голода и адресовалась преимущественно рабочим государственных предприятий (стр. 261—262).

Как показал Ю. А. Львунин, установить полный список объектов, взятых Межрабпомом в свое ведение, оказалось затруднительным в

[12] См. Д. Мичев. Межрабпом — организация пролетарской солидарности 1921—1935. М., 1971; Б. М. Забарко. Классовая борьба и Международная рабочая помощь. Из истории международной пролетарской солидарности 1924—1929. Киев, 1974.

связи с тем, что на первых порах некоторые такие предприятия в очень короткие сроки были возвращены советским организациям. Но он предпринял попытку выявить все предприятия, находившиеся в аренде Межрабпома, собрал сведения более чем о 20 из них, описал их и наметил три периода в истории производственно-технической помощи Межрабпома Советской России (стр. 265, 266, 269—273). Будущим исследователям еще предстоит воссоздать историю деятельности по крайней мере крупнейших из этих предприятий.

Характеризуя первый период, охватывающий 1922 г., Ю. А. Львунин пришел к выводу о том, что уже тогда все предприятия Межрабпома «были связаны между собой, представляя единый производственный комплекс или трест» (стр. 260). Второй период производственно-технической помощи Межрабпома автор относит к 1923 г., когда, прекратив помощь голодающим России, он руководил ограниченным кругом совхозов и промышленных предприятий. В начале 1923 г. Межрабпом взял в свое ведение крупные рыбные промыслы под Астраханью и играл ведущую роль в акционерном обществе «Трактор—Межрабпом на Урале». Завершился этот период в конце 1923 г., когда Коминтерн поручил Межрабпому проведение кампании помощи рабочим Германии. За Межрабпомом остались только общество «Трактор—Межрабпом на Урале», три совхоза в Татарии, рыбные промыслы под Астраханью и работа в области кино. В третий период, начавшийся в 1924 г., в ведении Межрабпома осталось минимальное количество предприятий.

Оценивая значение сельскохозяйственных предприятий Межрабпома, Ю. А. Львунин отмечает, что они стали показательными, механизированными хозяйствами, располагавшими тракторами, которые в то время были большой редкостью для целого ряда районов Советской страны (стр. 276). Отличительной особенностью коллективов сельских хозяйств Межрабпома было преобладание в них местных рабочих и крестьян. Этим они главным образом отличались от механизированных и высокопроизводительных иммигрантских сельскохозяйственных коллективов. Для местного населения, справедливо считает Ю. А. Львунин, «работа в передовых механизированных совхозах становилась не только хорошей школой работы по-новому, но и школой политического воспитания. Эта помощь зарубежного пролетариата способствовала развитию кооперирования местного крестьянства, создавая предпосылки для осуществления в дальнейшем сплошной коллективизации» (стр. 277). Ю. А. Львунин подчеркнул, что помощь Межрабпома советскому крестьянству носила целенаправленный классовый характер и оказывалась в первую очередь бедняцким хозяйствам.

Окончательное свертывание производственных, в том числе и промышленных предприятий Межрабпома, Ю. А. Львунин относит к 1926—1927 гг. (стр. 277—278). С тех пор помощь Межрабпома Советской стране носила в основном характер морально-политической поддержки. Большое место в книге отведено организации агитационно-пропагандистской деятельности Межрабпома посредством кино — теме, фактически не привлекавшей внимания исследователей.

Хотя работы трех авторов и написаны в разных планах, в конечном счете, они составили своего рода цепочку, продолжая друг друга и дополняя по некоторым важным вопросам. В сумме они дают довольно цельную картину интернациональных связей советского народа до конца 20-х годов. Правда, помощь советского народа трудящимся зарубежных стран показана еще недостаточно всесторонне. Изучение истории международных пролетарских связей — одно из наиболее перспективных направлений современной исторической науки.

Традиции международной пролетарской солидарности 20-х годов, преумноженные в последующие десятилетия, в настоящее время приобрели исключительное развитие. На XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев назвал пролетарский интернационализм мощным, испытанным оружием компартии и вообще рабочего движения. «На протяжении всей истории нашей страны мы не раз убеждались в том, — говорил Л. И. Брежнев в связи с празднованием пятидесятилетия СССР, — какое значение имеет для нас союз с международным рабочим классом, с коммунистическим движением, поддержка нашей миролюбивой политики честными, прогрессивными людьми во всем мире. Мы высоко ценим эту поддержку» [13].

[13] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, стр. 66.

РЕЦЕНЗИИ

П. К. КУЗНЕЦОВ. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В УДМУРТСКОЙ АССР (1917—1958 гг.). Ижевск, изд-во «Удмуртия», 1975, 552 стр., тир. 2500 экз.

Рецензируемая книга является крупным обобщающим трудом по истории становления и развития социалистической культуры в Удмуртской АССР. Исследование написано с привлечением широкого круга источников. Это в первую очередь архивные документы, хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма—ленинизма при ЦК КПСС, Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР, Центральном государственном архиве РСФСР, архивах удмуртских областных комитетов партии и комсомола, Центральном государственном архиве Удмуртской АССР, архивах Кировского и Горьковского (Нижегородского) крайкомов партии и крайисполкомов. Следует отметить, что документы и материалы ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, архивов Горьковского и Кировского обкомов партии, а также Горьковского областного государственного архива по вопросам культурного строительства в Удмуртии использованы впервые. В монографии приводятся также материалы центральных и местных периодических изданий, различных статистических сборников, опубликованные отчеты государственных органов Удмуртии.

В работе охарактеризованы исторические условия развития дореволюционной культуры удмуртского народа и показаны исходные позиции формирования новой, социалистической по содержанию, национальной по форме и интернациональной по духу культуры Удмуртии. Проанализировав политические, социально-экономические предпосылки и особенности культурной революции в УАССР, автор определил ее основные этапы. В монографии подробно изложена история борьбы за ликвидацию неграмотности и малограмотности населения, создания советской системы народного образования и строительства новой советской общеобразовательной школы, история подготовки кадров специалистов для народного хозяйства, формирования удмуртской национальной интеллигенции, развертывания политико-воспитательной и культурно-просветительной работы, развития печати, науки, литературы и искусства. Автор рассмотрел также развитие таких форм идеологической работы, как политическая агитация, пропаганда и партийное просвещение.

П. К. Кузнецов исследовал региональную тему в неразрывной связи с общесоюзными процессами, что дало ему возможность раскрыть действие общих закономерностей социалистического строительства и показать их интернациональное значение.

Используя многочисленные материалы и источники, автор наряду с общими закономерностями глубоко и всесторонне проанализировал конкретные национальные особенности осуществления культурной революции в Удмуртии. Одновременно он указал и на факторы, оказавшие положительное влияние на формирование социалистической культуры в Удмуртии. К ним он относит прежде всего издавна сложившиеся дружественные отношения между удмуртским и русским народами, имеющие более чем четырехсотлетнюю историю.

К моменту победы Великой Октябрьской социалистической революции Удмуртия находилась на начальных ступенях промышленного капиталистического развития и поэтому пролетариат как класс, являющийся носителем социалистической идеологии, здесь еще не сложился. В связи с этим в формировании Удмуртской национальной культуры важную роль сыграла прогрессивная идеология русского рабочего класса.

Осуществление культурной революции на ее начальном этапе происходило в Удмуртии под руководством и при помощи русского рабочего класса в союзе с бедней-

шим и середняцким удмуртским крестьянством. Эта особенность проявилась и в других ранее отсталых национальных районах страны. Союз рабочего класса и крестьянства в стране имел интернациональный характер. Это был союз между крестьянством ранее отсталых народов, не имевших своего пролетариата, и рабочим классом развитых наций, игравшем в этом союзе ведущую роль. Культура удмуртского народа после установления Советской власти формировалась как национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Автор совершенно справедливо подчеркивает, что характерной особенностью развития культуры Удмуртской автономной республики в годы строительства социализма явилось ее тесное сближение с культурами других народов СССР. Она обогатилась их достижениями и в то же время сама внесла значительный вклад в сокровищницу многонациональной советской культуры. Одним из результатов ликвидации фактического культурного неравенства ранее отсталых народов нашей страны, в том числе и удмуртского народа, достигнутых в итоге победы социализма в СССР, явилось не только широкое приобщение их к культуре и науке, но и небывалый рост их активности в политической и культурной жизни общества.

Культурное строительство в Удмуртии освещается в книге как динамичный процесс преодоления неизбежных трудностей объективного и субъективного порядка.

В монографии дается аргументированная научная критика буржуазной, реформистской и ревизионистской концепций культурной революции в СССР и УАССР, показана националистическая сущность ряда утверждений буржуазных авторов.

П. К. Кузнецов подчеркивает международное значение культурной революции в СССР. Советский опыт претворения в жизнь ленинского учения об использовании культурного наследия прошлого и формирования новой, социалистической культуры успешно применяется в других странах социализма.

Остается актуальным всестороннее исследование культурного развития удмуртской социалистической нации в развитом социалистическом обществе при его переходе к коммунизму, раскрытие интернациональности культуры Советской Удмуртии, ее органического сплава с культурами народов СССР, показ возрастающей роли социалистической культуры Удмуртии в идейно-политическом, нравственном и эстетическом воспитании трудящихся республики.

И. З. Захаров

Б. К. ВИЗЕР. РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА МОЛДАВСКОЙ ССР (1951—1970 гг.). Кишинев. Изд-во «Штиинца», 1975, 337 стр., тир. 2300 экз.

Аграрная история Советской Молдавии в послевоенные годы привлекает большое внимание исследователей, и не случайно. «Молдавская ССР,— отмечал Л. И. Брежнев,— занимает теперь видное место в сельском хозяйстве страны. Сравнительно небольшая по территории и населению, она дает почти треть собираемого в стране винограда, более трети общесоюзного производства табачного листа, большое количество овощей, фруктов, сахарной свеклы, подсолнечника, зерна, продуктов животноводства» [1].

Сельское хозяйство республики развивается исключительно быстрыми темпами. Только за послевоенный период производство сельскохозяйственной продукции в Молдавии увеличилось почти в 7 раз. С конца 50-х — начала 60-х годов в Молдавской ССР наряду с некоторыми другими республиками, краями и областями, успешно внед-

[1] Л. И. Брежнев. Пятьдесят лет Советской Молдавии. Речь на торжественном заседании в Кишиневе, посвященном 50-летию образования Молдавской ССР и создания Коммунистической партии Молдавии. 11 октября 1974 г. Кишинев, 1974, стр. 7.

рялся опыт межхозяйственной кооперации, специализации и аграрно-промышленной интеграции. В опубликованном в «Правде» 2 июня 1976 г. постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агро-промышленной интеграции» отмечено: «Преимущества и положительное воздействие межхозяйственной специализации и концентрации на экономику видны на многочисленных примерах работы крупных животноводческих ферм, комплексов и других межхозяйственных предприятий в Молдавской ССР, Белорусской ССР, Украинской ССР, Краснодарском крае, Марийской АССР, Воронежской, Пензенской и ряде других областей».

Новые явления в сельском хозяйстве Молдавской республики стали предметом монографического изучения И. И. Бодюла, А. Воротило, Н. Кодица, М. И. Бобичева, А. И. Медведева, М. Ф. Ротару и других авторов[2]. В ряду этих исследований важное место занимает и рецензируемая книга.

Опираясь на предшествующие работы историков, новый архивный материал, Б. К. Визер представил широкую картину развития сельского хозяйства Молдавии после победы здесь колхозного строя и борьбы тружеников села под руководством республиканской партийной организации за претворение в жизнь в конкретных условиях Молдавской ССР аграрной политики КПСС. Особое внимание уделено выполнению решений мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 г. и постановлений XXIII и XXIV партийных съездов.

В исследовании затронуты самые разнообразные аспекты темы: политические, экономические, социальные. В книге приводится много данных, в том числе статистических, об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и совхозов, показаны изменения внутри социалистического сектора, приведшие к возрастанию роли совхозов в сельском хозяйстве Молдавской ССР. Исследование этого вопроса представляет особый интерес, поскольку после победы колхозного строя удельный вес государственных предприятий в сельском хозяйстве республики был незначительным. Автор стремится, таким образом, наряду с выяснением общих тенденций, характерных для развития сельского хозяйства страны в целом, показать специфические черты, присущие развитию молдавской деревни.

Вопросы укрепления материально-технической базы сельского хозяйства (обновление машинно-тракторного парка, совершенствование форм технического обслуживания колхозов и совхозов) анализируются автором с учетом конкретных условий и задач того или иного исторического этапа. Б. К. Визер подчеркивает, что потребности в концентрации технических средств привели к тому, что уже в конце 60-х — начале 70-х годов в Молдавской ССР создаются межхозяйственные объединения по механизации, электрификации и мелиорации. К сожалению, он не раскрывает в должной мере причины возникновения этих объединений, характер их организации и деятельности.

Исследуя концентрацию и специализацию сельскохозяйственного производства, автор рассматривает укрупнение колхозов, проводившееся в республике с начала 50-х годов вплоть до середины 60-х годов и сыгравшее положительную роль в дальнейшем обобществлении средств производства, финансовых и материальных ресурсов, рабочей силы, улучшении организации труда и укреплении хозяйств квалифицированными руководителями и специалистами.

Опыт показал, что укрупнение сельскохозяйственных предприятий было оправдано лишь в том случае, если оно проводилось до определенных, оптимальных пределов. Когда такие пределы были достигнуты, процесс дальнейшего обобществления производства принял иное направление, приводившее к межхозяйственной кооперации. По

[2] М. И. Бобичев, А. И. Медведев. Деятельность Коммунистической партии Молдавии по укреплению материально-технической базы колхозов (1951—1958 гг.). Кишинев, 1968; И. И. Бодюл. Социально-экономические отношения в деревне на стадии развитого социализма. М., 1974; А. Воротило, Н. Кодица. Аграрно-промышленная интеграция и межхозяйственная кооперация. Кишинев, 1975; «Межхозяйственные и аграрно-промышленные формирования Молдавии». Кишинев, 1975; М. Ф. Ротару. Коммунистическая партия Молдавии в борьбе за подъем сельского хозяйства республики (1959—1970 гг.). Кишинев, 1974.

существу начался новый этап практической реализации ленинских идей о кооперации, суть которых зачастую трактовалась в нашей литературе весьма узко и сводилась только к кооперированию мелких производителей.

Впервые межколхозные производственные связи начали складываться в Молдавии еще в начале 50-х годов. Причем, как отмечается в книге, для укрепления своей экономики объединялись прежде всего сравнительно слабые хозяйства. Однако уже в то время создаются условия для повышения заинтересованности всех колхозов в создании кооперативных объединений. Необходимость сооружения крупных оросительных систем, скотооткормочных пунктов, крупных хранилищ, холодильных хозяйств и других объектов потребовали объединения усилий не только коллективных общественных хозяйств, но и их кооперирования с совхозами и некоторыми другими государственными хозяйствами.

Рассматривая курс на ускорение процесса специализации зон, районов, колхозов и совхозов, автор приводит следующие интересные данные. Уже в 1968 г. в северной зоне было сконцентрировано свыше 93% производства сахарной свеклы и 50% табака, 45% зерна, 45% производства говядины. Колхозы и совхозы южной зоны продавали государству (от общего республиканского объема) 30% зерна, 25% свинины, 36% подсолнечника, 50% шерсти, 30% винограда. В юго-восточной зоне сосредоточено производство более 60% овощей, идущих на промышленную переработку, 30% фруктов, 11% птичьего мяса.

Внутри каждой зоны, в свою очередь, углублялся процесс районной, межколхозной и внутрихозяйственной специализации. Из 543 колхозов республики узкоспециализированным являлось 51 хозяйство, 309 колхозов имели по две и 56 колхозов — по три ведущих отрасли. 30% колхозов обеспечивали 62% валового сбора винограда. Крупное табаководство сосредоточивалось в 94 колхозах и 435 табакосеющих хозяйствах, обеспечивавших 47% валового сбора табака (стр. 242).

Концентрация и специализация производства, создание устойчивых сырьевых зон с перерабатывающими предприятиями определенного профиля позволили осуществить тесные связи между сельским хозяйством и перерабатывающей промышленностью. Наиболее распространенной формой агро-промышленных комплексов являлись совхозы-заводы. К началу 1971 г. в Молдавии насчитывалось 150 совхозов-заводов (122 виноградорско-винодельческих, 12 эфиромасличных и 16 торгово-сбытовых организаций «Молдплодоовощ»), 10 районных производственных агро-промышленных комплексов, межколхозные фабрики по переработке сельскохозяйственного сырья и т. д. (стр. 244).

Изменения, происшедшие в сельском хозяйстве республики (создание межколхозных и агро-промышленных объединений, совместных колхозных и государственных специализированных сельскохозяйственных предприятий), автором совершенно справедливо расцениваются как совершенствование колхозно-кооперативной собственности, ее сближение с общенародной государственной собственностью.

Содержание книги, анализ ее фактического и цифрового материала являются обоснованным ответом тем враждебно настроенным «советологам», которые искажают нашу социалистическую действительность, фальсифицируют историю аграрных отношений в СССР, в Молдавской республике, в том числе и вопросы реорганизационного процесса в крае на современном этапе, включая и процессы межхозяйственной кооперации и аграрно-промышленной интеграции.

Б. К. Визер специально останавливается на анализе роста культуры и материального благосостояния колхозного крестьянства. В монографии дана обстоятельная картина претворения в жизнь мероприятий КПСС и Советского правительства по повышению уровня жизни населения. Автором рассмотрены роль государства и общественного хозяйства колхозов в удовлетворении материальных и духовных потребностей тружеников села и динамика доходов и потребления, показано преодоление отставания молдавского села по уровню жизни от других областей страны и т. д. Комплексное рассмотрение проблем роста культурного уровня и материального благосостояния сельского населения Молдавии не всегда позволяет, однако, автору остановиться на специфике отдельных исторических этапов этого многогранного процесса.

Немаловажное значение для развития села имеет вопрос об укреплении кадров колхозов и совхозов. И это отмечено в рецензируемом исследовании. Но все же автор слабо освещает практическое участие специалистов в решении хозяйственных и организационных вопросов развития сельскохозяйственного производства.

В заключение следует подчеркнуть, что книга Б. К. Визера содержит богатый фактический материал, служащий подтверждением того, что «специализация и концентрация сельскохозяйственного производства на базе широкого кооперирования, перевод его на современную индустриальную основу — это магистральное направление дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства, новый этап практического осуществления идей ленинского кооперативного плана в условиях развитого социализма»[3].

М. И. Бобичев, М. А. Вылцан

[3] Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и аграрно-промышленной интеграции».— «Правда», 2 июня 1976 г.

В. А. КРУТАЛЕВИЧ. РОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (на пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 — декабрь 1918 г.). Минск, изд-во «Наука и техника», 1975, 329 стр., тир. 5000 экз.

Исследование любой проблемы национально-государственного строительства, в том числе возникновения и развития советской национальной государственности белорусского народа — важная задача историков. Проблема создания Белорусской Советской Республики представляет немалые трудности для исследователя. Это объясняется тем, что историческая ситуация, в которой рождалось Белорусское советское государство, была необычайно сложной. С одной стороны — оккупация большей части территории Белоруссии империалистической Германией, попытка буржуазии, предавшей национальные интересы белорусского народа, использовать лозунг самоопределения наций в своих целях. С другой — борьба трудящихся масс против оккупантов, за создание своего социалистического государства, за восстановление Советской власти на территории Белоруссии.

Отдельные аспекты проблемы образования Белорусской ССР уже получили освещение в трудах ученых, в том числе и в немногих монографических работах. Среди них две книги Н. В. Каменской[1], в которых исследуется процесс установления Советской власти в крупнейших городах Белоруссии, взятие Советами и ревкомами государственной власти. В последующих работах автор развивает и углубляет данную тему, раскрывая характер первых социалистических преобразований в Белоруссии и роль народных масс в борьбе за утверждение новой революционной власти[2]. Вкладу рабочего класса и крестьянства, возглавляемого Коммунистической партией, в победу социалистической революции посвящены работы Н. М. Мешкова, В. Г. Гневко, И. М. Игнатенко[3] и других историков. Существенный шаг вперед в исследовании процесса

[1] Н. В. Каменская. Создание Белорусской Советской Социалистической Республики. Изд. 2. Минск, 1948 (на белорус. яз.); ее же. Великая Октябрьская революция и создание БССР. Минск, 1954 (на белорус. яз.).

[2] Н. В. Каменская. Первые социалистические преобразования в Белоруссии. Минск, 1957; ее же. Белорусский народ в борьбе за Советскую власть 1919—1920 гг., Минск, 1963.

[3] Н. М. Мешков. Борьба большевиков Белоруссии за победу Октябрьской социалистической революции и установление власти Советов. Минск, 1959; И. М. Игнатенко. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии. Минск, 1962; В. Г. Гневко. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за победу Октября (март 1917 — март 1918). Минск, 1973.

создания Коммунистической партии Белоруссии сделал Е. И. Бугаев [4], показавший подлинную роль Северо-Западного обкома РКП(б) в организационном оформлении КП(б). Таким образом, в указанных трудах исследовалось создание основы, на которой развертывалось национально-государственное строительство в Белоруссии, сам же процесс национально-государственного строительства рассматривался в них лишь фрагментарно.

Рецензируемая монография В. А. Круталевича полностью посвящена проблеме именно национально-государственного строительства — возникновению Белорусского советского социалистического государства. В работе широко использованы как опубликованные документальные материалы по истории Октябрьской революции и гражданской войны в Белоруссии, так и находящиеся в областных, республиканских и центральных архивах. Автор поставил перед собой цель подвергнуть анализу «объективные и субъективные факторы, обусловившие возникновение Белорусской Советской Республики, раскрыть формы проявления воли трудящихся Белоруссии к национальному самоопределению» (стр. 21).

Наиболее существенное достоинство монографии состоит в том, что в ней показана решающая роль народных масс в строительстве Советской Белоруссии. Автор раскрыл процесс создания Советов, ставших в ходе социалистической революции органами государственной власти рабочего класса и трудового крестьянства. Именно Советы и съезды Советов решали важнейшие вопросы государственной значимости — об отношении к Советской России, о форме единства с ней. Слияние Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов способствовало упрочению Советской власти и ускорило создание на территории Западной области, объединявшей тогда территории Минской, Могилевской, Витебской и части Виленской губернии, общего органа власти — Исполкома Западной области. Такой орган был создан тремя съездами Советов: рабочих и солдатских депутатов Западной области, съездом комитетов Западного фронта, съездом крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. Как отмечала газета «Звезда», три съезда дают яркую картину того, «насколько широки те слои, на которые опирается Советская власть и Октябрьская революция» (стр. 47). Советы сыграли значительную роль в создании отрядов Красной гвардии из рабочих, бывших солдат, из представителей преданной революции молодежи; Советы взяли в свои руки также руководство милицией.

В работе содержится глубокий анализ характера политических партий, в деятельности которых, по словам В. И. Ленина, находит полное выражение политическая борьба классов [5]. Автор раскрывает исторические корни возникновения белорусских буржуазно-националистических организаций, вызванных к жизни Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г. в России: создание Белорусского национального комитета в марте 1917 г., а затем Центральной рады белорусских организаций, Великой Белорусской рады, Белорусского областного комитета при ВЦИКе крестьянских депутатов.

Автор исследовал историю создания марионеточного белорусского государства. В работе раскрыта политика национального предательства белорусской буржуазии и ее классовых союзников, поддерживавших режим немецкой оккупации. Белорусская рада, стремясь упрочить марионеточное буржуазное белорусское государство — Белорусскую народную республику, в своем меморандуме в апреле 1918 г. призвала кайзеровскую Германию оккупировать близлежащие земли Советской России. Продолжением антинародной политической линии Белорусской рады была ее попытка создать государственный союз с буржуазно-помещичьей Польшей, буржуазной Литвой, а также ее обращение с аналогичными предложениями к державам Антанты и к руководящим кругам русской контрреволюции. Автор убедительно показал, что предательство буржуазией интересов белорусского народа было закономерно обусловлено ее классовыми интересами и целями.

---

[4] Е. И. Бугаев. Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии. М., 1959.

[5] В. И. Ленин. ПСС, т. 12, стр. 137.

В книге подчеркивается, что процесс возникновения белорусской советской национальной государственности был непосредственно связан с победой Великой Октябрьской социалистической революции, борьбой народных масс во главе с рабочим классом за свое социальное и национальное освобождение. На основе новых документальных данных автор исследует исторические особенности осуществления права наций на самоопределение в Белоруссии. Хотя уже в 1917 г. Совнарком, Наркомнац считали желательным самоопределение наций в Белоруссии, однако в тот период Советы Белоруссии еще не были готовы к этому акту, что объяснялось конкретной обстановкой классовой борьбы, в частности стремлением буржуазных националистов использовать провозглашенное Октябрьской революцией право наций на самоопределение в своих контрреволюционных целях (стр. 96—97). Образование Белорусской Советской Республики было итогом сложного процесса национального самоопределения белорусского народа, под руководством коммунистической партии преодолевшего в ходе его многочисленные трудности (стр. 327).

В труде содержится хорошо аргументированная критика работ буржуазных ученых, пытающихся грубо извратить процесс возникновения и развития национальной государственности народов СССР, строительства национального белорусского социалистического государства.

Автор монографии, посвященной рождению Белорусской Советской Республики, выполнил стоявшие перед ним сложные задачи: во-первых, показать закономерности возникновения в результате Великой Октябрьской социалистической революции на базе Советской власти белорусской национальной государственности и, вместе с тем, особенности осуществления права наций на самоопределение в Белоруссии; во-вторых, раскрыть политическое банкротство националистической контрреволюции — факторы, обусловившие провал планов строительства буржуазного белорусского государства; в-третьих, разоблачить утверждения современных советологов о том, что «национальное» (т. е. буржуазное) движение в Белоруссии было подавлено силой оружия, в результате чего была якобы создана Белорусская Советская Республика (стр. 28).

К сожалению, в рецензируемой книге имеется ряд пробелов в освещении темы, а также содержатся некоторые спорные положения. Так, известно, что Белорусская Советская Республика возникла в январе, а конституционно оформилась в феврале 1919 г. По-видимому, целесообразно было бы расширить хронологические рамки исследования по крайней мере еще на два месяца, что позволило бы автору дать анализ не только исторических условий и предпосылок возникновения Белорусской Советской Республики, но и полнее показать сам процесс ее образования. При этом автор мог бы охарактеризовать работу шестой Северо-Западной областной партийной конференции, переименовавшей себя в первый съезд Компартии Белоруссии, рассказать о ее решении создать советское национальное Белорусское государство, о провозглашении Временным революционным рабоче-крестьянским правительством Белорусской Советской Республики и, наконец, о происходившем в феврале 1919 г. первом Всебелорусском съезде Советов, принявшем Конституцию республики. Само собой разумеется, что автору следовало при этом раскрыть классовую сущность и национальную природу первого Всебелорусского съезда Советов, выразившего государственную волю белорусского народа о создании советского социалистического белорусского государства.

Освещение проблемы разрешения национального вопроса в условиях ожесточенной классовой борьбы особо нуждается в анализе данных о национальном составе и социальной структуре белорусского общества до Октябрьской революции. Но, как это ни удивительно, таких данных в работе почти нет. Автор приводит лишь сведения выборочного характера о национальном составе городского населения Белоруссии, а также населения, занятого в торговле и промышленности (стр. 80, 81). Но эти сведения не могут дать полной картины национального состава жителей Белоруссии в целом, поскольку в деревне в тот период проживало более 85% населения края, а белорусы, как отмечал В. И. Ленин, это «главным образом крестьяне»[6]. Автор сам под-

[6] «Ленинский сборник» XXX, стр. 30.

черкивает необходимость обобщения данных о социальной структуре и национальном составе Белоруссии до Октябрьской революции: «Изучение характера национального движения в Белоруссии и борьбы политических сил вообще затруднено тем, что крайне слабо исследована пока социальная структура общества того времени. По этому вопросу в исторической литературе можно найти лишь отрывочные сведения» (стр. 80). То же можно сказать и относительно национального состава Белоруссии. Но, тем не менее, в работе не приведены данные о социальном и национальном составе Белоруссии до Октябрьской революции, хотя такие сведения по пяти губерниям — Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской и Смоленской, из которых образовалась Белорусская Советская Республика, содержатся, например, в материалах переписи населения России, проводившейся в 1897 г.

Некоторые положения рецензируемого труда о созыве так называемого Белорусского съезда, как мне думается, остались недоказанными. Как известно, этот съезд провозгласил буржуазное белорусское государство — Белорусскую народную республику (БНР), создал Исполком Совета съезда. В работе сказано, что Белорусский съезд был созван не Великой Белорусской радой и стоящей за ее спиной мелкобуржуазной националистической партией — Белорусской социалистической громадой, а Белорусским областным комитетом, в котором преобладали эсеры. Подчеркивая, что этот вывод подтверждается архивными материалами (стр. 147), автор, однако, не приводит ни одного из них. Более того, в работе содержатся данные, на основе которых можно прийти к заключению, что Белорусский съезд был созван совместно Белорусской радой и Белорусским областным комитетом; при этом Рада меняла свои решения о совместных действиях с комитетом по указанному вопросу. Не обоснован документально и другой тезис автора о том, что в составе Белорусского областного комитета преобладали эсеры (стр. 115, 147).

В заключение следует подчеркнуть, что несмотря на указанные недостатки, рецензируемое исследование представляет собой серьезный вклад в разработку крупной и сложной исторической проблемы, связанной с борьбой народных масс против контрреволюционных планов создания белорусского буржуазного государства и строительством Белорусского советского социалистического государства.

Д. Л. Златопольский

А. З. МАНФРЕД. ОБРАЗОВАНИЕ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА. М., «Наука», 1975, 376 стр., тир. 5800 экз.

Автор рецензируемой книги широко известен читателям как один из виднейших специалистов в области новой истории, прежде всего — истории Франции. Но исследовательские интересы ученого были тесно связаны и с историей нашей страны. Уже давно пристальное внимание А. З. Манфреда привлекала большая и важная тема русско-французских межгосударственных отношений и общественных связей в новое и новейшее время [1]. Именно в этом русле научных поисков и родилась его новая капитальная монография, посвященная генезису франко-русского союза 1891—1893 гг. К созданию этой книги автор шел много лет. Его первые труды, посвященные отношениям Франции и России в последней трети XIX в., появились еще в конце 40-х начале 50-х годов [2]. Естественно, он опирался на них в своей новой книге. Но рецензируемая

[1] См. А. З. Манфред. Традиции дружбы и сотрудничества. М., 1967.

[2] См. А. З. Манфред. К предыстории франко-русского союза.— «Вопросы истории», 1947, № 1; его же. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира. «Вопросы истории», 1950, № 6; его же. Внешняя политика Франции. 1871—1891. М., 1952.

монография это также результат дальнейших раздумий, неутомимых поисков новых материалов в архивах СССР и Франции.

Документальная база исследования оставляет глубокое впечатление. Наряду с трудно обозримой массой печатного материала (научные публикации, мемуары, пресса и т. д.), это прежде всего громадная дипломатическая переписка двух десятилетий из Архива внешней политики России и Архива французского МИДа (в том числе новейшие поступления). Автором привлечен также широкий круг других документов, находящихся в различных хранилищах СССР и Франции. Отметим, в частности, личные фонды, например, давший интереснейший материал фонд Е. Э. Трубецкой из архива Пушкинского дома, фонд Александра III в ЦГАОР. Целый ряд новых наблюдений о военных связях России и Франции еще в 70-е годы XIX в. А. З. Манфред смог сделать, изучив документы знаменитого 2-го бюро французского Генштаба (ведавшего военной разведкой) в архиве военного министерства Франции.

Нет нужды подробно говорить о научном значении самого сюжета книги и его актуальности для читателя наших дней. Хорошо известно, что заключение русско-французского союза было одним из ключевых событий в истории международных отношений конца XIX — начала XX в. Оно явилось поворотным моментом во внешнеполитической ориентации России, коренным образом изменило положение Франции, покончив с ее международной изоляцией; наконец, оно окончательно зафиксировало глубокую перестройку всей европейской системы держав.

Но как возник этот союз, «каким образом стал возможен союз между французской буржуазной республикой и самодержавной царской Россией? Какие факторы влияли на сближение двух стран?... как складывался, как был пройден Россией и Францией этот непростой путь, приведший за эти 20 лет (т. е. 1871—1891 гг.— *А. А.*) к союзу двух держав?» (стр. 13) — таковы главные вопросы, которые ставит и на которые ищет ответа в своем исследовании А. З. Манфред.

Вопросы эти далеко не легкие. Как совершенно справедливо подчеркивает автор (стр. 11, 14, 288), в обширной европейской и американской литературе они относятся к числу не только наиболее спорных, но и наиболее затемненных. В советской историографии уже подвергалась критическому рассмотрению характерная для многих буржуазных историков (особенно германских и англо-американских) тенденция — сбрасывать со счетов или преуменьшать при выяснении истоков русско-французского союза значение такого первостепенного фактора, как нарастание угрозы со стороны германского милитаризма после Франкфуртского мира 1871 г.[3] Эта тенденция дает себя знать и во французской буржуазной литературе, включая современные работы очень солидных авторов. Заметим, что даже такой известный специалист, как профессор Ж. Дюрозель, давая общий обзор международных отношений 70-х—80-х годов, повторяет старую версию об «удовлетворенной» («сытой») Германии и политике Бисмарка как «факторе стабильности» в послефранкфуртской Европе[4]. Но тем самым франко-русский союз выступает как следствие лишь конкретной международной конъюнктуры начала 90-х годов. Остается вне поля зрения его связь с некоторыми общими закономерностями развития международных отношений последней трети XIX столетия.

Иной подход к проблеме характерен для исследования А. З. Манфреда. Выясняя происхождение русско-французского союза, он стремится выявить тот «объективный ход вещей» (стр. 355), который прокладывал себе путь в сложном сплетении международных противоречий 70-х — начала 90-х годов и делал неизбежным сближение, а затем и союз России и Франции. Конечно, и А. З. Манфред убедительно это показывает (см. гл. VII—VIII), окончательное оформление союза было обусловлено рядом конкретных поворотов внешнеполитической и внешнеэкономической конъюнктуры на

---

[3] См. В. М. Хвостов. Франко-русский союз и его историческое значение. В кн. «Десятый Международный конгресс историков в Риме. Доклады советской делегации». М., 1956, стр. 622—624; А. З. Манфред. Традиции дружбы и сотрудничества, стр. 11—20.

[4] J. B. Duroselle. L'Europe de 1815 à nos jours. P., 1970, pp. 122, 131, 132.

рубеже 80-х—90-х годов. Однако исторические истоки союза коренились уже в тех крупных изменениях в расстановке сил, которые явились результатом Франкфуртского мира, а затем оформления коалиции центральных держав во главе с милитаристской Германией.

Известен исторический прогноз, высказанный К. Марксом уже в августе — сентябре 1870 г., о том, что ограбление Франции и аннексия ее территории неизбежно приведут к созданию военного союза России и Франции против Германии[5]. Исследование А. З. Манфреда дает интересный материал, свидетельствующий, что с начала 70-х годов к осознанию этой внешнеполитической перспективы подходили и дальновидные деятели европейской дипломатии. Чрезвычайно характерно приведенное в книге высказывание князя Н. А. Орлова: «...Мне кажется, что 2 сентября (1870 г., т. е. в день седанской капитуляции.— *А. А.*) был заложен первый камень будущего франко-русского союза» (стр. 23). Не менее характерна, однако, и пометка, сделанная на полях донесения Орлова Александром II: «Я этого не понимаю». В этой конфронтации двух точек зрения ярко отразились трудности, стоявшие на пути сближения России и Франции. Действительно, с одной стороны, это сближение явственно выдвигалось в порядок дня новой ситуацией в Европе. Но вместе с тем эта обозначившаяся объективная тенденция пробивала себе дорогу медленно и трудно. Ей противостояли и определенные внешне- и внутриполитические традиции, и вся изворотливость дипломатии Бисмарка, и крайняя сложность перекрещивавшихся европейских и внеевропейских интересов держав в эту пору, когда развертывалась их борьба за раздел мира. Потребовались два десятилетия подъемов и спадов в отношениях между Францией и Россией для того, чтобы все группы господствующих классов обеих стран склонились к выводу о необходимости союза между ними.

Конечное торжество «русского курса» во Франции (как и французской ориентации в России) объективно было «обобщением уроков исторического опыта последних 20 лет после Франкфурта» (стр. 308). В своем исследовании А. З. Манфред как раз и рассматривает этот реальный исторический опыт. Тщательно, со многими новыми наблюдениями он прослеживает развитие русско-французских отношений на фоне общей картины международной жизни эпохи. Автор не форсирует обобщений, не чуждается деталей. Он внимательно следит за всеми, даже частными, перипетиями и колебаниями внешнеполитической линии Франции и России, за ходом внутриполитической борьбы по вопросам внешней политики. Эта конкретная насыщенность труда позволяет читателю полно уяснить, как и почему постепенно изживала себя германская ориентация правящих кругов России, терпела неудачу попытка германского курса умеренных республиканцев во Франции, какие факторы способствовали сближению обеих держав и ускорили его на рубеже 80-х—90-х годов XIX в. Среди этих последних А. З. Манфред выдвигает на первый план факторы политико-стратегического порядка, связанные с угрозой со стороны кайзеровской Германии и созданного ею Тройственного союза (хотя он отнюдь не сбрасывает со счетов и тех обстоятельств экономического порядка, которые обнаружились в конце 80-х годов — таможенная война России и Германии, французские займы и инвестиции в России и т. д.). В книге дана детальная история многочисленных франко-германских дипломатических конфликтов и «военных тревог» (1873, 1874, 1875, 1877, 1887, 1891 гг.), обращено особое внимание на роль российской дипломатии в сдерживании германского нажима на Францию. Очевидно, не в каждой из этих многочисленных напряженных ситуаций Бисмарк был реально готов к развязыванию войны. Но это не меняет того основного факта, что в целом, как пишет А. З. Манфред, «на протяжении первых двух десятилетий после Франкфуртского мира Германия продолжала оставаться угрожающей стороной», а русско-французский союз «в главном и основном... складывался как противовес австро-германской коалиции, направленной против Франции и против России» (стр. 138, 332).

---

[5] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 272, 278—279.

Разумеется, и заключавшие этот союз руководители буржуазной Франции и царской России отнюдь не были «голубями мира». У господствующих классов этих стран имелись свои захватнические устремления — они активно участвовали в борьбе за раздел, а затем и передел уже поделенного мира. Нельзя не согласиться с А. З. Манфредом, что в условиях той эпохи, эпохи становления империализма, русско-французский союз, явившись ответом на тройственную коалицию, знаменовал в то же время раскол континентальной Европы на противостоящие друг другу военные блоки и стал, в свою очередь, «одним из слагаемых политики, приведшей к империалистической мировой войне 1914—1918 гг.» (стр. 4, 357).

Говоря о новой книге А. З. Манфреда, нельзя не подчеркнуть стремления ее автора выявить связи между внешней и внутренней политикой, установить влияние обстоятельств социально-политической борьбы на те или иные крупные повороты внешнеполитического курса. Важно и другое. Книга посвящена времени, когда внешнеполитические проблемы разрабатывались и решались под покровами тайной дипломатии; речь в ней идет о периоде, когда рабочее движение еще не могло реально воздействовать на формирование внешней политики. Но автор существенно обогащает свое исследование, насыщая его материалом о позиции революционных сил, социалистов по вопросам внешней политики, о дружеских связях французских и русских революционеров, французских и германских социал-демократов, которые «через головы своих правительств обменивались братским рукопожатием» (стр. 246).

Отметим еще одну особенность труда А. З. Манфреда. Изучая длительно действующие, объективные тенденции развития международных отношений, он никогда не упускает из виду субъективный фактор: деятельность лиц, которые осуществляли внешнюю политику и налагали на нее свой личный отпечаток. Не удивительно, что его книга богато населена. В ней действуют живые люди — дипломаты, государственные мужи, венценосцы... Признанный мастер исторического портрета, А. З. Манфред умеет немногими штрихами дать яркий и емкий образ (например, Александра III, «послемартовского» министра Н. К. Гирса, генерала Буланже и т. д.), найти или взять у современников запоминающуюся характеристику (осторожный и гибкий Фрейсине — «человек эллипсов и кривых», колонизатор и «сильный человек» Ферри — «тонкинец» и «пруссак» и т. п.).

Возможно, что те или иные соображения, высказанные А. З. Манфредом в его книге, могут стать предметом научной дискуссии, плодотворного обмена мнений. Это естественно — таково вообще одно из непременных качеств всякого незаурядного научного труда. В целом же несомненно, что исследование А. З. Манфреда прочно займет свое место в ряду крупных явлений современной советской историографии. Несомненно и то, что эта книга, написанная живо и талантливо, одновременно серьезная и увлекательная, должна найти дорогу к самому широкому кругу читателей.

А. В. Адо

А. В. Ушаков. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ. 1895—1904. М., «Мысль», 1976, 235 стр., тир. 10000 экз.

Вопрос о месте и роли отдельных отрядов интеллигенции в революционной борьбе в России уже на протяжении ряда лет привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей [1].

[1] Г. А. Веселая. Массовые общественные выступления московского студенчества в конце XIX — начале XX вв. (1896—1905). Канд. дисс. М., 1974; П. С. Гусятников.

В рецензируемой монографии анализируется борьба с самодержавием отдельных групп демократической интеллигенции накануне революции 1905 г. А. В. Ушаков характеризует также пропагандистскую, агитационную и организационную деятельность РСДРП среди различных слоев работников умственного труда.

Особый интерес представляют разделы монографии, в которых автор касается таких малоизученных тем, как движение учителей, медицинских работников, служащих, представителей творческой интеллигенции. Так, приведенные А. В. Ушаковым данные показывают, что каждое заседание 2-го Всероссийского съезда учителей в декабре 1902 — январе 1903 г. по остроте выдвигавшихся вопросов, напоминало политический митинг. В книге детально прослеживается работа нелегальной всероссийской революционной организации учителей — «Союза народных учителей».

Автором выявлены интересные материалы, свидетельствующие об оппозиционных настроениях творческой интеллигенции. Наиболее полно освещена деятельность «Московского общества содействия устройству общеобразовательных развлечений», в частности, организация народных театров на фабриках и заводах. Особое внимание обращено в этой связи на творчество Художественного театра.

А. В. Ушаков вводит в научный оборот новые материалы, раскрывающие борьбу писателей с царской цензурой, например, неопубликованные протоколы заседаний «Союза взаимопомощи русских писателей».

Прогрессивные демократические идеи проповедовали лучшие представители науки. К. А. Тимирязев, Д. И. Менделеев, В. И. Семевский, Ф. Ф. Эрисман и другие открыто выражали сочувствие студенческому движению и свое несогласие с реакционной политикой царизма в области высшего образования.

Нашли отражение в книге и выступления демократически настроенных юристов. Автор приводит новые факты об участии юристов в рабочих демонстрациях в Одессе и Харькове в 1904 г. Он подчеркивает, что под влиянием выступлений пролетариата их борьба принимала антиправительственный характер

В связи с исследованием студенческого движения А. В. Ушаков обобщает значительный фактический материал. Он обнаружил интересные данные об участии рабочих в студенческих демонстрациях, что оказывало революционизирующее влияние на учащуюся молодежь. Отмечая неоднородность студенчества — одной из наиболее сложных общественных групп, А. В. Ушаков, вопреки мнению некоторых исследователей, совершенно правильно, на наш взгляд, оценивает студенческое движение второй половины 90-х годов как академическое, т. е. оппозиционное по отношению к политике правительства в университетском вопросе. Студенты в тот период не выдвигали еще политическую программу, не осознали еще необходимость борьбы с самодержавием. И только с 1902 г. под влиянием рабочего движения студенчество втягивалось в политическую борьбу. В резолюциях студенческих сходок появились требования свержe-

---

Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М., 1971; Л. К. Ерман. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; Его же. Борьба пролетариата России за демократическую массу интеллигенции в эпоху империализма.— «Пролетариат России на пути к Октябрю. (Облик, борьба, гегемония). Материалы к научной сессии по истории пролетариата, посвященной 50-летию Великого Октября. 14—17 ноября 1967 г.», ч. 11. Одесса, 1967; Б. В. Золотарев. Ленин и революционное студенчество Петербургского университета в период создания и деятельности «Союза борьбы».— «Вестник ЛГУ», 1969, № 2, вып. 1; А. Е. Иванов. Университеты России в 1905 г. «Исторические записки», т. 88, 1971; В. Р. Лейкина-Свирская. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; М. И. Матвеев. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966; Р. И. Протопопов. В. И. Ленин о студенчестве и его роли в революционном движении. «Труды кафедры истории КПСС Новосибирского ун-та», 1969. вып. 3; Г. И. Щетинина. Университеты и общественное движение в России в пореформенный период. «Исторические записки», т. 84, 1969; С. Л. Эвенчик. Высшие женские курсы в Москве. «Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР». М., 1972; А. Веков. Българо-руски революционни връзки. 1885—1917. София. 1965; L. Bazyloy. Politika wewnetrzna caratu i ruchy spoleczne w Rosji na poczatku XX w. Warszawa, 1966; M. Pushkin. The Professions and the Intelligentsia in nineteenth Century in Russia. «Historical Journal». Birmingham, 1969, vol. 12.

ния царизма, установления 8-часового рабочего дня, проведения демократических реформ.

К сожалению, автор совершенно не коснулся в этой связи вопроса об участии в революционной борьбе студенчества учащихся девушек. Курсистки-бестужевки в Петербурге и слушательницы Высших женских курсов в Москве являлись активными участницами всех студенческих волнений. На известной политической сходке 9 февраля 1902 г. в Московском университете было арестовано 509 человек, в том числе 73 женщины [2]. Именно курсистки были инициаторами голодовки заключенных, содержащихся в Бутырской тюрьме, в марте 1902 г., выдержали ее дольше других и добились удовлетворения своих требований [3]. Говоря о бурных студенческих сходках осенью 1904 г., нужно было отметить и сходки на Высших женских курсах, где была принята резолюция с требованием изменения политического строя в России [4].

На материалах центральных и местных архивов А. В. Ушаковым разработана малоизученная тема об антиправительственных выступлениях учащихся средних учебных заведений. На основе архивных данных, а также опубликованных материалов А. В. Ушаков подсчитал количество нелегальных ученических организаций. Оказалось, что в 1901—1904 гг. они действовали в 73 городах России. Автор сообщает сведения о существовании нелегальных рукописных и гектографированных журналов, издававшихся гимназистами и воспитанниками реальных училищ. Большой интерес представляют таблицы о различных формах волнений учащихся на протяжении 10 лет (с 1895 по 1904 г.): бунтах (стихийных выступлениях, приводящих к нарушению порядка в учебных заведениях), забастовках, демонстрациях. Они позволяют установить, что во втором пятилетии количество выступлений выросло более чем в 5 раз по сравнению с первым, достигнув наибольшей остроты в 1901 г., когда по стране прокатились рабочие и студенческие забастовки и демонстрации. В книге приведены конкретные факты о выступлениях гимназистов, носивших политический характер (в Смоленске, Житомире, Кутаиси и других городах).

Вызывает сомнение категорическое утверждение автора о том, что пролетарское влияние было особенно сильным на неимущих студентов и гимназистов, и вообще, что тяжелые материальные условия толкали молодежь на путь революционной борьбы.

Сами руководители студенческого движения признавали несостоятельным мнение, будто «в беспорядках участвуют только те, кто не имеет средств к существованию и бунтует из-за неудовлетворенного желудка» [5]. Разумеется, это не значит, что в движении принимали участие главным образом обеспеченные студенты. Студентов — участников сходок, забастовок и демонстраций волновали в первую очередь не материальные, а идейные вопросы. Иначе трудно объяснить тот факт, что студенты не выдвигали требований, связанных с улучшением их материального положения. То же самое можно сказать и о требованиях учащихся средних учебных заведений. Даже бедняки-семинаристы требовали изменения постановки образования, разрешения чтения светских книг, права посещать театры и т. д.

Подводя итоги исследованию, автор обоснованно утверждает, что участие демократической интеллигенции в революционном движении накануне революции 1905 г. помогло ей определить свою позицию в дальнейшей революционной борьбе.

Г. А. Веселая

[2] См. ЦГАМ, ф. 459, оп. 2, д. 8170, л. 192.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 22, д. 971, т. 2/902, л. 128 об.
[4] См. ЦГАОР СССР, ДП ОО, 1904, 3 ч. 10 т. 2, л. 40.
[5] См. Сб. «Нашим товарищам». М., 1903, стр. 228.

М. А. АЛПАТОВ. РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА. XVII — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВЕКА. М., «Наука», 1976, 455 стр., тир. 6300 экз.

Историческая наука не может существовать без высокоразвитой историографии. Роль историографических исследований в нашей стране постоянно растет. И тем не менее нам явно нехватает (речь идет о периоде феодализма в России до начала XIX в.) работ, где бы трактовались крупные историографические проблемы на большом хронологическом отрезке времени. Русская историческая мысль (до конца XVIII в.) и Восток, русская историческая мысль и славянство, русская историческая мысль и Франция или Италия, русская историческая мысль и античный мир — вот небольшой перечень тем, рассмотрение которых необходимо для восстановления картины исторических представлений русского феодального общества и человека, которые до сих пор не стали предметом специальных обобщающих работ. Поэтому заметным событием в изучении отечественной историографической мысли является рецензируемая монография М. А. Алпатова. Она хронологически продолжает другой труд ученого — «Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв.» (М., 1973). Вместе с тем новая работа отличается от предшествующей спецификой исследования и избранной автором формой изложения. В ней рассмотрены одновременно две тесно взаимосвязанные темы: процесс зарождения исторической науки в России, возникавшей в условиях значительного роста знаний о европейской истории и Европе, и процесс формирования системы знаний о России и русской истории в западноевропейском обществе.

В работе историографической, в отличие от работ проблемных общего плана, есть особая черта, поскольку объектом анализа являются труды и взгляды различных авторов, подчас ничем между собой не связанные. При этом перед исследователем встают сложные вопросы композиции и формы изложения, требующие индивидуального подхода. «В данном случае,— пишет М. А. Алпатов об избранной им композиции,— приходится предпочесть портретное изложение. Каждый автор, речь идет в данном случае и о русских и об иностранных авторах, видел разное в разное время, мог оценивать тоже по-разному в зависимости от присущих только ему особенностей и т. д. Все это можно сохранить, только дав его исторический портрет» (стр. 8). Нельзя не согласиться со справедливостью такого подхода. С большим мастерством воссоздает М. А. Алпатов целую галерею портретов иностранцев. Пожалуй, наиболее удачными в книге являются портреты купца Исаака Массы, ученого и путешественника Адама Олеария, участника голландского посольства Балтазара Кобэтта, генерала Патрика Гордона, посланника Юста Юла, дипломатов Иоганна Георга Корба и Фридриха Христиана Вебера. Галерею русских портретов открывают представители первой четверти XVIII в. Это прежде всего портреты А. А. Матвеева, Б. М. Куракина, П. П. Шафирова, Феофана Прокоповича. Автор обрисовал этих людей больших знаний, больших талантов, помощников в деле реформ Петра I с тактом, с опытом историка и даже писателя.

Читатель книги оказывается в уникальной картинной галерее: в зале XVII в. иностранные портреты висят на всех стенах, тогда как в зале первой четверти XVIII в. иностранные портреты расположены на одной стене, а с другой на них смотрят русские лица. И все они не просто соседствуют друг с другом, а ведут страстный разговор о судьбах России, о ее отсталости и петровских реформах. Стремление к наглядной, образной, почти художественной форме изложения пронизывает и всю книгу в целом.

Первые два раздела книги посвящены разбору «сказаний» иностранцев о России в период крестьянской войны и иностранной военной интервенции, а затем — о Русском государстве последующих десятилетий XVII в. Разумеется, все эти памятники хорошо известны в научной литературе, их материалы широко использовались для изучения русского исторического процесса. Но М. А. Алпатова интересует другой

аспект: что мог узнать из этих сочинений о России тогдашний европейский читатель. Из всей массы свидетельств автор совершенно справедливо выделяет ту главную тему, которая сделала всю эту группу «сказаний» важнейшим этапом на пути западноевропейского познания России — тему внутренних конфликтов в Русском государстве, конфликтов, из которых самыми значительными, более всего отразившимися в сочинениях иностранцев, были крестьянские войны XVII в. Сообщения Буссова и Массы, Фабрициуса и Стрюйса, как показывает М. А. Алпатов, по существу, покончили с мифом о России как стране, где все население усердно и безропотно выполняет повеления монарха. Вместе с тем он предостерегает против того, чтобы видеть в этих «сказаниях» произведения передовой исторической науки Запада. Их авторы — по большей части малообразованные кондотьеры-наемники или торговцы — находятся во власти чисто средневековых представлений, круг их интересов специфичен. Русское общество они рассматривают как объект обогащения и грабежа, а когда их действия встречают отпор, они готовы описывать его самыми черными красками. Из этой среды иностранных наблюдателей автор справедливо выделяет высокообразованного Олеария, сумевшего наряду с общей отсталостью русского общества отметить явную тягу лучшей части дворянства к образованию и знаниям (стр. 116—117).

Следует лишь добавить, что М. А. Алпатов, хотя сам и не говорит об этом прямо, производит среди этих приезжавших в Россию иностранцев определенный отбор. В его книге фигурируют прежде всего англичане, голландцы, немцы, в меньшей мере датчане и шведы. Французов автор касается вскользь, хотя и упоминает в книге их сочинения. Получается, что из всей совокупности «сказаний» и мемуаров иностранцев на первый план в книге выходят свидетельства протестантов, тогда как католики и их сочинения отходят на второй план. В центре внимания автора оказываются свидетельства протестантской Европы о России. Может быть, поэтому и русские политики у М. А. Алпатова, когда смотрят на Запад, видят прежде всего протестантский мир. Это объяснялось, конечно, не религиозными соображениями: Россией интересовался на Западе не протестантский мир вообще, а передовые буржуазные государства того времени, морские державы — Англия и Голландия, и этот интерес был в первую очередь торговый и политический. В результате в книге М. А. Алпатова отчетливо выделяется диалог: Россия и морские державы, их конфронтация в ходе исторического процесса в Восточной и Центральной Европе в последующий период. Отмеченная черта проявилась и в географической области: представители морских держав описывают прежде всего те районы, которые наиболее были им знакомы и которые больше других интересовали их: Москва, Центр, Север и Нижнее Поволжье. Эти районы и становятся предметом специального рассмотрения М. А. Алпатова (главы: «Сказания иностранцев о России в период крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в.» и «Сказания иностранцев о России XVII в.»). Таким образом, вне поля зрения иностранцев и автора остаются районы западнее Москвы, северо-восточные земли России, Украина после ее воссоединения с Россией, Верхнее Поволжье, Урал, Сибирь. Приблизительно та же территория охвачена исследователем и в последующих главах. Этот ареал, на котором происходят привлекающие иностранцев (а за ними и автора) события, остается почти неизменным и в XVII и в первой четверти XVIII в. В области торговли и политики интересы господствующих классов морских держав оказывались в противоречии с интересами Русского государства. Блокада на Балтике, проекты протектората или даже обращения России в полуколонию, рецепты, как добиться процветания английской или голландской торговли в России,— все это мы также находим в записках и сказаниях иностранцев. Естественно, что эти политические планы не могли остановить развития России. Россия и русский народ прорвали блокаду на Балтике. Возникли северная столица-порт, постоянные армия и флот. Книга М. А. Алпатова — великолепный анализ политических отношений России и стран Запада не только в XVII в., но и в эпоху Петра. «До сих пор Россия им рисовалась страной далекой, азиатской, недостаточно сильной, чтобы вмешиваться в дела Запада. Теперь они вынуждены были считаться с Россией, но презирали ее за отсталость» (стр. 209).

Проблема отсталости России — особая и большая тема, разбираемая в книге. Автор приводит много высказываний иностранцев по этому поводу, справедливо указывает на их односторонность, на субъективность ряда оценок, хотя и соглашается с некоторыми из них, но, к сожалению, собственного развернутого ответа на этот вопрос не дает.

Думается, что для второй половины XVII — начала XVIII в. нет оснований говорить об особой отсталости России по сравнению с такими ближайшими к ней европейскими державами, как Речь Посполитая или Австрия. Правильнее было бы говорить об общей отсталости ряда стран Центральной и Восточной Европы от таких стран Западной Европы, как Англия и Голландия, где в указанную эпоху уже восторжествовали капиталистические отношения. Сопоставление высказываний англичан и голландцев с высказываниями, например, поляков XVII в. было бы с этой точки зрения весьма поучительным. К этой части работы примыкает глава 5-я книги «Новый этап в истории западной исторической литературы о России». В этой главе, анализируя сочинения иностранцев начала XVIII в., прежде всего такие, как «Повествование о России» Д. Перрии и «Преображенная Россия» Ф. Х. Вебера, автор выявляет главные изменения в западноевропейских представлениях о России в эпоху петровских преобразований. Касается этой проблематики М. А. Алпатов и в заключительном разделе своего труда, разбирая современные работы буржуазных историков о петровских реформах.

М. А. Алпатов показывает, что иностранные свидетели сумели оценить грандиозный размах преобразований, но не смогли понять его причин. В их сочинениях восхищение грандиозной фигурой Петра сочетается с отрицательным отношением к России, русскому обществу, все сословия которого представляют собой лишь консервативную силу, сопротивление которой пришлось ломать царю — реформатору.

Центральное место в работе занимают главы: «Накопление знаний о Западной Европе в годы петровских преобразований», «Историческая мысль в Петровское время» и «Рождение исторической науки в России». В них рассмотрена вся совокупность тех культурных сдвигов в России Петровской эпохи, которые привели к рождению в России исторической науки. Разумеется, об этих процессах писали и ранее, но М. А. Алпатов сумел дать такой синтетический очерк, где рассмотрены все основные предпосылки рождения русской исторической науки.

Как одну из важнейших предпосылок, автор отмечает резкий рост знаний о соседних странах Западной Европы, связанный с утверждением важного места России в «концерте» европейских держав и осознанием этого факта современниками — знаний об их формах правления, положении различных классов, быте и нравах, системе международных отношений. Процесс их накопления в тесной связи с активизацией русской внешней политики удачно показан автором на примере разбора как записок таких выдающихся дипломатов начала XVIII в., как Б. И. Куракин и А. А. Матвеев, так и сообщений первой русской газеты. За накоплением следуют первые попытки упорядочения этих знаний, извлечения из них выводов — с одной стороны, в личных опытах, сделанных «для себя» (как «мемории» Б. И. Куракина), с другой стороны в исторических трудах о современности, связанных с борьбой за упрочение международных позиций России («Рассуждение о свейской войне» П. П. Шафирова).

Одновременно, как показывает М. А. Алпатов, резко повышается интерес к памятникам античной историографии, и произведениям современной европейской науки. Предпринимаются и переводы целого ряда таких трудов. Наконец, наблюдаются существенные сдвиги в мировоззренческой сфере: переход от различных модификаций библейской теории четырех всемирных монархий к теории исторического круговорота.

Наглядно показывая всю масштабность происшедших сдвигов, М. А. Алпатов одновременно справедливо предостерегает против их переоценки: в то время еще не родилась историческая наука, синтезировавшая теорию, знания античного наследия и современный политический опыт. Такой синтез был впервые реализован в исторических сочинениях В. Н. Татищева.

В этой так полно и всесторонне обрисованной картине недостает, все же думается, одного звена. Эпоха Петра была временем ломки многих устоявшихся форм, ломки

тяжелой и мучительной, действия петровского правительства неоднократно наталкивались на сопротивление не только социальных низов, но и значительной части господствующих классов. М. А. Алпатов неоднократно об этом упоминает, но он все же очень мало говорит о тех коллизиях, которые возникли в самой историографии с ломкой сложившейся и очень устойчивой исторической традиции. Споры здесь были, по-видимому, весьма серьезные, а оппозиция не ограничивалась лишь возражениями против введения нового календаря и «венгерских кафтанов».

Здесь мы оказываемся лицом к лицу с проблемой, которая начиная с эпохи Петра в течение почти двух столетий находилась в центре русской не только исторической, но и шире — общественной мысли — об отношении России и Запада. И автор, и его исторические и историографические герои неоднократно обращаются к этому вопросу.

В своей галерее портретов автор, поставив вопрос об отношении России и Запада, по существу рисует эти отношения как антагонистические. Запад презирает Россию, русский народ отвечает ненавистью Западу и иностранцам. Иностранная военная интервенция, наемники, кондотьеры, грубое нарушение прав и обычаев русского общества и т. д.— все это вызывает отпор русского народа. В эпоху Петра возникает еще и проблема «иностранного» засилья. Это отразилось и в исторической мысли, в трудах иностранных и русских ученых Петербургской Академии наук. В политической области это засилье нашло воплощение в бироновщине, а в области идеологической — в господстве иностранцев в Академии наук. Именно из этого столкновения вышел пресловутый «варяжский вопрос». Он был делом политики, но никак не науки, пишет исследователь в заключительном разделе книги, озаглавленном «Вместо послесловия» (стр. 422—423). М. А. Алпатов ставит, таким образом, важные проблемы, не нашедшие еще достаточного освещения в исторической литературе.

Приведенный выше обзор дает представление и о широте охваченного в книге круга вопросов и об оригинальности подхода к ним автора. Разумеется, в работе можно обнаружить также ряд неточностей и ошибок: такие определения и характеристики, как, например, «зависимость самозванца (Лжедмитрия I.— *В. К.*) от польской короны была полная» (стр. 96) или «он (Карл XII.— *В. К.*) был хозяином Польши» (стр. 214) явно неудачны. Лжедмитрий I не был просто марионеткой польского короля. Он пытался даже осуществить свои замыслы в разрез с политикой Сигизмунда III. Карл XII так и не сумел разгромить Сандомирскую конфедерацию в Речи Посполитой. Явной ошибкой является следующее утверждение автора при анализе событий Северной войны: «Во время борьбы за Нарву Карл XII совершил ошибку, увязнув в Саксонии» (стр. 316). Фактически речь должна идти не о Саксонии, а о Польше. Характеризуя Петровское время, автор пишет: «То был период, когда прогрессивные возможности русского абсолютизма еще не были исчерпаны. То был его зенит, выше которого он уже не поднимался» (стр. 198—199). Вопрос о высшей точке русского абсолютизма в советской историографии не нов и до сих пор является предметом споров. Но дело не только в этом. Вслед за этим тезисом автор развил свое суждение об эволюции абсолютизма в период XVIII в. Вот оно: «Между эпохой петровских преобразований и „просвещенным абсолютизмом" времени Екатерины II пролегает полоса дворцовых переворотов, поздний рецидив феодальных смут, длительный шумный антракт в истории русского абсолютизма» (стр. 396). На этот «шумный антракт» приходятся, однако, важные преобразования, проведенные в правление Елизаветы, дочери Петра I, «Семилетняя война» и победы русских армий, вступивших в Берлин. «Антракт» как термин для обозначения целой полосы русской истории явно не годится. Однако таких неточностей в книге немного и их наличие не может лишить убедительности основные выводы автора.

«Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая четверть XVIII в.» — серьезный, ценный труд. Он является прежде всего книгой историографической, восполняет важный пробел в наших знаниях о зарождении отечественной историографии. Вместе с тем в книге собран и большой материал о развитии национального самосознания русского общества в XVII—XVIII вв.

В. Д. Королюк

В. И. БУГАНОВ. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ. Обзор советской литературы. М., «Наука», 1975, 344 стр., тир. 4000 экз.

Публикация и изучение летописных памятников насчитывает три столетия — первое издание Синопсиса вышло в 1674 г. С тех пор в нашей стране появилось около двух с половиной тысяч книг и статей, посвященных полностью или в значительной мере исследованию и изданию летописей. Из этого количества более тысячи работ вышло в свет после Октябрьской революции. Не только по количеству опубликованного, но и по существу этот последний период — наиболее интенсивный и результативный.

Рецензируемое исследование В. И. Буганова содержит обзор советской литературы, посвященной изучению русского летописания. Во введении охарактеризовано научное наследие крупнейших дореволюционных исследователей и в том числе А. А. Шахматова, сыгравшего исключительную роль в изучении летописания. В работе рассматривается материал трех периодов: 1918 г.— середина 30-х годов, середина 30-х — середина 50-х годов, середина 50-х — начало 70-х годов. Каждая глава содержит пять тематических разделов: история изучения начального летописания, летописей периода феодальной раздробленности, летописания конца XV—XVII в., хронографов и, наконец, обобщающие труды. Автор сначала приводит краткие сведения об изданиях летописных текстов, после чего анализирует исследовательские работы.

Разумеется, в историографическом обзоре нет возможности не только осветить все работы по этой проблематике, но и даже перечислить их. И тем не менее материал, привлеченный в книге В. И. Буганова, довольно внушителен: более шестисот исследовательского характера книг, статей и рецензий, свыше пятидесяти крупных изданий и небольших публикаций летописных текстов. В обзор включены все наиболее важные работы, а также освещены все значительные достижения в области источниковедческого изучения летописей. В. И. Буганов специально оговаривает, что в центре его внимания находится именно этот аспект, а не вопросы летописной археографии, которые требуют особого анализа, и что им вообще опущены «исследования о летописях, написанные в языковедческом, историко-литературном плане» (стр. 4). Впрочем, последнее не совсем так: некоторые из историко-литературных работ все же рассмотрены.

В. И. Буганов, оценивая выдающийся вклад А. А. Шахматова, подчеркивает, что его работы «составили эпоху в изучении русского летописания», причем ценность их состоит «в блестящем соединении текстологического анализа массового материала летописных списков с логически-смысловым, историческим анализом летописей» (стр. 23). Справедливо указывая, что элементы методики А. А. Шахматова можно проследить уже в работах его предшественников, В. И. Буганов вместе с тем отмечает, что созданная А. А. Шахматовым грандиозная схема общей истории русского летописания подверглась позднее существенным дополнениям, уточнениям и поправкам, но остается в своей основе непоколебленной. Автор пишет, что с развитием советской науки о летописях были преодолены представления, «игнорировавшие классовый характер русских летописей», «преувеличивавшие степень влияния иностранных, например, византийских, традиций», «преуменьшавшие идейность, политическую обусловленность, заостренность русских летописей» (стр. 322).

В. И. Буганов не соглашается с теми, кто склонен сводить прогрессивную сущность работ А. А. Шахматова к параллельному сличению текстов и к построению генеалогии летописания на основе таких именно сличений. Автор справедливо напоминает, что материал для параллельных сопоставлений оказывается в наличии далеко не всегда и что А. А. Шахматов при отсутствии параллельного материала строил свои гипотезы на «внутреннем» анализе одного только текста. Поэтому попытки в принципе оспорить такую методику, квалифицируя ее как возврат к «дошахматовским методам», неосновательны (стр. 44—47).

И, действительно, не существует исследовательских приемов и методик безотносительно к специфике изучаемого материала. Бессмысленно настаивать на универсальной безошибочности какого-нибудь одного методического приема или даже системы приемов. Выдающийся талант А. А. Шахматова и других ученых его масштаба проявлялся, между прочим, в умении найти и применить наиболее результативную именно для данной конкретной ситуации исследовательскую методику. Нельзя абстрактно спорить о том, какой прием можно, а какой вообще не следует применять в изучении летописей. Необходимо, чтобы использование каждого научного приема осуществлялось не механически и не догматически, а основывалось на ясном представлении о специфике данного конкретного случая и о «мере доказательности» получаемого при этом конкретного результата.

Автор справедливо говорит о необходимости непременно сочетать сопоставительный анализ самих текстов и анализ их идейного содержания. Он при этом согласен с теми, кто настаивал на «необходимости фронтального текстологического анализа летописных памятников, выяснения их генеалогии, целостной истории сводов» (стр. 41), пишет о методической неправомерности нарочито выборочного сопоставления изолированных текстовых фрагментов, равно как и умозрительной реконструкции идейного содержания памятника, оторванной от реальной истории его текстов.

В книге встречаются и неизбежные неточности и опечатки. Так, следует иметь в виду, что «Русский хронограф», который «находится в составе Забелинского списка» и о котором речь идет на стр. 195, это то же самое, что и новгородский «свод 1680 г.» (стр. 189) и Новгородская Забелинская летопись (стр. 295). Таким образом, пожелания автора обзора, адресованные будущим исследователям упомянутого хронографа (стр. 195) в значительной мере уже реализованы в работах, где он фигурирует под другим названием. На стр. 294 Новгородская Уваровская летопись ошибочно названа «Новгородской и Уваровской». Остается только сожалеть о том, что в монографии нет указателя наименований упомянутых летописей и других источников.

Однако подобного рода недочеты не изменяют общего впечатления о рецензируемом труде, как о чрезвычайно полезной подробной сводке достигнутых нашей наукой результатов. Тем более, что в поле зрения автора оказались не только специальные исследования летописей, но и порой весьма сложные по материалу работы, посвященные связям летописных памятников с источниками иного рода (в частности, фольклорными), анализы миниатюр в лицевых списках.

С. Н. Азбелев

В. И. ТЕТЮШЕВ

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МЕТОДАХ И ИСТОЧНИКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В СССР

В современную эпоху, когда угроза термоядерной войны сделала мирное сосуществование единственной разумной альтернативой во взаимоотношениях между двумя социальными системами, центр тяжести противоборства между ними переместился в сферу экономики. При этом огромное воздействие на революционизацию мира оказывает постоянно растущая экономическая мощь СССР, притягательный пример социалистического способа производства.

На политических деятелей развивающихся стран и прогрессивную общественность произвели удручающее впечатление опубликованные ООН данные, согласно которым при темпах роста производства, свойственных капитализму, этим странам потребуется не менее 200 лет, чтобы достигнуть современного уровня экономического развития передовых государств. Кстати, для некоторых буржуазных ученых и такие сроки представляются чрезвычайно оптимистическими. Так, по расчетам американского экономиста К. Керра и его коллег, слаборазвитые страны закончат индустриализацию лишь к 2500 г.[1]

Поскольку история знает пример несравненно более быстрого пути к прогрессу — путь социалистический, народы развивающихся стран стремятся, что признают и некоторые буржуазные ученые, «с выгодой для себя использовать коммунистические методы ведения хозяйства»[2]. Американский автор Г. Шварц, указывая на то, что «слаборазвитым странам темпы роста советской экономики кажутся весьма подходящими для решения их проблем», отмечал в этой связи: «... опыт сравнительно медленного, длительного роста представляется этим народам слишком неэффективным»[3].

Перемещение центра тяжести борьбы между двумя мировыми системами в сферу экономики привело, в свою очередь, к резкому обострению борьбы идеологической. Активное участие в ней принимают буржуазные советологи.

---

[1] C. Kerr, J. Dunlop, F. Harbinson, Ch. Wyers. Industrialism and Industrial Man. Lnd., 1962, p. 183.

[2] V. McKay. Africa in World Politics. N. Y., 1963, p. 241.

[3] См. «За рубежом», 1962, № 44, стр. 14—15.

Истории советской индустриализации в историографии США посвящены труды А. Бергсона, А. Гершенкрона, М. Голдмена, Л. Лаутона, Т. ф. Лауэ, Н. Спалбера, Г. Шварца, А. Эрлиха, Н. Ясного и др.[4]. Данная проблема рассматривается и в работах таких английских буржуазных историков, как Р. Дэвис, Э. Карр, А. Ноув и др.[5], западногерманских авторов — Э. Беттхера, В. Вагенленера, В. Гофмана, Р. Лоренца, Г. Раупаха и др.[6] Труды буржуазных советологов, изданные в основном в 50—60-е годы, уже получили справедливую оценку в советской литературе. Анализу буржуазной историографии советской индустриализации посвящены монографии Э. П. Горбунова и И. Н. Олегиной[7], а также целый ряд статей[8]. Критика буржуазных концепций истории индустриализации СССР содержится в ряде исследований, характеризующих буржуазную историографию советского общества, в работах, посвященных истории советской экономики, соревнованию между социализмом и капитализмом и т. д.[9]

---

[4] A. Bergson. The Real National Income of Soviet Russia Since 1928. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1961; Idem. The Economics of Soviet Planning. New Haven, 1964; Idem. Planning and Productivity under Soviet Socialism. N. Y., 1968; A. Gerschenkron. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge (Mass.), 1962; Idem. Continuity in History and Other Essays. Cambridge (Mass.), 1968; Idem. Europe in the Russian Mirror. Four Lectures in Economic History. Cambridge (Mass.), 1970; M. Goldman. Soviet Marketing: Distribution in a Controlled Economy. N. Y., 1963; Idem. The Soviet Economy: Myth and Reality. N. Y., 1968; L. Lawton. An Economic History of Soviet Russia. Lnd., 1958; T. von Laue. Of the Crises in Russian Polity. Essays in Russian and Soviet History. N. Y., 1963; Idem. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900—1930. Philadelphia — N. Y., 1964; N. Spulber. The Soviet Economy. Structure. Principles. Problems. N. Y., 1962; Idem. Soviet Strategy for Economic Growth. Bloomington — Lnd., 1967; H. Schwartz. The Soviet Union: Communist Economic Power. Chicago, 1963; Idem. The Soviet Economy Since Stalin. N. Y., 1965; A. Erlich. The Soviet Industrialization Debate, 1924—1928. Cambridge (Mass.), 1960; Idem. Development Strategy and Planning. A Conference of the Universities — National Bureau Committee for Economic Research. N. Y., 1967; N. Jasny. Soviet Industrialization 1928—1952. Chicago, 1961; Idem. Essays on the Soviet Economy. N. Y., 1962.

[5] A. Nove. Communist Economic Strategy: Soviet Growth and Capabilities. N. Y., 1959; Idem. The Soviet Economy: An Introduction. N. Y., 1961; Idem. An Economic History of the USSR. Lnd, 1969; S. Swaniewicz. Forced Labour and Economic Development. An Inquiry into the Experiment of Soviet Industrialization. Lnd., 1965; E. Carr and R. Davies. Foundations of a Planned Economy 1926—1929, vol. I. Lnd., 1969; vol. 2. Lnd., 1971.

[6] См. W. Hofman. Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? Berlin, 1955; Idem. Die Arbeitsverfassung der Sowjetunion. Berlin, 1956; R. R. Oertel. Das system der Sowjetwirtschaft. Berlin, 1957; E. Boettcher. Die Sowjetische Wirtshaftspolitik am Scheidewege. Tübingen, 1959; G. Wagenlehner. Das Sowjetische Wirtschaftsystems. Köln, 1962; H. Raupach. Geschichte der Sowjetwirtschaft. Hamburg, 1964; R. Lorenz. Anfänge der bolschewistischen Industrialpolitik, Köln, 1965.

[7] Э. П. Горбунов. Социалистическая индустриализация СССР и ее буржуазные критики. М., 1962; И. Н. Олегина. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971.

[8] См. И. Н. Олегина. О труде Э. Х. Карра «Социализм в одной стране». «История СССР», 1963, № 4; ее же. Современная американская и английская историография об индустриализации в СССР. «Вопросы истории», 1966, № 3; ее же. Советская индустриализация в работах сотрудников русского исследовательского центра при Гарвардском университете. «Против буржуазной фальсификации истории советского общества», Л., 1967; О. И. Величко. Освещение истории социалистической индустриализации СССР в западногерманской буржуазной литературе. «Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС». М., 1970; О. И. Величко, И. Н. Олегина. Индустриализация СССР и ее трактовка в современной буржуазной советологии. «Критика буржуазной историографии советского общества». М., 1972.

[9] В. Г. Смолянский. Критика буржуазных «теорий» о советском планировании. М., 1962; В. Ф. Цага. Современные псевдонаучные теории социализма. М., 1966; С. А. Хавина. Критика буржуазных взглядов на закономерности социалистического хозяйствования. М., 1968; Ю. Я. Ольсевич. Эффективность экономики социализма. Критика буржуазных и ревизионистских концепций. М., 1972; Б. И. Марушкин. История и современность. История в современной идеологической борьбе. М., 1972, и др.

Однако немало публикаций, посвященных истории социалистической индустриализации, появилось на Западе и в первой половине 70-х годов [10]. Данная тематика продолжает оставаться предметом широкого обсуждения в буржуазной историографии. Так, в 1973 г. на страницах журнала «Славик ревью» были опубликованы материалы дискуссии по истории выработки и осуществления первого пятилетнего плана в СССР [11], участники которой поставили своей целью дать «всестороннюю критику большой стратегии развития СССР» [12].

В данной статье мы рассмотрим взгляды буржуазных авторов на проблему методов и источников осуществления индустриализации в СССР. Эти вопросы нашли отражение в работах И. Н. Олегиной и О. И. Величко. Ю. Я. Ольсевич подверг критическому анализу буржуазные концепции накопления капитала в период индустриализации. Взгляды советологов о так называемом «первоначальном социалистическом накоплении» охарактеризованы А. А. Барсовым [13]. Однако буржуазные концепции методов и источников осуществления индустриализации в СССР освещены в советской историографии недостаточно и специально еще не рассматривались.

При оценке проведения индустриализации в СССР буржуазные советологи, как правило, на первый план выдвигают ее «издержки». Подобная тенденция наметилась еще в 30-х годах. У. Чемберлин, например, критиковал политику индустриализации, проводимую большевиками, «не как таковую», поскольку она была необходима, а как политику, предопределившую «чрезмерно напряженные темпы и ненужные жертвы» [14]. Утверждения о якобы «слишком большой цене, уплаченной народом за прогресс», содержатся в работах и тех авторов, которые вынуждены признать, что наша страна за годы Советской власти добилась «внушительных успехов» и «превратилась в один из индустриальных гигантов XX века» [15]. Характерны рассуждения по этому поводу профессора С. Хука. «Действительная проблема, стоящая перед любой страной, убежденной в желательности индустриализации, — пишет он, — состоит в сознании того, что существуют альтернативные пути и возможен выбор издержек для достижения этой цели» [16].

---

[10] См., напр., «Soviet Economic Growth 1970—1980». Symposium. Brussels, 1971; N. Jasny. Soviet Economists of the Twenties. Names to be Remembered. Lnd.— N. Y., 1972; «The Soviet Economy in Regional Perspective». N. Y., 1973; «Soviet Economic Prospects for the Seventies». Washington, 1973; Th. V. Greer. Marketing in the Soviet Union. N. Y., 1973; W. J. Conjngham. Industrial Management in the Soviet Union. The Role of the CPSU in Industrial Decision — Making, 1917—1970. Stanford, 1973; J. H. Wilson. Ideology and Economics. U. S. Relations with the Soviet Union, 1918—1933. Columbia, Univ. of Missouri press, 1974; «Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin». N. Y., 1974; M. Lewin. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Princeton, 1974; R. W. Campbell. The Soviet — Type Economies. Performance and Evolution. 3d ed. Boston, 1974; «Essays in Honour of E. H. Carr.» Hamden, 1974; P. Gregory, R. Stuart. Soviet Economic Structure and Performance. N. Y., 1975.

[11] См. «Slavic Review», 1973, vol. 32, No 2.

[12] Ibid., pp. 257, 258.

[13] См. А. А. Барсов. Об одном мифе буржуазной экономической науки (к вопросу о так называемом первоначальном социалистическом накоплении). «Баланс стоимостных обменов между городом и деревней». М., 1969; его же. Проблемы развития советского аграрного строя в освещении буржуазной историографии. «Критика буржуазной историографии советского общества». М., 1972.

[14] W. H. Chamberlin. Russia's Iron Age, p. 60.

[15] B. Maddison. Social Welfare in the Soviet Union. Stanford Univ. Press., 1968; M. Goldman. The Soviet Economy: Myth and Reality. N. Y., 1968; M. Ellman. Economic Reform in the Soviet Union. Lnd., 1969; G. A. Lensen. The Soviet Union. An Introduction. N. Y., 1967; p. 43; P. Dukes. A History of Russia. Lnd., 1974, p. 263.

[16] S. Hook. The Human Costs of Revolution. «Survey», 1968, January, No 66, p. 22.

Буржуазные историки и экономисты пытаются убедить читателей, что советский опыт индустриализации неподходящ для других стран. Так, Д. Боулс уверяет, что «СССР дает наиболее неудовлетворительную модель для нации, заинтересованной в быстром экономическом развитии» [17].

Подобные выводы не имеют ничего общего с действительностью. Известно, что в создании тяжелой индустрии В. И. Ленин видел спасение для России, находившейся в капиталистическом окружении. Закономерно поэтому, что в ленинском плане социалистического строительства осуществлению этой жизненно важной задачи было отведено центральное место. «Единственной возможной экономической основой социализма,— подчеркивал В. И. Ленин,— является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист» [18]. Методом индустриализации, который обеспечил бы решение этой жизненно важной задачи, как обстоятельно показано в работах советских историков, могло быть только преимущественное развитие средств производства [19].

Результаты первых двух пятилеток подтвердили обоснованность ленинской экономической политики. К концу 1-й пятилетки объем промышленного производства превысил уровень 1928 г. вдвое, а уровень 1913 г.— в 2,7 раза [20]. Удельный вес продукции группы «А» вырос за пятилетие с 39,5% до 53,4% [21]. Еще более впечатляющим был рост продукции машиностроения. Ее объем за пятилетку увеличился в 4 раза и в 7 раз по сравнению с 1913 г. [22]. Быстрыми темпами развивалась промышленность и во второй пятилетке. Валовая продукция промышленности увеличилась в 2,2 раза [23]. По общему объему промышленного производства СССР вышел на второе место в мире после США.

Успешная индустриализация послужила основой для создания материально-технической базы социалистического преобразования сельского хозяйства, укрепления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. На ее основе решались и другие задачи социалистического строительства: изживалось фактическое неравенство ранее отсталых национальных окраин, рос жизненный уровень советского народа, осуществлялась культурная революция в стране.

Со времени первых пятилеток буржуазные историки и экономисты стремятся дискредитировать метод осуществления индустриализации в СССР на основе преимущественного развития средств производства. В работах советологов этой проблеме придается особое значение. Многие из них отождествляют выбор метода индустриализации с определением «стратегии экономического роста», «альтернативы социального развития» [24]. Советский метод индустриализации буржуазные авторы оценивают как принудительный, утверждая, что советская экономика функционирует будто бы независимо от объективных экономических законов.

---

[17] D. Bowles. Soviet Russia as a Model for Underdeveloped Areas. «World Politics», 1962, vol. XIV, No 3, pp. 483, 502.

[18] В. И. Ленин. ПСС, т. 44, стр. 50.

[19] Анализ советской историографии данной проблемы содержится в работе В. С. Лельчука «Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии». М., 1975, стр. 215—219.

[20] «Промышленность СССР. Статист. сборник». М., 1964, стр. 32, 34.

[21] Там же, стр. 34, 37.

[22] Там же, стр. 245.

[23] «Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». М., 1939, стр. 19.

[24] См., напр., N. Spulber. Soviet Strategy for Economic Growth, p. 8; F. L. Schuman. The Cold War: retrospect and prospect. Louisiana State Univ. Press. 1962, p. 52.

Эта концепция получила распространение в буржуазной историографии еще в конце 20-х—30-х годах. Профессор К. Б. Гувер, например, заявил в 1931 году, что важнейшим фактором в развитии советской индустрии были не экономические стимулы [25]. У. Чемберлин, оценивавший советскую экономику с подобных позиций в 30-х годах [26], и в 1965 г. указал на «государственное управление экономикой» как на главную черту советской системы, которая остается неизменной [27]. По утверждению Н. Ясного, принудительный метод накопления является «ключом» советской индустриализации [28]. Подобные оценки характерны для подавляющей части работ буржуазных советологов [29].

Выдвигаемая буржуазными авторами версия не выдерживает критики. Известно, что именно основоположники научного коммунизма раскрыли сущность экономических законов капитализма и социализма. В. И. Ленин, определяя характер экономической политики партии после победы Октября, подверг критике волюнтаристские взгляды «левых», выдвигавших теорию «внеэкономического принуждения» [30]. Вся история советской экономики свидетельствует о том, что плановое производство не исключает, а предполагает обязательный учет экономических законов.

Нельзя, конечно, игнорировать то обстоятельство, что экономические законы социализма действуют в определенных исторических условиях. Так, Советское правительство не могло не учитывать наличие капиталистического окружения. Этот фактор предопределил первоочередное решение таких задач, как укрепление обороноспособности страны. Буржуазные же историки пытаются усмотреть в способности Советского государства выдвигать на первый план решение тех или иных экономических задач, «командный характер» советской экономики, определять на этом основании как «насильственный» метод социалистической индустриализации.

При подобной постановке вопроса советологи исходят из предположения, будто большевики имели возможность выбора. В действительности же объективные обстоятельства диктовали советскому народу или трудности быстрой индустриализации, или неминуемую гибель первого социалистического государства. История со всей наглядностью подтвердила мудрость политики партии, направленной на первостепенное развитие средств производства и укрепление обороноспособности страны Советов. Благодаря своей военной мощи СССР отстоял свою независимость, разгромил гитлеровскую Германию и тем самым спас народы мира от фашистского рабства.

Необходимо отметить, что в буржуазной историографии выявилась и реалистическая тенденция в оценке методов осуществления индустриализации в СССР, ее значение для укрепления обороны страны. У. Джексон, например, писал в 1957 г. о том, что, если бы партия не успела осуществить индустриализацию и вооружить страну, «Россия

---

[25] C. B. Hoover. The Economic Life of Soviet Russia, N. Y., 1931, pp. 10, 12.
[26] См. W. H. Chamberlin. Russia's Iron Age, p. 42.
[27] «The Russian Review», 1965, vol. 24, No 1, p. 3.
[28] N. Jasny. The Soviet Industrialization, p. 8.
[29] См., напр., W. Hofman. Wohin steuert die Sowjetwirtschaft?, S. 106; A. Gerschenkron. Economic Backwardness in Historical Perspective, p. 23; W. Fulbright. Prospects for the West. Cambridge, 1963, p. 5; A. Bergson. Economic of the Soviet Planning p. 353; I. N. Westwood. Russia. 1917—1964. Lnd. 1966, p. 92; W. Klatt. Fifty Years of Soviet Agriculture. «Survey». Lnd., 1967, October, No. 65; «Handbook on Communism», pp. 418—419; E. Boettcher. Die Sowjetische Wirtschafts Politic am Scheidewege, S. 3, 229.
[30] См. «Ленинский сборник» XI, стр. 345—403.

превратилась бы в сателлита Германии»[31]. А. Мазур признает, что плановая экономика СССР «принесла свои плоды, когда наступил час испытаний»[32].

Особое внимание буржуазные советологи проявляют к проблеме накопления в условиях социалистической индустриализации и, прежде всего, тому, что при социализме норма накопления выше, чем при капитализме. Объясняется это, как правило, лишь тем, что капитализм будто бы способен в значительно большей степени удовлетворить потребительские нужды масс[33]. Буржуазные историки заявляют, что Советское правительство изыскивало источники накопления путем навязывания народным массам некоего аскетического образа жизни[34]. Некоторые советологи даже пытаются обосновать какую-то взаимосвязь между подобной практикой, не имевшей ничего общего с действительностью, и плановым характером социалистической экономики[35]. В условиях социализма, по их утверждению, развитие тяжелой индустрии является самоцелью, производство развивается ради производства, а интересы потребителей игнорируются[36].

В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс, высмеивая представителей мелкобуржуазного социализма, рассуждавших о благотворительности капиталистов, писали в «Манифесте Коммунистической партии», что те пытались доказать, будто «буржуа являются буржуа,— в интересах рабочего класса»[37]. Определяя действительную сущность капитализма, К. Маркс писал: «Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства»[38]. Погоня за прибылью определяет и цель современного капиталистического производства.

При социализме накопление осуществляется также за счет прибавочного продукта, но весь он принадлежит трудящимся и служит удовлетворению потребностей масс. В этом, собственно, и состоит главная цель социалистического производства. Ф. Энгельс, определяя сущность основного экономического закона социализма, писал в «Анти-Дюринге», что главной целью социалистического производства будет «...обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей...»[39]. В. И. Ленин подчеркивал, что социалистическое правительство будет существовать «для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества»[40]. Эта ленинская формулировка стала органической частью программы большевистской партии. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии, записано: «Цель социализма — все более полное удовлетворение растущих материальных и

[31] W. Jackson. Seven Roads to Moscow. Lnd. 1957, p. 334.
[32] A. Mazour. Russia Tsarist and Communist. N. Y., 1962, p. 792.
[33] См., напр., I. Fetscher. Von Marx zur Sowjetideologie, Frankfurt am Main — Berlin — Bonn, 1972, S. 94; D. Ingram. The Communist Economic Challenge. Lnd., 1965, p. 27; «New Directions in the Soviet Economy»; p. 106; R. W. Campbell. Economics: Roads and Inroads. «Problems of Communism», 1965, No 6, p. 25; L. Turgeon. The Contrasting Economies, p. 51 etc.
[34] Z. Brzezinski and S. P. Huntington. Political Power: USA — USSR. Similarities and Contrasts. Convergence or Evolution. N. Y., 1964, p. 272.
[35] E. Boettcher. Die Sowjetische Wirtschaftpolitik am scheidewege, S. 146.
[36] См., напр., A. G. Meyer. The Soviet Political System. An Interpretation. N. Y., 1965, p. 85.
[37] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 454.
[38] Там же. Соч., т. 23, стр. 632.
[39] Там же. Соч., т. 20, стр. 294.
[40] В. И. Ленин. ПСС, т. 6, стр. 232.

культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства» [41].

Разумеется, победа социалистической революции в России не могла сразу вырвать многомиллионные массы страны из нищеты и обеспечить им высокий жизненный уровень. Причиной этого были прежде всего хозяйничание русских и иностранных капиталистов, разрушения периода империалистической и гражданской войны и интервенции. Необходимо было восстановить экономику страны, осуществить индустриализацию, которая являлась основой благосостояния и укрепления обороноспособности первой в мире страны социализма. В. И. Ленин, призывая трудящихся России к преодолению трудностей, связанных с изысканиями капитала для индустриализации, писал: «Если мы их не найдем, то мы, как цивилизованное государство,— я уже не говорю, как социалистическое,— погибли» [42].

Абстрагируясь от действительности и спекулируя на тех трудностях, которые пришлось пережить советскому народу, буржуазные авторы отождествляют эти трудности с социализмом вообще, вменяют ему в вину то, что являлось виной старого строя.

В современной буржуазной историографии распространена версия, будто высокая норма накопления капитала была достигнута в годы индустриализации за счет сокращения фонда потребления [43].

При подобной постановке вопроса фактически отрицается объективный характер формирования пропорций двух составных частей национального дохода — фонда потребления и фонда накопления. Действие объективного закона социалистического накопления, как известно, выражает необходимость быстрого роста накоплений, являющихся непременным условием увеличения национального дохода в целом, а также и той его части, которая идет на потребление. Партия постоянно, насколько это позволяли объективные условия, стремилась к достижению оптимальных пропорций в развитии экономики. XV съезд ВКП(б) в резолюции «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», определяя соотношение между производством и потреблением, указал на необходимость «исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов» [44]. Именно этой принципиальной установкой планирующие органы руководствовались при составлении пятилетних планов. Действительно, к концу первой пятилетки доля накопления в национальном доходе СССР достигла значительного уровня — 26,0%, а в 1937 г.—26,4%, что превышало соответствующие показатели капиталистических стран [45]. Однако фактором, влияющим на рост жизненно-

---

[41] «Программа КПСС». М., 1967, стр. 15.

[42] В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 288.

[43] A. Bergson. Planning and Productivity under Soviet Socialism, p. 18; L. Labedz. Ideology and Utopia. «Survey», 1961, No 38, p. 18; R. W. Campbell. Economics: Roads and Inroads. «Problems of Communism», 1965, No 6, p. 25; G. Wagenlehner. Das Sowjetische Wirtschaftssystem und Karl Marx, S. 192; L. Abbot. Economics and the Modern World, p. 852; A. G. Meyer. The Soviet Political Economy of Communism. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1963, p. 254; A. Gruchy. Comparative Economic Systems. Boston, 1966, p. 796.

[44] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 4, стр. 34. Проблема накопления средств для индустриализации рассматривается в целом ряде работ советских исследователей. См. Н. Рябов. Социалистическое накопление и его источники в первой и второй пятилетках. М., 1951; И. М. Бровер. Очерки развития тяжелой промышленности СССР. М., 1954; Г. М. Сорокин. Национальный доход при социализме. Проблемы накопления и потребления. «Становление и развитие экономической науки в СССР». М., 1976, и др.

[45] См. «Становление и развитие экономической науки в СССР». М., 1976, стр. 51

го уровня, является не только удельный вес фонда потребления, но и темпы его абсолютного роста в бюджете страны. При социализме, благодаря общественной форме собственности на средства производства, темпы роста национального дохода выше, чем в капиталистических странах, значительно быстрее растет и доля национального дохода, идущая на потребление.

Утверждения советологов о присущей якобы социалистической экономике диспропорции в росте фондов накопления и потребления основываются обычно на данных двух первых пятилеток. Советские исследователи не отрицают того факта, что рост фонда потребления в годы первой пятилетки значительно отставал от темпов промышленного развития. В 1928—1932 гг. он составил 6,8% [46].

Однако свойственные первой пятилетке черты буржуазные советологи пытаются расценивать как «постоянно действующую» особенность, характерную для советской экономики на всех этапах исторического развития нашей страны. Факты полностью опровергают подобные выводы.

Только с 1960 по 1967 г. абсолютный прирост фонда потребления почти в три раза превысил абсолютный прирост фонда накопления. Эта тенденция характерна и для девятой, и десятой пятилеток. Национальный доход, использованный на потребление и накопление за годы девятой пятилетки, составил 1563 млрд. руб., превысив соответственно на 34% и 86% национальный доход восьмой и седьмой пятилеток [47]. 75% суммы было использовано на потребление. Если учесть, что часть ресурсов накопления была направлена на строительство жилья, школ, больниц и т. п., то доля национального дохода, использованного на цели народного благосостояния, превысила 80% от общей суммы национального дохода [48]. Показательно, что и в годы десятой пятилетки фонд потребления в национальном доходе страны будет расти быстрее фонда накопления и увеличится в 1980 г. по сравнению с 1975 г. на 27—29%, в то время как фонд накопления увеличится на 17—23% [49]. Таким образом, в Советском Союзе высокие темпы накопления сочетаются с быстрым ростом фонда потребления, с постоянным повышением благосостояния трудящихся.

Выбор советским государством источников для осуществления индустриализации был обусловлен конкретно-исторической обстановкой, природой социалистического строя. Источники, которые питали капиталистическую индустриализацию, были неприемлемы для нашей страны, так как они противоречили характеру социалистического строя. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке,— отмечал К. Маркс в «Капитале»,— искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства» [50].

Индустриализация в СССР была проведена на основе внутренних ресурсов [51]. Ее источники были определены в постановлении апрельского

---

[46] Подробно см. А. А. Барсов. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней, стр. 90.

[47] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 112.

[48] Там же, стр. 113.

[49] Там же, стр. 124.

[50] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 760.

[51] Проблема источников индустриализации СССР обстоятельно рассмотрена в работах советских исследователей. См., напр., Н. Рябов. Указ. соч.; Л. И. Скворцов. Роль кредита в индустриализации СССР. М., 1951; К. Н. Плотников. Очерки истории

(1926 г.) Пленума ЦК ВКП(б), в решениях XI партийной конференции. В этих документах было указано на те благоприятные условия, которые обеспечивали возможность накопления капитала: экспроприация непроизводительных классов, аннулирование долгов царского и временного правительств, плановая экономика, позволяющая осуществлять режим экономии, не допускать непроизводительных расходов, эффективно использовать средства. В резолюции XV конференции ВКП(б) подчеркивалось, что быстрое промышленное развитие в СССР должно было обеспечиваться прежде всего «вложением в индустрию новых масс прибавочного продукта, создаваемого внутри самой промышленности» [52]. Если в 1928 г. на его долю приходилось 16%, то в 1932 г. уже 35% средств, поступивших в общий фонд накопления [53].

Помимо накоплений в промышленности источниками финансирования индустриализации в СССР явились и доходы других отраслей народного хозяйства [54]. Необходимость форсированной индустриализации заставляла Советское государство прибегать к мобилизации средств населения, которые играли немалую, хотя и не первостепенную роль в финансировании индустрии. Иного выхода не было, на внешние кредиты рассчитывать было нельзя. Этот факт признают и многие буржуазные авторы. Так, А. Байков подчеркивает, что в России «промышленное развитие было осуществлено... на внутренней основе», что «иностранные инвестиции не играли значительной роли» [55]. Ф. Хольцмен пишет: «Советы осуществляли индустриализацию без какой-либо значительной иностранной помощи не потому, что они не хотели этого, а потому, что западный мир был враждебен им» [56].

Буржуазные советологи явно не научно трактуют проблему источников осуществления индустриализации в СССР. По их мнению, быстрое индустриальное развитие нашей страны было осуществлено за счет легкой промышленности [57], интересов крестьянства, снижения жизненного уровня населения и т. п.

Анализ темпов развития I и II подразделений в советской экономике периода индустриализации показывает, что речь можно вести лишь об опережающем развитии тяжелой индустрии, а не о свертывании или, как заявляют буржуазные советологи, «удушении» промышленности, производящей предметы потребления [58]. Напротив, капиталовложения, направленные на развитие промышленности группы «Б», по сравнению с периодом 1918—1928 гг., выросли в годы первой пятилетки почти в 2,4 раза, а во второй пятилетке — в 5,7 раза [59]. Производство предметов потребления возросло за первые две пятилетки и три года третьей

бюджета социалистического государства. М., 1954; А. Н. Малофеев. История ценообразования в СССР. 1917—1963. М., 1964; «50 лет советских финансов». М., 1967; З. В. Атлас. Социалистическая денежная система. Проблемы социалистического преобразования и развития денежной системы СССР. М., 1969 и др.

[52] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 3, стр. 366.

[53] «Основные закономерности социалистической экономики СССР», стр. 503.

[54] См. «Построение фундамента социалистической экономики в СССР», стр. 503.

[55] «Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin», p. 16.

[56] Ibid., p. 262.

[57] См., напр., «The future of Communist Society». Lnd., 1961, p. 33; N. Spulber. Soviet Strategy for Economic Growth, p. 73; I. N. Westwood. Russia. 1917—1964, pp. 88, 89; D. Ingram. The Communist Economic Challenge, p. 27; N. Jasny. Plan and Superplan «Survey», 1961, No 38, p. 87; R. W. Campbell. Economics: Roads and Inroads «Problems of communism», 1965, No 6, 46 etc.

[58] Подробнее см.: А. И. Ноткин. Материально-производственная база социализма. М., 1954; А. И. Пашков. Экономический закон преимущественного развития производства средств производства. М., 1958 и др.

[59] См. «Народное хозяйство СССР в 1967 г.» Статист. ежегодник. М., 1968, стр. 618—619.

почти в 4 раза, а дореволюционный уровень в 1940 г. был превышен в 4,6 раза. С 1928 по 1940 г. среднегодовые темпы роста производства предметов потребления составляли 12,6% [60]. Эти показатели свидетельствуют о быстром росте продукции легкой промышленности в период социалистической индустриализации страны.

Заметим, что в 1925—1929 гг. ежегодные темпы прироста продукции II подразделения промышленности капиталистических стран составляли лишь 1,5—3%. В США они равнялись 1,4, а в Англии произошел спад на 2% [61]. В Советском Союзе в отраслях группы «Б» производство с 1929 г. по 1936 г. выросло почти втрое, в то время как в Великобритании — на 14%, а в США, Германии и Франции даже не достигло уровня 1929 г. [62]

XVII съезд ВКП(б) в постановлении о втором пятилетнем плане наметил среднегодовой прирост предметов потребления более высокий, чем промышленной продукции в целом (соответственно 18,5 и 14,5%) [63]. Этот факт нашел отражение и в буржуазной историографии 30-х годов. У. Чемберлин, например, писал в 1934 г.: «Вторая пятилетка поставила на первый план повышение жизненного уровня... и предусмотрела необходимость более высоких темпов роста производства потребительских товаров по сравнению с тяжелой промышленностью» [64]. Претворить в жизнь этот план, однако, помешала надвигавшаяся война.

Буржуазные советологи, пытаясь дискредитировать советский опыт индустриализации, стремятся доказать, что социалистическая индустриализация была будто бы осуществлена преимущественно за счет крестьянства [65].

Еще в начале 20-х годов, а затем в связи с составлением первого пятилетнего плана некоторые буржуазные специалисты подняли тревогу по поводу «эксплуатации» деревни [66]. Троцкисты использовали выкладки буржуазных «спецов» для обоснования своей «теории» первоначального социалистического накопления за счет деревни [67]. У буржуазных советологов есть и другие предшественники, которые обвиняли большевистскую партию в «эксплуатации» крестьянства. Меньшевик Д. Даллин в 1928 г. также утверждал, что «советская индустриализация взошла на дрожжах непомерной эксплуатации деревни» [68].

Конечно, индустриализация, осуществлявшаяся в СССР за счет внутренних ресурсов, предполагала посильное участие в накоплении всех трудящихся страны, в том числе и крестьянства. Этого факта большевистская партия никогда не отрицала. Однако, вопреки измышлениям фальсификаторов, не могло быть и речи о какой-то эксплуатации деревни пролетарским государством, поскольку средства, поступавшие от

[60] «Народное хозяйство СССР в 1959 году», стр. 158.

[61] «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах». М., 1957, стр. 44.

[62] «Народное хозяйство СССР в 1958 году», стр. 136; М. Б. Вольф, В. С. Клупт. Статистический справочник по экономической географии капиталистического мира. Л., 1937, стр. 56, 57.

[63] «КПСС в резолюциях и решениях...», т. 5, стр. 132.

[64] W. H. Chamberlin. Russia's Iron Age, p. 61.

[65] См., напр., A. Ulam. The New Face of Soviet Totalitarianism, p. 217; R. D. Laird. The Politics of Soviet Agriculture. «Soviet Studies», 1967, No 4, p. 147; «Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin», p. 16; W. Hofman. Wohin steuert die Sowjetwirtschaft? Zur Deutung der Sowjetgesellschaft von heute, S. 14; A. G. Meyer. The Soviet Political System. An Interpretation, p. 114; M. Fainsod. How Russia is Ruled. Harvard Univ. Press. 1963; p. 101; W. Klatt. Fifty Years of Soviet Agriculture. «Survey», 1967, No 65, p. 87.

[66] См. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы, стр. 515.

[67] «Вестник Комакадемии», 1924, № 8, стр. 39.

[68] См. «Социалистический вестник», № 19, 13 октября 1928 г.

крестьянства, шли не на обогащение какого-либо привилегированного класса, а на осуществление жизненно необходимой, общенародной задачи. Именно благодаря индустриализации можно было осуществить техническую реконструкцию сельскохозяйственного производства и тем самым вырвать крестьянство из нищеты, освободить его от изнуряющего ручного труда.

Буржуазные историки и экономисты акцентируют внимание на существовании неэквивалентного обмена между городом и деревней в начальный период первой пятилетки, что действительно имело место [69].

Однако при анализе экономических отношений между городом и деревней в 30-е годы необходимо учитывать и другие моменты. Социалистическое преобразование деревни проходило под руководством государства, которое оказывало трудовому крестьянству большую экономическую помощь. С 1928 по 1930 г., например, государственные капиталовложения в сельское хозяйство выросли в 10 раз [70]. В 1925/26—1928/29 гг. почти в полтора раза выросли расходы на хозяйственные и социально-культурные и другие мероприятия, проводившиеся на селе [71].

Доля отчужденной из сельского хозяйства стоимости в фонде накопления, использованном для развития индустрии, в годы первой пятилетки в среднем составляла 33,4% по сравнению с 54,1% в 1928 г. В конце 30-х годов эквивалентность обмена сельского хозяйства с остальным народным хозяйством оказалась более выгодной для деревни, чем в годы первой пятилетки. В 1937—1938 гг. удельный вес перераспределения из сельского хозяйства в фонде развития индустрии равнялся 16,6%. Эти данные свидетельствуют, во-первых, об относительно второстепенной роли в фонде развития индустриализации доли прибавочного продукта, создававшегося трудом крестьян. Во-вторых, необходимые для индустриализации накопления создавались прежде всего трудом рабочего класса [71а].

Как уже отмечалось, проблема стоимостных обменов в годы первой пятилетки обстоятельно исследована А. А. Барсовым, сделавшим вывод о том, что между городом и деревней уже в 1928—1932 гг. существовала примерно стабильная эквивалентность [72].

Для Дж. Миллара, анализировавшего работу А. А. Барсова, его результаты оказались «очень неожиданными» [73]. Но факты говорят сами за себя.

Необходимо подчеркнуть, что Советское государство проводило налогообложение крестьянства дифференцированно. Апрельский Пленум ЦК ВКП(б), определивший источники накопления средств для индустриализации, потребовал изменить шкалу обложения «в направлении большей прогрессивности», с полным освобождением от налога наиболее маломощных групп и усилением обложения зажиточных и кулацких слоев [74]. В результате в 1925/26 г. от налога было освобождено 12,4%, а в последующие два года — соответственно 27,6 и 36,8% крестьянских хозяйств. В 1928/29 г. кулацкие хозяйства платили 22,8% всего налога,

---

[69] См., напр., А. А. Барсов. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней, стр. 58, 74, 186.

[70] «Социалистическое строительство СССР». М., 1935, стр. 287.

[71] А. А. Барсов. Указ. соч., стр. 179.

[71а] Подсчеты сделаны А. А. Барсовым. См. «Нэп и выравнивание экономических отношений между городом и деревней».— «Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории». М., 1974, стр. 99.

[72] А. А. Барсов. Баланс стоимостных обменов... стр. 185.

[73] «Slavic Review», 1974, vol. 33, No 4, p. 755.

[74] «КПСС в резолюциях...», т. 3, стр. 319.

приходившегося на деревню [75]. Кстати, эти данные нашли отражение и в зарубежной историографии 20-х годов. Так, С. Ниринг и Д. Харди, например, писали в 1929 г.: «Политика советского государства состояла в том, чтобы улучшить положение бедных и средних групп крестьянства, поэтому правительство осуществляло специальные налоговые привилегии». Они указывали на то, что в 1926—1927 гг. 6 млн. крестьянских хозяйств было освобождено от налогов, 48—50% всех крестьян платили меньше налогов, чем в 1925—1926 гг., а основная ноша обложения приходилась на кулака [76].

К началу первой пятилетки благосостояние крестьянства значительно превосходило уровень 1913 г., а задания первого пятилетнего плана предусматривали дальнейшее улучшение положения деревни [77]. Эти факты признают некоторые советологи. Так, по подсчетам А. Эрлиха, «налоги на крестьян в 1924—1925 гг. составляли $^1/_3$ дореволюционных» [78]. О том, что в 20-х годах «налоги на крестьян были гораздо меньше дореволюционных», пишет и А. Меддисон [79]. Колхозный строй покончил с эксплуатацией трудового крестьянства. В резолюции третьей сессии ЦИК СССР в январе 1933 г. подчеркивалось, что «не менее 6 млн. бедняцких безлошадных хозяйств, охватывающих около 20 млн. крестьян и крестьянок, которых ранее кулаки беспощадно эксплуатировали и не давали возможности подняться, теперь вступили в колхозы и стали пользоваться машинами, лошадьми и тракторами, недоступными не только бедняцкому, но и середняцкому единоличному хозяйству» [80].

В результате осуществления социалистической индустриализации коренным образом улучшились условия труда крестьянства. Быстро развивавшаяся промышленность обеспечивала деревню техникой. В 1940 г. на полях работало уже 531 тыс. тракторов, 182 тыс. комбайнов, 228 тыс. автомобилей, большое количество другой техники [81]. К этому времени на 69% была механизирована пахота под яровые культуры, на 61% сев зерновых, на 93% сев сахарной свеклы, на 81% сев хлопчатника и т. д. [82]

Все это способствовало постоянному росту доходов колхозников. В годы второй пятилетки, например, товарооборот государственной, кооперативной и колхозной торговли увеличился более чем в 3 раза. Душевое потребление сахара в деревне возросло в 1937 г. по сравнению с 1913 г. почти в 6,5 раза, кондитерских изделий — более чем в 3 раза, хлопчатобумажных тканей — в 2 раза и т. д. [83] Реальные доходы крестьян в среднем на одного работающего выросли к 1940 г. по сравнению с 1913 г. в 2,3 раза [84]. Таким образом, факты свидетельствуют об улучшении жизни советского крестьянства в период социалистической индустриализации.

Благотворность для советского крестьянства проводимой партией политики индустриализации и социалистического преобразования сель-

[75] См. М. Я. Залесский. Налоговая политика советского государства в деревне. М., 1940, стр. 66, 82.

[76] S. Nearing and J. Hardy. The Economic Organization of the Soviet Union, N. Y., 1927, p. 56.

[77] См. С. Г. Струмилин. Избранные произведения, т. II, стр. 243—247.

[78] A. Erlich. The Soviet Industrialization Debate 1924—1927, p. 35.

[79] A. Maddison. Economic Growth in Japan and the USSR. Lnd., 1967, p. 97.

[80] «Стенографический отчет третьей сессии ЦИК СССР 6-го созыва. Бюллетень № 25». М., 1933, стр. 25.

[81] «Страна Советов за 50 лет». М., 1967, стр. 156, 157.

[82] Там же, стр. 158.

[83] См. С. П. Трапезников. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1960, стр. 513.

[84] «Страна Советов за 50 лет», стр. 38.

ского хозяйства можно в полную меру оценить в настоящее время. Так, в 1974 г. реальные доходы крестьян на одного работающего превышали уровень 1913 г. более чем в 13 раз [85]. Новый, десятый пятилетний план предусматривает увеличение доходов колхозников только от общественного хозяйства еще на 24—27% [86].

Буржуазные советологи утверждают, что социалистическая индустриализация привела к снижению в годы первых пятилеток жизненного уровня трудящихся [87].

Подобные утверждения явно рассчитаны на доверчивость читателей. В работах советских историков обстоятельно показано улучшение материального положения трудящихся в период социалистической индустриализации [88]. Достаточно сказать, что в 1927—1928 гг. реальная заработная плата рабочих крупной промышленности (с учетом коммунальных услуг) была на 32,7% выше, чем в 1923 г. [89]

В годы первой пятилетки заработная плата также быстро росла. Если численность рабочих и служащих за этот период увеличилась в 2 раза, то фонд заработной платы возрос почти в 6 раз [90]. Правда, одновременно с увеличением зарплаты росли и розничные цены в государственной и особенно рыночной торговле. В результате индекс реальной заработной платы снизился на 10% [91]. Буржуазные советологи используют данные о снижении реальной заработной платы в годы первой пятилетки для доказательства вывода о постоянном снижении жизненного уровня в течение всего периода социалистической индустриализации. Между тем в годы второй пятилетки реальная заработная плата возросла на 20%, а за период с 1932 по 1940 г.— на 30—35% [92]. Следует отметить, что реальная заработная плата не является единственным показателем жизненного уровня советских трудящихся. Необходимо учитывать и общественные фонды потребления. В 1940 г., например, они составили 4,6 млрд. руб. (в действовавшем тогда масштабе цен) по сравнению с 2 млрд. руб. в 1927—1928 гг., а их объем (с учетом роста цен) увеличился в расчете на душу населения примерно в 3 раза [93].

Факты свидетельствуют о том, что социалистический метод индустриализации является наиболее эффективным и гуманным, обеспечивает

---

[85] «Народное хозяйство СССР в 1974 г.» Сатист. ежегодник. М., 1975, стр. 88.

[86] «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 121.

[87] См., напр., I. Westwood. Russia. 1917—1967, p. 89; A. Birne. History of Europe 1700—1939, p. 258; A. G. Meyer. The Soviet Political System. An Interpretation, p. 131; C. G. Ström. Vom Zarenreich zur Sowjetmacht. Russland 1917—1967, S. 47; I. D. Clarcson. A History of Russia, p. 584; G. von Rauch. History of Soviet Russia, S. 225; N. Jasny. Soviet Industrialization 1928—1952, p. 1; A. Weber. Sowjetwirtschaft, p. 16.

[88] См., напр., Л. С. Рогачевская. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации (1926—1927 гг.). М., 1959; «Построение фундамента социалистической экономики в СССР» (1926—1932 гг.). М., 1960; А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1961; В. З. Дробижев. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М., 1961; М. Н. Коровина, Т. П. Коган. Борьба за улучшение благосостояния рабочего класса (1921—1925 гг.). «Вопросы истории», 1961, № 9; О. И. Шкаратан. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (по материалам Ленинграда). «История СССР», 1964, № 3; Л. С. Рогачевская. Ликвидация безработицы в СССР. 1917—1930 гг. М., 1973.

[89] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929—1930 годы», стр. 436.

[90] «Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926—1932 гг.» М., 1960, стр. 549.

[91] В. Ф. Майер. Доходы населения и рост благосостояния народа. М., 1968, стр. 97.

[92] А. Н. Малофеев. История ценообразования в СССР. М., 1964, стр. 208.

[93] В. Ф. Майер. Доходы населения и рост благосостояния народа, стр. 97.

народам самый короткий путь преодоления экономической отсталости, социального прогресса.

Оценивая героический подвиг советского народа, построившего развитое социалистическое общество, Л. И. Брежнев отметил, что «все, чего мы достигли, далось нам нелегкой ценой. Царская Россия была страной бедной и отсталой. Молодому Советскому государству были навязаны тяжелейшие войны. Мы не строили подобно колониальным державам своё благополучие за счёт эксплуатации других народов. Всё, что нами сделано, сделано самоотверженными усилиями самого советского народа.

Советским людям пришлось напряжённо и упорно трудиться, чтобы создать экономику развитого социализма, чтобы построить современную промышленность, развитое механизированное сельское хозяйство. Нашим людям зачастую приходилось в эти годы жить в трудных условиях, отказывать себе во многом. Но они шли на всё это, трудились вдохновенно, с энтузиазмом, потому что хорошо знали, какая цель стоит перед ними и за что они борются» [95].

[95] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, стр. 364.

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ СТРАН СОЦИАЛИЗМА

«Исторически преглед», София, 1976, № 4.

Ж. Ескенази. Българин — участник в народническата организация «Земля и воля»

Ж. Эскенази, в статье «Болгарин — член народнической организации «Земля и воля» характеризует жизнь и деятельность участника народнического движения 70-х годов XIX в. П. Г. Карловского, показывает его борьбу в рядах «Земли и воли», в частности, работу в землевольческой типографии, причастность к покушению на шефа жандармов Мезенцева и т. п. Автор прослеживает и деятельность П. Г. Карловского после возвращения на родину. В работах использованы материалы советских архивов, мемуары землевольцев, исследования болгарских и советских историков.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1976, № 5.

G. Voigt. Historiographie und «Kommunismusforschung». Zur Darstellung der Geschichte der UdSSR in der burgerlichen Literatur der BRD.

Г. Фойгт в статье «Историография и „коммунизмусфоршунг". Изображение истории СССР в буржуазной литературе ФРГ» подверг критическому анализу концепции ряда важнейших проблем истории СССР, характерные для современной буржуазной историографии ФРГ. В статье указывается на активизацию «исследования» в ФРГ истории СССР и других социалистических стран Европы.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1976, № 7.

J. Heller. Zweite Konferenz zur Geschichte der slawischen Völker.

В разделе «Сообщения и заметки» помещен обзор материалов II конференции Комиссии по истории славянских народов Общества историков ГДР, посвященной проблеме «Социальные движения и общественно-политическая мысль в России во второй половине XVIII века». В работе конференции приняли участие ученые ряда других социалистических стран.

«Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung», Berlin, 1976, № 3.

B. Boehnke. Einige Fakten zur Verbreitung und Propagierung des «Manifests der Kommunistischen Partei» durch Lenin.

В статье «Некоторые факты о распространении и пропаганде В. И. Лениным „Манифеста Коммунистической партии"» Б. Бёнке характеризует деятельность В. И. Ленина по пропаганде «Коммунистического манифеста» среди членов марксистских кружков Петербурга, на страницах газеты «Искра» и т. д. Автор подчеркивает, что после победы Великого Октября по инициативе В. И. Ленина «Манифест Коммунистической партии» переиздавался в нашей стране несколько десятков раз.

Feige H.— U. Zur propagandistischen Unterstutzung des demokratischen Neuaufbaus in der sowjetischen Besatzungszone Deutschlands durch Mitarbeiter der SMAD (1945—1949).

В разделе «Научные сообщения» опубликована работа Г.-У. Файге «Деятельность сотрудников СВАГ по пропаганде демократических преобразований в советской оккупационной зоне Германии (1945—1949)». Автор характеризует помощь, оказанную сотрудниками Советской военной администрации в пропаганде и осуществлении антифашистских и демократических преобразований в Восточной Германии.

«Studia historyczne», Kraków, 1976, № 1.

I. Paczyńska. Formy i metody walki radzieckich oddziałów partyzanckich w środkowej i południowej Polsce.

В статье «Формы и методы борьбы советских партизанских отрядов в Центральной и Южной Польше», И. Пачиньска анализирует деятельность советских партизан на территории Польши в 1944—1945 гг. В работе использованы документальные материалы Центрального архива ЦК ПОРП (ф. Армии Людовой), исследования советских и польских историков.

«Kwartalnik historii nauki i techniki», Warszawa, 1976, № 2.

R. W. Wołoszyński. Związki rosyjskie Warszawskiego towarzystwa przyjaciół nauk. 1800—1831.

Р. В. Волошиньский в статье «Связи Варшавского общества друзей науки с русской наукой в 1800—1831 гг.» рассматривает контакты одного из первых польских научных обществ с деятелями русской науки. Автор подробно останавливается на попытках общества найти поддержку у властей, а также характеризует связи общества с рядом ученых России, сотрудничество с Обществом любителей российской словесности в 1822—1824 гг. и др. Работа написана на основании документальных материалов Главного архива древних актов в Варшаве и трудов польских историков.

«Roczniki historyczne», Warszawa — Poznan, 1976.

A. Krupska. Z dziejów tworzenia się nowego układu sił politycznych w Europie Wschodniej po upadku Złotej Ordy w XV wieku.

В статье «Из истории формирования новой расстановки политических сил в Во-

сточной Европе после падения Золотой Орды в XV веке» А. Крупска рассматривает причины распада Золотой Орды и характеризует ряд внешнеполитических акций русского государства, Великого княжества Литовского, Крымского ханства и Большой Орды, а также раскрывает причины укрепления русского централизованного государства и роста его влияния в Восточной Европе XV в. В работе использованы материалы Главного архива древних актов в Варшаве.

J. Ochmański. Powstanie państwa litewskiego w 1918 roku.

В статье «Создание Литовского государства в 1918 г.» Е. Охманьский анализирует международные отношения в Европе в конце первой мировой войны, позиции Советской России и Германии и обстоятельства образования литовского буржуазного государства. Автор использовал работы советских и польских историков, а также материалы литовской прессы тех лет.

ПАМЯТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Л. М. БАБАЕВА

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ МОСКОВСКИХ ЧАСТНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СОБРАНИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1920 гг.)

Значение национализации частных коллекций для развития музейного дела в нашей стране трудно переоценить; подавляющее большинство сокровищ из таких собраний в конечном итоге влилось в состав фондов многих музеев страны и стало общенародным достоянием. Это открыло доступ для их научного изучения. Национализация частных коллекций в первые революционные годы представляет интерес как одно из звеньев культурной революции, как одно из проявлений политики партии и государства в области культуры в этот период.

Частные коллекции играли весьма значительную роль в накоплении культурных ценностей нашей страны. Собирательство в России прошло большой и сложный путь развития, его дореволюционная история имеет более чем двухсотлетнюю давность. Коллекции, разбросанные по городским дворцам, помещичьим усадьбам, монастырям, никогда не были доступны широким народным массам, более того, многие из них не были известны даже специалистам. В дореволюционной России правящие круги не проявляли особой заботы о сохранности сокровищ искусства, находившихся в частных руках.

Серьезная опасность потери шедевров искусства из частных коллекций возникла после Октября, когда бывшие владельцы особняков и поместий бежали из страны, а с ними вместе исчезали порой ценнейшие полотна живописи, произведения скульптуры; часть усадеб, особенно северо-западных и западных областей, оказалась на захваченной врагом территории. Нужно было постараться организовать вывоз в безопасные места наиболее ценных произведений искусства.

Многим памятникам и коллекциям грозила гибель. Из-за нехватки дров в усадьбах, церквах и особняках нередко в ход пускалась мебель, представлявшая большую художественную ценность. Так, например, в Государственном Историческом музее сохранилась записка, направленная А. В. Луначарскому, в которой сообщается о подобной опасности, грозящей коллекции мебели в доме Гиршманов [1].

Вопрос о национализации культурных ценностей, о передаче их из частных рук в общенародное пользование приобрел особую остроту. Необходимо было обеспечить полную сохранность памятников искусства и старины. В первые же дни революции организация охраны памятников была связана с деятельностью Петроградского Военного революционного комитета. «Для сохранения музеев, художественных коллекций Петроградский ВРК назначал своих специальных комиссаров. Они приступили к работе в день Октябрьского переворота» [2]. Это были самые первые шаги по созданию органа охраны памятников искусства и старины.

[1] Е. М. Зенц. История одной коллекции. «Вопросы истории», 1968, № 7, стр. 205.
[2] «Первые комиссары».— «Новый мир», 1957, № 7, стр. 195.

27 октября (9 ноября) 1917 г. на втором заседании II съезда Советов общее руководство делом охраны памятников культуры перешло в ведение Наркомпроса [3]. 3 ноября 1917 г. Народный комиссариат просвещения обратился с воззванием «К рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России». В нем говорилось: «Кроме богатств естественных, трудовой народ унаследовал еще огромные богатства культурные: здания дивной красоты, музеи, полные предметов редких и прекрасных, поучительных и возвышающих душу, библиотеки, хранящие огромные ценности духа и т. д. Все это воистину принадлежит народу. Все это поможет бедняку и его детям быстро перерасти образованностью господствующие классы, поможет ему сделаться новым человеком, обладателем старой культуры, творцом еще невиданной новой культуры. Товарищи, надо бдительно беречь это достояние народа!» [4]

Через несколько дней после образования Наркомпроса В. И. Ленин дал указание А. В. Луначарскому создать при комиссариате специальную коллегию для охраны художественных имуществ страны [5]. В Петрограде коллегию возглавили Ятманов, Орбели, Нерадовский. В Москве этими же вопросами ведала Комиссия по охране памятников искусства и старины Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, образованная в ноябре 1917 г. [6] О задачах созданной затем Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе в Москве говорилось: «Огромное значение музеев в деле художественного и научного воспитания народных масс налагает на государственную власть обязанность всемерно заботиться о развитии музейного дела. Изыскание способов и путей к созданию условий, благоприятствующих процветанию музеев, является задачей организованной при Наркомпросе Коллегии. Кроме этой задачи, на обязанностях Коллегии лежит и забота о применении мер к охране искусства и старины» [7].

Опасность разрушения и расхищения частных коллекций становилась все более очевидной. Часто сами коллекционеры (из бывших помещиков и капиталистов) стремились уничтожить, перепродать или переправить за границу ценности, лишь бы они не достались трудящимся. На «черном» рынке началась торговля произведениями искусства. Необходимо было принять меры, чтобы положить конец расхищениям шедевров искусства. В отдельных случаях эти меры были приняты своевременно и оперативно. Так, когда стало известно, что картина Боттичелли «Мадонна с младенцем», принадлежащая графине Мещерской, может «уплыть» за границу (посол Германии граф Мирбах дважды приезжал к Мещерской с предложением продать картину Германии), Совет Народных Комиссаров постановил: «Ввиду исключительного художественного значения... картину эту реквизировать, признать ее собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в один из национальных музеев...» [8]. Музеям срочно были ассигнованы немалые суммы денег для приобретения на антикварных рынках тех произведений искусства, которым угрожал вывоз за границу [9].

Постановление о реквизиции картины Мещерской было принято 30 мая 1918 г. Одновременно Совнарком поручил Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса разработать проект декрета о запрещении вывоза за границу предметов высокого художественного значения [10]. Так было положено начало деятельности по охране памятников искусства и старины. 3 июня 1918 г. был принят декрет СНК «О национализации Третьяковской галереи» [11], которая была объ-

[3] Сб. «Из истории строительства советской культуры. 1917—1918 гг.» М., 1964, стр. 301.
[4] «Известия ВЦИК», 4 ноября 1917 г.
[5] «Ленин и культурная революция. Хроника событий. 1917—1923 гг.» М., 1972, стр. 33.
[6] «Из истории строительства советской культуры», стр. 301.
[7] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 28, д. 23, л. 1.
[8] «Декреты Советской власти», т. 2. М., 1959, стр. 604—605.
[9] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 28, д. 9, л. 15 об.
[10] Там же, л. 16.
[11] СУ, 1918, № 39, ст. 511.

явлена государственной собственностью и передана в ведение Наркомпроса на общем основании с прочими музеями [12]. В декрете подчеркивалось, «что Московская городская художественная галерея имени П. и С. Третьяковых является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительные функции, и что интересы рабочего класса требуют, чтобы Третьяковская галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направляемых в своей деятельности Наркомпросом» [13].

19 сентября 1918 г. был утвержден декрет «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины». В нем было сказано следующее: «В целях прекращения вывоза за границу предметов особого художественного значения... воспретить вывоз из всех мест Республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины... Виновные в неисполнении сего декрета подвергаются ответственности по всей строгости революционных законов» [14]. Согласно отчету Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР от 24 января 1923 г. в 1918—1921 гг. было задержано до 200 предметов искусства и старины исключительного значения [15].

Однако проведение в жизнь этого декрета осложнялось тем, что полного учета всех сокровищ, находившихся в частных руках, не производилось. Нужно было срочно провести регистрацию ценных собраний и отдельных произведений искусства. Эта работа была начата в конце января 1918 г., когда Комиссия по охране памятников искусства и старины при Моссовете поручила специальной комиссии частных коллекций в составе художников П. В. Кузнецова, К. А. Коровина, С. Ю. Жуковского, С. Т. Коненкова, А. В. Середина организовать обследование московских частных собраний художественных произведений для принятия необходимых мер по их охране [16]. Коллекциям, имевшим художественную ценность, выдавались особые охранные грамоты с печатью Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе [17]. Для успешного завершения регистрации частных коллекций требовался правительственный акт. Декрет СНК «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [18] был опубликован 10 октября 1918 г. Это был важный шаг в области охраны произведений искусства, находившихся в частных руках. В декрете указывалось: «Владельцам взятых на учет собраний оказывается содействие в деле их охранения и выдаются охранные грамоты» [19]. Как видно, предыдущий опыт выдачи охранных грамот оправдал себя и нашел отражение в этом акте правительства. Работы по регистрации и выяснению памятников, подлежащих учету, были возложены на специальную Комиссию по охране и регистрации памятников искусства и старины [20]. Комиссия эта была образована одновременно с принятием декрета и чаще называлась подотделом по охране и регистрации памятников искусства и старины Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса [21]. В декрете были учтены и условия изъятия коллекций, собраний и отдельных предметов у частных владельцев. В течение месяца после опубликования декрета обладатели предметов искусства и старины должны были представить в Комиссию по охране и регистрации памятников сведения о принадлежащих им художественных ценностях. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины устанавливал худо-

[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же, № 69, ст. 751.
[15] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 8, д. 225, л. 6.
[16] «Из истории строительства советской культуры», стр. 260.
[17] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 28, д. 157, л. 5.
[18] «Декреты и инструкции об учете и охране памятников искусства и старины». М., 1924, стр. 23.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] «План работ Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины на 1921 г.» М., 1920, стр. 3.

жественную ценность обследованных коллекций или отдельных произведений искусства и брал их на учет и под охрану [22].

Если собрания, взятые на учет Комиссией по охране и регистрации памятников, передавались владельцами без ее ведома и разрешения в другие руки, то эти собрания конфисковывались. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса имел право проверять перечни, сделанные владельцами коллекций. При этом имущество оставалось на попечении владельцев, в случае же их отказа нести ответственность за сохранность вещей, назначалось лицо для наблюдения за имуществом и ответственное за него. Все это сообщалось в инструкциях и приложениях к декрету, разработанных Отделом по делам музеев.

Таким образом, этот акт Советской власти узаконил первую в истории мирового искусства государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов. О масштабах деятельности по выполнению декрета интересные данные содержатся в отчете Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса. За 1918—1923 гг. было выдано 120 охранных грамот на усадьбы и около 480 — на частные собрания Москвы и Петрограда; из них в Москве — 180 грамот. На основании декрета было взято на учет около 750 частных собраний и 520 усадеб [23].

Наиболее ценные в художественном отношении собрания были зарегистрированы комиссией в марте 1918 г. Собраний, подлежащих охране и национализации в первую очередь, например, в Москве, Комиссия насчитала несколько: собрания А. В. Морозова, И. А. Морозова, И. С. Остроухова, С. И. Щукина, Д. И. Щукина, Л. К. Зубалова, Хрептовича-Бутенева, В. О. Гиршмана, М. К. Морозовой, Н. Н. Габричевского, А. П. Лангового, Хомяковых, театральный музей А. А. Бахрушина [24].

После принятия декрета об учете и регистрации памятников началось уже систематическое обследование всех художественных ценностей Москвы, находившихся у частных лиц. Оно проводилось на основании тех описей художественных собраний, которые были поданы их владельцами в Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины [25]. Мероприятия правительства по охране и учету частных коллекций, правительственные акты в этой области подготовили переход к национализации частных художественных коллекций, начавшейся в конце 1918 г. К решению вопроса о национализации того или иного частного собрания Советское правительство подходило с точки зрения развития социалистической культуры и создания единой государственной сети музеев. Понятно, что при таком подходе национализации подлежали прежде всего самые выдающиеся коллекции памятников искусства и старины. Сам факт национализации того или иного собрания означал признание Советским государством исключительной научной, исторической или художественной ценности данного собрания.

Ранее других, 5 ноября 1918 г., декретом СНК была национализирована художественная галерея С. И. Щукина [26]. Это единственное в своем роде в Европе собрание состояло главным образом из произведений французской живописи второй половины XIX в. В собрании Щукина преобладали произведения Дерена, Пикассо и Матисса. Это собрание вместе с национализированным немного позднее собранием И. А. Морозова послужило основой Музея нового западного искусства. После 1948 г. оба собрания пополнили фонды Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. 30 декабря 1918 г. был издан декрет СНК «О национализации художественных собраний И. А. Морозова, И. С. Остроухова и А. В. Морозова» [27]. Эти собрания объявлялись государственной собственностью РСФСР и передавались в ведение Наркомпроса,

[22] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 28, д. 157, л. 1.
[23] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 8, д. 252, лл. 6, 6об.
[24] «Из истории строительства советской культуры», стр. 175.
[25] «Обследование частных коллекций Москвы».— «Художественная жизнь». М., 1919, № 1, стр. 18.
[26] СУ, 1918, № 81, ст. 851
[27] Там же, № 90, ст. 1011.

которому было поручено срочно выработать и ввести в действие положение об использовании коллекций в соответствии с современными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительных учреждений РСФСР[28]. Стержнем собрания новой западной живописи И. А. Морозова был Поль Сезанн. А. В. Морозов обладал ценнейшим и редчайшим по полноте и красоте собранием русского фарфора. Его национализированная коллекция положила начало Музею русского фарфора.

Одной из интереснейших была коллекция И. С. Остроухова (1858—1929), крупнейшего деятеля в области русского искусства на рубеже XIX—XX вв. Он родился в купеческой семье, закончил Практическую академию коммерческих наук, увлекся сначала естественными науками, но беспредельная любовь к живописи вытеснила из его жизни все другое. Значительную роль в его творческой судьбе сыграли «Абрамцевский кружок», семейство Мамонтовых, знакомство с такими талантами, как В. М. Васнецов, В. Д. Поленов, И. Е. Репин, И. И. Левитан, дружба с В. А. Серовым. Остроухов и сам начинает писать. Его учителями были известные профессора Академии художеств — Чистяков и Киселев, отметившие в нем истинный талант. 80-е годы — расцвет его творчества, когда появляются лучшие его пейзажи, и среди них «Сиверко», завоевавший мировую известность. «Лучшим пейзажем этого времени являлся «Сиверко» Остроухова,— писал И. Э. Грабарь, характеризуя русский пейзаж второй половины XIX в,— Эти слова я готов повторить и сейчас. Ибо время, этот лучший судья в делах искусства, только подтвердило их справедливость»[29].

Начало собранию Остроухова положили две картины. Первая, приобретенная им в 1878 г.,— А. Ахенбаха и вторая — В. Д. Поленова, подаренная художником в 1881 г.[30] Остроухов не создал галереи подобно П. М. Третьякову. Очевидно, причина в том, что Остроухов не знал ограничения в собирательстве; эта черта была очень характерной для большинства московских собирателей. Интересовался он многим, собирал иконы, картины русских и иностранных мастеров, предметы искусства Востока, мебель. Однако эта, казалось бы, «всеядность» имела, по свидетельству самого хозяина, определенный идейный смысл: «Основной характер собрания — это демократизация русского искусства в широком смысле с 10 века по 20 век и влияние на развитие русского творчества искусств классических и восточных»[31].

Остроухов как собиратель никогда не гнался за количеством, но приобретавшиеся им вещи были всегда высокой художественной ценности. «Вещи несли именно к нему, И. С. Остроухову, на Трубниковский...,— писал И. Э. Грабарь.— Что имели бы Москва и Россия, если бы он не стеснялся в средствах... он мог „снимать" соперников надбавкой в сотни и тысячи рублей»[32]. По сравнению с собраниями С. И. Щукина и И. А. Морозова коллекция Остроухова была небольшой, но единственной по красоте. Даже второстепенные живописцы были представлены здесь столь яркими замечательными образцами, что часто казались совершенно новыми и незнакомыми доселе мастерами[33].

К сожалению, нет и не существовало ни печатного, ни рукописного каталога всего собрания Остроухова. Но остались и хранятся в ЦГАЛИ СССР дневниковые записи, заметки и тетради Остроухова, из которых можно почерпнуть сведения о составе коллекции. Число произведений искусства приближалось к 2000. Сам Остроухов так подразделял их: древнерусское искусство с X по XVII в.— 125 произведений, прикладное древнерусское искусство (кресты, шитье, панагии и пр.) — 570 предметов, рисунки русских художников — 550 произведений, масляная живопись русских художников — 330 полотен, масляная живопись иностранных художников — 40 полотен, скульптура русская и западная — 20 произведений, Египет и античное искусство — 36 предметов, Китай и Восток — 130 предметов, художественная мебель и предметы обихода XVII—

---

[28] Там же.
[29] И. Э. Грабарь. Моя жизнь. М.— Л., 1937, стр. 236.
[30] Ю. Русаков. Илья Семенович Остроухов. 1858—1929. М., 1954, стр. 19.
[31] ЦГАЛИ СССР, ф. 822, оп. 1, д. 141, л. 1.
[32] И. Э. Грабарь. Глаз. «Среди коллекционеров». М., 1921, № 4, стр. 3.
[33] «Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников», т. 1. М., 1971, стр. 237.

XIX вв.— 30 предметов [34]. Важнейшей частью собрания Остроухова была превосходная коллекция икон. Первые иконы появились у него в 1902—1903 г. Видный искусствовед, впоследствии директор Третьяковской галереи Н. М. Щекотов отмечал: «Остроухов первым стал собирать иконы не как курьезы или образцы, чтобы дать понятие о культурном состоянии „допетровской" Руси, а как свидетельство высоких художественных достижений, как проявление творческого начала в древнем русском художнике» [35].

Примеру Остроухова последовали многие крупные московские коллекционеры, в частности, С. П. Рябушинский и А. В. Морозов. Причем Остроухов оказывал им помощь своими знаниями и связями. Назовем несколько шедевров древнерусской живописи из собрания Остроухова, являющихся теперь жемчужинами отдела древнерусской живописи Третьяковской галереи. Прежде всего это икона новгородской школы XV в. «Илья Пророк», относящаяся ко времени расцвета древнерусского искусства. Одной из совершенных по выполнению икон московской школы послерублевского времени является миниатюрный «Спас Нерукотворный Мокрая брада». Замечательна и икона «Сретение» — новгородской школы XV в. К совершенным произведениям малого размера принадлежит и «Параскева Пятница» новгородской школы XVI в. [36]

Очень богато в собрании Остроухова была представлена масляная живопись русских художников. Здесь нашли свое место все прославленные мастера России с XVIII до начала XX в. А присутствие в собрании таких имен, как Репин, Суриков, Крамской, Куинджи, Левитан, Серов, Врубель, Сомов, Нестеров, Грабарь и многих других, говорит о том, что лучшие коллекционеры Москвы шли всегда в ногу с современной им художественной жизнью, бок о бок с людьми искусства. История московского собирательства есть в то же время и история художественных вкусов современности. Особенностью коллекции было большое количество этюдов. Остроухов считал этюды, незаконченные произведения более искренними, выявляющими творческую мысль автора. Ярким примером в этом плане был эскиз К. П. Брюллова «Последний день Помпеи», украшающий в наши дни один из залов Третьяковской галереи. Работа была приобретена Остроуховым в Петербурге у Паньчикова, который, в свою очередь, приобрел ее у наследников графа А. Т. Моркова, получившего ее непосредственно от К. П. Брюллова. Назовем еще этюд В. В. Верещагина «Ненастье в Гималаях» — подарок Остроухову от П. М. Третьякова [37].

Говоря о собрании Остроухова, часто забывают небольшую коллекцию старых западных мастеров. А ведь ее украшали рисунки А. Дюрера, сепия Рембрандта «Жертвоприношение Авраама», полотно Эль-Греко «Святая Магдалина», картины Веласкеса и Гойи. Среди произведений западной живописи XIX—XX вв. в собрании Остроухова были вещи высшего достоинства, но не систематически подобранные. Это полотна Коро, Ренуара, Дега.

Основным источником формирования коллекций во второй половине XIX — начале XX в. был антикварный рынок. Очень часто коллекционеров и антикваров-коммерсантов связывали узы дружбы. Например, известный антикварный торговец М. М. Савостин приобрел во время одной из своих поездок в Константинополь несколько византийских икон, фрагментов фресок. Самая лучшая икона — «Спаситель», очень редкая и хорошо сохранившаяся, досталось Остроухову — большому другу Савостина [38]. Остроухов нередко получал подарки от художников, поскольку со многими был дружен или хорошо знаком. Поэтому в его собрании было более десяти произведений В. А. Серова и среди них известный портрет И. С. Остроухова. Украшением собрания являлись картины

---

[34] ЦГАЛИ СССР, ф. 822, оп. 1, д. 14, л. 1 об.

[35] Н. М. Щекотов. Один из посвященных. «Среди коллекционеров». М., 1921, № 4, стр. 7.

[36] ЦГАЛИ СССР, ф. 822, оп. 1, д. 138, лл. 8, 17, 32.

[37] ЦГАЛИ СССР, ф. 822, оп. 1, ед. хр. 138, лл. 9, 51.

[38] С. А. Овсянникова. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху. Очерки истории музейного дела в СССР, вып. 2. М., 1960, стр. 68. Речь идет, по-видимому, об иконе «Спас-Вседержитель» XV в.; находится теперь в ГТГ.

И. И. Левитана, подаренные Остроухову художником, в том числе «Мостик» и «Заводь» [39].

Остроухов был представителем той части русской интеллигенции, которая своим трудом и знаниями оказала неоценимую поддержку молодому Советскому государству. В 1918 г. Остроухов, зная о предстоящей национализации его собрания, не прекращал пополнять его, проявляя тем самым свое полное бескорыстие. На заседании Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, когда обсуждалось постановление СНК об объявлении собрания Остроухова собственностью государства, подчеркивалось, что «И. С. Остроухов является крупным художником, произведения которого имеются в галереях. Является авторитетнейшим экспертом в области живописи и никто не может быть лучшим хранителем этого собрания, чем он сам» [40]. Остроухов очень гордился этим званием и объяснял это так: «Все собрание собрано исключительно мною за 50 лет моей жизни. В собрании нет ни одной вещи, приобретенной не по моему желанию или не на мои средства, кроме подарков художников и собирателей. Возможно, что учтя именно это обстоятельство, правительство республики сделало меня неотделимым от собрания, назначив меня пожизненным директором собранного мною музея, переименовав оный в „Музей Остроухова“» [41]. В апреле 1920 г. музей был открыт для публики.

В первые годы Советской власти были национализированы собрания А. А. Брокара (работы старых западных мастеров), Н. С. Исаджанова (русская живопись конца XIX — начала XX в.), Н. М. Соллогуба (портретная живопись XVIII—XIX вв.), А. И. Ляпунова (произведения Левитана) [42]. В марте 1919 г. было национализировано собрание В. О. Гиршмана, сразу же после эмиграции семьи во Францию [43].

В. О. Гиршман приобретает известность как меценат и коллекционер в начале XX в. Из записок Г. Л. Гиршман о муже узнаем следующее: «По своему образованию — Владимир Осипович окончил Московскую практическую академию — и по своим деловым интересам — владелец игольной фабрики в Колюбакино Звенигородского уезда, он, казалось бы, должен быть далеким от искусства и литературы. Это было совершенно не так. В. О. Гиршмана отличала редкая любовь к искусству во всех его проявлениях. Он собрал прекрасную коллекцию картин, мебели, люстр, ковров, серебра, стекла, табакерок, силуэтов» [44].

В отличие от Остроухова, Гиршман страдал собирательской жадностью, был эгоистичен в своих желаниях. Так, например, в записках современников вспоминается ссора между Гиршманом и Серовым (с которым он был близко знаком) из-за приобретения известного полотна К. Сомова «Дама в голубом». Серов, будучи членом Совета Третьяковской галереи, справедливо считал, что это произведение должно быть куплено галереей. В споре победил Серов, и картина была приобретена Третьяковской галереей.

Большим помощником в собирании коллекции В. О. Гиршмана и ее владельцем наравне с мужем была Г. Л. Гиршман. Она не только любила и понимала искусство, но и сама обладала художественными способностями. Одно время она занималась в студии живописи О. Э. Браза. Интересно, что прославленные русские мастера — Серов, Сомов, Галкин, Юон — оставили нам портреты Г. Л. Гиршман. Серов, по словам И. Э. Грабаря, считал ее умной, образованной, культурной, простой и скромной, без замашек богатых выскочек и очень симпатичной. Ее все любили, выгодно выделяя среди большинства жен коллекционеров [45].

---

[39] Рукописный отдел Государственной Третьяковской галереи, ф. 104, оп. 1, д. 2, лл. 68—73.

[40] «Валентин Серов в воспоминаниях...», т. 1, стр. 240.

[41] ЦГАЛИ СССР, ф. 822, оп. 1, д. 141, л. 1.

[42] В. К. Гарданов. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы Советской власти. «История музейного дела в СССР», вып. I. М., 1957, стр. 14.

[43] Е. М. Зенц. Указ. соч., стр. 205.

[44] «Валентин Серов в воспоминаниях...», т. 2, стр. 326.

[45] И. Э. Грабарь. Моя жизнь. Стр. 230.

Коллекция состояла из предметов искусства исключительно русского происхождения, что отличало ее от собраний друзей Гиршманов: С. И. Щукина и И. А. Морозова. Собрание Гиршманов включало в себя русскую живопись XVIII—XIX вв., скульптуру, фарфор, прикладное, декоративное искусство XVII—XX вв., художественную мебель XVII—XIX вв. В коллекции были рисунки, акварели, силуэты, кожи и лаки [46].

В собрании также были представлены мастера портрета середины XVIII — начала XIX в.: Аргунов, Антропов, Тропинин, Кипренский. Работа Боровиковского «Портрет князя А. Б. Куракина», приобретенная Гиршманом у Куракиных, сейчас украшает один из залов Третьяковской галереи. Живописное искусство второй половины XIX — начала XX в. нашло чрезвычайно широкое отражение. В коллекции насчитывалось более 80 произведений Сомова [47], среди них — «Купальщицы» и «Портрет Г. Л. Гиршман»; были работы Серова — портреты певца Таманьо, Г. Л. Гиршман, В. О. Гиршман; Врубеля — «Демон сидящий» и «33 богатыря»; Борисова-Мусатова, Бенуа, Грабаря, Кустодиева, Лансере, Серебряковой, Шагала.

Следует подчеркнуть, что такие собиратели-меценаты, как В. О. Гиршман, не могли быть до конца последовательными служителями искусства, как, например, И. С. Остроухов. Фабрикант и делец Гиршман рассматривал свою коллекцию и как ценный капитал. Собираясь бежать из России, он не хотел оставлять свои сокровища, искал пути для того, чтобы переправить их за границу. Видимо, поэтому Гиршман уже в самом начале 1918 г. отказался обеспечить сохранность своего собрания. В связи с этим в Отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины возник вопрос о хранителе собрания Гиршмана [48]. Еще до окончательной национализации собрания дом Гиршмана у Красных ворот был объявлен собственностью государства и передан в октябре 1918 г. в ведение Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины. На должность же хранителя собрания был принят П. Л. Леон [49] (либо брат, либо близкий родственник Г. Л. Гиршман, поскольку ее девичья фамилия — Леон) [50]. Между тем в доме уже был один хранитель, сотрудник Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Денисов [51]. Зачисление П. Л. Леона на должность второго хранителя, вероятно, говорит о том, что в Отделе по делам музеев еще не было известно о помыслах Гиршмана.

В октябре 1919 г. в доме Гиршмана была открыта для посетителей выставка мебели, существовавшая до декабря, затем — «Музей декоративного искусства, художественной промышленности и быта XVIII—XIX веков»; коллекция же живописи была передана в хранилище Государственного музейного фонда [52].

Бежавший Гиршман все же смог позднее открыть небольшой художественный салон в Берлине [53]. Можно с уверенностью сказать, что если бы не своевременные меры, предпринятые в области охраны частных художественных коллекций, вещи из собрания Гиршмана, украшающие сейчас наши музеи, оказались бы тогда за пределами Советской Республики и были бы предметом коммерции их владельца.

Кроме перечисленных собраний, назовем еще несколько, национализированных в 1918—1919 гг. и ставших достоянием республики. Это московские собрания С. П. Рябушинского, А. В. Олсуфьева, Ю. А. Новосильцева, М. К. Морозовой, Е. П. Носовой, Е. А. Долгоруковой, З. И. Ратьковой-Рожновой, А. П. Боткиной, Барятинских и др.[54].

Создание системы охраны памятников искусства и старины, национализация всех важнейших частных художественных собраний в первые годы Советской власти позволили сохранить культурное наследие прошлого и сделать его доступным для многомиллионных масс трудящихся.

---

[46] РО ГТГ, ф. 104, оп. 1, д. 4, лл. 247—255.
[47] РО ГТГ, ф. 104, оп. 1, д. 4, лл. 247—255.
[48] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 28, д. 9, л. 18.
[49] Там же, лл. 9, 9 об.
[50] «Валентин Серов в воспоминаниях...», т. 2, стр. 318.
[51] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 28, д. 9, л. 9.
[52] Там же, ф. 2307, оп. 3, д. 224, л. 12.
[53] РО ГТГ, ф. 104, оп. 1, д. 3, л. 70.
[54] ЦГАЛИ СССР, ф. 686, оп. 1, д. 12.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В Институте истории СССР АН СССР *

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков,
заведующий сектором комплексных проблем истории социалистического и коммунистического строительства в СССР

В. П. Дмитренко,
ученый секретарь

Общепризнано, что современное состояние науки требует как дальнейшей ее дифференциации с целью углубления знаний в конкретных областях, так и расширения системных, комплексных изысканий, дающих возможность осмыслить те или иные явления общественной жизни во всех их многообразных проявлениях и взаимосвязях. Углубление исследований невозможно без дальнейшей специализации, что, в свою очередь, немыслимо без усиления координации и развития комплексности. В последние годы в изучении истории советского общества все больше проявляется стремление утвердить принцип комплексности. Это — веление времени, связанное как с развитием исторического процесса, так и с задачами современного этапа советской исторической науки. Наша страна за шесть без малого десятилетий прошла гигантский путь. Давно преодолен рубеж переходного периода от капитализма к социализму. Построено развитое социалистическое общество. Советский народ под руководством Коммунистической партии трудится над упрочением зрелого социалистического общества, созданием предпосылок для постепенного перехода к коммунизму.

В связи с победой социализма в ряде стран мира стало возможным и необходимым проводить сравнительный анализ, изучать общие закономерности социалистического строительства, а также особенности, характерные для отдельных стран.

Огромный фактический материал по истории советского общества, содержащийся в многочисленных конкретно-исторических трудах и документальных публикациях, все более настоятельно требует обобщенно-проблемного подхода. Перед коллективом нашего сектора была поставлена ответственная задача — приступить к разработке ряда тем, лежащих на стыке ставших уже традиционными направлений исторических исследований, но главное — к созданию синтезирующих исследований, позволяющих осмыслить основные процессы и сам «механизм» формирования социалистического общества. Нам было не просто организовать свою работу в этом направлении. Опыт решения аналогич-

* Окончание. Ответы руководителей других отделов и секторов института на вопросы редакции см. № 1—6, 1976 и № 1, 1977.

ных научных задач еще недостаточен. На первых порах мы искали свой «почерк» через решение отдельных проблем. Были подготовлены сборники «Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством», «Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории», на базе которых была предпринята попытка рассмотреть тесное взаимодействие теории и практики борьбы за социализм, многообразие форм революционных преобразований, поставить ряд новых проблем, еще слабо разработанных в специальной литературе.

В частности, применительно к новой экономической политике были рассмотрены особенности ее проведения на различных этапах переходного периода, формы и методы ее осуществления в различных социальных секторах, отраслях хозяйства, важнейших экономических регионах. На основе анализа закономерностей формирования и эволюции этой политики поставлен вопрос о ее характере, времени, когда она была исчерпана, о постепенном ее перерастании в экономическую политику победившего социализма.

Но наиболее полно, по нашему мнению, профиль сектора нашел отражение в двухтомнике «Основные проблемы истории переходного периода в СССР». Приступая к его написанию, мы рассчитывали на обширной источниковой и историографической базе создать обобщающий труд, в котором был бы раскрыт исторический опыт СССР в решении задач переходной эпохи от капитализма к социализму. Сочетая хронологический и проблемный принципы исследования, эта коллективная монография призвана осветить становление пролетарской диктатуры в России, характер гражданской войны как наиболее острой формы классовой борьбы, процессы разработки и успешного осуществления под руководством Коммунистической партии ленинского плана построения социализма, особенности восстановительного, реконструктивного, заключительного этапов борьбы за социализм. Одна из главных задач этой работы — показать творческий характер применения основных положений марксистско-ленинского учения о переходной эпохе к конкретно-историческим условиям России, неуклонное развитие и обогащение концепции социализма в ходе классовой борьбы и утверждения новых отношений. Первый том этой монографии готовится к печати, авторская работа над вторым томом завершается.

Аналогичный по характеру труд, к подготовке которого мы приступили,— «Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР». Он посвящен следующему этапу строительства социализма — 1937 — конец 50-х годов — и призван обобщить опыт советского народа в его движении от уровня, когда социализм был построен в основном, к рубежу, за которым страна вступала в этап зрелого или развитого социализма. Проблематика этой работы отражает особенности этапа, когда социализм развивался уже на собственной основе. Авторский коллектив стремится показать исторические достижения советского народа в использовании преимуществ социализма, постепенное накопление новых черт советского общества, связанных с укреплением материально-технической базы, изменением характера государства, перестройкой социальной структуры, развитием новой исторической общности — советского народа, укреплением факторов, характеризующих социалистический образ жизни. В 1977 г. должна быть закончена работа над первым томом, в 1978 г.— над вторым томом этого исследования.

Приступая к подготовке этих обобщающих трудов, мы опирались на высококвалифицированные кадры. В секторе заняты 2 члена-корреспондента АН СССР, 8 докторов, 5 кандидатов исторических наук, 8 младших научных и научно-технических сотрудников. За прошедшее пятилетие сотрудниками сектора опубликовано немало монографических исследований. Чл.-корр. АН СССР А. М. Самсонов выпустил вторым изданием монографию «Битва за Москву», а также крупное исследование «Крах фашистской агрессии». Коренным вопросам борьбы за власть в ходе Октябрьской революции, упрочения Советской власти в первые месяцы социалистического строительства посвятил свои труды С. С. Хесин «Октябрьская революция и флот» и «Становление пролетарской диктатуры». Важное место в исторической Лениниане заняла монография Э. Б. Генкиной «Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923 гг.». Сотрудниками сектора был выпущен сборник «Строительство Советского государства». С. И. Якубовская, продолжая тему национально-государственного строительства, выступила с исследованием «Развитие СССР как союзного государства. 1922—1936 гг.».

Проблемы укрепления дружбы народов Советской страны после Октября рассматриваются в монографии К. А. Гафуровой «Борьба за интернациональное сплочение трудящихся Средней Азии и Казахстана. 1917—1924». О формировании и деятельности органов партийно-государственного контроля в период построения социализма идет речь в монографиях С. Н. Иконникова «Создание и деятельность объединенных органов ЦКК—РКИ в 1923—1934 гг.» и А. И. Чугунова «Органы социалистического контроля РСФСР». Исследование Н. М. Алещенко посвящено истории Москвы как столицы социалистического государства — «Московский Совет в 1917—1941 гг.». Ряд аспектов новой экономической политики нашел отражение в монографии В. П. Дмитренко «Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921—1924». В создании научных биографий Я. М. Свердлова, М. И. Калинина принял участие Ю. П. Шарапов. Его перу принадлежит оригинальное исследование «Ленин как читатель». Кроме монографий опубликовано большое число брошюр, научных статей в периодических изданиях, сборниках. Наши сотрудники участвуют в создании крупных обобщающих трудов, подготавливаемых в нашем институте и других научных учреждениях: «Всемирная история», «История второй мировой войны», «История СССР с древнейших времен до наших дней», «История международного рабочего движения», многотомных изданиях по истории рабочего класса и крестьянства СССР и др.

Таким образом, спектр научных интересов сотрудников сектора охватывает вопросы хозяйственного, политического, культурного, военного строительства на различных этапах истории нашей Советской Родины. Подготавливая коллективные труды, мы стремимся, чтобы большинство старших научных сотрудников имели темы самостоятельных монографических исследований, поскольку без изысканий в той или иной конкретной области истории научный работник лишается возможности в полной мере выявить свои индивидуальные черты как исследователь, приобретать и шлифовать профессиональное мастерство.

В планах сектора на текущее пятилетие предусмотрена подготовка восьми монографий. Они посвящены проблемам ведущей роли рабочего класса в упрочении Советской власти на национальных окраинах (С. С. Хесин), разработки научной концепции обороны социалистического отечества и ее реализации в условиях переходного периода (Ю. И. Кораблев), идеологической борьбы в начале 20-х годов (Ю. П. Шарапов), разработки истории новой экономической политики (В. П. Дмитренко), истории Моссовета в годы Великой Отечественной войны (Н. М. Алещенко) и др. Большинство этих работ будет носить обобщенно-проблемный характер.

После XXIV съезда КПСС центр нашей работы все больше переносится в область изучения процессов функционирования развитого социализма. С целью определения круга задач, которые встали перед историками в свете выдвинутого партией положения о построении в СССР развитого социализма, сектором были обсуждены основные проблемы истории развитого социализма. Это помогло в определении тем наших научных разработок. С. И. Якубовская приступила к изучению проблемы «Развитие СССР как союзного государства. 1937—1972 гг.», К. А. Гафурова — «Коммунистическое строительство и интернациональное единение трудящихся (1966—1975 гг.)», Г. Я. Тарле — «Интернациональная солидарность советского народа с трудящимися зарубежных стран (1946—1972 гг.)», М. И. Хлусов — «Социально-экономические проблемы индустриального прогресса СССР в условиях развитого социализма. 1960—1975 гг.». Г. Б. Куликова подготовила монографию, посвященную развитию демократического характера деятельности Советов на современном этапе.

Первые итоги научных изысканий были обобщены в обстоятельном коллективном докладе «Актуальные проблемы истории и теории развитого социализма в СССР», представленном Ученому совету института и Отделению истории.

В канун XXV съезда партии вышел в свет сборник статей «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР». Сборник явился по существу первой попыткой в конкретно-историческом плане осветить ряд коренных проблем развития экономики и изменения социальной структуры советского общества в условиях зрелого социализма. В плане экономического строительства в работе анализируются укреп-

ление материально-технической базы страны, совершенствование хозяйственных отношений города и деревни, проведение экономической реформы, перестройка аппарата управления и выполнение программы повышения жизненного уровня трудящихся, укрепление экономических связей со странами социалистического лагеря. В ряде статей характеризуется социальная структура советского общества (рабочего класса и крестьянства, города и деревни). Материал сборника помогает в выявлении характерных черт этапа развитого социализма, определении его рубежей, закономерностей развития и постепенного перерастания социализма в коммунизм. В подготовке сборника приняли участие помимо сотрудников института также специалисты ряда других научных центров.

Завершается работа над следующим сборником — «Проблемы общественно-политической истории развитого социализма в СССР». Важное значение в конкретно-историческом изучении и осмыслении ряда актуальных научных проблем имело участие сотрудников сектора в подготовке таких трудов института, как «Советский народ — новая историческая общность людей», «Рабочий класс СССР. 1966—1970 гг.» и ряда других. На базе коллективных и монографических исследований мы получаем возможность уже в текущем пятилетии приступить к написанию обобщающей работы, посвященной истории этапа развитого социализма в СССР.

С учетом этой перспективы определяются и темы работ аспирантов, проходящих курс обучения на базе сектора. В частности, представлена к защите кандидатская диссертация С. В. Попова, посвященная молодым кадрам рабочего класса СССР в 60—70-е годы.

В процессе организации научной работы мы стремимся учесть требования в области координации научных исследований, в первую очередь в плане разработки фундаментальных научных проблем. Этой цели отвечают обобщающие труды, которые готовятся в секторе. К обсуждению проспектов этих трудов, ряда коренных проблем мы привлекаем ученых из других научных центров. В создании коллективных работ принимают участие специалисты из ряда научно-исследовательских учреждений, а также вузовские работники.

Той же цели служат научные конференции, симпозиумы, совещания. Положительную роль сыграла Всесоюзная научная конференция, проведенная Научным советом «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» на тему «Историческое значение новой экономической политики». Она позволила подвести итоги историографической разработки темы, обсудить ряд дискуссионных проблем, установить более тесные научные контакты историков и экономистов. Последнее обстоятельство имело особое значение, так как крупные достижения в развитии политэкономии социализма, имевшие место во второй половине 60-х — начале 70-х годов, позволили в ряде случаев более глубоко трактовать историю разработки и осуществления экономической политики Советской власти в переходный период.

Сотрудники сектора принимают активное участие в создании региональных историй республик Средней Азии и Казахстана, Северного Кавказа, Закавказья, Прибалтики. Сам характер этих трудов предполагает постановку ряда вопросов, над которыми работает коллектив сектора. Фронтальный анализ процессов общественно-экономического, политического, культурного развития народов, входящих в крупные регионы, дает возможность творчески рассмотреть новые тенденции общественного развития, связанные с победой социалистических отношений — укрепления дружбы, сотрудничества и взаимопомощи народов, формирования в общей семье наций и народностей СССР новой исторической общности — советского народа, тесного взаимодействия процессов всестороннего развития наций и их сближения, взаимообогащения.

Одним из важных и перспективных научных направлений, к сожалению, недостаточно привлекающих внимание историков, является изучение проблем народонаселения СССР, в особенности применительно к советскому периоду. Много делают в этом отношении экономисты, социологи, но очевидно, что историки могут и должны внести в изучение демографических проблем свой вклад, решить свои, присущие только исторической науке задачи. Немало сложных и неизученных вопросов в области демографии связано с первым десятилетием истории советского общества. Нет научно обоснованных данных

о населении страны во время Октябрьской революции, гражданской войны, в первые послевоенные годы. Война, вражеская оккупация ряда территорий, голод 1921 г. крайне затруднили работу статистиков. Нет достоверных данных о национальном составе населения. Все это делает научное изучение демографических вопросов весьма важным, хотя и трудным. Мы считаем, что эта задача, будучи комплексной, находится в пределах компетенции нашего сектора. Совместно с руководителем Лаборатории математических методов изучения исторических источников Института истории СССР В. А. Устиновым мы разработали методику, которая позволит с помощью современных ЭВМ определить численность населения страны первой четверти XX в. как в целом, так и по отдельным регионам. Сопоставляя данные переписей 1897, 1920 и 1926 гг., используя все промежуточные сведения, находящиеся в распоряжении историка, можно получить динамический ряд с многочисленными социально-экономическими и национальными параметрами. Эта трудоемкая работа может дать первые результаты в ближайшие месяцы.

Большое внимание наш сектор уделяет укреплению связей с высшей и средней школой. Мы активно участвуем в подготовке специальной учебной литературы для преподавателей и учащихся. Вместе с вузовскими работниками был написан учебник для вузов «История СССР. Эпоха социализма». Студенты университетов используют учебное пособие «История СССР. 1917—1972 гг.», подготовленное И. Б. Берхиным. С его участием издан также учебник по истории СССР для 9-го класса средней школы. Полезную роль играет ряд сборников документов, методических пособий, изданных в помощь учителю, в том числе публикации в журнале «Преподавание истории в школе». Наши контакты со студенческой аудиторией расширяются и непосредственно — благодаря чтению спецкурсов, лекций, выступлениям в научных студенческих обществах.

Научная работа историка неотделима от популяризации полученных им результатов в разработке определенных тем, а также достижений науки в целом. Поэтому выход в свет монографий наших сотрудников сопровождается, как правило, публикацией статей, брошюр, дающих возможность широкой читательской аудитории следить за развитием научной мысли. Назовем ряд популярных работ, изданных в последние годы: «Интернационализм в действии» К. А. Гафуровой, «Историческая битва за мир», «Создание развитого социалистического общества» И. Б. Берхина, «Индустриальный прогресс Советской России» М. И. Хлусова, «1921-й: победа над голодом» Ю. А. Полякова, «Переход к новой экономической политике» Ю. А. Полякова, В. П. Дмитренко. За прошедшее пятилетие сотрудники сектора прочитали сотни лекций в самых различных концах нашей страны и за рубежом.

Через несколько месяцев мы будем праздновать 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Наш долг — достойно встретить эту знаменательную дату. В секторе разработан план подготовки к юбилею, охватывающий все стороны нашей производственной и общественной деятельности. Главной нашей заботой является обеспечение своевременного выхода в свет ряда монографий, посвященных проблемам истории Великого Октября, индустриального развития страны в 40—50-е годы, укреплению местных Советов в условиях развитого социализма, а также первого тома коллективной монографии «Основные проблемы истории переходного периода в СССР».

ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА — СОЗДАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОГО АТЛАСА ИСТОРИИ СССР

Л. Г. Бескровный,
заведующий сектором исторической географии СССР

Я. Е. Водарский,
ученый секретарь

Область изучения исторической географии включает в себя проблемы, лежащие на стыке ряда наук, прежде всего истории, географии и демографии. Решения XXIV и XXV съездов нашей партии требуют комплексного, системного подхода к решению экономических и социально-политических проблем; это требование полностью относится и к исследованиям в области истории. Важное значение имеет разработка проблем в области исторической географии, без чего не может быть достигнута комплексность исторических исследований.

Перед сектором исторической географии поставлена важнейшая задача: создать первый в русской и советской историографии академический Атлас истории СССР. Его научное значение заключается главным образом в картографическом обобщении результатов исследовательской работы по истории нашей Родины. Такое обобщение выявляет пробелы в изучении отдельных проблем истории и выдвигает перед исследователями новые важные задачи. Атлас противопоставит многочисленным буржуазным фальсификациям нашей истории в зарубежных картографических изданиях научное объективное исследование, основанное на широкой базе источников и монографий. Картографически показывая результаты изучения формирования государственной территории нашего Отечества по опубликованным и архивным источникам, атлас наглядно покажет научную несостоятельность и политическую беспочвенность фальсификаций в этой области. Атлас явится научно-справочным изданием, необходимость которого очевидна и которое станет, как мы надеемся, настольной книгой не только специалистов, но и самых широких читательских кругов.

Атлас истории СССР запланирован в двух томах, охватывающих соответственно дореволюционный и советский периоды. Авторская работа над первым томом должна быть закончена в 1980 г. Каждый том будет иметь 250 листов (примерно около 800 карт с пояснениями к ним). В зависимости от состояния разработки проблем карты будут исследовательскими и обзорными. Естественно, работа такого масштаба не может быть выполнена силами одного сектора. Решениями Бюро Отделения истории и Секции общественных наук Президиума АН СССР к подготовке издания привлечены институты истории академий наук всех союзных республик и ряд институтов АН СССР. Для координации работы создан Научный совет по исторической географии и картографии АН СССР.

Работа над атласом потребовала от сектора предварительного проведения ряда исследований. Проблематика исторической географии охватывает, говоря вообще, четыре группы проблем: политической исторической географии, исторической географии населения (в том числе проблемы исторической демографии), исторической экономической географии и исторической географии культуры (понимая последнюю самым широким образом). Специфика исследований состоит в том, что необходимо получить такие результаты, которые могут быть картографированы. Для этого они должны быть более или менее однородны и охватывать территорию всей страны или отдельных крупных регионов. Советская историческая наука главное внимание обращает на теоретическое исследование основных проблем. Это закономерно и необходимо. Но теперь настало время переходить к комплексным исследованиям, а это ставит на очередь разработку проблем исторической географии в большем объеме, чем это делалось ранее, и именно потому, что по ряду основных проблем историче-

ской географии еще нет историко-географических трудов, которые могли бы послужить основанием для составления карт.

Это и определило направление исследовательских работ сектора, целью которых является создание историко-географических монографических трудов для составления карт, без которых не может быть научного академического атласа. Конечно, эти монографии имеют и самостоятельную научную ценность, но они создаются с расчетом ввести в научный оборот новые данные, которые могут быть картографированы. В то же время именно обращение к картографированию источникового материала открывает возможность новой, более полной интерпретации и подчас приводит к необходимости пересмотра, казалось бы, установившихся в науке положений. Само картографирование как исследовательский метод требует гораздо более полного привлечения данных и более скрупулезного их анализа. В этом — научное обоснование необходимости комплексного подхода.

Наибольшее внимание сектор уделяет разработке проблем политической исторической географии и проблем исторической географии населения, затем — разработке проблем исторической экономической географии. Внимание к этим темам обусловлено важностью, актуальностью политических проблем и тем, что карты административно-территориального деления служат основой для составления многих других карт атласа, а карты населения должны предшествовать картам экономики и культуры. В минувшей пятилетке в сектор пришли специалисты по экономике, и работа над проблемами исторической экономической географии выдвигается также на первый план.

За годы, прошедшие между XXIV и XXV съездами КПСС, вышли в свет восемь монографий сотрудников нашего сектора, посвященные исторической географии населения, административно-территориальному делению России и военной истории. В монографии Л. Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России» (М., 1973) рассматривается строительство вооруженных сил в России в XIX в., исследуются вопросы производства вооружения и боеприпасов, организации инженерной обороны и т. п. В другой монографии того же автора — «Русское военное искусство XIX в.» (М., 1974) — исследуются развитие русского военного и военно-морского искусства, стратегия и тактика воюющих сторон. Большой фактический материал собран и обработан в трех монографиях В. М. Кабузана. В монографии «Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. (по материалам ревизий)» (М., 1971) автор изучает размещение населения в указанный период и его изменения в рамках административно-территориального деления того времени. В двух других монографиях — «Как заселялся Дальний Восток» (Хабаровск, 1973) и «Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья» (Кишинев, 1974) — исследованы особенности формирования населения этих регионов в XVIII — первой половине XIX в. В монографии Я. Е. Водарского «Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма» (М., 1972) изучено образование фабричных и «кустарных» сел в центре России в плане проблемы городообразования. В другой монографии того же автора — «Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.)» — сделана попытка проследить изменения численности населения в целом и по отдельным сословным группам и регионам за весь период дореволюционной истории России на основе сохранившихся в источниках сведений. В монографии Э. Г. Истоминой «Границы, население, города Новгородской губернии (1727—1917 гг.). Очерки по административно-территориальному делению» (Л., 1972) изучены изменения административно-территориального деления крупного региона.

Кроме монографий сотрудники сектора опубликовали несколько десятков научных статей по этим же проблемам. Среди них отметим работы В. А. Кучкина и А. К. Зайцева, посвященные формированию территорий древнерусских княжеств X—XIV вв. Сектор издал несколько сборников статей, в которых проблемам формирования территории уделено основное внимание. Это сборники «Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.» (М., 1974), «Древнерусские княжества X—XIII вв.» (М., 1975) и др.

Помимо опубликованных работ сотрудники сектора подготовили еще шесть монографий по указанным проблемам, в том числе В. М. Кабузан написал три работы: о заселении Новороссии и о национальном составе населения в XVIII — первой половине XIX в., Я. Е. Водарский — о населении России в конце XVII — начале XVIII в., В. А. Кучкин — о формировании территорий древнерусских княжеств, Б. В. Тихонов — о переселениях в Европейской России во второй половине XIX в. Продолжают работу над подготовкой ряда трудов: Л. Г. Бескровный — о русской армии и флоте в начале XX в., Я. Е. Водарский — о размещении владений дворянства в XVII—XVIII вв., В. М. Кабузан — о национальном составе населения России во второй половине XIX — начале XX в., В. В. Павленко — о русско-иранской войне 1826—1828 гг., Е. Б. Французова — о воссоединении Смоленщины с Россией во второй половине XVII в., В. А. Кучкин и А. К. Зайцев — о формировании территорий древнерусских княжеств XIII—XV вв.

Проведенные исследования позволили привлечь большое количество источников и дали возможность создать, во-первых, карты-эталоны государственных границ, во-вторых, карты административно-территориального деления России и карты ряда древнерусских княжеств, в-третьих, серию карт населения, и, в-четвертых, серию военно-исторических карт. Использование опубликованных трудов и привлечение к работе над атласом исследователей, работающих в других научных учреждениях, оказало сектору большую помощь.

Работа в области исторической экономической географии в истекшем пятилетии велась по двум направлениям: монографические исследования и составление исторических карт по опубликованным источникам. М. Я. Волков завершил работу над монографией о размещении винокуренной промышленности в первой четверти XVIII в. Изучение проблемы показало, что до сих пор значение этого производства недооценивалось исследователями. Э. Г. Истомина готовит монографию о водных путях сообщения во второй половине XVIII — начале XIX в., имевших большое значение для развития экономики страны. Монография будет завершена в текущей пятилетке и послужит обоснованием нескольких важных карт. Начали работу над монографиями Б. В. Тихонов — о размещении металлической промышленности во второй половине XIX — начале XX в., К. Н. Тарновский — о размещении мелкой промышленности в тот же период, М. С. Симонова — о влиянии аграрного кризиса конца XIX в. на сельскохозяйственное производство. Указанные исследования будут завершены в десятой пятилетке. Продолжается работа над составлением конкретных карт по опубликованным источникам и в области исторической географии культуры (просвещение, здравоохранение и т. п.).

Как известно, работа над историческими картами складывается из двух основных этапов: сбор и обработка данных и нанесение их на географическую основу. На втором этапе необходимы специалисты-картографы, которые могут превратить черновой эскиз исследователя в авторский макет карты. Научным сотрудникам сектора активно помогает группа картографов, руководимая П. А. Иваньковым. Деятельность картографов сектора сложна и требует определенных знаний в области истории и исторической картографии. В истекшей пятилетке была завершена работа над макетом первого тома атласа и разработаны методические указания по составлению карт.

Одной из важных сторон подготовки атласа является координация работы сотрудников сектора и других научных учреждений, отдельных авторов. В текущей пятилетке эта работа приобретает особенно большой размах в связи с подготовкой к написанию истории регионов, в ходе которой должен быть составлен ряд исторических карт. Чтобы при этом было исключено дублирование работы над картами для историй регионов и для атласа, соответствующую координацию осуществляет Научный совет по исторической географии и картографии.

Подготовка первого тома Атласа истории СССР является важнейшей, но не единственной задачей сектора. Ведь атлас — это обобщение изучения исторической географии в картографической форме изложения. Насущная задача сектора — параллельное создание научного коллективного труда, обобщающего изучение основных проблем исторической географии. Такой труд запланирован на текущую пятилетку.

Большое значение имеет введение в научный оборот статистических источников по исторической географии. В истекшей пятилетке внимание сектора было обращено на источники по численности и размещению населения; в новой пятилетке на очереди — источники по экономической истории. Сектор планирует подготовить большую публикацию итогов писцовых описаний XVII в. и хозяйственных описаний губерний и наместничеств конца XVIII в. (так называемых «топографических описаний»), которые содержат итоговые данные «экономических примечаний к генеральному межеванию». Научная ценность этих источников общеизвестна. Введение их в научный оборот позволит создать интересные карты по экономике России.

Серьезное внимание уделяется участию сектора в коллективных трудах: в составлении историй регионов, истории рабочего класса и истории крестьянства. Примером такого участия в истекшей пятилетке является работа ряда наших сотрудников над Атласом по истории КПСС.

Помимо указанных работ, сектор предполагает начать проведение организационных мероприятий по подготовке второго тома Атласа истории СССР, посвященного истории СССР советского периода.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

О. В. Орлик,
заместитель заведующего сектором истории внешней политики России

Г. А. Санин,
ученый секретарь

Сектор истории внешней политики России — один из самых молодых в Институте, он был создан в декабре 1974 г. Этот сектор и отдел истории внешней политики СССР и России возглавляет акад. А. Л. Нарочницкий. До образования сектора вопросы внешнеполитической проблематики истории России исследовались сотрудниками, работающими в разных секторах и группах института. Ими были подготовлены труды и сборники документов, разработаны отдельные сюжеты внешнеполитической проблематики. Это монографии В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968), А. В. Игнатьева «Внешняя политика Временного правительства» (М., 1974), Г. А. Некрасова «Роль России в европейской международной политике 1725—1739 гг.» (М., 1976), ряд статей в сборниках «Россия в период реформ Петра I» (М., 1973), «Крестьянские войны в России в XVII—XVIII вв. Проблемы, поиски, решения» (М., 1974) и другие труды.

Создание сектора было обусловлено необходимостью систематического комплексного изучения важнейших вопросов внешней политики России на разных этапах ее исторического развития, раскрытия места и роли России в системе международных отношений, исследования широкого круга вопросов, входящих в понятие «международные связи». Советская историческая наука выяснила коренные проблемы общественно-политического развития России и открыла возможность для сквозного изучения внешней политики как продолжения внутренней политики отдельных классов, сменявших друг друга у кормила власти; политики, проводившейся средствами дипломатии и войны при использовании различных форм экономического и культурного влияния.

Как известно, в области изучения внешней политики России и ее международных связей все еще имеется ряд существенных пробелов. В последнее время не издавались фундаментальные обобщающие труды по истории внешней политики России. Большое

значение имеют дальнейшие исследования в области некоторых методологических проблем истории международных отношений и внешней политики России. В связи с этим весьма актуальной является разработка периодизации всей истории внешней политики России. Ряд работ по проблемам истории, теории и методологии международных отношений написан А. Л. Нарочницким; среди них — «О теории и методологии истории международных отношений» («Вопросы истории», 1976, № 2); в 1975 г. под его редакцией издан сборник «Проблемы международных отношений и освободительных движений».

Одной из первоочередных задач сектора стало обобщение итогов изучения советскими историками внешнеполитической проблематики. В план нашей работы включена комплексная коллективная монография «Итоги и задачи изучения внешней политики России». Это будет первая обобщающая работа, анализирующая процесс изучения советскими учеными истории внешней политики России с IX в. по 1917 г. Как это видно из названия монографии, ее целью является также рассмотрение перспектив дальнейшего изучения внешнеполитической проблематики, выявление наиболее актуальных задач. В работе над этой монографией принимают участие сотрудники сектора и других подразделений института, а также ученые МГУ.

Для разработки истории внешней политики России неоценимый материал дает многотомная фундаментальная публикация Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел». Ответственным редактором всех вышедших томов издания является А. Л. Нарочницкий. В 1976 г. вышел из печати очередной X том (II том II серии), материалы которого позволяют проследить основные тенденции в международной обстановке и в политике держав с октября 1817 по апрель 1818 г.

Нашей важной задачей является разработка истории внешней политики России в эпоху империализма, особенно в период двух буржуазно-демократических революций и подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Предполагается участие сотрудников сектора в многотомном труде по истории трех российских революций. В настоящее время ведется работа над рядом монографий, посвященных широкому кругу вопросов внешней политики России в 1905—1907, 1910—1914, 1917 гг. Так, А. В. Игнатьев работает над монографией «Внешняя политика России в 1905—1907 гг.». Одна из основных задач работы — исследование международного влияния первой русской революции, изучение всех направлений внешней политики России в 1905—1907 гг.; намечено рассмотреть не только дипломатические, но и экономические связи, военно-политические отношения, борьбу классов и партий в области внешней политики.

В монографии А. С. Аветяна «Русско-германские отношения и дипломатическая борьба империалистических держав накануне первой мировой войны. 1910—1914 гг.» автор ставит перед собой задачу исследовать процесс постепенного перехода России от лавирования между Антантой и Германией к политике военно-политического блока с державами «Тройственного согласия», показать расстановку сил накануне первой мировой войны, проанализировать движущие силы захватнической политики империализма; серьезное внимание уделяется экономическим аспектам внешней политики России.

В монографии В. С. Васюкова «Международное положение и внешняя политика России накануне Февральской революции» рассматривается борьба классов и партий в вопросах внешней политики, конкретно выявляется неразрывная связь внешней и внутренней политики. Особое внимание уделено позиции большевистской партии по вопросам войны, мира и революции. Подробному анализу подвергается проблема сепаратного мира, дипломатическая борьба между воюющими империалистическими блоками.

Вопросам формирования внешнеполитических воззрений передовой России посвящено исследование О. В. Орлик «Внешнеполитические взгляды декабристов». Освещение этой стороны идейных воззрений декабристов расширит представление о процессе становления дворянской революционности, формировании национального самосознания. Выдвижение декабристами новых принципов внешней политики воплощалось в разрабатывавшихся ими конкретных планах внешней политики обновленной России. Одна из задач исследования — раскрыть основные отличия внешнеполитических взглядов и про-

граммы декабристов — передовых представителей России своего времени — от внешнеполитических концепций и планов ведения внешней политики царизмом и другими европейскими монархами.

В недавно вышедшей книге О. В. Орлик «Декабристы и европейское освободительное движение» освещены слабо изученные зарубежные связи декабристов, их отношение к национально-освободительной борьбе народов других стран.

Значительное внимание мы уделяем проблемам внешней политики России на Балканах в XVIII—XIX вв. Эти проблемы еще неполно освещены в научной литературе. В 1976 г. Н. И. Хитрова завершила работу над монографией «Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и Россия. 50—70-е годы XIX в.» Эта монография — плод многолетнего изучения автором избранной темы, результат кропотливой работы во многих архивах. В ней освещаются политика России в национально-освободительном движении на Балканах, русская дипломатическая и материальная помощь Черногории, влияние антитурецкой борьбы черногорских повстанцев на подъем освободительного движения балканских народов.

К 100-летнему юбилею русско-турецкой войны 1877—1878 гг., принесшей освобождение Болгарии и полную политическую независимость Сербии, Черногории и Румынии, сектор готовит сборник документов «Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875—1878 гг.» Публикация освещает широкий круг вопросов развития национально-освободительного движения на Балканах в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. и отношение к нему России. В ней показаны позиции различных общественно-политических кругов страны, развитие в России общественного движения в поддержку славян. Основное внимание уделено народным массам и их вкладу в освобождение славян, боевому содружеству русского и балканских народов. В сборник включены новые документы из архивов страны, широко использованы материалы печати того времени.

В 1976 г. вышла монография А. М. Станиславской «Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в.» Останавливаясь на особенностях нового этапа национально-освободительной борьбы балканских народов, связанного с появлением первых национальных государств, автор говорит о поддержке Россией этой борьбы, подчеркивает, что русская дипломатия влияла на превращение республики Семи Соединенных Островов в патриотический центр греческого народа. В настоящее время А. М. Станиславская готовит монографию «Политика России в Восточном вопросе. 1781—1791 гг.» В работе предполагается осветить отношения России и европейских держав в связи с Восточным вопросом — от присоединения Крыма к Российской империи до заключения Ясского мира, социально-экономические и политические условия русской ближневосточной политики, позиции правительственных группировок, охарактеризовать основные этапы политики России в Восточном вопросе. Особое внимание в работе будет уделено связи политики России в Восточном вопросе с ее германской, польской и балтийской политикой.

Русско-югославские отношения изучаются А. П. Бажовой, работающей над монографией «Связи России с югославянскими народами во второй половине XVIII века». В работе исследуется процесс складывания исторических связей России с южнославянскими народами в XVIII в. на фоне сложной международной обстановки в Европе и на Ближнем Востоке; рассматриваются воздействие борьбы России за выход к Черному морю на исторические судьбы балканских народов, помощь России в создании самостоятельных государств. В монографии освещается также отношение различных кругов русского общества к ближневосточной проблеме и к национально-освободительной борьбе южнославянских народов.

Широкий круг вопросов, относящихся к связям народов России и Балканского полуострова, найдет отражение в подготавливаемом советскими и югославскими учеными сборнике документов «Русско-югославянские отношения. Т. I. XVIII в.».

Большое значение приобретает изучение политики России, связанной с вхождением народов в состав Российского государства. Правильное научное освещение истории взаимоотношений России с народами, вошедшими на разных этапах в ее состав, актуально и в связи с ведущейся разработкой истории народов отдельных регионов СССР. Такие

исторические события, как, например, воссоединение Украины и Белоруссии с Россией, присоединение Прибалтики, Кавказа и Средней Азии к России оказывали существенное воздействие на развитие международных отношений в Европе и Азии. Один из аспектов этой важной в научном отношении проблематики изучается Г. А. Саниным в его монографическом исследовании «Отношения Русского государства с Турцией и Крымским ханством в 50—60-е годы XVII в.» Одна из основных задач работы — проследить влияние воссоединения Украины с Россией на весь комплекс европейских межгосударственных отношений в указанный период. Предполагается рассмотреть роль России в системе международных отношений Европы и Ближнего Востока. Усилившаяся после воссоединения Украины борьба русского и украинского народов против агрессии Турции и Крыма будет показана с учетом взаимосвязи с другими направлениями внешней политики России.

Разработка проблем, намеченных сектором, ведется в контакте с другими научно-исследовательскими учреждениями страны. Совместно с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР запланирована работа над коллективным трудом «Международные отношения на Балканах. XVIII — начало XIX в.»

Наши сотрудники принимали активное участие в подготовке и проведению научных конференций и сессий, в том числе международных, — конференции историков СССР и ГДР, конференции историков СССР и ФРГ, конференции 1975 г. в Сараеве, посвященной национально-освободительной борьбе народов Балканского полуострова и отношению к ней России, Сухумской конференции, темой которой были русско-турецко-польские отношения в XVI—XVIII вв., а также всесоюзной конференции, посвященной 150-летию восстания декабристов, конференции в Москве в связи с 200-летием со дня рождения Каподистрии.

Осуществление научных задач, стоящих перед сектором, явится вкладом в разработку важных проблем истории внешней политики России.

НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В результате состоявшихся в декабре 1976 г. выборов в Академию наук СССР избраны по Отделению истории действительным членом (академиком) АН СССР — Юлиан Владимирович Бромлей, членами-корреспондентами АН СССР — Георгий Федорович Ким, Владимир Терентьевич Пашуто, Виктор Иванович Рутенбург, Сергей Павлович Трапезников, Зинаида Владимировна Удальцова.

Академик Ю. В. Бромлей — специалист в области теоретических проблем этнографии и истории культуры народов мира, проблем первобытнообщинного строя, аграрной истории европейского средневековья, автор более 170 научных работ, в том числе монографий «Крестьянское восстание 1573 года в Хорватии», «Становление феодализма в Хорватии», «Этнос и этнография», за которую автору была присуждена премия им. Н. Н. Миклухо-Маклая, и др.

Под редакцией и при авторском участии Ю. В. Бромлея вышли в свет коллективная монография «Современные этнические процессы в СССР», книга «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса».

Ю. В. Бромлей является директором Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, заместителем главного ученого секретаря Президиума АН СССР, заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР. Он избран почетным членом Этнографического общества Венгрии и Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии.

Член-корреспондент АН СССР Г. Ф. Ким известен как специалист по новейшей истории Кореи и современным проблемам национально-освободительного и рабочего движения в странах Азии. Им опубликовано более 150 научных трудов, среди них 8 монографий. Крупным вкладом в советское востоковедение стала его обобщающая монография «Рабочий класс Кореи — руководящая сила народно-демократической революции». Общим закономерностям социальной революции, современности и строительства социализма посвящена монография «Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока», одним из авторов которой является Г. Ф. Ким.

Ученый заведует отделом Института востоковедения АН СССР.

Автором более 180 научных работ, в том числе 13 монографий, является **член-корреспондент АН СССР В. Т. Пашуто** — специалист в области истории СССР периода феодализма, истории внешней политики России дооктябрьского периода, источниковедения и историографии. Наиболее крупные исследования ученого — «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси», «Александр Невский и борьба русского народа за независимость», «Образование Литовского государства», «Внешняя политика Древней Руси». За последнюю работу автору была присуждена премия им. Б. Д. Грекова. В названных трудах и ряде статей В. Т. Пашуто разработал комплекс теоретических и конкретно-исторических вопросов становления раннефеодальных обществ и государств, их эволюции в эпоху развитого феодализма, сравнительно-типологическую характеристику этих процессов. Ученый определил роль и значение древнерусского государства в системе международных отношений; в цикле его статей рассмотрены важнейшие методологические вопросы исторического процесса в феодальной России.

В. Т. Пашуто заведует сектором в Институте истории СССР АН СССР.

Специалистом по проблемам истории Италии и западноевропейского феодализма в целом является **член-корреспондент АН СССР В. И. Рутенбург** — автор более 160 научных работ, среди которых 8 монографий. Его перу принадлежат работы: «Народные движения в городах Италии», в которой изучены условия жизни и ранние формы борьбы предпролетариата, «Италия и Европа накануне нового времени», «Титаны Возрождения» и др.

Ученый избран членом-корреспондентом и почетным членом академического Общества отечественной истории Лигурии (Генуя, Италия) и иностранным членом академической Депутации отечественной истории Тосканы (Флоренция, Италия).

В. И. Рутенбург — старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

Член-корреспондент АН СССР С. П. Трапезников — специалист по истории СССР, истории аграрной политики КПСС, автор более 100 работ, сыгравших значительную роль в развитии историко-партийной науки; среди них — «Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях», «Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана», «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос». Исследования автора явились крупным вкладом в историографию деятельности В. И. Ленина и Коммунистической партии по разрешению аграрно-крестьянского вопроса в СССР. Ученым опубликован ряд работ, посвященных разработке и пропаганде актуальных вопросов марксизма-ленинизма, становления и развития коммунистической формации: «На крутых поворотах истории. (Из уроков борьбы за научный социализм, против ревизионистских течений)», «Общественные науки — могучий идейный потенциал коммунизма», «Интеллектуальный потенциал коммунизма» и др.

За большую и плодотворную работу в качестве главного научного редактора и члена авторского коллектива двухтомной «Истории Молдавской ССР» С. П. Трапезникову была присуждена Государственная премия Молдавской ССР.

Ученый удостоен за свои научные труды золотых медалей ряда зарубежных академий наук и университетов.

С. П. Трапезников является заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС.

Около 200 научных работ, в том числе три монографии, принадлежат перу **члена-корреспондента АН СССР З. Б. Удальцовой** — специалиста в области истории средних веков, византиноведения, славяноведения и истории поздней античности. Итогом ее многолетних исследований явились 13 глав в коллективном труде «История Византии», монография «Советское византиноведение за 50 лет» и другие работы.

Ученая является заместителем председателя Научного совета Отделения истории АН СССР по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой».

З. В. Удальцова — заведующая сектором Института всеобщей истории АН СССР.

АКАДЕМИК ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЖАВАХИШВИЛИ
(К 100-летию со дня рождения)

Выдающийся ученый и общественный деятель И. А. Джавахишвили являлся одним из лучших представителей той части грузинской передовой интеллигенции, которая внесла неоценимый вклад в развитие грузинской национальной культуры.

Иван Александрович Джавахишвили родился 11 (23) апреля 1876 в г. Тбилиси в семье педагога. В 1895 г. после окончания Тбилисской гимназии он поступает на востоковедческий факультет Петербургского университета, являвшийся в то время одним из крупных центров европейского востоковедения. Его учителями были выдающиеся ученые В. А. Жуковский, Н. И. Веселовский, С. Ф. Платонов, П. К. Коковцев, В. Р. Розен, Н. Я. Марр, А. А. Цагарели и др.

К научной деятельности И. А. Джавахишвили приступил уже в студенческие годы. В 1897 г. он закончил свой первый труд «Мудрость Балавара», опубликованный в 1899 г. в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» (т. XI).

В 1899 г. по окончании университета Джавахишвили был оставлен в университете для подготовки к профессорской деятельности. Будучи приват-доцентом Петербургского университета, он читал общие лекции, специальные курсы и проводил семинары по истории Грузии и Армении. В эти годы он ведет активную работу по созданию центра научного грузиноведения — грузинского университета в Тбилиси. Но все попытки группы молодых ученых во главе с И. А. Джавахишвили основать грузинский университет потерпели неудачу. Только после свержения самодержавия осуществилась давнишняя мечта — 26 января (8 февраля) 1918 г. в Тбилиси открылся университет. Одним из первых ректоров университета (1919—1926 гг.) был И. А. Джавахишвили. Он же организовал и возглавил кафедру истории Грузии, вел университетские курсы по истории Грузии, истории грузинского права, источниковедению и историографии, грузинской палеографии и др., составлял учебники, учебные пособия, программы и научные труды по этим дисциплинам.

И. А. Джавахишвили является создателем школы грузинских историков. Среди его учеников были впоследствии выдающиеся ученые — акад. С. Н. Джанашиа, акад. АН ГССР Н. А. Бердзенишвили и др.

В 1939 г. И. А. Джавахишвили был избран академиком АН СССР. За большие заслуги в общественной и научной деятельности в 1938 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В том же году он стал депутатом Верховного Совета Грузинской ССР и членом его Президиума. К сожалению, его деятельность на этом новом поприще протекала недолго. 18 ноября 1940 г. И. А. Джавахишвили скоропостижно скончался.

Оценивая творческий путь академика И. А. Джавахишвили, следует отметить, что в конце XIX — начале XX в., когда он приступил к научной деятельности, истории Грузии как научной дисциплины фактически не существовало. И. А. Джавахишвили поставил задачу создания научной истории Грузии и стран Ближнего Востока. Для выполнения намеченной цели необходимо было проделать большую предварительную работу, и прежде всего критически оценить письменные источники. Правда, к тому времени большая часть письменных источников по истории Грузии была уже выявлена и издана. Но критерии оценки этих источников не были научно обоснованными. В кругу любителей истории Грузии все памятники старины считались достоверными и подлинными. Необходимо было провести тщательный источниковедческий анализ письменных памятников по грузинской истории. И. А. Джавахишвили выполнил эту работу: он критически изучил и оценил основные источники и использовал их как для пополнения и обогащения истории Грузии новыми фактам, так и для критики сведений «Картлис цховреба» и других грузинских нарративных источников.

Четырехтомное исследование ученого, вышедшее в основанной им серии «Цели, источники и методы истории в прошлом и в настоящем», сыграло исключительную роль в развитии грузиноведения. Первая книга данной монографии «Древне-грузинская исто-

рическая литература» (1916 г.) посвящена критическому изучению многочисленных грузинских нарративных источников V—XVIII вв. В этой же работе автор дает обзор развития исторического мышления и периодизацию грузинской феодальной историографии. Следующие книги данной серии — «Грузинская нумизматика-метрология» (1925 г.), «Дипломатика» (1926 г.), «Палеография» (1926 г.).

С целью расширения источниковой базы истории Грузии Джавахишвили издал ряд новых исторических памятников («Новая история Грузии» Бэри Эгнаташвили, «История царя царей Тамар» Басили и др.).

Параллельно велась напряженная работа по созданию курса политической истории Грузии. Джавахишвили написал четыре тома «Истории грузинского народа» с I в. до н. э. по XVII в., во введении к которой им разработаны этнологические проблемы народов Кавказа и Ближнего Востока.

В изучении экономической истории Грузии Джавахишвили фактически не имел предшественников. Первая крупная его работа по экономической истории — «Экономическая история Грузии» увидела свет в 1907 г., а затем была переработана и издана в 1930 г. (I том) и в 1934 г. (II том).

Особое место в научном наследии Джавахишвили занимают вопросы социально-правовой истории. Этой проблеме была посвящена и его магистерская диссертация «Государственный строй древней Грузии и Армении» («Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии». СПб., 1905), значительная часть которой вошла в его капитальное исследование «История грузинского права» (I т., 1928; II т., 1 кн., 1928; 2 кн., 1929), в которой была сделана первая попытка периодизации социально-экономической истории Грузии (с I в. до XIII в.). Ряд работ ученый посвятил и крестьянскому движению в Грузии.

И. А. Джавахишвили в своих исследованиях учитывал и отражал все то прогрессивное, что постепенно утверждалось в грузинской историографии. В своих последних работах или переработанных изданиях старых работ ряд вопросов освещен им по-новому. Когда перед грузинскими историками была поставлена задача создать новый, советский марксистский учебник истории Грузии, И. А. Джавахишвили, совместно со своими учениками С. Н. Джанашиа и Н. А. Бердзенишвили, активно взялся за работу. Он не дожил до выхода в свет окончательной редакции учебника (1943 г.). Этот первый марксистский учебник истории Грузии получил высокую оценку партии и правительства, был удостоен государственной премии и заслужил признание широких кругов читателей и учащейся молодежи.

В капитальных трудах И. А. Джавахишвили «История грузинского народа» (4 тома), «Экономическая история Грузии» (2 тома), «История грузинского права» (3 книги), источниковедческих исследованиях (5 книг) и в других работах (свыше 100 опубликованных) изучены узловые проблемы древней и средневековой истории Грузии. Эти труды заложили прочный научный фундамент для развития новой грузинской историографии *.

В трудах Джавахишвили ряд вопросов требует пересмотра, коррективов; уже немало сделано в этом направлении. На основе его работ созданы и впредь будут создаваться новые исследования, новые концепции, но в грузинской историографии навсегда останется этап, связанный с именем академика Ивана Александровича Джавахишвили.

М. Д. Лордкипанидзе

---

* Библиографию работ И. А. Джавахишвили см. «Известия Института языка, истории и материальной культуры АН ГССР», тт. V—VI. Тбилиси, 1940, стр. 696—701; Д. Г. Гвритишвили. Академик Иван Джавахишвили. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.), стр. 211—220; С. Н. Джанашиа. Иван Александрович Джавахишвили. «Вестник АН СССР», 1941, № 1.

К 90-летию академика АН АрмССР
АРТАШЕСА БАЛАСИЕВИЧА КАРИНЯНА

Исполнилось 90 лет со дня рождения и 70 лет партийно-общественной, научной деятельности одного из представителей ленинской гвардии КПСС — ученика В. И. Ленина, соратника Степана Шаумяна, народного комиссара юстиции прославленной Бакинской коммуны, партийного и государственного деятеля Закавказья, академика Академии наук Армянской ССР Арташеса Баласиевича КАРИНЯНА.

А. Б. Каринян родился 24 ноября 1886 г. в пролетарском центре Закавказья — Баку. В 1910 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1907 г. А. Б. Каринян знакомится с С. Г. Шаумяном и вступает в партию большевиков. Сближение с С. Г. Шаумяном, С. С. Спандаряном, П. А. Джапаридзе, В. М. Каспаровым имело решающее значение для становления его марксистско-ленинского мировоззрения.

30 октября 1907 г. Каринян с группой студентов-кавказцев (Шалва Элиава и другие) участвует в известном собрании в Терноки, организованном Петербургским большевистским комитетом партии. Здесь он впервые встретился с В. И. Лениным. С этих пор всю свою жизнь Каринян посвятил суровой борьбе за осуществление ленинских идеалов Коммунистической партии.

А. Б. Каринян руководил рабочими пропагандистскими группами, выступал в большевистской печати («Кавказский рабочий», «Нор хоск» («Новое слово») и др.), неустанно боролся за интернациональное сплочение трудящихся. В 1913 г. за активное участие в подготовке всеобщей забастовки рабочих нефтепромышленности в Баку Каринян вместе с группой рабочих большевиков был арестован и выслан в Царицын. Он бежит из ссылки и продолжает партийную работу в Петрограде. В 1914 г. печатает в «Правде» ряд статей, рецензий, в частности, о первом сборнике пролетарских писателей, о сказках Максима Горького, о книге А. Бибика «К широкой дороге», отражающей ликвидаторские настроения, продолжает сотрудничество в журнале «Нор хоск», газете «Пайкар» («Борьба»). А. Б. Каринян принял активное участие в Февральской революции 1917 г. 3 апреля, в день возвращения Ленина из эмиграции в Россию, в числе встречавших вождя у Финляндского вокзала Петрограда был и А. Б. Каринян.

В октябре 1917 г. А. Б. Каринян направляется на работу в Баку. По предложению С. Г. Шаумяна и П. А. Джапаридзе он назначается редактором «Известий Бакинского Совета». А. Б. Каринян являлся членом Бакинского Совета и его Исполнительного комитета, а с апреля 1918 г. народным комиссаром юстиции Бакинской коммуны. В годы гражданской войны А. Б. Каринян в числе многих коммунистов Кавказа работал в Наркомнаце РСФСР, руководил партийной школой в Нарво-Петергофском районе Петрограда, был редактором ежемесячника «Коммунист» и газеты «Кармир дрош» («Красное знамя») на армянском языке, выезжал с агитационно-инструкторским поездом «Северный Кавказ» в освобождаемые от белогвардейцев Кабардино-Балкарию, Чечню, Ингушетию, Дагестан.

В 1921 г. ЦК РКП(б) направляет А. Б. Кариняна на руководящую работу в только что зародившуюся Советскую Армению. Начинается новый плодотворный период в его жизни — период борьбы за укрепление и развитие Советской власти в Армении и во всем Закавказье. А. Б. Каринян—

член ЦК КП(б) Армении, народный комиссар юстиции республики, заместитель председателя, затем председатель ЦИК ССР Армении, член Президиума ЦИК ЗСФСР и член ЦИК СССР.

В конце 1921—1922 гг. А. Б. Каринян выполняет важное партийно-государственное задание. Он выезжает за границу (в Константинополь, Нью-Йорк, Бостон, Филадельфию), где проводит большую работу по ознакомлению зарубежных трудящихся-армян с задачами Советской власти по возрождению Армении, по сплочению их вокруг своей Советской Родины.

Наряду с партийной и государственной деятельностью А. Б. Каринян неустанно занимался научной и преподавательско-воспитательной работой. Он читал лекции в вузах Тбилиси и Еревана, редактировал журналы: «Народное хозяйство Закавказья» (Тбилиси), «Нор уги» («Новый путь» — Ереван) и т. д. С 1943 г. А. Б. Каринян полностью переключается на научную работу во вновь созданной Академии наук Армянской ССР.

Представляют большую научную ценность такие труды А. Б. Кариняна, как «Сборник сочинений», в котором собраны публицистические статьи автора из армянской и русской большевистской печати,— работы 1920-х годов «Империалистическая война и Армения», «Дашнакцутюн против фактов», «Путь армянских националистов», «Закавказье в 1905 году», «Нефть и армянский вопрос», «Дашнаки и их соратники» и др. Перу А. Б. Кариняна принадлежат труды по марксистско-ленинскому литературоведению. В 1956 и 1960 гг. вышли в свет I и II тома крупного исследования— «Очерки истории армянской периодической печати». Большие заслуги имеет А. Б. Каринян и в деле подготовки научных кадров республики. Арташес Баласиевич всегда находил и находит время помочь всем, кто нуждается в его советах и помощи.

В 1956 г. А. Б. Каринян избирается академиком АН Армянской ССР, в 1960—1963 гг. был избран академиком-секретарем Отделения общественных наук АН Арм. ССР, в 1963—1965 гг.— вице-президентом АН АрмССР. В 1960—1963 гг. А. Б. Каринян являлся членом Государственного комитета по Ленинским премиям при Совете Министров СССР, в течение многих лет избирался членом ЦК КП Армении.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили революционную деятельность, общественную и научную работу А. Б. Кариняна. В связи с 50-летием революции 1905 г. А. Б. Каринян был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В связи с 80-летием со дня рождения он был удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина.

С самого начала своей революционной деятельности и по сей день Арташес Каринян отдает все свои силы, всю свою энергию делу партии и народа.

В связи с 90-летием со дня рождения и 70-летием общественно-политической и научной деятельности А. Б. Кариняну присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Академик М. Б. Храпченко
Академик АН АрмССР Ц. П. АГАЯН
С. В. Хармандарян

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ РОЩЕВСКИЙ

3 сентября 1976 г. скончался специалист по истории Сибири и Урала XVII—XX вв., доктор исторических наук профессор Тюменского государственного университета Павел Иванович Рощевский.

П. И. Рощевский родился в 1900 г. В 19 лет добровольцем вступил в Красную Армию. После демобилизации работал в г. Опочка Псковской области, где в 1925 г. стал коммунистом. Затем занимался педагогической деятельностью (директор ряда школ и техникумов г. Ленинграда и области).

В 30-е годы П. И. Рощевский учился в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), где занимался в семинарах И. М. Гревса, Е. В. Тарле, О. А. Добиаш-Рождественской. После окончания заведовал кабинетом истории и временно совмещал обязанности заместителя декана истфака ЛИФЛИ.

В годы Великой Отечественной войны П. И. Рощевский был секретарем парторганизации и политработником в полевом госпитале, затем преподавал социально-экономические дисциплины в военном училище. Осенью 1942 г. он начал работать в Тюменском пединституте; с 1946 г. возглавил кафедру истории. С 1973 г. он заведовал кафедрой истории СССР в Тюменском университете.

П. И. Рощевский — автор более ста научных работ и редактор многих книг и сборников. Он широко известен фундаментальными исследованиями по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Западной Сибири («Октябрь в Зауралье», «Гражданская война в Зауралье»). В научных трудах П. И. Рощевского использован большой историко-краеведческий материал, впервые введены в научный оборот многие важные документы.

П. И. Рощевский был ученым широкого плана. Его перу принадлежат две монографии о декабристах в ссылке и их окружении («Декабристы в тобольском изгнании», «Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский»).

При его активном участии были подготовлены «Очерки истории партийной организации Тюменской области». С 1957 г. он являлся бессменным руководителем изданий «Ученых записок» кафедры истории Тюменского пединститута. Под руководством П. И. Рощевского основано и вышло в свет несколько выпусков «Ежегодника Тюменского областного краеведческого музея». Более 30 лет П. И. Рощевский посвятил подготовке к печати материалов партийного и государственного архивов Тюменской области («Путеводитель по государственным архивам Тюменской области», сборники документов «Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии»). Он активно сотрудничал в издании сборников документов «Революционное движение в Тобольской губернии в 1905—1914 гг.», хрестоматии по истории Тюменской области «Наш край».

Многогранность интересов, тщательность в подборе и анализе документов, широта научных изысканий, преданность науке, партийная принципиальность, неутомимый труд были характерны для творческой деятельности П. И. Рощевского.

Научную деятельность П. И. Рощевский постоянно сочетал с большой педагогической работой. Под его руководством студенты вели значительную исследовательскую работу. Более 30 учеников П. И. Рощевского защитили кандидатские и докторские диссертации.

Проф. П. И. Рощевский принимал активное участие в общественной жизни. Его неоднократно избирали членом партийного бюро и депутатом Тюменского городского Совета. Он являлся членом научных советов архивного отдела облисполкома и областного краеведческого музея, членом Президиума областного Совета Общества охраны памятников истории и культуры.

За успешную педагогическую и научную работу П. И. Рощевский награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

Многолетняя продуктивная научная и педагогическая деятельность в вузе, оригинальные труды профессора П. И. Рощевского выдвинули его в число известных историков-сибиреведов.

И. А. Александров,
ректор Тюменского государственного университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абезгауз Зиновий Ефимович — старший научный сотрудник Института истории АН БССР, кандидат исторических наук, автор книги «Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX в.».

Волков Михаил Яковлевич — старший научный сотрудник Института истории АН СССР, кандидат исторических наук, занимается социально-экономической и политической историей России XVII—XVIII вв. Автор ряда статей по этим проблемам.

Гимпельсон Ефим Григорьевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, специалист в области Октябрьской революции и гражданской войны. Автор монографий: «Военный коммунизм: политика, практика, идеология», «Советский рабочий класс 1918—1920 гг.» и др.

Санцевич Анатолий Васильевич — старший научный сотрудник Института истории АН УССР, специализируется в области историографии Украины советского периода. Автор ряда книг и статей по этой проблематике.

Сумбатзаде Али Сумбатович — академик-секретарь Отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР. Автор ряда монографий по истории Азербайджана.

Тетюшев Владимир Ильич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС исторического факультета МГУ, специализируется в области зарубежной историографии истории СССР. Автор ряда работ по данной проблематике.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

К 60-летию Великого Октября

Е. Г. Гимпельсон — Рабочий класс в управлении промышленностью в первые годы Советской власти (ноябрь 1917—1920 г.) . . 3
З. Е. Абезгауз (Минск) — Пролетариат Белоруссии накануне Великого Октября 17

П. Г. Рындзюнский — Российское самодержавие и его классовые основы (1861—1904 гг.) 34
М. Я. Волков — Об отмене местничества в России 53

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

А. В. Санцевич (Киев) — Изучение проблем развитого социализма на материалах Украинской ССР 68
Акад. АН АзербССР **А. С. Сумбатзаде** (Баку) — Об изучении истории развитого социализма на материалах Азербайджанской ССР 81

Сообщения и заметки

Из истории советских пятилеток

Н. В. Корольков (г. Владимир) — Комбайн в колхозной деревне 30-х годов: освоение, социальные последствия 95
В. А. Куманев — Движение за агрономические знания в деревне в условиях сплошной коллективизации 105

И. Э. Клейненберг (г. Ярославль) — Серебро вместо соли. Элементы раннего меркантилизма во внешнеторговой политике Русского государства конца XV — начала XVI века 115
А. Л. Хорошкевич — Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV — XV веков 125

Критика и библиография

Г. Я. Тарле — Новые книги об интернациональных связях трудящихся Страны Советов в 1917—1928 годах 141

Рецензии

И. З. Захаров (Ленинград) — П. К. Кузнецов. Культурная революция в Удмуртской АССР (1917—1958 гг.) 151
М. И. Бобичев (Кишинев), **М. А. Вылцан** — Б. К. Визер. Развитие сельского хозяйства Молдавской ССР (1951—1970 гг.) . . . 152
Д. Л. Златопольский — В. А. Круталевич. Рождение Белорусской Советской Республики (на пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 — декабрь 1918 г.) 155
А. В. Адо — А. З. Манфред. Образование франко-русского Союза . 158
Г. А. Веселая — А. В. Ушаков. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895—1904 161
В. Д. Королюк — М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая четверть XVIII в. 164
С. Н. Азбелев (Ленинград) — В. И. Буганов. Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы . 168

История СССР за рубежом

В. И. Тетюшев — Буржуазная историография о методах и источниках осуществления индустриализации в СССР 170
По страницам исторических журналов стран социализма . . . 184

Памятники отечественной истории

Л. М. Бабаева — Из истории национализации московских частных художественных собраний в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.) 186

Научная жизнь

В Институте истории СССР

Чл.-корр. АН СССР **Ю. А. Поляков, В. П. Дмитренко** — Исследование комплексных проблем истории советского общества . . 194
Л. Г. Бескровный, Я. Е. Водарский — Важнейшая задача — создание академического атласа истории СССР 199
О. В. Орлик, Г. А. Санин — Разработка проблем истории внешней политики России 202

Новое пополнение Академии наук СССР 206
М. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси) — Академик Иван Александрович Джавахишвили (к 100-летию со дня рождения) 208

Акад. **М. Б. Храпченко**, акад. АН АрмССР **Ц. П. Агаян, С. В. Харматдарян** — К 90-летию академика АН АрмССР Арташеса Баласиевича Карняна 210

П. И. Рощевский 212

Сведения об авторах 213

CONTENTS

Articles

Towards the 60th Anniversary of Great October
Ye. G. Gimpelson.— The Working Class in Industrial Management in the Initial Years of Soviet Power (November 1917—1920) . 3
Z. Ye. Abezgauz (Minsk) — Belorussian Proletariat on the Eve of the Great October Socialist Revolution 17

P. G. Ryndziunsky — Russian Autocracy and Its Class Base (1861—1904) 34
M. Ya. Volkov — The Abrogation of mestnichestva in Russia . . . 53

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Study

A. V. Santsevich (Kiev) — Study of the Problems of Developed Socialism on the Data of the Ukrainian SSR 68
Acad. of the Azerbaijan SSR Academy of Sciences **A. S. Sumbatzade** (Baku) — Study of the History of Developed Socialism on the Data of the Azerbaijan SSR 81

Communications and Notes

From the History of Soviet Five-Year-Plans

N. V. Korolkov (Vladimir) — The Combine in the Kolkhoz Village in the 30's: Employment and Social Consequences 95
V. A. Kumanev — Movement for Agronomical Knowledge in the Village During All-Round Collectivization 105

I. E. Kleinenberg (Yaroslavl) — Silver Instead Salt (elements of early mercantilism in Russian foreign trade in the late 15th — early 16th century) 115
A. L. Khoroshkevich — Credit in Russian Domestic and Russian — Hanseian Trade in the 14th and 15th Centuries 125

Book Reviews and Bibliography

G. Ya. Tarle — New Books on International Contacts of Soviet Working People in the 1917—1928 141

Book Reviews

I. Z. Zakharov (Leningrad) — P. K. Kuznetsov. Cultural Revolution in the Udmurt Village (1917—1958) 151
M. I. Bobichev (Kishinev), M. A. Vyltsan — B. K. Vizer. The Development of Agriculture in the Moldavian SSR (1951—1970) 152
D. L. Zlatopolsky — V. A. Krutalevich. The Birth of the Belorussian Soviet Republic (on the road to the proclamation of the republic, October 1917 — November 1918) 155
A. V. Ado — A. Z. Manfred. Formation of the French—Russian Alliance 158
G. A. Veselaya — A. V. Ushakov. Revolutionary Movement of the Democratic Intelligentsia in Russia, 1895—1904 161
V. D. Korolyuk — M. A. Alpatov. Russian Historical Thought and Western Europe. 15th Century — First Quarter of the 18th Century 164
S. N. Azbelev (Leningrad) — V. I. Buganov. Russian and Soviet Historiography of the Russian Chronicles 168

History of the USSR in Foreign Studies

V. I. Tetyushev — Bourgeois Historiography on Sources and Methods of Industrialization in the USSR 170
Through the Pages of Historical Periodicals in Socialist Countries . . 184

Monuments of Our History

L. M. Babaeva — From the History of the Nationalization of the Moscow Private Collections of Arts in the First Years of Soviet Power 186

Academic Life

At the Institute of History of the USSR

Yu. A. Polyakov, V. P. Dmitrenko — Study of Complex Problems of the History of Soviet Society 194
L. G. Beskrovny, Ya. Ye. Vodarsky — Preparation of an Academic Atlas on the History of the USSR: A Most Important Task 199
O. V. Orlik, G. A. Sanin — Working Out Problems of History of Russian Foreign Policy 202
The New Members of the Academy of Sciences of the USSR . . . 206
M. D. Lordkipanidze (Tbilisi) — Akademician I. A. Dzhavakhishvili (100th birthday anniversary) 208

M. B. Khrapchenko, Acad. of the Armenian SSR Academy of Sciences Ts. P. Agayan, Acad. S. V. Kharmandaryan — 90th Birthday Anniversary of Academician of the Armenian SSR Academy of Sciences A. B. Karinyan 210
P. I. Roshchevsky 212
Information about the Authors 213

Технический редактор *Т. И. Сироткина*

Сдано в набор 6/XII-1976 г. Т-03227 Подписано к печати 7/II-1977 г. Тираж 10 000
Зак. 4386 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,9 Бум. л. 6¾ Уч.-изд. л. 20,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Статьи	**Проблемы истории советского крестьянства** **Революционное настроение масс в преддверии Октября** **Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции**
Историография, источниковедение, методы исторического исследования	**Массовые источники о крестьянском движении 1917 года и статистический метод их изучения**
Сообщения и заметки	**Бессмертие подвига (О героях Великой Отечественной войны)** **К истории Закавказского транзита**
История СССР за рубежом	**Об изучении советской историографии рабочего класса СССР историками ГДР** **Новые работы западных советологов о социально-политическом развитии СССР**
Памятники отечественной истории	**Памятники. Имена. Традиции**

Публикуются также различные материалы под рубриками: «Критика и библиография» и «Научная жизнь».